

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Э. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

Юбилей

Народный журнал 3

Проза

Альберт ЛИХАНОВ
Оглянись на повороте,
или Хроника забытого времени
Роман в повестях 19

Роман СЕНЧИН
Проблема. Рассказы 95

Юрий ЛУНИН
Через кладбище. Рассказ 108

Олег СОЧАЛИН
Ледяной дождь. Рассказы 123

Алёна БЕЛОУСЕНКО
Куколка.. Рассказ 140

Дмитрий РОМАНОВ
Другая Русь. Рассказы 152

Поэзия

Глеб ГОРБОВСКИЙ
Всё сущее — от Неба 15

Диана КАН
Люби меня, как я тебя 91

Андрей ТАРХАНОВ
Огневой листопад 106

Мария ЗНОБИЩЕВА
Я только хотела сказать,
что ты будешь всегда... 116

Александр ВАВИЛОВ
Разбивая голос о Иордан 120

Кристина КАРМАЛИТА
Не оставляй меня одну 134

Карина СЕЙДАМЕТОВА
Что нам на жизнь
нашу сетовать 137

Антон МЕТЕЛЬКОВ
В стране невымерших
бабушек 147

Иван ВОЛОСЮК
Нестолычное время 149

Екатерина ЯКОВЛЕВА
Дай мне целое 165

Поэтическая мозаика 167

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

А. Ю. Сегень —
ред. отдела прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Обзор и публицистика

- Платон БЕСЕДИН
Крым: от Русской идеи
к Русской мечте 170
- Георгий ЦАГОЛОВ
Великий Юнус и пороки
капитализма 204
- Андрей ФУРСОВ
Мир будущего.
Беседы с историком 214
- Игорь ЯНИН
Неудобно без портов 253

Критика

- Андрей ТИМОФЕЕВ
“Новые традиционалисты”
как будущее русской
литературы 184

Слово читателя

- Планета под именем
“Наш современник” 228

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 06.10.2016. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказа № 2598-2016. Тираж 5400 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

*Геннадий ЗЮГАНОВ
Председатель ЦК КПРФ
Руководитель фракции КПРФ
в ГД ФС РФ*

УРОК ГРАЖДАНСКОЙ ОТВАГИ

60-летний юбилей любимого журнала приходится, может быть, на самое трудное время его творческого стояния. Но именно сегодня “Наш современник” — первый в большом и многострадальном культурном пространстве — являет нам беспримерный урок гражданской отваги, преданности традиции Пушкина и Некрасова.

За плечами журнала — незабываемые годы расцвета ярких литературных талантов, плодотворного и полезного государственного сотрудничества.

Проза Юрия Бондарева и Василия Белова, Юрия Казакова и Валентина Распутина, Виктора Астафьева и Василия Шукшина, Владимира Личутина и Владимира Крупина не только соответствовала духу и художественной высоте русской классики, но всегда была на острие народных и социальных запросов.

Возвышенная поэзия Сергея Видулова, Ольги Фокиной, Юрия Кузнецова, Глеба Горбовского, Светланы Сырневой — подлинные вершины современной русской поэзии.

А высокохудожественная и остро гражданственная критика и публицистика Вадима Кожинова, Юрия Селезнёва, Владимира Бушина, Александра Казинцева, Захара Прилепина — правдивая и талантливая летопись новой русской истории.

С благодарностью хотел бы отметить и то гостеприимство журнала, с которым он предоставлял свои страницы для мужественных и честных российских политиков.

“Наш современник” по праву считался и считается поистине народным журналом, другом и наставником русских учителей, одушиной для многочисленных читателей российской глубинки. И, наконец, самым “зачитанным” — в высшем смысле этого слова — литературно-художественным журналом российских библиотек.

Именно “Нашему современнику” удавался самый трудный из всех жанров — форма народного диалога. Здесь обсуждались важнейшие, судьбоносные события и решения, происходящие в XX и уже XXI веке в России — от злонамеренной программы поворота северных и сибирских рек до референдума о сохранении СССР.

Трудно переоценить заслуги нынешнего главного редактора журнала — выдающегося писателя современности Станислава Юрьевича Куняева. Его роль в развитии современной литературы на сломе двух эпох — это роль настоящего литературного маршала в период национально-духовных битв и побед.

Кому-то очень хотелось, чтобы “Наш современник” – этот литературный град Китеж – безвозвратно ушёл под воду, скрывая все богатства русской мысли и таланта. Ведь именно на его страницах нашла свои очертания коллективно выстраданная национальная идея.

“Наш современник” выстоял! Он по праву строго и величественно возвышается над русскими долами и весями, внушая солидарную надежду на лучшие времена.

Сколько себя помню, начиная с комсомольской работы до сегодняшнего дня, “Наш современник” – всегда на моём рабочем столе. Нашей человеческой дружбе и творческому сотрудничеству уже много лет. Будем же стоять вместе и впредь!

Многолетия лучшему журналу России!

.....

Сергей ГЛАЗЬЕВ
академик РАН

НЕ КРИВЯ ДУШОЙ

Уважаемый Станислав Юрьевич, редакционная коллегия, авторы замечательного “Нашего современника”!

Жить и здравствовать! Поражать и удивлять – смелыми публикациями и литературными открытиями! Держать руку на пульсе современности, оставаясь подлинно “Нашим современником”, из гущи событий извлекать только главное, системное, важное для укрепления и развития России!

Вам всегда удавалось тонко подмечать черты времени, реагировать на его вызовы – хлестко и обоснованно, не лукавя и не кривя душой. Потому что с самого первого дня своего основания авторский коллектив издания, редакционную коллегия отличало чувство небезразличности к состоянию общества, жизни и судьбе отдельного человека. Человека дела и профессии: землепашца, металлурга, инженера-проектировщика, мастера художественного слова.

Подобно скульптору, лелеющему каждую деталь своего изваяния, порой идя на риск и переосмысливая его предназначение, вы годами оттачивали фирменный стиль журнала, привносили что-то новое, давали волю фантазии и эксперименту, но неизменно с трепетом относились к его величеству “русскому слову”. За это Вам низкий поклон!

Станиславу Юрьевичу Куняеву удалось сохранить добрые традиции “Нашего современника”, преумножить их, насытив журнал злободневной прозой и публицистикой, которая отозвалась в душах и умах тысяч и миллионов читателей, позволила им расширить горизонты понимания нынешнего состояния дел в Отечестве. Кроме щедро даруемой журналом пищи для размышлений и анализа он был, есть и, уверен, останется неиссякаемым источником вдохновения, света, чистоты и художественно-эстетического воспитания подрастающего поколения.

Удач, здоровья, любви и терпения Вам, дорогие друзья и соратники!

.....

Валерий ГАНИЧЕВ
Председатель Союза писателей России

ТВОРЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

Наша Родина велика и необозрима. Да, это её просторы (поля, луга, леса, реки, горы). Это её Вера, дух и культура. И это её народ, люди, живущие в мегаполисах и небольших деревушках. И это устремление в глубины земли и мысли, в небесную и духовную высь.

Наших оппонентов, а вообще-то – врагов, всегда пугали её величина, безмерность и самосознание народа, как писал Ф. И. Тютчев. Со всех сторон света они пытались отщипнуть, отхватить кусочки России. Иногда получалось, но, как великий Прометей, она каждый раз оставалась, а то и прирас-

тала. Но постепенно противники осознали, что главное — самосознание народа, его Вера в Родину. Для того чтобы их подорвать, надо было действовать изнутри страны. Это стало для них главной целью.

Для Отечества очень важно было иметь свой голос, свою речь, свою литературу, свою мысль, ибо именно слово извлекало и представляло людям знакомые, главные, важные, вековечные черты нашей Родины.

И в этом смысле дух и облик, слово и мысль журнала “Наш современник” неоценимы. Его слово проявляет, обозначает смысл происходящего, смысл последних десятилетий. Я не говорю о его литературной сути — истинно народная проза, высокая поэзия, блистательная публицистика и критика. Я хочу сказать о великой роли в общественной и гражданской жизни, которую играет журнал.

Откуда-то из глубин веков, от мудрых предков и трепетных душ наших людей он извлекает живительную струю, ту живую воду, что излечивает и поднимает наших людей, как в своё время сказочных богатырей. Да, “Наш современник” по праву может быть назван журналом нашей Родины.

В те годы, когда десятки и сотни лжепророков и предсказателей, а также деятели власти опускали народ в глубины невежества и неверия, журнал “Наш современник” будил духовную культуру и просвещённое мужество в людях. Он не давал поверить нашим людям в то, что русский народ — удобряние для других культур. Он будил жизненную духовно-творческую энергию, которая должна быть просветлённой.

Выступая в больших и малых аудиториях, я всегда говорю: “У нашей литературы есть стратегический журнал “Наш современник”. Вот он — ваш журнал”.

.....

Александр ПРОХАНОВ

ЖУРНАЛ РУССКОГО НАРОДА

Журнал “Наш современник” отмечает свой замечательный юбилей. Это литературный журнал русского народа. Но это и мой журнал — мой личный журнал. Потому что все самые значительные мои труды, романы, написанные мною на протяжении последних 35 лет, я публиковал в “Нашем современнике”. Через этот журнал я не просто общался с читателями, предлагая им свои романы о моих военных походах в Чечню, в Сирию или на Ближний Восток. Или же романы, где я описывал последние годы моего советского государства, Чернобыльскую аварию. Или нынешние романы, где я исследую мучительное возвращение нового государства российского. Нет, не только общался я с моими драгоценными читателями, но и со всей русской литературой, в которую вошёл не просто, не быстро: через конфликты, через одоление этих конфликтов.

В журнале “Наш современник” я общался с Распутиным и Беловым, Астафьевым и Носовым, Бондаревым и Быковым. Мне очень дорого, что именно этот журнал соединил нас в своих потоках и мой ручей слился с огромной рекой русской словесности. Вот и мой новый роман “Востоковед” увидел свет на страницах “Современника”. Будет ли мне дано вновь появиться на пороге этого чудесного журнала?

И теперь, празднуя вместе с моими собратьями юбилей “Современника”, я вижу, как он окружён сиянием. Сиянием, которое для молодых писателей является утренней зарёй, а для меня, прожившего свой век, зарёй вечерней. Я вспоминаю удивительное, одно из последних стихотворений Александра Блока:

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

Я кланяюсь тебе, мой дорогой “Наш современник”.

.....

ВСЕГДА СОВРЕМЕННОК

Мне не раз приходила в голову мысль, почему “Наш современник” не просто “Современник”? Ведь какой предтеча в прошлом, какое имя во главе: сам Пушкин! Жуковский! Некрасов! Не легче бы оказаться продолжателем исторического начала, не проще ли опереться на славу и отыскания славных предтеч? Но в советское время журнал явился с названием не вполне историческим, прибавив в заголовок местоимение “наш”, что вероятно слегка, с одной стороны, приземляло его задачи, приближало его к социалистической данности, с другой, подчёркивало его “рзсэфэсээрвовское” происхождение, потому как создан он был решением Совета Министров РСФСР, в подобие литературным журналам иных союзных республик. В подобие, замечу, запоздалое, ибо, почитай, во всех иных союзных республиках толстые литературные журналы на родных языках существовали уже давным-давно. И вот российскому Союзу писателей “дали” свой, республиканского значения, журнал на родном, то бишь русском, наречии.

Может, думаю, в ходе утверждения именно русскости этого журнала и возникла прибавка “Наш”? Ведь русский язык был государственным языком всего СССР, не отрицая суверенности языков иных республик, “толстяки”, издаваемые в столице, все были русскоязычными и союзными, и ещё один журнал на русском должен был как-то отделяться от союзного “клина”. И вот он стал “наш”, вовсе не полагая, что в логическом умопостроении, сразу рождает антитезу: а что, есть и “не наш”?

Полагаю: а что тогда это не приходило в голову с политическим подтекстом. А сейчас... “Наш” и “не наш” стали метками прямых разделений едва ли не на все случаи жизни — от самых что ни на есть бытовых до политических. Не волен от них и мир журнальный, литературский, к сожалению. Единого, пусть и конфликтующего, мира литературы не осталось, непримиримость прёт со всех сторон и объективность не блюдётся. Редко увидишь признание одной стороной события или успеха, достигнутого другой. Не только литсообщество, но и остальной мир, а точнее-то, остальной быт сваливается в клубок противоречий, где все против всех. И не слышно гласа умиротворения. Впрочем, так, наверное, бывает всегда, когда власть отходит от дел, наивно предоставляя право боёв без правил всем и во всём. Судьи, я подразумеваю, спортивного, нет и свистка о нарушении правил не слышно. Тем паче, Конституция прописала себе отказ от идеологии.

Куда и как двигаться, скажем, журналу в мире, “где правды нет”? И где, похоже, от неё отказались вовсе, потому что молчат? А говорят те, кому бы лучше помолчать? “Говорение” вообще стало престижным ремеслом, загнав в тенёта “думание” и научную, желательную, прогностику. Ибо уберечь страну и народ от неведомых нам расчётов можно только с помощью расчётов своих. А не бесконечного трёпа с утра до вечера.

Имеет ли отношение всё сказанное к “НАШЕМУ современнику”, который отмечает своё аж 60-летие?

Ещё какое! Я помню блестящую публицистику Ивана Васильева о состоянии деревни советской поры — сколько неравнодушной правды, сострадания, боли! Читали ли власть имущие? Не только читали, дали высшую награду — Ленинскую премию. А всенародный Шукшин? А целый мир Бондарева? А все главные вещи Астафьева? А Пикуль, сотрясший ЦК и его округу? А Валентин Распутин? А Василий Белов?

В нынешнюю смуту восхищаюсь публицистикой журнала, которая дала повод осмыслить все, почитай, наши переломы, разобраться в нечистотах грязных помыслов, но, кажется, так и не была востребована к государственному решению. Право слово, иногда кажется, что там, на так называемом верху, ничего не читают! Похоже, там признано, что читать вообще вредно, если это не иностранщина, пусть и дурного достоинства, и что отечественная публицистика, равно как и проза, и поэзия это вроде ковриков у порога, о которые вытирают ноги, а не мыслящий инструмент, формирующий человеческое в человеке и выражающий народное мнение.

Особые слова чести о нынешнем главном редакторе Станиславе Куняеве. Человек высочайших знаний, литературной и духовной эрудиции, перво-

классный поэт, он принёс себя в жертву Правде, опубликовав на протяжении немалых лет истинно духовную ограду русскости. Циклы его статей давно стали новой хрестоматией для тех, кто ищет себя и мечтает вырваться за пределы лжи и подставок, обучающих мышлению – трафаретному, истинам – общепринятым, страстям – набившим оскомину.

60-летие “Нашего современника” теперь даёт внятный ответ на загадку тогда сильной страны – почему “наш”? Да потому что “не наше” таилось среди нас, бродило, шипело и лопалось. То же самое оно творит и сейчас, напялив на себя нынче маску победителя.

Эту терминологию – наш, не наш – разумеется, придумали не те, кто затевал “Наш современник” шесть десятилетий назад. Вообще-то это терминология лётчиков. Кажется, лётчиков истребителей. И применяется как с одной, так и с другой стороны. Так что удач тебе, наш боевой ястребок “Наш современник”. И удач тебе во встречах боях, где запрос “наш – не наш” не терпит ошибок.

.....

Сергей ЕСИН

ВСЕГДА – БЫЛ “ПРОТИВ”

Это я о “Нашем современнике” – журнале русской интеллигенции и русского читающего народа. Против кого, разберемся чуть позже. Но для того чтобы протестовать, надо всегда иметь программу “за”. Я думаю, она у журнала была со дня его основания: это дом, семья, неспешная жизнь, те простые человеческие заповеди существования, которые обычно называют библейскими. Чти отца своего, не становись Павликом Морозовым. Не укради, даже если это “социалистическая собственность”. Журнал часто вспоминал о том жарком поте, который всегда связан с обычной физической работой. Я даже думаю, что он всегда помнил и требовал не забывать, что весь рабочий класс вышел у нас из трудового крестьянства. Сейчас, правда, модно в своей родословной отыскивать дворянские или купеческие корни, и многие из нас живут с иллюзией своего особого происхождения. Но вот я, покопавшись в своей родословной, выяснил: никаких надежд, одни крестьяне. В этом отношении журнал всегда ориентировался на тех, кто в душе ощущал себя строителем и работником. И не собственной дачи на подмосковных лугах. Здесь уместно сказать и о той невероятной общности близких по мировоззрению людей, которых мы называем народом, народом Отечества, единомышленниками. Разве всего этого не было в программе “за”? Хорошо сказала в свое время Цветаева: “Чтобы была жизнь, а не Ярём”. Ярём, как известно, бывает и капиталистический и партийный.

Что касается “против”, здесь всё ещё проще и очевиднее. Когда Виктор Петрович Астафьев печатал в “Современнике” “Царь-рыбу”, против чего он протестовал? Что он там говорил о природе, об “охране окружающей среды”, о положении человека?

Когда Валентин Григорьевич Распутин печатал в “Современнике” свою повесть “Прощание с Матёрой”, против чего он протестовал? А я даже помню, что писатель Сергей Павлович Залыгин уверял, что достаточно скоро возникнет вопрос о сносе огромных гидростанций на наших глянцевых реках – землякормилица дороже. А что там было ещё об уничтожении деревень, отчего мы страдаем до сих пор? Бедные русские поселяне, за которых стоял великий писатель!

В самом начале перестройки и я написал маленькую повесть “Стоящая в дверях”, напечатанную в “Современнике”. Там ведь не только о запыленной полунинтеллигенции, так хорошо срежиссированной развал великой страны, но и кое-что о смуглых гостях, устанавливавших свои правила в столице. Наш крупнейший и старейший критик Михаил Лобанов как-то написал, что здесь я как открыватель тенденции был первым. Здесь ведь тоже не обошлось без протеста. Но о себе я к слову. Я всегда “за” любые, но выверенные перемены.

Собственно, дальше надо бы начать поздравлять журнал с юбилеем и говорить праздничные слова. Но тут я вспомнил, что в наших финансовых вер-

хах, которые якобы хорошо и успешно балансируют с бюджетом, опять заговорили об экономии за счет средств массовой информации и прессы. Ну, своё телевидение смотрите сами, мы давно смотрим только новостные программы, выцарапывая оттуда фрагменты подлинности и правды, но есть ведь ещё бедствующие газеты-районки, есть ещё “толстые” журналы, которые всегда были достоянием российской культуры. Экономим здесь? На живом? Есть ещё журнал “Современник”, “протесты” которого всегда оказывались проризанием. Не срамитесь, дайте денег. Цивилизация зиждется на культуре, а общество на справедливом протесте.

.....

Владимир КРУПИН

ВЫЗЫВАЯ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Нечисть в нравственном пространстве России имеет всё: деньги, тиражи, поддержку мирового правительства. Она уверена, что навсегда захватила Россию в 93-м. Жваноиды экрана, развратники аншлагов и петросянов, стареющие хохмачи квн, синичный полечудесник, обзывающий учительниц училками, молодящиеся вродни давай-поженимся, дрозды и пересмешники всяких шоу осыпают Россию перхотью бесовщины. И такое ощущение создают, что жить в России невозможно, она – агрессор, она во всём виновата, а не заокеанский хам, рождённый беглой европейской шпаной.

А что в литературе? Что может быть, если русская школа убита, два поколения неграмотны, школьники не писали сочинений по литературе двадцать пять лет.

Но великое чудо – есть современная русская литература! И это, во многом и в основном благодаря нашему “Нашему современнику”. Журнал можно уподобить кораблю, который раскачивают штормовые ветры, или осаждаемой крепости. Но корабль подаёт не сигналы бедствия, а призывы к сопротивлению, и из крепости во все концы летят спасительные вести: Россия жива, живёт и будет жить!

Очень мне противны жалкие либеральные писаки. Они думают, что литературой правят издания, премии, что можно “раскрутить” имя. И что? Сколько было “раскрученных”, и где они? Нет, милые, русской литературой правит любовь к России. И только! Не любишь Россию? Будьешь забыт.

Вызывая огонь на себя, с открытым забралом свершает свою миссию журнал. И – загадка для исследователей – “Наш современник” молодеет.

Ну, а мне-то как радостно поздравить любимый журнал! Ведь страшно, нет, приятно сказать – печатаюсь в нём сорок четыре года. И хоть бы что!

С земным поклоном капитану корабля и его команде.

.....

Виктор ЛИХОНОСОВ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ

“Наш современник” – выдающийся почвенный русский журнал, преображенный С. В. Викуловым из альманаха “Современник”. В этом альманахе в году, кажется, 1960-м случилась публикация чудесного рассказа Бунина “Таня”, который я вырезал и подшил в фолиант других художественных редкостей и перечитываю в этом виде по сей день. Впечатлительный студент (кем я был тогда) подумать не смел, что с 1969 года он будет печатать в этом журнале свои рассказы. Началось всё с публикации рассказа “Люблю тебя светло”, вызвавшего хитрую брань в партийной печати – главным образом потому, что не нравились будущим передовикам демократии мои русские мотивы. Так же были приняты “Осень в Тамани” и “Элегия”. За “Осень...” я спустя 32 (!) года получил только что учрежденную премию “Ясная Поляна” им. Л. Толстого, а “Элегию” почтил похвалой композитор Г. В. Свиридов. А сколько было в некоторых углах усилий смять русское умиление прошлым!

Меня причислили к племени... юродствующих. Сама народная русская позиция "Нашего современника" рождала у подобной литературной публики (довольно влиятельной в официальных кругах) еле скрываемое отвращение и боязнь. Как только напишешь с ласковым чувством "Русь", "Россия", так тебе напомнят, что "государство-то было царистское", классовое. Не русофильство даже, а обычный поклон родному, вековому принимался с подозрением: не шовинист ли? Так ведь и сейчас. Ничего не переменялось.

"Нашему современнику" всегда было и будет тяжело. Жалею я, что роман мой о Екатеринодаре "Наш маленький Париж" С. В. Викулов печатать не взялся, хотя потом при вручении за него Государственной премии России тепло поздравил меня. Смutilа его, наверно, "белогвардейская мелодия" всего романа, отрицательную черту подвел и профессор Аполлон Кузмин, писавший на роман внутреннюю рецензию. Мало, к сожалению, было в то время в русском патриотическом кругу сочувствия тем, кто навсегда пересек родную границу и почил в изгнании. Русская скорбь наша и нынче весьма избирательна.

Журналу посчастливилось: он перешел в руки С. Ю. Куняева, который ни на шаг не отступил от заложенной в его недрах ещё С. В. Викуловым упорной русской народной линии.

.....

Сергей ШАРГУНОВ

ГОЛОС В ГРОЗУ

Перечитываю подшивку "Нашего современника" с произведениями, выходящими ещё до моего рождения, наслаждаясь Василием Шукшиным и Юрием Казаковым...

"Наш современник" — из номера в номер — я читаю с девяти лет, с 1989-го. Он постоянно был дома в те годы, во время слома огромной страны. Не случайно именно тогда так взлетел тираж журнала, который стал средоточием национальных сил, штабом патриотической интеллигенции.

Между беспомощно увядавшим официозом и нахрапистыми нигилистами, штурмовавшими власть и собственность, возникли те, кто наперекор пьяной буре истории твердил о возможности обновления и возрождения на других принципах. Сохранить государственную статью, не порочить прошлое, но от неубедительного догматизма перейти к живому и родному.

Журнал открывал пространство для многообразной русской мысли, неподцензурной, до того запретной литературы и публицистики, одновременно пророчески предупреждая, в какую кабалу хотят ввергнуть народ его мнимые освободители.

Великая страна переживала вторую за XX век потерю своей государственности, русское выступление случилось как всегда слишком рано и одновременно запоздало, а силы были слишком не равны...

Счастлив, что с юных лет приобщен к нашей среде. "Наш современник" новейшей истории — это Валентин Распутин и Юрий Кузнецов... Все эти годы мысль, образ, слово в журнале сочетались с ощущением судьбоносности происходящего — Беловежье, осень 93-го, Приднестровье, Сербия, Крым, Донбасс... Публикации последних десятилетий — Вадима Кожинова, Александра Панарина, Ксении Мяло и многих других — такая же классика, как тексты славянофилов и трагические прозрения их последователей вплоть до революции и гражданской войны.

Отрадно печататься в журнале и быть его подписчиком, и видеть рядом на страницах литераторов моего поколения — Захара Прилепина и Романа Сенчина.

Каждый месяц по всей стране в библиотеках и университетах встречаю верных читателей "Нашего современника". Для них он, как свет в окошке, среди мглы, которая вновь сгущается кругом под угрожающий вой исторического ветра.

Крепитесь, спасибо, поздравляю!

.....

“НАШ СОВРЕМЕННОК” – ЖУРНАЛ ОБЩЕГО ДЕЛА

Современную русскую литературу невозможно воспринимать в отрыве от журнала “Наш современник”, отмечающего 60-летний юбилей. Не отыскать сколько-нибудь известного и талантливого русского писателя, так или иначе, не связанного (в разные периоды своей творческой биографии) с этим замечательным журналом. Леонид Леонов, Валентин Распутин, Василий Белов, Василий Шукшин, Юрий Бондарев, Юрий Кузнецов, Николай Рубцов, Анатолий Ланщиков, Михаил Лобанов, Юрий Селезнёв, Валентин Пикуль – одних этих имён достаточно, чтобы обессмертить имя журнала. Но за ними – сотни других имён, тоже немало сделавших в отечественной литературе. Сегодня на страницах “Нашего современника” активно публикуются молодые прозаики и поэты. Это гарантия того, что у журнала будет долгая и, надеюсь, счастливая жизнь.

Лучшие критики, философы, публицисты не просто выступают в “Нашем современнике” с тематическими статьями, но предлагают обществу свои сценарии выхода страны из вечного кризиса. Из номера в номер авторы журнала доказывают, что русский народ не может полноценно существовать, если у него нет **ОБЩЕГО ДЕЛА**, и если он не видит за горизонтом собственного существования **ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ**, сообщающей **СМЫСЛ** его **ЖИЗНИ**.

В иные моменты своей истории “Наш современник” самостоятельно задавал направление литературного процесса в стране, причём почти всегда не в ту сторону, куда хотелось власти. Издание часто подвергалось в прежние годы различным “проработкам”, душилось “оргвыводами”. Сегодня с не меньшим успехом журнал душат реалии “рыночной” экономики и отсутствие государственной политики в идеологии и культуре.

И это при том, что каждым своим номером журнал свидетельствует, что русская литература жива, развивается, ищет ответы на “проклятые” вопросы действительности. “Наш современник” – это не “заповедник” почвенников и “махровых” патриотов, как представляет властям предрежащим журнал идеологическая служба. Это – лаборатория русской культуры и словесности во всей её трагической красоте, противоречивости и вечном поиске истины.

Трудно переоценить роль “Нашего современника” для русской провинции. Здесь журнал ждут, как глотка чистого воздуха, здесь “далеко от Москвы” “Наш современник” формирует и растит серьёзного и думающего читателя, о котором мечтают современные писатели.

Журнал, как и прочие российские “толстые” литературные ежемесячники, переживает сегодня трудные времена. Поздравляя сотрудников и авторов “Нашего современника” с юбилеем, верю, что Бог не оставит редакцию попечением, а читатели и подписчики (больше надеяться не на кого) помогут журналу выстоять в борьбе за Россию, за всех нас!

Андрей УБОГИЙ

КОВЧЕГ “СОВРЕМЕННОКА”

Вряд ли найти метафору, точнее и глубже выражающую роль “Нашего современника” в нынешнем мире – чем библейский ковчег, одолевающий хляби потопа. Я бы даже не стал сужать этот образ до ковчега именно русского – хоть, конечно, сердца патриотов России являются главной движущей силой журнала, и русские беды им ближе, понятней, больнее – но ковчег “Нашего современника” ищет спасения и для всего человечества. Не нами сказано: если спасётся Россия – спасётся и мир. Ибо потоп, захлестнувший нас ныне, всемирен, и вызовы, обращенные к нам – планетарны. Сейчас, в юбилейных словах, нет нужды все эти вызовы перечислять – достаточно чувствовать всю совокупную, страшную силу тех тёмных стихий, что грозят затопить целые народы и цивилизации.

Но стихии на то и стихии: пусть их бушуют. Наше дело – держаться и плыть своим курсом, сохраняя отвагу и верность. И в этом у нас есть живой

пример: капитан корабля. У руля “Нашего современника” уже 27 лет – думаю, это мировой, абсолютный рекорд – стоит патриарх русской литературы и журналистики, Станислав Юрьевич Куняев. Многие лета ему – и доброго здравия всей команде ковчега!

И, хоть потопу пока что не видно конца – дожди льют, и воды продолжают усиливаться – покуда ковчег на плаву, есть надежда. И когда-нибудь непременно сбудется то, что предсказано в Книге: голубь, взлетевший с ковчега, вернётся с оливковой ветвью спасения...

.....

Юрий ЛОЩИЦ

КТО НАДЕЖНЕЕ УКОРЕНЕН

60? Опасаюсь, этот житейский срок в отношении к “Нашему современнику” не вполне достоверен. Даже скажу, что сильно недостоверен. По своему вкладу в литературное бытие страны, а не по анкетным данным, журнал-то гораздо старше! Сама запашка почвы в нем настолько культурней (вспомним, что и понятие *культура* означает искусство возделывать землю), что именно сюда, а не кому-то ещё, приносил бы тома своего “Тихого Дона” Михаил Шолохов. А до него предпочёл бы “Наш современник” иным словесным нивам и Лев Толстой со своими крестьянскими притчами. И трогательно ценимый Толстым Михаил Меньшиков с его “Письмами к ближним”, и автор “Дневника писателя”, безусловно!

Конечно, такую вот литературную обратную перспективу легко вышутить, припилить к почвенничеству и в который уже раз обозвать журнал пристанищем “деревенщиков”. Но пусть тогда объяснят они: а почему именно “Нашему современнику”, в конце концов, доверил свою “Пирамиду” утрудившийся старец Леонид Леонов? Не потому ли, что именно эта почва и могла куда надежнее иных выдержать сложнейшую архитектонику его небывалого долгостроя. Не случайно же и сегодня критические говоруны-либералы о его “романе-наваждении” либо опасливо помалкивают, либо, кривя рты, убеждают ленивую молодёжь, что “чтению вообще не поддаётся”.

Очень даже поддаётся, и я крепко надеюсь, что, справив анкетный неполный юбилей, “Наш современник” возьмёт да и посвятит какой-то из отдаленных номеров подробно и разностороннему новому прочтению романа-завещания, обращенного к России XXI века. Лично мне кажется, что жанровый оттенок, приданный Леонидом Максимовичем своему “наваждению”, всё же не сполна исчерпал всей глубины замысла. А не держал ли мудрец в запасе одно старое, даже древнее определение такого типа литературных действий – “мистерия”? Вот-вот, ведь классическая мистерия! В которой Земля, Небо и преисподняя встречаются для окончательного выяснения судеб человечества и мироздания. Да, мистериальность событий “Пирамиды” – производна от образцового реализма последнего русского классика XX века. Но для бесстрашного загляда в тайны будущего уже недостало одного реализма – даже Леонову. И он отважно открыл занавес своего, истинно леоновского, сверхреализма. И зажил в романе настоящий, непросто привыкающий к земле ангел, и нагло обозначили своё присутствие его падшие антиподы и их земные челядины... О, как много еще нам откроет Леонов, когда вместе сосредоточенно перечитаем!

Если уж думать о пожеланиях наперед, я уверен, не уйти журналу и ещё от одной темы. Участие в недавней работе Третьей Селезневской конференции в Краснодарском университете подсаказало: и у “Нашего современника” есть долг перед памятью Юрия Ивановича Селезнева. Да, он проработал в журнале катастрофически мало и принужден был уйти – без вины виноватым. Но ведь по духу, по сокровенным убеждениям был он и остаётся для “Нашего современника” своим, родным. И, значит, ещё вернётся на его страницы, – может быть, в облике соборного, от имени друзей и последователей, жизнеописания этого замечательного полемиста, критика, биографа, мыслителя России.

Кто надежнее укоренён в родной почве, того и будущее не застанет врасплох.

.....

ПРЯМО КАК ВЫСТРЕЛ

Этот взлет в Киренске я помню так хорошо, будто все произошло вчера. В тот сентябрьский день погода в северных районах Иркутской области была хуже не придумаешь: уже который день шел дождь, взлетные полосы раскисли, и аэропорты не принимали самолеты. Нашему экипажу дали добро на вылет с тем условием, чтобы мы на месте, в Киренске, проверили состояние посадочной полосы и попутно доставили туда срочный груз для районной больницы. А далее, если позволит обстановка, нужно было слетать в Ербогачен и вывезти в Иркутск тяжело больных детей.

“Как всегда – разведка боем!” – пошутил я, получив это непростое задание.

Узнав, что я лечу в Ербогачен, писатель Вячеслав Шугаев попросил взять с собой в полет своего друга поэта Станислава Куняева, который уже несколько дней жил в иркутском аэровокзале в надежде попасть на рейс в Ербогачен.

– Вот возьми, почитай, – Шугаев протянул мне свежий номер журнала “Наш современник”, – здесь его подборку стихов опубликовали. Заодно и познакомись.

– Куняева? Знаю! – Я засмеялся. – Это тот, который полжизни провел на вокзалах в Иркутске, в Калуге, в Москве, – обозначил я Шугаеву свою начитанность и некоторое знакомство с поэзией Куняева.

– Он сейчас в аэровокзале, – сказал Шугаев. – Его надо бы там разыскать.

То было веселое, наполненное особым смыслом время, когда завтрашний день не пугал, а обещал новые радости и впечатления, когда поэзию читали и ценили, знаменитые пииты собирали полные залы и стадионы, когда еще о мобильных телефонах и слышать не слыхивали, при надобности обходились посыльными, а другие важные новости можно было услышать по радио. Чем я и воспользовался. Приехав в аэропорт, я попросил службу оповещения объявить, чтобы Станислав Куняев подошел к стойке, где обычно регистрировали пассажиров внутренних рейсов. После очередного сообщения, гляжу, ко мне легкой походкой спортсмена подходит невысокий молодой человек в джинсах и темной куртке, с рюкзаком на плече, улыбается и протягивает руку:

– Куняев, – хорошо поставленным голосом представился он. – Я звонил Шугаеву, он меня уже предупредил.

Через пару часов, оставив позади почти тысячу верст сибирского бездорожья, мы уже подлетали к Киренску или, как его называли тунгусы, Орлиному гнезду. После посадки на залитую, похожую на размокшее болото полосу я понял, что Орлиное гнездо промокло насквозь и взлететь отсюда мне сегодня не дадут; самолет до самого кия был в такой грязи, что на него было страшно смотреть. На стоянке ко мне подошел руководитель полетов и, оглядев самолет, не то спросил, не то подтвердил мою догадку, что будет закрывать аэропорт по техническому состоянию посадочной полосы. На стоянке было неуютно, грязно и холодно, сбоку с порывами острого, как шило, ветра хлестал дождь. Подняв воротник куртки и, натянув по самые уши московский кепсон, сутулясь от ветра, Куняев стоял неподалеку и молча поглядывал на нас. Добавлять в перечень своих ночевок к Иркутску еще и Киренск ему явно не хотелось. Я знал, что его в Ербогачене ждут читатели, ждут друзья, чтобы свозить своего любимого поэта и рыбака в зимовье на таежную речушку, где можно будет половить сига и пострелять уток и рябчиков. Но, как говорится, против природы не попрешь – взлетать с болота Ил-14 еще не приходилось.

Я попросил руководителя полетов вместе съездить на полосу и своими ногами поискать возможность для взлета. В противном случае сидеть нам здесь как минимум неделю. Проехав по лужам и грязи в начало полосы, я, оглядевшись, понял: взлететь нельзя, прямо как в канаве, по центру полосы, насколько хватал глаз, было настоящее болото. А вот по краю, вплитык к бакемам, взлететь было можно. Здесь узкая полоска земли была чуть повыше и почти не залита водой.

“Взлет должен быть точным и выверенным, как выстрел! Главное – выдержать направление и не задеть винтом боковые бакены. И удержаться от касания переднее колесо”, – подумал я и сообщил руководителю, что попытаюсь

взлететь. Он кивнул головой, понимая, что я принимаю командирское решение, за которое и несу ответственность.

Уже много позже я пойму, что в литературе, как и в жизни, главное выдержать принятое направление и не метаться, не приспособливаться, не останавливаться на ходу. И если начал движение, пошел на взлет, никогда не опускай, как и поднятое переднее колесо, свой нос, держи его по горизонту.

Мы вырулили на взлетную полосу, встали напротив намеченной узенькой полоски. И, получив разрешение, я начал взлет. Моторы взревели, взвились до хрипоты, до визга на взлетный режим, через несколько секунд я оторвал переднее колесо и держал на весу, не давая ему соприкоснуться с водой, потому что с винтов, из-под колес, во все стороны летело вперемежку с песком, пытаясь остановить движение самолета, грязное водяное крошево.

*Неестественен этот разбег,
Неестественно чувство полета,
Неестественен этот побег
И пронзительный вой самолета...*

Это стихи и впечатления поэта Куняева – единственного постороннего человека, который в этот миг был в кабине самолета.

Мы взлетели, позже руководитель полетов скажет: “Это был взлет не самолета, а глиссера”. Через несколько минут мы пробили облачность, и перед нами встало теплое ласковое солнце, а нам всем, сидящим на летных сиденьях между небом и землей, показалось, что мы вырвались из преисподней. Я посадил промокшего Куняева на правое пилотское кресло, и он поглядывал то на приборы, то на вынырнувшую откуда-то из под носа самолета Подкаменную Тунгуску, которая, неспешно двигаясь с самолетом в одном направлении к северу, темной блестящей косой вязала по тайге петли, показывая себя во всей своей угрюмой красоте.

– Угрюм-река, как назвал ее писатель Вячеслав Шишков, – сообщил я Куняеву. – Вот бы сейчас туда, – я кивнул на тайгу. – Сколько там брусники и черники!

И неожиданно услышал от Куняева стихи, которые он посвятил Вячеславу Шугаеву:

*Полыхали цветы, отцветая,
Ожидая пришествия снега,
И свистела утиная стая,
Улетая в тунгусское небо.
Глухари осторожно кормились
На кровавых брусничных полянах,
Облака над Тунгуской теснились,
Словно души племен безымянных...*

В Ербогачене, которого эвенки называют Песчаным холмом, было тепло и сухо. Наш самолет, по обыкновению, первыми встретили сибирские лайки, они обнюхали куняевский рюкзак и расселись кружком, с любопытством поглядывая на прилетевших. Надо сказать, что охотников они чуяли на расстоянии. К Станиславу подошел Степан Фарков, Миша Колесников, они стали обнимать своего давнего друга. Куняев, прощаясь, подписал мне книгу, назвав “асом сибирского неба”. И чуть ли не на первой странице я прочитал стихи, посвященные Вадиму Кожинову.

*Птица взмыла, но не увернулась,
Видно, воздух исчез под крылом,
И вцепилась в стекло, и осталась
Лишь пятном на стекле лобовом...*

Я глянул на лобовое стекло самолета, оно было заляпано кусками засохшей аэродромной грязи. Бортмеханик подогнал машину и пытался отмыть пристывший песок и глину с крыльев и капотов самолета, а техник напильником снимал заусенцы с винтов. К самолету, пытаясь, подъехала карета “скорой помощи”, началась посадка больных детей.

В те времена это была для нас повседневная обычная работа пилотов гражданской авиации, где тебе не стелили ковровых дорожек, и до всего приходилось доходить своими руками. Мы любили свою работу, и она платила нам той же монетой. Ведь, как известно, за все надо платить.

Сегодня, вспоминая то время, я уже понимаю, что началом творчества, несомненно, служат впечатления, потом, когда уже приступаешь к работе, очень важны детали. Здесь на память приходят отложенные в долгий ящик встречи, эпизоды, вроде бы как случайно оброненные слова. Перед тобой начинает двигаться прожитая жизнь, она, как поток, как полет, в котором ты всегда, пока бьется сердце, исправляешь недочеты и несовершенства человеческой природы. И где все, как и в летной работе, должно быть на своем месте, выверено, точно и по слову, и по движению, и по смыслу.

Через год после того памятного взлета я написал очерк о полетах в небе Восточной Сибири, назвав его “Непредвиденной посадкой”, следом другой — “Командировка в Киренск”. Эти очерки будут опубликованы в журнале “Наш современник”. И с тех пор журнал стал для меня родным и близким, хотя я тогда жил и работал в Иркутске. А позже, когда я приземлился в Москве, к большой радости всех моих земляков, и не только земляков, главным редактором “Нашего современника” стал Станислав Куняев — тот, кто видел, как взлетает самолет с болота. Это у него, после поездок на Север в Ербогачен, после дружеских встреч с сибиряками, друзьями по рыбалке и охоте родилось прекрасное стихотворение:

*Милый мой,
Прощаемся что ль,
И предчувствуя скорую вьюгу,
Сдержим в сердце взаимную боль,
Пожелаем удачи друг другу.
Даже рябчик, и тот, ошалев,
От простора, что ветер очистил,
Ослепленный, летит меж дерев
И, конечно же, прямо на выстрел.*

.....

Сергей МИХЕЕНКОВ

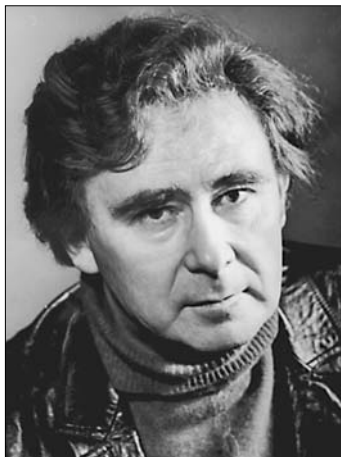
— Вспоминаю 1974 год. Остров Врангеля, куда меня занесла армейская служба, Ленинская комната в вагончике, стопка свежих журналов на столе — только что выгрузили из вертолѐта, который раз в неделю прилетает с материка, доставляет почту, продукты и чистое бельѐ для нашей отдельной роты, месяц назад высадившейся на “острове метелей”. Открываю обложку первого попавшегося в руки “толстого” журнала. “Наш современник”, № 6, июнь. Июнь ещё идёт, а журнал июньский уже доставили к нам сюда на Врангель из самой Москвы. Странички пахнут свежей типографской краской. Как новенькие сапоги кожей... Читаю: Юрий Казаков. СВЕЧЕЧКА. Рассказ.

С тех пор я не расстаюсь с любимым журналом.

Конечно, тогда, на острове, я и мечтать не смел, что пройдут годы и моя проза тоже станет пусть скромной, но всё же частичкой “Нашего современника”, что здесь я обрету друзей, соратников.

Порой открываю только что пришедший по почте номер и ловлю себя на чувстве, которое испытал когда-то в середине семидесятых, двадцатилетним, на краю России — всё та же свежесть, глубина, смелость и ясность мысли, чистота русского слова.

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ВСЁ СУЩЕЕ — ОТ НЕБА

КРЁСТНАЯ

Лукерье Алексеевне Батраковой

По утрам в одеянии белом
эта дивная из старух
то ли плакала, то ли пела,
то ли Богу молилась вслух.

Никого не видя, не слыша,
устремилась куда-то ввысь...
И лежал я, камушка тише,
в закутке, постигая жизнь.

А потом она — в лютый холод,
потаённо (и я — молчок) —
отнесла меня в храм Николы,
где крестил детей старичок.

...Дом призрения, богаделенка
есть над Волховом. И — погост,
где могилка под снегом беленьким,
окроплённая светом звёзд.

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич родился в 1931 году. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Автор поэтических книг “Поиски тепла”, “Косые сучья”, “Тишина”, “Новое лето”, “Возвращение в дом”, “Черты лица”, “Однажды на земле”, и др., а также нескольких книг прозы. Лауреат Государственной премии и.м. А.М.Горького. Живёт в Санкт-Петербурге.

ВИНО

*“И, взяв чашу... подал им и сказал: пейте
из неё все: ибо сие есть Кровь Моя...”*

Евангелие от Матфея,
“Тайная вечеря”

Вращался, суетился,
влюблялся, шёл ко дну...
Я к жизни пристрастился,
как пьяница — к вину!

Я жизнью — отформован,
я стал её дружкой.
Не куплен — очарован
любим её штришком!

Всё сущее — от Неба
до червяка в земле
Моё! Хозяйство... Глеба,
что жил — навеселе!

* * *

Поэт-академик! Кому это нужно?
Тому, кто в Поэзии тайны не вник.
И вот заседают протяжно, натужно,
и в старческой перхоти всяк воротник.

Поэт-академик... Представьте Вийона
в ермолке и в тоге — какой-то кошмар!
А наши? Хотя бы Есенин-гулёна:
готов он за тогу похерить свой Дар?!

Заочно меня в этот сан облачили,
похоже, как в саван... Но я — отвернусь.
Я лучше исчезну... куда-нибудь в Чили
и стану в горах вспоминать свою Русь.

Поэт-алкоголик! Вот это — нормально.
В просветах он пишет шальные стихи!
А быть академиком мне — аморально.
Уж лучше на пашне скобить лемехи.

* * *

Жизнь прекратилась, точно звук,
судьбу венчая,
как будто выпала из рук
стекляшка чая!

Увы — не склеить черепки,
не выпить влагу.
Но даже там, в конце Реки —
зови отвагу!

Она поможет превозмочь
финал-разлуку,
когда иссякнешь, канув в ночь,
подобно звуку...

* * *

Я видел извержения вулканов:
Везувия и сопки Ключевской.
Как будто раздражили великанов
людишки-гномы — скукой и тоской.

Я видел извержение кровавой
слепой и гневной лавы — на войне.
Как будто не хватало людям славы
и рвения — на службе сатане...

Я видел извержение восторга
в церквушке сельской — возле алтаря.
А также извержение возле морга
напрасных слёз — при свете фонаря.

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Коль вспыхнет желание вновь,
гаси его... в сердце уколом!
...Запретная зона — любовь,
не к миру, но — к женскому полу.

Курган в безоглядной степи,
корову с обломанным рогом,
да хоть обезьяну — люби!
А женщину пальцем не трогай.

Ты стар... Из груди твоей крик —
на шёпот похож, на чахотку.
...Мне скажут: а Гёте-старик,
в свой час возлюбивший молодку?!

А сколько таких ещё “гёт”
знавала природа людская?
Ах, дедушка, вы — идиот...
А может — порода такая?

ДЕПЕША

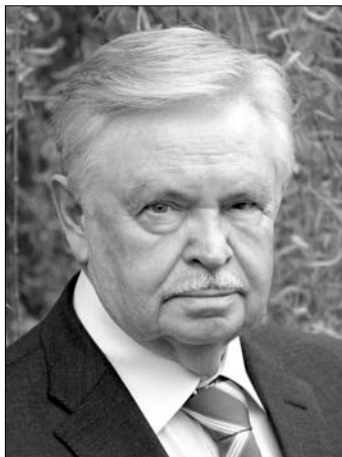
Тучная женщина лет сорока
мне улыбнулась, краснея слегка...
И протянула казённый конверт.
Тут подскочил бородатенький ферт
и говорит: “А депеша — не вам!”
Я же, не вняв его дерзким словам, —
вскрыл оболочку, депешу извлёк,
и на меня... полетел потолок!

Чёрным по белому: “Здравствуйте, сэр!
Вас приглашает к себе Люцифер.
Адрес, куда вы явиться должны:
Пьяная ночь, запредельные сны”.
И — закорючка... Из алых чернил.
“Вот и... пожалуйста...” —
ферт пробубнил.
Да невзначай побледнела слегка
тучная женщина лет сорока.

* * *

Я говорил себе: уймись,
не злись на мир,
не лезь в бутылку
и, хоть со скрипом, —
распрямись,
исторгни из себя
ухмылку!
Не получилось...
Цепь разлук
и череда смертей
внезапных...
И выпадало всё из рук,
и отступал я тихой сапой,
забившись в комнату-нору,
писал угрюмые стишата...
А надо было на ветру —
простоволосым, как когда-то!
...Но что-то щёлкнет: где-то там —
в мозгу или в сухой коленке,
и — в электричку: в лес, к цветам!
А там — хоть к дьяволу,
хоть к стенке!

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ,
ИЛИ
ХРОНИКА ЗАБЫТОГО ВРЕМЕНИ

РОМАН В ПОВЕСТЯХ

*Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд неподкупный знаком,
Может, я это, только моложе...
Не всегда мы себя узнаём.*

Николай Добронравов

Повесть первая

ОТПЛЫТИЕ

1

Осмелюсь утверждать: всемирные сдвиги — кроме, конечно, войн, — совершаются незаметно, вкрадчиво, будто незримый вершитель передвигается во времени и пространстве, надев мягкие домашние тапочки. Вот ведь жакнул разрыв над страной, умер Сталин, и все сперва напугались новой войны,

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

а потом, через месяц-другой, подуспокоились, а тут выпускные экзамены в школах, вечера с аттестатами, танцы с девчонками, своими и приглашёнными, и выбор будущего — без особых примерок. Ходят рассуждения про хороших инженеров — везде нужны! — значит, надо подавать в политехнический. Только город выбери правильно.

Наша школа дружно присягнула Ленинграду. Лишь избранные собрались в Москву. Я не только восток избрал, а и профессию почти никому непонятную, с сомнением.

2

Всё это вместе взятое, конечно, ни на какие сдвиги не намекало. Но опытный батяня сказал, что это только так кажется, и мы присутствуем при великом переселении народов, вызванном войной. Так что, заметил он, у нас с мамой легкомысленные представления о действительности, и на вокзале стоят недельные очереди. Поезда даже мимо нашего довольно приметного города идут проходящие, забитые народом что от Москвы на восток, что с востока на Москву, и надо сильно подумать, как засунуть меня в такой пробегающий мимо поезд, который и остановится-то у нас самое большее минут на двадцать.

Положение казалось безвыходным, но скоро мама сообщила, что ещё не всё потеряно, а у нашей лучшей знакомой тёти Лены есть ещё знакомые, а у тех знакомых — знакомый Герой Советского Союза.

— И что? — настороженно удивилась бабушка.

— Да Героям-то билеты дают без очереди, — сказал отец, понимающий толк в деле. — Только как он прорвётся к кассе? Знаете, что там творится?

Сказать по правде, с военных времён жизнь менялась отчаянно быстро и не всегда понятно, в какую сторону. Я знал, что станционный перрон, как всегда, чист и прибран: встречающих туда пускали по билетам перронным, а отъезжающих — по билетам проездным. Но как теперь выглядел сам вокзал? Что там происходило?

Мы не поленились, и слегка приодевшийся отец, мама и я поехали на троллейбусе до вокзала. Как только вышли, надежда моя обессиленно зашаталась.

Одноэтажный наш вокзал был до войны нарядно белым, а теперь, к пятьдесят третьему, оказался двухцветным. Со стороны путей, я знал, всё по-прежнему, гляделось сносно. Но городская сторона, где был вход в билетный зал, до пояса посерела. Я не сразу дотумкал, что это его обтёрли человеческие спины и, наверное, бока: люди стояли, прижавшись к вокзальной стене, а прислоняться к ней требовалось по двум причинам — от усталости и для того, чтобы не протолкнуться, не пропёр, не продавил какой-нибудь безочерёдный нахалюга.

Люди стояли впритык друг к другу и занимали всю привокзальную площадь. Но это был кажущийся хаос. Когда мы подошли к тем, кто находился с краю, нам объяснили, что тут два хвоста.

Один — из желающих уехать к Москве, и он короче; другой — длиннее — на восток. Но и в нём есть свои особенности. До Перми народу больше, но уезжают быстрее — чаще идут поезда; до Урала народа много, потому что там пересадки на юг и на север, но на эти же поезда садятся и пермские. И уже совсем отчего-то много пассажиров на самый что ни на есть Дальний Восток.

Мама удивилась этому, а худой мужчина в гимнастёрке без погон и медалей пояснил, что на Восток едет много людей из мест западнее, южнее, севернее Москвы, сперва съезжаются туда, берут билеты на дальние поезда и тогда редкий пассажир сойдёт у нас. Прямо беда! Ведь чтобы кто-то сел, надо, чтобы другой-то сошёл! Этому дядьке требовалось во Владивосток, и он стоял тут третью ночь.

Разве не переселение народов?

И вот мама с отцом собрались в гости к Герою.

Мама культурно обернула газеткой магазинную бутылку, отец нарезал неказистых цветов.

Поскрипывая сапогами и покачиваясь в неразношенных лодочках, они удалились, а к вечеру возникли почти счастливыми.

Мама обтерла чемодан, с которым отец вернулся из Маньчжурии, выставила его на стул посреди комнаты, а бабушка затряслась и схватилась за подбородок, сдерживая слёзы.

— Ну? — воскликнул отец. — Едет не на каторгу!

Отправляться мне предстояло назавтра, договорённость с Героем достигнута была накануне, а расписание поездов, которое мама переписала на вокзале синим толстым карандашом, было испещрено крестиками и галочками.

Герой за мою отpravку брался, но поскольку работал на заводе хотя и небольшим каким-то, но всё же начальником, отлучиться почти на целый день мог только в воскресенье.

Завтра и было это воскресенье. А следующее наступало через неделю. Вызов на экзамены, пришедший мне в виде половинки странички в шершавом конверте, назначал дату явки на промежуток между двумя выходными.

Будто колокол грянул в моей небольшой голове. Ещё сутки, и я останусь наедине с собой. Управлюсь ли? Туда ли еду? Ту ли дорогу выбираю?

Я вышел со двора, сказавшись, что пройду немного по любимым улицам, но ничего тогда вокруг себя так и не заметил.

Конечно, я рвался к тому, что мне казалось моим выбором. И маленький альбомчик был готов, куда вклеены были мои первые газетные заметки. И рекомендательное письмо из редакции. А я содрогался и не мог понять, где моя отвага, а где глупость? Всё это вместе взятое называется неуверенностью.

В свои семнадцать лет, даже слегка ощутив войну, я всё-таки был простым домашним котёнком.

Бывало, оставшись дома один, читал стихи в полный голос, будто артист на какой-то большой сцене. Громко высказывал мнения, в общем-то, вычитанные в классических сочинениях, словно знаменитый профессор. А устав от собственной напыщенности, сворачивался калачиком на кровати и только что не мурлыкал, как кот мой Тимошка: строил в мечтах воздушные замки, которые разлетались в прах при первом же лёгком дуновении действительности.

Ещё я любил становиться вверх ногами. Встанешь возле шифоньера, постоишь, прислонясь пятками к его дверце, потом вернёшься в обычное состояние. И сразу приходят свежие мысли. Кровь приливает и, наверное, приносит их, а?

Вот таким я был в первые недели после школы: смесь оптимизма и неуверенности, страха и отваги. Но и взрослого понимания: назад ходу нет!

А пока я свершал прощальный круговорот по родным околоткам, мама и бабушка обтёрли фанерный чемодан тряпицей, будто умыли. Принялись меня собирать, то всхлипывая, то смеясь.

Тот фронтовой чемодан, с которым отец вышел из войны, был сбит из какой-то на редкость толстой и сухой фанеры, покрашен в обыкновенный серый цвет, каким красят ящики для артиллерийских приборов, и имел простецкий, на один поворот ключа, замок. Его, наверное, можно было просто открыть загнутым гвоздём.

Но кто на такой чемоданишко позарится? В эпоху рыночных карманников, уличных щипачей и легенд о грабителях даже самый непонятливый соображал, что ничто ценного в фанерных чемоданах не перевозят. Всё имущество и состояло из трёх частей “Истории СССР”, учебников литературы, русского, географии и французского плюс кое-какие тетради, а сверху — трусов, носков, маечек да штук трёх, пожалуй, небелых рубашек — чтобы реже стирать.

Серый друг, передаваемый мне отцом по наследству, снарядился в минуты, но так и стоял открытым на стуле. Женщины не спешили его закрывать — вдруг ещё что-то забыто. Но мысли их были куда тоньше — теперь-то я это понимаю.

Пока чемодан не закрыт, ещё есть время пособираться, похлопотать, поразговаривать о том и о сём, что прямого отношения к отъезду не имеет, но означает тайный ритуал беспокойства и приготовления. А щёлкнул замок — всё.

Но пока не щёлкнул замок того чемодана, из времён уже нынешних хочу попросить у тебя прощения, мой верный друг! Прости меня!

Ты служил надёжно и прочно, как ко всему готовый солдат. Ни разу ты не треснул нигде, не надломился, проучился со мной пять долгих лет, принимая в нутро и нечистое бельишко моё до стирки, и высокоумные конспекты классиков марксизма-ленинизма, и, бывало, чуть позже, кое-какие продуктишки в тебе ночевали по соседству со спортивными штанами, когда я ехал в дальние дали.

Ну, а потом на смену тебе явилось нечто из фибры, с железными углами, и ты удалился на отдых, улёгся на родительский чердак, а далее и вовсе ушёл в небытие. Кроме памяти моей.

А потому, пока есть я, жив в моей памяти и ты, серый чемодан — отцовское фронтовое наследство.

Слабоватое, но всё-таки утешение...

Ну, а в тот вечер, при раскрытом чемодане, бабушка взялась за ещё одно важное предпутевое занятие. Поверх рубашек я всегда надевал курточку фасона “московка” — кокетка из тёмно-коричневой ткани сверху, а все остальное — такая же ткань, только посветлей. У ворота — короткая “молния”, чтобы только, чуть раскрыв её, голова проходила — страшный дефицит были эти “молнии”. Словом, бабушка отняла у меня “московку” и стала колдовать над ней. В конце труда своего пристроила изнутри моей курточки внутренний карман. Он застёгивался на отдельно пришитую пуговицу и предназначался для паспорта, аттестата зрелости, согнутого вчетверо, и денег.

На прощанье наставила:

— В поезде ночью не снимай! Под голову не клади! Нигде не бросай!

5

Воскресным утром начался штурм.

Героя, скажу честно, я совершенно не запомнил. Как и он не обратил на меня ровно никакого внимания. Взрослые договорились между собой, а я мог оставаться предметом неодушевлённым. Когда мама с отцом и я с чемоданом прибывли к вокзалу, он, лишь кивнув мне, взял у мамы листочек расписания поездов, деньги и двинулся к двери, запруженной народом.

Отец заторопился следом, но Герой его остановил:

— Слушай, ты в штатском. Только пуговицы оторвут — и вся любовь!

Сам он был в гимнастёрке с майорскими погонами и, конечно, сверкающей звездой.

Мы стояли с краю толпы и следили, как наш Герой довольно беспрепятственно её рассекает. Увидев человека в форме, да ещё с такой наградой, люди расступались, пока он не добрался до ступенек. А там была неподвижная человеческая пробка, как в бутылке. Люди стояли, не двигаясь, а шевеление рядов происходило только в особенных случаях. Но минут за двадцать до прихода поезда пробка проскакивала вовнутрь, кассы продавали билеты на освобождающиеся места, если таковые объявлялись. И ещё очередь ожидала, если вдруг приезжал наряд милиции — по заказу кассирш этих, что ли? Или ихних начальников? Мильтоны требовали освободить ступеньки и даже всё, что там было внутри. Двери закрывали, туда пробирались тётки со швабрами. Воняло хлоркой.

Вот перед этой процедурой на площади и начиналось настоящее волнение. Народ, выпертый из кассового зала, отступал на улицу, очередь расстра-

ивалась, очередники теряли, кто за кем стоял, начинался ор и колыхание душ. Постепенно, хоть и со слезами, криками, матом, волнение утихало.

А Герой с майорскими погонами оказался настоящим! Мы издали увидели, как он локтями растолкал пробку при входе и исчез во тьме распахнутых врат ада.

Мы были на обочине, мама присела на чемодан, а я приблизился к отцу. Мне хотелось к нему прислониться, но это получилось бы слишком по-детски — я ведь уже взрослый, уезжаю в институт.

И давно ли я приходил на этот вокзал узнать, когда придёт поезд с отцом из Маньчжурии! Давно ли скрипнула калитка, и он вошёл — с вещмешком на плече и со своим этим фанерным чемоданом в руке.

Я подумал, что в ту пору всё-таки на вокзале не было столько народу! После войны народ ещё чего-то ждал, наверное. Но вот ведь немало лет прошло, как война-то кончилась, и тут все поехали? Куда? Зачем так много?

Люди на тогдашней громадной площади, стоявшие в кассы, одеты были плохо: женщины — в неновые платья (откуда новые?), мужчины — в затёртые пиджаки, несвежую обувь. И невесело они вместе-то выглядели, разве кто спяну хохотнёт. И всё же эта серая цветом толпа бродила, как бродит брага, — каким-то нетерпением. Ведь каждый, кто стоял тут, собрался переместиться в другое место, выбрал ему известную цель и теперь к ней стремился, одолевая препятствия в виде бесконечной, вынужденной очереди.

— Куда они все? — спросил я не столько отца, сколько самого себя. А он ответил:

— Рыба ищет где глубже, сынок. А человек — где лучше.

6

Мы стояли, мы ходили вокруг серого чемодана, а Герой не возвращался. Мы не отрывали взгляды от входа, и один раз милиция освободила помещение, создав воронку из страждущих очередников, а тётки с ведрами и швабрами строем продрались сквозь людей. Однако Герой не вышел и тогда.

Похоже, к перрону подошли сразу два поезда, следующие в противоположных направлениях, но очередь лишь чуточку всколыхнулась: значит, места не освободились. Никто, выходит, не стремился в наши благословенные края.

Опять всё обездвижело. Где-то вдалеке взвизгивала маневровая кукушка и гулко бились буферами товарные вагоны.

И вот в это, вдруг как-то притихшее время пробка шевельнулась и выпустила на площадь нашего Героя. Пока он пробирался к нам, раза два поправил офицерскую свою фуражку, заправил за ремень гимнастёрку. Подошёл совершенно спокойный — только беспокойной была звёздочка на его груди. Она перевернулась спинкой кверху, и мне хотелось её поправить или сказать ему об этом.

— Ну, — проговорил он бодро, — отделались легко! Сейчас подойдёт поезд. Вагон общий! Может, придётся всю дорогу сидеть, лежачих мест нет! Извините!

Вот когда узнаёшь, что такое настоящие люди. Я трепыхался, как воробей в ладони, молча кивал головой, готовый к любым испытаниям, а мама протянула руку и поправила Героя его звёздочку.

— А! — махнул он рукой. — Сколько всего-то? — глянул на часы. — Уже три! — Повторил: — Отделались легко!

И протянул мне маленький картонный прямоугольник, прибавив с усмешкой:

— Смотри, не потеряй! Пока не приедешь!

Не знаю, как и описать всё, что произошло дальше. Поезд во главе с паровозом “ИС”, то есть “Иосиф Сталин”, погромыхая, вступил на нашу станцию, солидно протащил вагоны до нужного места, и мы вчетвером, во главе с Героем быстро достигли искомой ступеньки, ведущей в зев жаркого короба. Но не тут-то было.

Из него, не пропуская нас, вниз кинулась цепь разнообразного народа. Сначала полуголые или одетые в майки мужики с чайниками, потом женщины помоложе, за ними старухи. У кранов, торчащих из стены какого-то перронного сооружения, лилась вода для питья, и там опять собралась толпа.

Только пропустив вереницу жаждущих, Герой вспрыгнул на ступеньку и протянул руку за моим чемоданом. Проводница со свёрнутыми флажками в руке, увидев Героя, запричитала, закудаhtала:

— Ой, товарищ майор, да у нас и ни одного лежачего-то места нет! Всё битком!

Она двигалась вдоль вагона, а справа и слева то верещали дети, то хохотали тётки нерусской наружности, может, цыганки, а в одном проёме два мужика резались в карты.

— А третьи полки есть? — командным голосом спросил мой Герой.

— Багажные?

— Багаж сдвинуть, место освободить! — скомандовал мой покровитель, встал на одну из нижних полок, с верхней перекинул на другую какие-то котомки, умяв их как следует. На свободную багажную полку закинул мой чемодан.

— Товарищ Герой, — заботилась проводница, — ну, я вас попозже пересажаю!

— Еду не я! — отрезал майор. — А молодой человек!

И прибавил такое, что я похолодел:

— Обеспечьте безопасность!

Герой велел мне занимать место на третьей полке немедленно, что я и сделал, улёгся под самым потолком. А мама-то с отцом ведь были на перроне! Полуголые мужики с чайниками возвращались обратно, с хохотом и матом, отгалкивая нерешительных локтями. Но Герой, видать, выходя из вагона, остановил их, и мама с отцом пришли ко мне. Я спрыгнул вниз, мы обнялись. Мама заплакала.

— Он так и будет? На голой полке? Без подушки?

— Ну, тут ехать, — смутился отец, — меньше суток. Выдержишь, сынок?

Я улыбался. И прижался к ним — к маме и к отцу. Но только на мгновение, ведь я был, в общем, взрослый человек.

Мужики и тётки с чайниками в руках обходили нас, толкали моих провожающих, и я стал поторапливать их.

Когда поезд лязгнул своими железными суставами, я запоздало сообразил, что даже не поблагодарил моего великодушного Героя.

7

Может, мне передались женские страхи — ведь я ехал первый раз в жизни один, в душном и шумном вагоне, опасном людьми, его населявшими. Слышались восклицания, может быть, и весёлые, но непомерно громкие, вспыхивали детские крики, перебивали друг друга бабьи споры.

Правда, меня это не очень достигало. Я был приравнен к багажу, и мне начинало нравиться моё положение. Я разглядывал железный потолок, нависший надо мной, — окно и даже вторая полка располагались гораздо ниже, — и мысли мои гуляли, как маленькие и, может, даже слепые новорождённые котята, тыкаясь друг в друга и издавая неслышимый миру писк.

Я чего-то очень желал, но не мог понять — чего. Вернуться домой, под крылья хлопотуньи-бабушки и всегда беспокойной мамы? Нет, не для этого я уезжал — отъезд мой был сочинён мной самим. Благополучно сдать экзамены? Конечно, ради чего тогда эти хлопоты? Мне бы, взрослому парню, подумать, что произойдёт, если не поступлю, но — странное дело! — сознание не позволяло переходить какие-то незримые черты возможных поражений.

Я пытался возвратиться в мыслях к друзьям и одноклассникам, которые кто разбегался, как я, поступать, кто ещё не добрался до края школы

и с почтением взирал нам вослед, ожидая сообщений о том, кто чего стоит. Но они меня совершенно не задевали. Я внятно и совсем по-взрослому понимал, что сейчас каждый ответит за себя, а раз все мои дружки наладились в технические знания, я забыл о них, будто и не был с ними знаком. Надо же, какая амнезия!

В общем, вагон покачивало, потряхивало, стенки его довоенные поскрипывали, а мне ни о чём не думалось. И вот только теперь, спустя целую жизнь, я полагаю, что это была мудрая благодать.

Да, я ни о чём не думал, ни о чём не тревожился, и только неопытностью это нельзя объяснить. Молодое, ещё ничем не траченное тело встряхивалось на багажной полке и было безмятежным, приурочиваясь к будущему.

Перемещение народов, судя по всему, происходило не только во времени и пространстве, что утверждала жизнь нашего вагона. Но ещё и в собственной глубине.

Из детства, ни о чём не тревожась, я окончательно переезжал в юность — иную часть бытия. Из одного состояния я переходил в состояние совсем другое.

8

Переход этот оказался отнюдь не философским, не умственным, а грубым и материальным. И состоялся ночью.

Поезд прибыл где-то около двух ночи, дальше не шёл, и народ отчего-то молча и сосредоточенно, без оживлённого тарабара, стал ловко освобождать пространство.

Я не спешил, до утра было далеко и меня никто не встречал. В заднем кармане моих брюк, тоже под пуговкой, таилась бумажка, на которой указывался номер трамвая, потом улица, номер дома и квартиры старушки Елизаветы Михайловны, опять же дальней родственницы всё той же вездесущей маминной подруги тёти Лены. Переться к старушке ночью казалось мне совершенно неучтивым, и я предполагал сдать чемодан в камеру хранения, переночевать на вокзале, а уж утром...

Поэтому без всякой спешки, отстав от толпы, я понёс свой чемодан по слабо освещённому тоннелю в неясную для меня сторону, когда вдруг ко мне подскочил не совсем трезвый мужик в казённом фартуке и с бляхой на груди.

Схватив мой чемодан за бока, — ручку-то я не отпустил! — он воскликнул что-то повелительное и поволок меня к огромным весам. Четверо или пятеро таких же, похожих на бандюков, но с бляхами, мужчин галдели, отпуская от весов некоторых других пассажиров, в особенности старух, а мне этот нетрезвый работник громко крикнул:

— Разрешается бесплатно двадцать кило. У тебя тридцать. Доплати двадцать пять рублей.

Лирические наваждения отпустили меня. Растерянный, я спросил:

— Куда платить?

— В кассу! — задорно ответил тот.

— А где касса?

— В здании вокзала, на первом этаже. Чемоданчик придётся оставить.

Я сразу понял, что меня прищемили. Оставить чемодан, уйти в кассу, а потом? Мордатый подсказал:

— Можно поближе!

— Как? — спросил я, всё ещё наивный.

— А прямо сюда! — проговорил он, хлопнув доходчиво себя по пузу.

Вот он — момент перехода из одного состояния в другое! Обыкновенный факт перемещения народов, который не может не сопровождаться кому — потерями, кому — находками.

В первый раз я практически ощутил бабушкину мудрость. Распахнул ворот "московки", отстегнул пуговку, зашившую внутренний карман, и на ощупь выбрал денежку размером поменьше. Это был тогдашний голубой четвертной банковский билет с портретом Ильича.

Я протянул ассигнацию хаму с бляхой, тот хапнул её мгновенным и тренированным движением и скинул чемодан на асфальт так, что тот должен был, наверное, расколоться. Но он выдержал, молодчик, как, впрочем, и я.

Очереди в камеру хранения не было, и там тоже орудовали крепкие мужики. Цена тут, однако, была снисходительна к пассажирам, наверное, потому, что вместо чемодана выдавалась бумажка с номером, и, заплатив какую-то мелочь, я оказался совершенно свободен.

Ночь была как ночь, на огромной площади возле вокзала скучал ряд невостребованных такси с зелёными огоньками, зато сам вокзал сиял дворцовыми окнами, будто там совершался великолепный бал. Конечно! Тот самый бал, куда *много званых, но мало избранных!*

Я вступил в него, и мне показалось, что я вошёл в громадный вагон: тот же смрад, тяжёлая духота, ароматы несвежих портянок и немытого туалета. Всюду стояли громадные лавки совершенно могущественного вида. Коричневые, с толстенными и просторными площадками для сиденья и даже вещей и с такими же спинками, они могли выдержать, наверное, целую толпу самых тяжёлых пассажиров. Только таких здесь не было, а сидело множество тощих и худых, с сумками и мешками, которые стояли и лежали у них под спиной, под локтями, а то и на полу, прямо под ногами.

И все они спали, будто в какой-то страшной сказке!

Ну, некоторые не спали всё-таки. То одна, то другая тётка уторкивали младенцев, кормили их из кружек или грудью. Но все остальные дрыхли. Некоторые ещё и храпели.

Я постоял в одном зале — все места оказались заняты. Перешёл в другой, поменьше. Ни одного места на лавках! В третьем зале я увидел каменную лестницу, расположенную подковой, и её ступеньки, особенно те, что повыше, были свободны. Я поднялся туда, сел, прижался к каменным же перилам.

Зал освещался ярко, даже празднично, но то, что освещалось, навевало тоску.

Мне показалось даже, что это люди с привокзальной площади нашего городка каким-то волшебным образом переместились сюда. Только расстегнулись, рассупонились, развязали ремешки и тесёмки, устроили рядом с собой своё барахло. Один спит, запрокинув голову, а ноги взгромоздив на тугой мешок. Женщина обняла чемодан и опустила на него голову. Старуха положила голову на колени молодой женщине. И все эти люди, как и я, одеты в одежды тёмного цвета. Ничего красного, ничего голубого, зелёного, жёлтого, хотя живём на яркой земле — только чёрное, коричневое и серое. Но зачем же тогда такой дворец под вокзал?

И ещё я грешным и совсем не детским умом подумал: вот бы нарисовал всё это хороший художник! Все эти согнутые фигуры, эти чемоданишки, мешки, сумки и шеи... Лица с закрытыми глазами. Будто какое-то предсмертие...

Копаясь в своих размышлениях, я не сразу заметил, что к спящим, особенно на лестнице, где я сидел, осторожно подсаживаются молодые ребята в кепадиках. И ещё девчонки. Сверху всё было хорошо видно, и тут я похолодел. Да ведь они воруют! Лезут пальцами в карманы! У кого-то что-то достают. От других отходят впустую.

Я остолбенело разглядывал сверху шайку, похожую на кучку неслышных теней. Оттого, что был наверху и глядел им в спины, я так и не увидел ни одного лица — только затылки, пучки волос, затянутые шпильками, ну, разве щёку видно со спины. Я видел, как они тихо прокатились по залу. Сверкнуло лезвие — раньше я слышал от кого-то, что вырезают карманы. Гибкие, ловкие, торопливые воры даже шелеста не издав, исчезли, будто наваждение.

Я сидел, затаив дыхание. Полегоньку успокоился, ведь мне велено было ни во что не соваться в незнакомых местах. Почему-то это знала бабушка. Отец сказал по-другому: после смерти Сталина объявили амнистию. Отпустят всякую шваль.

Но это была не та шваль.

За дворцовыми окнами зарозовел рассвет, и люди стали оживать. Сначала тишину оборвал женский визг — будто какой-то звонок. Послышался плач. Зал очнулся по этой команде, и крики раздались ещё в разных его концах. Притопали в кирзовых сапогах два мильтона. Они что-то спрашивали, им отвечали женщины и старухи — почему-то только они, — и эти полусогнутые фигуры с воздетыми или разведёнными руками, дежурные милиционеры с красными погонами, оглядывающие зал, но никуда не стремящиеся, мне вдруг показались схожими с чем-то.

Хладным умом, вовсе не похожим на мой, я подумал, что это вроде немой сцены в “Ревизоре” Гоголя, только там они все стоят недвижимо, но ведь таков закон театра, а не жизни. В жизни машут руками, говорят, передвигаются, голосят и бормочут. А толк всё тот же: не знают, как быть!..

Пострадавшие стали исчезать под руководством дежурных, наверное, составлять протоколы, остальные тоже потихоньку потянулись к дверям. Я забрал чемодан из камеры хранения, потом влез в трамвай и довольно скоро добрался до нужного дома, подъезда и квартиры.

Город за трамвайным окном не поддавался скорой привязанности. Угрюмые дома вдоль трамвайных путей симпатий не рождали, но нескорая дорога открывала и приятные взору уголки: деревянные домишки, почти деревенские, утопающие в зелени. Потом я загляделся на высокий, с колоннами, белокаменный дом и сам себе кивнул головой, когда кондукторша трамвая объявила остановку: “Дворец пионеров”. Далее, видать, пошли главные улицы и пруд, окаймлённый домами с полукруглыми или прямыми стенами, и это — я знал — была уже наша, довоенная эпоха.

Тётя Лиза оказалась худенькой, — в чём душа держится! — старушкой, коротко стриженной, с как будто выцветшими светлыми глазами, весьма деликатной и до странности любезной. Про меня она была предупреждена, и потому приготовлен был диван с комплектом белья, отдельное хрустящее полотенце, только вот мыло общее — извинилась она.

Меня усадили за чай с бутербродами, но в дверь позвонили, и кто-то из за порога спросил тётю Лизу:

— Не приехал?

— Как раз и приехал! Заходи, Герман!

Я даже привстал, поражённый. По ту сторону стола стоял парень едва постарше меня, но вместо рук у него были две расщеплённые культы.

Лицо у него гляделось совершенно хулиганским: очень узкий лоб, чёрная чёлка, совсем его закрывающая, такие же чёрные, сверлящие глаза, не до конца застёгнутая рубашка. Правда, это хулиганское лицо ещё и сияло! Он то едва улыбался, то растягивал рот широченной улыбкой, то как-то забавно морщился, но всё это оживление казалось лукавым, каким-то неправдивым.

— Садись, Герман, — сказала тётя Лиза, — попей чайку!

Я не понимал, как он станет пить чай, но Герман ухватился обеими клешнями за чашечку и пил, как все, прихлёбывая от удовольствия. А тётя Лиза произнесла с большим чувством гордости:

— Я попросила Геру зайти, если ты приедешь сегодня, и помочь добраться до университета. Он, — поглядела на него с гордостью, — учится на втором курсе иняза! Английский язык! Уже сейчас знает его блестяще!

— Пойду на красный диплом, тётя Лиза! — воскликнул он и, как будто лично мне объясняя, прибавил: — А что мне остаётся?

Потом, после чая, пока мы шли к трамвайной остановке, он рассказал, что лет в девять, когда была война, он попал под этот самый трамвай, цеплялся этаким проволочным крючком и носился за ним, как оголтелый, но потом споткнулся, видать, на булыжнике, и его занесло под встречный вагон, а дальше он ничего не запомнил, но выжил, хорошо учился, а теперь форсит среди почти одних девчонок. Известно, что в инязе учатся исключительно девахи.

— Боюсь, — смеялся по-мужицки Герман, — испортят меня! Такие все вокруг вежливые да заботливые! А я, может, зверь!

Посмеиваясь, он показал мне дорогу, по которой опять же ходили трамваи, и я снова разглядывал этот чужой мне город, который взирал на меня без всякого сочувствия, равнодушными домами и серыми стенами.

Доехав до нужной остановки, я быстро оказался в приёмной комиссии. А при входе пригласил шага у обыкновенной вывески: “Государственный университет имени М. Горького”. Меня обдало сладостным холодком. Страх и гордость соединились воедино.

Было рано, а потому пусто, и я подсел к столику, где пожилая женщина, похожая на учительницу преклонного возраста, дружелюбно спросила мой вызов, выдала экзаменационный листок с моей фотографией, утверждённой печатью, и спросила:

— Что-то желаете ещё добавить в своё дело?

И здесь наступила решительная минута. Я протянул ей рекомендацию из редакции и моё сокровище — маленький альбомчик в тёмно-синей обложке под цвет, наверное, моих штанов. В нём, аккуратно наклеенные, хранились мои скромные заметки, напечатанные в газетах. А одна — даже в “Комсомольской правде”.

Учительского вида тётенька приняла его в свои руки и самым внимательным образом пролистала все странички.

— Вы посидите, я на минуточку!

Ровно через минуточку она попросила меня пройти в другую комнату, точнее, в такой закуток, примыкающий к комиссии, даже, кажется, без отдельной двери.

Там сидел вообще-то не очень приветливый человек. Он кивнул мне, листая мой альбомчик, а мне стало нехорошо от этого его листания. Как мне показалось, пренебрежительного.

Впрочем, я и сам не знал, как нужно было относиться ко всему моему примитивному сочинительству. Никто мне никогда про это ничего не говорил. Мама если и хвалила за это, то из чувства успокоения, что я по улицам не шляюсь, а хоть что-нибудь интересное для себя выдумал. А там...

И вот я сидел перед этим невзрачным оценщиком. А он мне говорил совсем другое:

— Вам общежитие нужно? На время экзаменов?

— Да, — отвечал я.

— Тогда возьмите направление на санобработку и там же направление в общежитие, а то вас без санобработки туда не возьмут.

Я ни черта не понимал! Какая санобработка?!

— Не удивляйтесь! — сказал дядька благодушно. — Так положено! А альбомчик ваш мы оставляем. Он будет в вашем деле!

Я вышел от него слегка ошарашенный, смущённый, растерянный. А когда человек теряется, как известно, ему даруется нечто иное. И если не прямо противоположное, — уверенностью одарить непросто! — то что-то обнадёживающее. Или просто смешное.

Когда я вышел от начальника, внимательная учительница протянула мне две бумажки и кивнула на девицу, стоящую у неё за плечом.

— Вот девушка! Как вас? Люсетта? Она тоже с вашего потока. И ей тоже требуется в общежитие! Так что шагайте на санобработку!

И хохотнула. Я улыбнулся, ничего не понял. Что такое санобработка?

10

А девушка Люсетта была вполне ничего себе: с пушистыми, коротко стриженными светлыми волосами, хорошо одета, вовсе не в тёмные цвета, что-то было на ней, помнится, цветастое, может быть, широкий голубой воротник на платье в такой же горошек?

Но мне было не до девушек, как и ей, похоже, не до парней. Мы оба двигались на санобработку и не куда-нибудь, а в городскую баню, и даже

мысль о бане способна была бы взорвать кого хочешь. Разве это не курам на смех: парочка незнакомых абитуриентов чуть ли не за ручку идёт в баню!

Но обсуждать благоглупости не приходилось.

И мы шли, получая взаимную деловую информацию людей, стремящихся к одной цели. Она была из южной республики, отличница, не получившая медаль по чистой случайности и совершенно уверенная в успешности грядущего испытания.

— Ты печаталась? — спросил я её, скорее чтоб сгладить небрежность мужчины в приёмной комиссии. Она испугалась:

— Нет! А это обязательно?

— Да нет, — ответил я, справедливо оценивая её испуг, — вовсе не обязательно.

Городская баня, конечно, не обладала никакими особыми достоинствами. Но когда мы зашли в фойе, растерялись: двери направо — мужское отделение, налево — женское. Люсетта вежливо спросила у кассирши:

— А санобработка — это где?

— Со двора! — крикнула она из окошечка. — Второй этаж!

Я облегчённо перевёл дух. Всё-таки это не баня.

Мы двинулись в обход, дорожка оказалась узкой, и я, как мужчина, шёл на разведку первым. Так первым и вошёл на пустую лестницу. Люсетта двигалась за мной. Наверное, желая быть уверенным в себе, а то и знающим неведомое дело, я обогнал её буквально на пару шагов, и на втором, как было указано, этаже, галантно распахнул перед дамой довольно неказистую дверь.

Дверь была без пружин, крашенная масляной белой краской, довольно разношенная и усталая от беспрерывных раскрываний. Так вот, дверь эта легко распахнулась, и я обомлел.

Помещение за дверью был забито женщинами. Даже, пожалуй, просто девчонками. И девчонками совершенно голыми!

Они стояли, сидели, ходили, но на открывшуюся даже без скрипа дверь все обернулись.

И захохотали!

Боже мой, это они смеялись надо мной, наверное, увидев мою изумлённую, поражённую, бестолковую физиономию!

Они хохотали, и больше ничего. Люсетта легонько подвинула меня, прошла мимо и прикрыла дверь. Тогда захохотал я. С полуминутным опозданием. И совершенно безумно!

Замечали? И смех, и страх, когда нападают внезапно, особенно лицом в лицо, сначала завораживают своей неожиданностью, а уж потом лютуют в твоём нутре изо всех сил.

Я даже не хохотал! Я сломался пополам! Я, кажется, икал со смеха! Я валился с ног! Я бился о стенки! Я не утих даже, когда Люсетта, выглянув из двери, крикнула мне:

— Мужское отделение выше!

С трудом взобравшись на третий этаж, я, наученный опытом, слегка приоткрыл дверь, а уж потом вошёл. Там сидели голые мужики. Тоже, главным образом, парни.

Вид у меня, похоже, был довольно несерьёзный, а в таких случаях люди постарше всегда норовят тебя осадить. Худой и так-то, видать, вредный старик в тёмно-синем халате, глянув на меня, велел раздеваться до основания и всю одежду, кроме ремня, навесить на большое кольцо из толстой проволоки.

— Исключая носки.

— А ботинки? — поинтересовался я.

— Ты что? — построжал он. — Чумной?

— А чумных не дезинфицируют? — не унимался я.

Короче, через минуту я сдал всё своё насущное натянутым на кольцо, и всё это имущество, прицеплённое к стальной стойке, вместе с тряпьем остальных граждан мужского пола, уехало за чёрную заслонку.

Мы остались голыми, без всяких полотенец, без мыла, а перейти и помыться следовало в соседний отсек. Там лилась из десятка душей горячая

и холодная вода, а в вёдрах чернела какая-то гадость. Мужики, поматюгавшись, признали её дегтярным мылом, кто-то из старших попробовал использовать его, но другой из старших крикнул ему:

— Неделю сапогами будешь вонять!

Меня это охолонуло. И снова включило мой подутихший было смех. Я захохотал, и, конечно, не над запахами мужиков, а над тем, как вляпался в бабье отделение!

Но никто не понимал моего смеха!

11

Санобработкой, в общем, оказалось не столько наше мытьё, сколько прожарка штанов, рубах, курток и прочего вещевого имущества. Поскольку я пропустил эту важную деталь, то объясню, что деньги и паспорта выкладывались отдельно в потёртые мешочки и сдавались злобной тётке несвежего вида. Представьте, почему бы ей и не злиться: голые мужики сдают деньги, а потом она выдаёт их обратно, тщательно вглядываясь в каждую физиономию, не имеющую примет. Трудно ли тут обмануться?

Так что злой эта женщина была по справедливости, прожаренные штаны сразу надевать, оказывается, невозможно — так они прокалились вместе со вшами и гнидами, — и смешливое моё состояние, неожиданно явившись, так же неожиданно угасло. Жизнь продолжалась. Натянув “московку”, вложив в потайной карман паспорт и наличность, я отправился в общежитие.

Оказалось, это просто огромные аудитории. Их освободили от столов и лавок и поставили железные армейские койки на проволочной сетке. К каждой прилагался матрац, подушка, простыня и одеяло. За всё не брали ни копья, только вписывали номер твоего экзаменационного листка, а с ним и паспорта: далеко не убежишь! Да и куда бежать-то с этим барахлом?

Словом, я бросил якорь, получил место, заправил кровать, вернулся к тётке Лизе и под старушечьи ахи и вздохи, правда, перекусив и забрав чемодан, удалился в пространство, которое осваивало человек тридцать.

Этот народ поступал на разные факультеты в разных зданиях, с утра убирался туда, возвращаясь к ночи; перечитывать учебники тоже предполагалось порознь, так что мы только кивали друг дружке, мол, я тебя помню, мы из одной комнаты. И всё.

Я обходил незнакомый пространственный дом, запоминая двери, углы, повороты, и тем походил на молодого пёсика, осваивающего новое жильё. Забавное дело: помещения, где мы ночевали, соседствовали с пространствами, приготовленными для экзаменов, а дальше снова шли временные спальни — уже для девчонок, и очень просто было вляпаться в новую глупую историю, тем более что не на всех дверях были приделаны хоть какие-нибудь номера.

Столовка на нижнем этаже оказалась запертой, и встречные старожилы пояснили, что лучше бы идти в главный корпус мимо той, исторической бани, но он в двух трамвайных остановках.

Потом кто-то отыскал столовку горного института — гораздо ближе, и я стал навещать туда. Но главной моей столовкой оказался мой серый чемодан. Я покупал батон, колбасы, чайник в нашем зале имелся, и утро с вечером у меня получались вполне съестные, хотя и однообразные. Остатки продовольствия я заворачивал в газету и складывал в неприхотливое и привычное моё хранилище. Чемодан же стоял под кроватью таким довольно голым образом, потому что с койки ничего не свисало, и он, овеваемый сквозняками, не мог утаиться от посторонних взглядов. Впрочем, это касалось каждого чемодана под всякой кроватью.

12

У всех, кто поступал, своя история и всякая из них достойна памяти. Я в это верю.

Мне всегда жалковато разных там медалистов, которых зачисляли в ту пору просто так, по аттестатам, позже — после собеседования, всегда благо-

желательного и безотказного: как откажешь, если перед тобой “золотарь” — так именовались школяры, клеймённые золотом. Что тут скажешь про проблемных благополучников, не страдавших за собственную шкуру? Может, потому история знает уйму примеров, когда отличники ломались на подороге, а бедолаги и мученики пробивались к цели?

Мои экзамены пятьдесят третьего года обернулись испытанием, но, ясное дело, я этого не понял. Мне будто пригрозили пальцем и временно отступились, иначе моя судьба оказалась бы совсем иной. А всё началось так обыкновенно и, в общем, обманчиво беспечально.

Первым экзаменом оказалась почему-то география, и я сдал её безмятежно, получив четвёрку. Меня, наивного, это не озаботило. Я готовился к сочинению, и мысль о нём тревожила меня, как и всех. Народ знал, что тем для сочинений будет несколько, и уж Лев Толстой окажется обязательным в этом перечне, а Чехов — наверняка. А ещё объявят свободную тему по современной литературе. Кроме того, громко говорилось о том, что на сочинении, всячески придираясь, отсеют половину.

В известный день и час гром грянул, и в огромной аудитории на доске мелом написали темы, где были и Толстой, и Чехов. И свободная — “Образ И. В. Сталина в советской художественной литературе”.

Вот оно! Вызов к славе и беславию совершенно одинаков. Но в том и другом варианте — надо покрепче задуматься. Я и маялся, оставаясь внешне вполне спокойным.

Сладишь ли ты? Или окажешься слаб? И хватит ли слов у тебя, чтобы сказать то, что живёт и трепещет внутри тебя? Способен ты совместить кончик пёрышка с желанием высказаться? Или лучше уж испытанное — образ зеленеющего старого дуба у почтенного Льва Николаевича, прекрасный Андрей Болконский и сказочная Наташа Ростова? Да и “Вишнёвый сад”, про который давно всё разжёвано, будто мякиш для слоняного мальшша.

Впрочем, про Толстого и Чехова я даже не думал. Я думал о Сталине, и всё, что случилось в моей душе всего пять месяцев назад, вновь оживало, зачем-то приближалось и становилось почему-то важным.

Ведь с тех пор совсем немного времени прошло, горечь как будто отошла, а я закончил школу и приехал сюда.

Но почему всё так быстро затихло — я этого не мог понять! Всё это горе, слёзы, траур? И что, вообще-то, происходит с нами? Вождя больше не было! А я верил, наивный, что без вождя не может быть нашей страны.

Был ли я один такой? Даже и не знаю. Я просто знал, что мой страх за отца, когда шла война, искал выход во спасении свыше! В защите и его, и всей нашей родины, а это значило, и мамы, и бабушки, и меня. А спасение это держалось только на одном. На силе наших войск незримых из детства, но в детстве же и ясно представляемых несметных танках, орудиях, которые не дадут нам погибнуть. И отцу не дадут. Но ведь эти войска были — Сталин. Их Верховный главнокомандующий. Вот и всё.

И страх ведь в моём сердце отступил, когда отец вернулся с войны, да и вот сюда-то, поступать учиться дальше я приехал потому, что кончился мой страх, что пришла Победа. А Сталин умер, и эта великая беда ещё не отошла, и никто не понимал, что произойдёт дальше.

Сознание неискушённых — и моё среди них — вновь и вновь отыскивало опору, на которой держалось наше спасение.

В свои семнадцать лет я совсем по-взрослому переживал уход вождя. В те дни, когда прощались со Сталиным, я каждый день ходил на почту и скупал главные газеты с траурными чёрными полосами по краям. И откуда-то понимал, что именно эти газетные листы, только отпечатавшись, сразу становятся неповторимым свидетельством горя, и собирал их. На этажерке скопилась целая стопа, и никто дома, кроме меня, не прикасался к ней. Газеты горьких дней стали моим неприкосновенным страданием.

Сообщения о смерти и похоронах были одинаковыми всюду. Зато там печатались стихи, и они были разными. Я читал всё кряду. Не учил, но они сами запоминались.

Приходил из школы, откладывал портфель и перебирал стопу купленных газет, перечитывал стихи. Меня они знобили. Написанные трагическим, горьким языком, они повторялись и по радио, а я уже знал эти строфы.

А до этого... В мужской школе, как, впрочем, и в женской, были уроки музыки. Не знаю, как учили девчонок, а нас музрук ставил в несколько рядов, друг над другом, используя низенькие спортивные лавки, и мы ощущали какую-то налетавшую мощь, когда пели:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из многих тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину —
Огонь, огонь!*

И кто тогда не знал эти слова? Кто не пел их без всяких усмешек и не верил истово в них?

В восьмом классе ни с того ни с сего я выучил “Стихи о советском спорте” Маяковского и опробовал их на школьном литературном вечере. Тогда звали девчонок из соседней женской школы, потом устраивали танцы под радио, но хозяйничали, как полагается, старшеклассники, и я быстро оттуда смотался. А к смотру школьников выучил уже совсем другое, Константина Симонова, и это было довольно длинное стихотворение, а может, даже маленькая поэма под названием “Митинг в Канаде”. А потому стихи надо было читать громко, быстро, нажимая на главное. И слова поэт придумал резкие, понятные, и я тоже произносил их в лоб, утверждая даже и не мою, а какую-то общую силу.

*Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.
Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда
В знак объявления нам войны.
Я вышел и увидел их,
Их в трёх рядах, их в двух шагах,
Их — злобных, сытых, молодых,
В плащах, со жвачками в зубах,
.....
Почувствовав почти ожог,
Шагнув, я начинаю речь.
Её начало — как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь:
— Россия, Сталин, Сталинград! —
Три первые ряда молчат.
Но где-то сзади лёгкий шум,
И, прежде чем пришло на ум,
Через молчащие ряды,
Вдруг, как обвал, как вал воды,
Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится “ура”!
И зал встаёт, и зал поёт...*

Но всё это осталось в школе. Нет, почему?

13

И я бросился в сочинение на свободную тему.

Для начала надо признать, что я много читал, может, даже чрезмерно, и среди освоенного был “Хлеб” Алексея Толстого. Он описывал оборону Царицына, и там фигурировал Сталин.

С этого я и начал: как командовал Сталин в гражданскую войну, почему и превратился потом город Царицын в Сталинград. Потом я писал про войну. Наверняка у меня всё выходило довольно наивно. Я процитировал слова из “Песни артиллеристов”, которую распевал наш хор, и симоновские те заученные строки: “Россия, Сталин, Сталинград!”

Ну, и ещё одну песню я процитировал — её пели чаще других и по радио, да и у нас, когда звал отец в гости своих выживших в войне приятелей.

*Встанем и чокнемся кружками стоя мы,
Братство друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых.*

*Выпьем за то, что ещё крепче стали мы,
Выпьем за всё, чем живём,
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальём!*

Не требовалось от меня ничего особенного, чтобы это всё знать. Дети поют со взрослыми и за взрослыми. И всё, что они потом говорят и делают, хочешь не хочешь, а повторяется. Знать все эти слова никто не заставлял, мы их просто знали.

А стихотворение поэта Исаковского я выучил сам и беспричинно:

*Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само — и не сдержать его...
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.*

*Тот день настал. Исполнились сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.*

*Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

*Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.
Позвольте ж мне пожать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам*

*За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу мудрость и за Вашу честь,
За чистоту и правду Вашей жизни,
За то, что Вы — такой, какой Вы есть.*

*Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живёте на земле.*

Пёрышко моё, летая паразитически легко и уверенно по проштампованному листу, не попевало за тем, что я знал, цитировал и пытался соединить в одну мою безысходную, стоящую за всем этим печаль: что с нами будет?

Может, даже со слезами на глазах я вписал в сочинение стихотворение знаменитого Маршака. Это имя я знал с младенчества, ещё бы: “Мистер Твистер” и куча всего, что назначалось маленьким, он теперь и ко мне, одному из подростков, обращался, как к взрослому.

*Когда Вождя соратники внесли
В гранитный Мавзолей для погребенья,
Народ во всех краях родной земли
На пять минут остановил движенье.*

*За пять минут
В душе у нас встают
Великие события этой жизни.
Гудков и залпов траурный салют,
Как ураган, несётся по Отчизне...*

Я уже два раза попросил добавки у дежурных по сочинению, и мне принесли два двойных листа со штампами. Первый раз его дала мне безразличная ко всему девчонка, может, старшекурсница, а в другой раз с опаской приблизилась та, знакомая уже женщина из приёмной комиссии, похожая на учительницу. Она ещё отправила меня с Люсеттой в прожарку.

Отдавая лист чистой бумаги и вглядываясь в исписанные страницы, она с испугом спросила меня:

— Вы — что? Сочинение в стихах пишете?

Эта фраза меня, может, и спасла. Я медленно, как рыба из глубины, выплыл в этот чужой мне зал из пока ещё неведанного мною вдохновения. Совершенно здесь неуместного, конечно!

Мне надо поступить в университет, а я рассиропился на бумаге так, что хоть сопли мне вытирай. Впрочем, я так и сделал. А тётеньке ответил:

— Нет! Это цитаты!

Она так поражённо вскинула брови, что я подумал: ну, мне хана!

И здесь я крепко споткнулся. Помутневшими глазами оглядел аудиторию — головы, склонённые нал столами, плыли смазанными пятнами. Может, первый раз в жизни, один на один с собой, я должен был не только прикоснуться к чему-то опасному, не понимаемому мной, витающему где-то над нами.

Ведь совсем ещё недавно, в сорок девятом, в декабре, страна отмечала праздник. Да ещё какой! Семьдесят лет со дня рождения Сталина! И тогда в нашей школе был вечер, и во Дворец пионеров я ходил, как чтец стихов с выражением, уже себя зарекомендовавший аплодисментами за “Стихи о советском паспорте”. Во Дворце я числился среди артистов, которых выпускают в самом начале — или почти в самом! — и на этот раз я выучил, может, самое короткое, которое отчего-то мне нравилось своим, может быть, достоинством. А всего-то шесть строк!

*Нам есть, чем гордиться, и есть, что беречь:
И хартия прав, и родимая речь,
И мир, охраняемый нами,
И доблесть народа, и доблесть того,
Кто нам и родней, и дороже всего,
Кто — наше победное знамя!*

Имена авторов стихотворений не очень-то останавливали моё внимание, кроме, разумеется, таких, как Маршак, и я ещё не знал, что бывают фамилии, при упоминании которых происходят незримые глазу взрывы. Но в список ведущего требовалось вставить название стихотворения и имя автора. Уже во Дворце взрослые, видать, в последний раз оглядывая перечень с содержанием танцев, песен, стихов, вдруг споткнулись на мне. Меня поздравил ведущий, при галстук-бабочке, к тому же хорошо меня знавший худощавый артист, и, поблдевав, спросил:

— Чьё это стихотворение ты надумал читать?

Я пожал плечами, совершенно не понимая, чего это он так возбудился:

— Да Ахматова, какая-то татарская поэтесса!

— Ахматова! — то ли испугался, то ли восхитился дядька. — Да ты в своём уме?

Кровь прилила к его лицу, и он, не вдаваясь в подробности, дело переиграл:

— Читай Симонова! А это — ни-ни!

Я подчинился, читал “Митинг в Канаде”, и мне долго хлопали, а я уже прекрасно соображал, хлопают не мне, а словам этим: “Россия! Сталин! Сталинград!” Ведь концерт был праздничный, и понятно, кому посвящался праздник. Когда торжественная часть закончилась, и отблеском юбилея, хоть немножечко, был освещён и я, а дальше начались танцы, я столкнулся в туалете с этим дядькой — нет, память уже не выносит из своих глубин его имени. Всё было позади, мы стояли у соседних писсуаров, и когда дело, во время которого о серьёзных вещах не говорят, завершилось, он, помыв руки, отстегнул свою бабочку и, выйдя в коридор, обнял меня за плечи и подвёл к окну, украшенному инеем.

— Ну, видишь! Полный успех! И никаких проблем! — А помолчав, спросил: — Большое было стихотворение? То, другое?

Мне хотелось подразнить его, спросив — почему, мол, было, оно есть и куда не делось. А ответил, как полагается:

— Шесть строк.

— Ну, прочти, — попросил он. И я прочёл, впрочем, без всякого выражения.

Он вздохнул, помотал головой, спросил, в каком я классе. Это был мой седьмой класс, я готовился вступить в комсомол.

— Забудь, — сказал мне человек без бабочки, — эту Ахматову. А то можешь навредить себе... Будешь постарше, и всё узнаешь... — Он усмехнулся. — Прямо из школьной программы.

Так всё и вышло. И в билетах на аттестат зрелости и, уверен, в билетах для вступления в университет был где-то вопрос про постановление о ленинградских журналах “Звезда” и “Ленинград”. И Ахматова там осуждалась. Всякие осуждения в газетах были опасны, в такие дебри не следовало углубляться вообще.

Но всякие приключения кончаются не тогда, когда хотим мы, а тогда, когда хотят они сами, совершающиеся с неведомой целью. Да ещё они над нами будто посмеиваются, все эти неожиданные повороты судьбы.

Так что ещё одно приключение произошло очень скоро, самое большее, через неделю. Даже не в библиотеке какой — я по ним шастал исправно, записавшись в пять или шесть, — а дома: отец принёс праздничный номер журнала “Огонёк”, посвящённый всё тому же семидесятилетию, с вождём на обложке, и я, листая его, вдруг споткнулся: Анна Ахматова.

Прочитал, восхитился, вырезал стихи и ещё одно выучил — то ли назло тому дядьке, который и шесть-то строк этой тётеньки не дал произнести, то ли ещё кому, неведомому пока. И вот этот неведомый замаячил передо мной. Или это неведомое было среднего рода?

Теперь-то, сдавая экзамен в университет, я считал себя, можно сказать, почти грамотным: постановление, где громили Ахматову, принимали в сорок шестом, а семидесятилетие Сталина отмечали в сорок девятом!

Но всё-таки отчего-то замер в той университетской аудитории, как на распутье, только не как уверенный в себе знаток, а бестолковый и слегка самоуверенный щенок, с одной стороны, учувший опасность, а с другой — этой опасности жаждавший.

Ведь меня за Ахматову могли остановить... Не пустить учиться. А я хотел! Как быть?

Словно чёрт из табакерки, из-за аудиторской двери выглянул подзабытый, но желающий мне добра сухощавый артист с галстуком-бабочкой. Я даже вздрогнул. Но выглядывал из-за двери совсем другой мужик, правда, тоже сухощавый и тоже при бабочке! Но это ведь кто-то и что-то давал мне знать! Что именно — стоило ли гадать?

Однако знание, равно как и незнание, бывает трудно остановить. И я вписал в экзаменационный лист два стихотворения, одноментно слухавив таким, примерно, манером: мол, вычитал среди обильных стихов великой утраты, но имени автора не знаю. Да и так ли это важно, ведь главное — искреннее слово о вожде. Второе стихотворение было таким:

*И Вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля,
Как пышно залита лучами
Преображённая земля.*

*И с самой середины века,
Которому он имя дал,
Он видит сердце человека,
Что стало светлым, как кристалл.*

*Своих трудов, своих деяний
Он видит спелые плоды,
Громады величавых зданий,
Мосты, заводы и сады.*

*Свой дух вдохнул он в этот город,
Он отвратил от нас беду,
Вот отчего так твёрд и молод
Москвы необоримый дух.*

*И благодарного народа
Вождь слышит голос:
“Мы пришли
Сказать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!”*

Итак, меня не трогали до последнего.

Абитура наша, заканчивая сочинения, складывала их на стол, народу в зале становилось всё меньше, пока я не очутился совсем один. Я взглядывал в сторону наблюдателей, но дописывал, дописывал, торопясь, последние строки, пока, вздохнув, не поставил окончательную точку. Начал перечитывать, и снова окунулся вглубь своих соображений. Цитат оказывалось сверх всяких мер, а связующие их пассажи шли из глубин моей наивной души. И я не мог понять, что у меня получилось. Сопливый винегрет?

Краем глаза я отметил, как пожилая, пошептавшись с молодой, неторопливо поднялась и медленно-медленно, точно кошка, которая подкрадывается к мышке, двинулась в мою сторону.

Когда она приблизилась, я посмотрел на неё. Наверное, облегчённо посмотрел и отдал ей целую стопку своих листов. Она утешила, как могла:

— Самое большое сочинение!

Я ушёл прощываться по зданию, потом на улицу, всё ещё в ясно сознаваемом угаре от небывалого напряжения. Кажется, меня даже слегка познабливало, будто пережил какой-то приступ! Я спрашивал сам себя, на что намекала эта доброжелательная женщина учительской наружности? Самое длинное — ещё вовсе не значит, что хорошее. Чем больше слов и предложений, тем больше шансов пропустить знаки препинания и хапнуть трояк. А это для меня означало конец света. Одна четверка уже есть.

В нашем общежитском парламенте, пусть и не сильно многословном, отчего-то было давно известно, что у журнального проходной балл 23. Из возможных 25. Возможны две четвёрки — и всё!

14

Через три дня был устный экзамен по литературе и русскому. Там объявлялись оценки за сочинение, но только тем, кто получил больше двойки. Список двоечников, то есть отлучённых от дальнейшего, был вывешен внизу, на стенке между огромным, из какого-то, пожалуй, старинного дворца, зеркалом, наклонённым чуточку вниз, с обширной полкой перед ним и многообразием почтовым ящиком по соседству, куда клали письма студентам. Но ведь студентов не было, в ящиках белело пять-шесть недополученных

конвертов, зато в пространстве возле него, на доске объявлений висел лист с перечнем получивших дурные оценки.

В этом пространстве лёгкими облачками возникали небольшие группки. Чаще всего они быстро рассеивались, но я послушал и несколько речитативов с подвывом. Меня среди двоечников не оказалось.

Но на сдвоенный “русский — литературу” я шёл, подрагивая. И это требует пояснений. Русский язык с его многочисленными правилами я не мог детально одолеть. И кроме деепричастного оборота, всё остальное представлял себе весьма приблизительно. Да и это деепричастие-то меня заманило только своим образным примером, который был известен всей, наверное, стране: “Пятак упал, звеня и подпрыгивая”.

Однако — и это было удивительно! — не зная правил, я писал без ошибок. Секрет, пожалуй, в том, что, читая книжки, я никогда не торопился. Не гнал динамо, а, наоборот, даже перечитывал ещё и ещё раз сложноподчинённые предложения. И просто механически запоминал, где нужно ставить знаки препинания. А уж как пишутся слова, так любая книга и даёт всегда точный ответ. Проверенные навыки меня не подводили, но и незнание правил никто не прощал. А в моём билете перед разбором предложений, всегда для меня ненавидимых, был ещё Горький, вернее, его “Город жёлтого дьявола”. Много начитавший в школе, “Дьявола” я не мог осилить. А требовалось не только пересказать содержание, но и вскрыть особенности. И я заскрипел на повороте: публицистический памфлет, образ загнивающего империализма, в общем, дешёвый школьный ликбез без всяких соображательных отклонений.

Русский и литературу принимала уже явная учительница. Если та, из приёмной, только походила на учительницу своими повадками, то эта их ярко демонстрировала. Была она в меру полная, настороженная — ведь ученики-то посторонние! — и в то же время очень к каждому благорасположенная. Может, потому что это экзамены в университет, а не школьные, даже выпускные, и перед ней предстают люди разных городов и весей, что тоже к чему-то обязывает.

Словом, тётенька простого обличья, с не очень-то выразительными глазками, старалась взирать на испытуемых и по-доброму, и взыскательно, и осторожно. Всё это сразу! А я быстро уловил, что она слушает меня напряжённо и мой казённый ответ её кручинит. Что же касалось моих овечьих меканий и беканий по поводу разбора предложения, они её и вовсе огорчили.

Я увидел, как, посидев и терпеливо послушав, она протянула руку и зашелестела бумажками. Потом выдернула одну, полезла в пачку листов, лежащую на краю стола, полистала что-то, придвинула к себе. О Боже! Я узнал свой почерк. Это было моё сочинение о Сталине.

— Так вы — что? — резко перебила она моё блеяние. — Николай? Кузнецов?

Я молча указал на экзаменационный лист, к которому была приклеена моя фотография, безмолвно проваливаясь в пучину смутных предчувствий.

Но кто-то — наверное, мой личный маленький ангел — вдруг стал усердно подкрашивать эти предчувствия в розовый цвет. А потом и вообще поддал жару. Тётенька-экзаменатор оглядывала меня с головы до ног. И я вдруг увидел, что у неё очень выразительное, доброе лицо. И оно не скрывает удивления! Не могла, мол, и подумать, что это вы!

— Но! Вы! Же! — восторженно восклицая каждым словом, торжественно произнесла тётенька. — Написали! Превосходное! Сочинение! Пятёрка по всем пунктам! — И тут она перешла на шёпот: — Столько знаете! А сейчас!

“Что — сейчас?” — хотел спросить я с горестью, которую, к счастью, не поддержал мой ангел-хранитель.

— А сейчас, а сейчас, — качала головой моя испытательница, разглядывая — разглядывая — разглядывая меня и всё не уставая кивать каким-то своим потаённым мыслям.

А потом она молча взяла мой листок, и через её плечо в простеньком и неновом, но всё-таки не чёрном платье я увидел, как она ставит: “сочинение” — 5, “русский и лит-ра” — 5.

И опять повернулась ко мне. И как-то совсем по-взрослому, с неведомой мне доверительностью и неким лукавством, спросила:

— Ну, а кто же всё-таки этот прекрасный, неназванный вами автор? Вы знаете?

Я чуточку колебнулся. Передо мной трепыхался экзаменационный листок в руке учительницы. И я солгал. Чтобы ложь осталась неизречённой, пожал плечами.

Она понимающе прикрыла веки.

15

Никогда я больше не встречу эту учительницу, принимавшую у меня экзамен в университете. Да, признаться, я и выскочил-то поскорей, схватив листочек с двумя пятёрками, чтоб не передумала — мало ли? Но чем дальше отходит от меня то время, тем необъяснимее и благодарнее я думаю о её решимости. Спасибо ей! Что-то такое всё-таки сделала она не по правилам. И я думаю, это что-то означало главное для меня: не помешать! Дать дорогу мальчишке, его искренности. Если чего-то не знает, потом доберёт. Жизнь научит, чему надо. А чему не надо — можно и не учить.

Удивительно, но через день я нарвался на ещё одну такую же тётеньку. На экзамен по французскому я пришёл, как парусный корабль после бури. Паруса, может, надуты ветром желаний, но днище пробито, течёт и, чуть тронь, затонет, как пустая бочка.

Французский сдавало совсем мало народу, и всё девчонки, из лиц мужского пола один я. Иностраный язык — не математика, тут шпаргалок не бывает, а требовалось сначала прочесть вслух, показав произношение и навыки чтения, небольшой кусочек французского текста, тут же его перевести и потом ответить ещё на два вопроса, разобрав предложения и обнаружив знание правил.

Боже ж ты мой, как мерзко чувствовал я себя! Окружавшие меня девицы, всё больше из местных, ловко щебетали экзаменаторше и, улыбаясь, вылетали свободными птахами. А за столиком сидела полная дама с ярко накрашенными губами, этаким сердечком, и эти губы давали мне понять, что участь моя незавидна. Свои вопросы девчонкам она задавала по-французски, ей отвечали тем же, и рыхлое тело “французенки”, казалось, колышется от наслаждения — везло же мне на пухлых дам!

Однако я быстро вынудил её перейти на русский. Чтение моё ещё кое-как сошло мне с рук, перевод она поправляла много раз и довольно радикально, а услышав моё толкование правил, задумалась и отвела взгляд в сторону.

Пришлось сменить тактику и вкрадчиво, чтобы не привлекать внимания остальных, сказать ей, что у нас в школе за год менялось по пять учителей французского и что лично я обожаю французскую литературу — назвав очередь, почти автоматной, имён пять из самых прославленных. Она, может, впервые внимательно, хотя и искоса, посмотрела на меня. Потому что за этим последовало моё горячее желание как следует выучить язык оригинала этих великих кудесников слова.

— У вас такие хорошие оценки! — полушёпотом сообщила мне французенка с накрашенными губами. — А вы не тянете и на тройку!

И я увидел доброту в её вишнёвых глазах.

— Ну, пожалуйста! — попросил я.

Она сочувственно вздохнула и вывела мне тройку.

— Это катастрофа! — проговорил я.

— Но я не могу! — жалостно взгляделась она в меня. — Я и так! А вы — получайте пятёрку на следующем экзамене! И всё в порядке!

Я, конечно, возненавидел её. Точнее, я возненавидел себя, но что толку? Иностраный язык не выучишь за неделю перед экзаменом и даже за лето, к примеру. А репетиторства тогда не было и в природе, если кто не знает. Оно если и не преследовалось, то осуждалось.

Так что имя Сары Христофоровны, с которой всё-таки я встречаюсь в сентябре, оказавшись студентом, я запомнил ещё в августе. Однако на большее по французскому рассчитывать и не приходилось. Значит, требовалось серьёзное отвечать на географии — это раз. А попасть в пятёрку на истории только ещё предстояло. И всё же я поверил её полушёпоту. Так что и она мне вроде помогла. Только совсем не так, как учительница литературы.

Историка я навсегда запомнил. Три дня, дававшиеся на подготовку к последнему экзамену, я провёл на балконе у тёти Лизы. Оставил под кроватью в общаге свой серый чемоданчик, приехал к ней с просьбой о ночёвках перед историей, и всё, что было во мне, все свои мозговые ресурсы и всё остальное, что небо отводит для умственной энергии, использовал до упора, потому что проходным теперь называли 22 балла.

Стараясь не расплескать свои знания, я, видать, запутался в трамвайных маршрутах и опоздал. За что и споткнулся о плохую встречу: усталый экзаменатор, немолодой мужчина, проговорил:

— Но вы опоздали!

Я ничего не ответил. Ответил, наверное, мой щенячий, повинный вид, полный отчаяния: передо мной вонзилась в пол сверкающая молния.

— Берите билет! — устало проговорил экзаменатор, но тут же оживился. — А без подготовки можете? Прибавлю целый балл!

Вот это преимущество. И я кинулся вплавать в своё уходящее будущее.

Слава Богу, что я повторял историю у тёти Лизы! Слава Богу, что не отвлекался ни на какие её душевные собеседования! Слава Богу, что был переполнен историей до кончиков своих ногтей!

Я говорил быстро, уверенно, не теряясь. Читал вопрос — и летел вперед. Мужчина поднял брови домиком, и едва я разлетелся, остановил:

— Следующий вопрос!

Я разогнался по другому вопросу, а он снова оборвал меня:

— Следующий!

Остановил и в третий раз. Спросил дату Куликовской битвы. Сказал неожиданно пошрительно:

— Если бы я сдержал своё слово, пришлось бы ставить шесть. Но такой оценки нет. Желаю удачи!

Вот такое стечение обстоятельств: историка этого я тоже больше никогда в своей жизни не увидел. Но проходной оказалась цифра 23.

Её объявила та самая женщина учительского обличья из приёмной комиссии. Зачисление в студенты проходило прямо у ректора, перед кабинетом которого находилась огромная приёмная. Народ туда, ясное дело, не пускали. Живая толпа клубилась и сдержанно бурлила в широком коридоре, я никого не замечал, и всё во мне сторало в тяжёлом и медленном пламени. Но всё-таки ангел находился где-то поблизости. И хотя я не ощущал его обычной уверенности, надежда на чудо меня не бросала. А иначе — что? Куда я? Зачем и почему?

Вышла эта тётенька и объявила:

— Зачислены все льготники, не получившие двоек. Участники войны, бывшие военнослужащие, абитуриенты из районов Крайнего Севера. Зачислены и все остальные, получившие 23 балла!

За её спиной уже вывешивали списки принятых. А я, покрывшись холодным потом, прислонился к стене.

В коридоре слышались ликующие восклицания, радостные вскрики, но и стоны, в общем, стоял шум, так что мало кто и расслышал, как она назвала две фамилии — мою и какую-то ещё. Было велено подождать.

Этим другим оказался Борик Рябиков, которого позвали в кабинет ректора, и он почти сразу выскочил оттуда, улыбаясь. Потом я узнал, что он выпускник детского дома. Позвали меня.

Никогда не забуду огромную пальму в углу. Она слегка потрескивала на сквозняке своими жёсткими листьями, как будто строчит далёкая-далёкая пишущая машинка, надо же! За столом сидел седой и неприветливый человек с нахмуренными и мохнатыми чёрными бровями. С одной стороны возле него была всё та же благосклонная женщина, а с другой — мужчина из приёмной комиссии, который отправлял в санобработку.

— А зачем вам учиться? — вдруг спросил меня бровастый ректор, и я содрогнулся. Был бы послабее, свалился с ног. Но это, оказалось, шутка.

Ректор листал мой скромный альбомчик с вырезками и продолжал таким же мрачным голосом:

— Вы и так всё умеете! Вон у вас сколько заметок!

Ну, взрослые! Да ещё всемогущие! Разве же можно этак-то?

— Ну, хорошо! — продолжил седой, теперь уже взглядываясь в меня. — У вас тройка по иностранному, стипендии первый семестр не будет.

— Помогут родители! — твёрдо ответил я, заранее обдумав своё положение.

— Но и общежития у нас нет! — продолжил он испытывать меня.

— Сниму койку! — ответил я.

— Тогда желаю удачи! — сказал ректор.

16

С этим Борей Рябиковым из детдома мы и вышли из огромного, почти сразу опустевшего здания. Только теперь разглядел я толком своего напарника по удаче. Был он невысокий, белокурый, розовощёкий, похожий на озорного поросёночка, и всё время подпрыгивал почему-то, подскакивал, постукивал копытцами. Зато я походил на лимон, выжатый до полного истощения.

Борис подскакивал, а я волочил ноги, и мы, не сговариваясь и ни о чём не толкуя, медленно шли вдоль трамвайных путей куда-то в сторону центра. Хотелось жрать, и вот это-то справедливое чувство, наверное, разумнее всего возвращало меня к жизни. Я оглядывался по сторонам в поисках хоть какой-то столовки, но они, как назло, не попадались, и мы подошли к самому что ни на есть городскому перекрестию.

Здесь у кинотеатра с непривычным мне названием “Совкино” сходились и расходились трамвайные пути во все четыре стороны света. Грохот стоял тут не то чтобы ужасный, но постоянный, водители трамваев постукивали своими сигналами, похожими на частый бой молоточков, поворачивали свои красно-жёлтые вагоны, а люди, будто нарочно испытывая судьбу, перебежали дорогу у них под самым носом.

Напротив “Совкино” мы увидели кафе-мороженое и зашли туда. Пришлось взять по мороженому и — надо же, какая вольность! — по гранённому стакану шампанского. Замечу мельком, что шампанское в той кафешке бокалами не подавали, да и взрослый народ подозрительно клубился возле невзрачного заведения, намекая, возможно, и на другое, более практичное, пренебрежение этой вечно живой стеклянкой тары.

Мы уселись за столик. И вот тут только я понял, что со мной произошло! Через час примерно после спасительного приговора.

Здесь в самую пору заметить, что шампанского я до тех пор никогда не пробовал. Портвейн на выпускном из горлышка — да. Назывался “777” — “Три семёрки”. Но портвейн мне на душу не лёг. А тут шампанское! Советское! И по гранённому стакану! Да и голодные мы были до полной пустоты. Да и шампанское никто не учил пить — ни меня в семье, ни Борика в детском доме. И мы в один присест хлопнули по стакану, как показалось, шипучки, и стали с голоду заедать мороженым.

В голове пыхнул чудесный жар, недавние горести показались волшебным сновидением, а поросёночек Боря — превосходным собеседником, чего в последовавшие годы я больше не отмечал.

Нам было не просто хорошо, а превосходно радостно — вот как я обозначил бы то наше состояние. Мы считали себя удачниками без всяких оговорок. И даже нахально смеялись над препятствиями, которые пришлось одолеть.

У Борика вообще оказалось три тройки — по немецкому, за сочинение и по литературе. Я попробовал удивиться, но только восхитился его удачей — детдомовца приняли бы со сплошными тройками, оказывается! И стипендию ему дали! И общежитие!

О, как мы были чисты и наивны! А я восхитился таким справедливым правом и совершенно не позавидовал. Я только тайно вспомнил, как милые

мой мама и отец, вернувшийся с войны, отыскав аж Героя Советского Союза, отправляли меня на багажной полке сюда, — и мысленно прильнул к ним!

Но как я мог! Ведь мне следовало не шампанским упиваться, а бегом бежать на Главпочтамт, чтобы отбить самую срочную телеграмму в мире: “Родные мои, я поступил!” Или чуточку скромнее: “Меня приняли!”

Я радостно сообщил Борику, что намерен направить свои стопы к телеграфу, но стопы не слушались.

— Отлично! — говорил Борик. — Я тоже отправлю депешу в детдом. Хотя! Они и так знают, что я поступлю! Ведь главное было — не получить двойку. А кто мне её поставит?

Я отнёс своё непонимание к заслугам советского шампанского, спросил удивлённо:

— Ты хорошо знал? Или они не могли?

— Не могли! — блаженно улыбался он, несерьёзный человек.

— А чего? — спросил я.

— Ну, кто поставит двойку абсолютному сироте? — засмеялся он, хотя смеяться-то было нечему. Я поёжился на скрипучем кафешном стуле.

— Погибли на войне? — спросил я, сочувственно разглядывая Борю.

— Нет! — ответил он, слегка покачиваясь и радостно улыбаясь. — В заключении!

— У немцев? — обратился я за подтверждением.

— Нет! — радостно воскликнул Борик. — У нас!

Настало ли у меня хоть какое-нибудь протрезвление? Совершенно нет!

Я уклонился от начатого разговора как-то интуитивно, подумав, что Борику неприятно говорить на эту тему. И мы с ним, долизав мороженое, вышли из кафе, послушали звяканье трамваев, поглядели на пешеходов, выскакивающих из-под них.

Живая жизнь отодвинула печальную тему, и мы расстались.

Я отправился на телеграф, он же, помотав головой, не согласился идти со мной, а, неумело выравнивая шаг, устремился к остановке, откуда трамвай двигался к общежитию.

Повесть вторая

ТЁТЯ ДУСЯ И ДРУГИЕ

1

Итак, это было восемь лет спустя после жестокой и страшной войны, и нам всем очень хотелось, чтобы она поскорей осталась позади.

Да что значит — поскорей? Разве просто восстанавливать Сталинград, разрушенный до основания? Или Минск? Мы смотрели в кино “Новости дня” под бравурную музыку и бодрые голоса дикторов, и картинки новых домов совпадали со словами и мелодиями, но только совсем неразумный оболтус не понимал, какая эта тягота — строить целые города! После войны-то, где мужиков убито несметно!

Конечно, тревожно вздрагивала душа, когда из чёрной тарелки репродуктора слышался вдруг снова голос Левитана. Но теперь — и это было каждую весну! — он объявлял о снижении цен.

Потом, спустя годы и даже десятилетия, объявятся злыдни, ничего доброго-то сами не совершившие, но хулившие снижения: мол, мало этого было людям, мол, политика тут одна, но мы-то, и не только малые, но и матери, и отцы, кто жив остался, улыбались: жизнь-то вроде лучшает, а? Особенно, когда так упорно каждую весну нет-нет, а снижение всё же...

Да, мы наивно хотели, чтобы война ушла поскорее вдаль, но у неё был свой, непоспешный, отступ, и никто ещё не забыл, хоть карточки отменили, сколько граммов хлеба полагалось в день на взрослого, а сколько — на иждивенца.

Так что, поступив учиться, я тут же осознал первоначала философа: бытие — первично, сознание — вторично. Прежде чем спорить и отыскивать истину, было желательно сперва поесть.

Первые недели и даже месяцы студенческой вольницы всё путалось и менялось. Ели торопясь, кое-как, чтобы поскорей вернуться в опустевшие аудитории и сбиться там в небольшие спорящие стайки. Но бытие брало своё, особенно в конце месяца.

Родители, конечно, спасали меня. Я же поступил с тройкой по французскому, и до первой сессии стипеншки лишался. Да ещё и общаги тогда первокурсникам не давали, кроме фронтовиков, северян да сирот. Пришлось снимать койку, и в маленький частный домик нас набилось, как мелкого чистика в плоскую консервную банку: трое мальчишек в одной комнате, четверо математичек в другой, и каждый платил хозяйке по 200 рэ в месяц.

Так что требовалось на прожитые рублей 500, считая на еду по червонцу в день. И мы приспособились так: брали по полкило масла и сахарного песку, да ещё чай в пачках. К ним — утром и вечером — по “городской” булке. А в обед — щи, котлета, чай — рублей на 5—7. Всё остальное как бы исчезло. Да впрочем, это всё остальное-то ещё и не появлялось в нашей юношеской свободе.

Тетрадки для конспектов — они стоили недорого. Ручки и карандаши? А учебники, если таковые требовались, выдавала читалка, и отчего-то хватало всем. Про одежду, ботинки и всякие там прибабасы мы, мальчишки, по крайней мере, вообще не разговаривали: носили то, что было, и никто на эту тему не печалился.

Это, конечно, звучит совершенно несовременно: ходить в том, что есть. Этакая философия нищеты, что ли? Но вот ведь любопытный вывод: больше времени оставалось на иное. На мечты. На споры, которыми мы как бы нащупывали смысл собственного существования. А он уж и не так убог был, напротив, более чем высок: кто мы, зачем мы, что мы можем в этой жизни осуществить? И это в державе-то, ещё кровоточащей. Ещё не оплакавшей свежих могил. Не залечившей ран — в прямом и переносном смысле этих слов.

Не обращаю внимания на то, кто и как одет, мы толковали о разных разностях с одним смыслом: всё у нас впереди. И мы находимся под защитой чего-то большого и важного. Захочешь, и всё получится, только надо горячо захотеть, да самому как следует потрудиться.

Не берусь судить про всё тогдашнее общество, но студенческий мир напоминал созревающую бражку — это такой напиток, который делали умелые хозяйки: остатки хлеба, может быть, хлебные корки, дрожжи, вода, чуточку спирта — и ядреный получается напиток. Слегка хмельной, — а порою и хмельной основательно, — приятный на вкус.

Почти как человеческий самообман.

Пьешь и веселишься, а потом подняться не можешь!

3

У тех, кто стипендии получал, — а их получали все, кроме меня, — споры выдыхались, когда деньги кончались. Братва расходилась в разные стороны в поисках счастливой десятки. Чаще всего деньжонки эти, на один день, находились у девчонок, и кто-то кому-то одалживал с возвратом в день стипеншки.

Я же, напомним, стипеншки не получал. Конечно, я старался изо всех сил растянуть мамины деньги на тридцать дней по десятке в сутки. Но получалось не всегда, с провалами. Надо было купить проездной на трамвай или троллейбус, и хоть он был студенческий, подешевле, тридцать-то рублей вынь да положь. На баню да за стрижку — расходы все неотложные. А было ещё кино! И хотелось в театр!

Впрочем, признаюсь: главной причиной моего личного финансового дисбаланса были книги. Я даже старался выработать в себе волю к непосещению

книжных магазинов. Но выходило это плохо. А тогда в книжном на Малышева продавались истинные чудеса. Коллекция из собрания живописи президента Филиппин Сукарно: толстые тома — под тысячу каждый! Только облизываться можно! Но без некоторых книжек, казалось, прожить невозможно. Например, “Истории русской журналистики XIX века” Новикова! Спроси меня теперь, сильно ли она пригодилась, я и плечами пожму, а тогда мне казалась жизнь без неё невозможным делом, раз уж я выбрал такую профессию. Был чудный Гоголь в кожаном переплёте и не менее чудный “Пётр I” Алексея Толстого!

Да всё мне в этих книжных той поры казалось невероятно важным, однако недоступным и всё же достижимым, если попробовать ужать свои потребности, и без того скромные.

И вот я доужимался в один прекрасный день. Зажав в кулаке смятый рубль, заказал суп-лапшу. Даже без чая.

4

Тётя за кассовым аппаратом, всегда приветливая, — мы знали, её зовут Дуся — удивлённо глянула на меня, пробила чек и взяла мятый рубль.

Я прошёл в зал, состоящий из дюралевых столиков и таких же стульев, принёс себе тарелку с ложкой.

В тот раз я был один, без всегдашних моих приятелей — видно, каждый кашевался самостоятельно. А может, я просто отстал от толпы, мне требовалось за чем-то в город, может, на главпочтамт, ведь именно там, в окошечке писем до востребования, я получал мамины письма и переводы, чтобы они не затерялись на студенческом прилавке.

Большинство нашего народа письма получали где-нибудь во втором перерыве, внизу. Рядом с раздевалкой к стене было прикреплено старинное зеркало с широкой полкой понизу, вроде целого прилавка, и почтальон выкладывал на эту полку целую гору писем, переводов, а то и телеграмм. В перерыве их разбирали, а что оставалось, раскладывали по алфавиту в ящичек, висевший неподалёку, и там эти остатки кисли, пока их не разберут или не вернут почте по случаю невостребованности.

Некоторые письма я получу и на этот прилавок, но потом, позже, а мамины депеши, особенно содержавшие пособия, я предпочитал получать по адресу: “Главпочтамт, до востребования”. Чётко и совершенно надёжно.

Но в тот день я не получил перевода, последнее копейку истратил на трамвай, а мятый рубль проел, употребив лишь один сунец с лапшой. Зато у меня в чемоданчике появился Шандер Петефи! Как без него!

Пока хлебал лапшу, не ощущая вкуса, листал книжку и ликовал. Я и раньше читал Петефи, в девятом ещё классе купил небольшую книжку в красных корочках и восхищался даром Божьим венгерского классика, но тогда я был один. А теперь, заглянув в книжный по дороге с главпочтамта в университет, увидел новое издание, взял моего любимца в руки, нашёл знакомые строки, и мне тут же захотелось прочитать их друзьям. Купил, не задумываясь, и тут, в столовке, опять в одиночестве пока что, восхищался такими великими двустишиями:

*Что ела ты, земля, — ответь на мой вопрос, —
Что столько крови пьёшь и столько пьёшь ты слёз?*

Мимо тёти Дуси я прошёл, наверное, с отрешённым несколько видом. Помню только, что она проводила меня взглядом сочувственным, даже жалующим, и я запоздало кивнул ей.

Зато перед аудиторией, где сидел после занятий наш народ, я снова раскрыл книжку, вошёл к друзьям и воскликнул, обращаясь к ним стихами Петефи:

*Что слава? Радуга в глазах,
Луч, преломившийся в слезах.*

Народ обернулся ко мне основательней, отрываясь от книжек и конспектов, а я, уже в открытую распахнув книжку, прочитал:

*Но почему же всех мерзавцев
Не можем мы предать петле?
Быть может, потому лишь только,
Что не найдётся сучьев столько
Для виселиц на всей земле!
О, сколько на земле мерзавцев!
Клянусь: когда бы сволочь вся
В дождя бы капли превратилась —
Дней сорок бы ненастье длилось,
Потоп бы снова начался!*

Я попал в самую точку! Кто-то ещё скрывал свои поэтические опыты, а кто-то и являл их узкому дружескому кругу, но сочинительством болела, наверняка, четверть курса из пятидесяти душ, а потому Петефи не мог их оставить безучастными. Стихоплёты наши только вступали в образование, большинство и не слыхало имени Петефи, но такие дерзкие строки многому научали, что уж там толковать.

А я был тайне счастлив, даже горд, что кинул камешек в пруд и от него пошли круги. Поэты спорили с непоэтами, эти самые непоэты упирали на содержание, может, впервые все мы слышали известное, но считавшееся непубличным слово “сволочь” в стихах признанного классика — ведь ни у Пушкина, ни у Лермонтова оно не употреблялось, — в общем, вокруг меня раздавались разрывы словесных снарядов, впрочем, не очень-то впечатляющие, и я затих. А ещё немного погода почувствовал голод: тарелка лапши быстро разошлась по клеточкам моего молодого организма, и требовалось подкрепление.

Я, оставив друзей, яростно спорящих уже с цитатами от Лафонтена до Карла Маркса, зачем-то спустился в столовку, но там было пусто. За стеклянной полукруглой витриной буфета — чистые железные полки. Касса тёти Дуси холодно блестит и закрыта на висящий замочек.

Только, может быть, сейчас я разглядел внимательно этот полустеклянный скворечник: деревянная, крашенная в белое основа и склеенный из плексигласа короб на ней. В прозрачной стене проделано кассовое полукруглое окно, теперь тоже запечатое изнутри.

В самой столовой, на раздаче ещё слышались голоса, лилась вода, наверное, отмывали посуду, и там, пожалуй, оставалась какая-никакая жратва. Но я не решился заглянуть в обеденный зал. Достоинство не позволяло.

5

Но что же такое это достоинство?

Гордыня? Так это грех. А достоинство — вовсе не грех, наоборот, какое-то преимущество, что ли. Уважение самого себя, может быть? Жёсткое к себе отношение. Не можешь чего-то сделать — отойди, даже отступи, но с этим самым — с достоинством. И переносить всякие сложности тоже надо с ним. Не сдаваться, не унижаться, а одолевать, не жалуюсь, — это и есть достоинство.

Но проще иных всяких зол достоинство поражает голод. Я хорошо помнил ещё недавнее в ту пору собственное детство и маленьких шакалов из восьмой столовки, которые, несмотря на тёток у входа, проникали туда, присаживались за стол к тебе и просили: “Мальчик, оставь!” И я оставлял немного супа или полкотлеты. И хотя по летам своим я ещё много чего не понимал и не знал, что значит слово “достоинство”, но без всяких объяснений жалел человека за то, что он унижается. Из-за голода.

Теперь я знал про достоинство. Однако оно плоховато помогало.

Перевода от мамы всё не было, и я стал занимать. Сначала по десятке. Как и мои дружки, у девчонок. Потом занял полста. Это была большая такая

денга, целый лист, полностью закрывавший ладонь, зелёного цвета ассигнация с Лениным на фасаде. Ухитрился растянуть на целую неделю.

Спросите, почему домой не позвонил? Да просто потому, что телефонов тогда почти не было. Чтобы услышать живой голос, требовалось пойти всё на тот же Главпочтамт, в зал междугородних переговоров, и делать это надо было дня за три, оплачивать заказ, чтобы там, дома, на такой же почтамт вызвали маму. Это сколько же беготни и беспокойства, а главное, мама бы изволновалась до слёз за эти дни до разговора: что такое случилось со мной, может, какая беда?

И, ясное дело, я не звонил, даже думать об этом не думал. Терпел.

А тётя Дуся всё разглядывала меня. По крайней мере, мне так казалось. Я вежливо здоровался, когда доходила очередь до меня, и не глядя в меню, а только в её лицо, весело произносил:

— Щи, котлета, чай!

Она обязательно спрашивала в ответ:

— А какой гарнир? — ясное дело, к котлете.

И тут уж я чередовал: капуста, гречка, пюре. Она называла цену, я протягивал деньги, вежливо благодарил, уходил к раздаче. И в эти мгновенья, повторявшиеся каждый день целых пять лет, я навсегда, оказывается, вписывал в свою память тёти Дусино лицо.

Она не была старой, совсем нет. Ей ещё пятидесяти не исполнилось, это наверняка. Лицо круглое, простое, глаза серые, спокойные, волосы тоже серые, вот губки она всегда подкрашивала, и эти губки немножко меняли цветовую гамму. Обыкновенное русское лицо, иными словами, без особых примет. Только вот улыбочное было лицо у тёти Дуси. Она всем улыбалась. Улыбалась всегда, выполняя, вроде, совсем простецкую эту работу: пробивала чеки, брала деньги, что-то спрашивала совсем незначительное, ей отвечали.

Уж потом, позже, я спрашивал себя не раз: а не надоедали ли ей эти наши повторяющиеся каждый Божий день физиономии всё с теми же, почти одинаковыми словами: суп, щи, борщ, котлета? И понимал каким-то странным образом: нет, не надоедали. Напротив, тётя Дуся не смотрела на нас, а рассматривала. Она как будто вглядывалась в лица этой бесконечной и каждый день повторяющейся очереди. И не уставала нас запоминать. И что-то про нас думать. Про каждого.

Улыбаясь и вглядываясь, она, тем не менее, ловко нажимала на кнопки своей кассы, принимала деньги, давала сдачу, но это происходило как бы механически, помимо её внимательного, доброго, запоминающего взгляда и улыбки, не сходящей с лица.

Что же касается меня, то, наверное, всё дело было как раз в этой тёти Дусиной наблюдательности. Не то чтобы я был вечно весёлым дурачком, вовсе нет. Проходил я и мрачные испытания, связанные почему-то с необходимыми вещами. Кошки, случалось, скребли на душе почём зря! Но всё-таки в целом я глядел на мир более чем радужно! Мне всё время хотелось говорить и улыбаться. А если не говорить, то улыбаться всё равно! И тётя Дуся улыбалась тоже.

Вполне могу предположить, что она улыбалась из вежливости и доброжелательства, а я — от переизбытка щенячьей радости. Мне всё виделось внове, казались преодолимыми любые неприятности, а впереди, где-то там, пока ещё за высокими горами виделась радостная взрослая жизнь. Вот, наверное, улыбочная женщина и разглядела в улыбочивом студентике эту навивную радость, которой всё нипочём, даже голодуха.

И вот в один прекрасный день, когда, отстав от остальных, а может, напротив, всех их опередив, я подошёл к кассе и дошёл до ручки: пробил, улыбаясь, два сладких чая по десять копеек. Но тут тётя Дуся, тоже улыбаясь, сказала мне:

— Да что вы! Вам надо поесть! Пробеите, что хотите, а потом отдадите! Со стипендии. Я запишу, что вы мне должны.

И я сказал ей свою фамилию, которая, оказывается, ей была откуда-то и так известна, и она вписала её в чистую тетрадочку, появившуюся из-под кассы, вместе с суммой, на которую был пробит чек.

Боже! Я не знал, что подумать. Пообедав, хотел снова подойти к ней, но никакого разговора не получилось, потому что перед кассой стояла очередь едоков, сосредоточенных на содержимом своих неглубоких карманов. Так что я просто поклонился ей, улыбнулся и прижал руку к сердцу.

Она махнула на меня рукой.

6

Вот таким образом, в кредит, я поел ещё дня три на глазах у всего моего поражённого приятельства. Впрочем, это слово — кредит — было совершенно незнакомо моим поколением. Разобраться, как следует, что кредит требует выплаты процентов, этакое выгодное кредитору дельце, мы и не пытались, и тут речь шла о простом долге. Ещё проще: кормёжке в долг.

Дня три тётя Дуся кормила меня в долг, помечая в своей тетрадке дату и сумму, а я, птенец желторотый, распушал перья. Научился брать в добавку к нормативу салатец, извини-подвинься: зелёный нарезанный лук с половинкой яйца вкрутую и со скромным шматком сметанки — настоящее объеденье! Жизнь улыбалась, ей-богу, и мои дружачки стали поглядывать на меня, может, даже с некой завистливостью. Происходило непонятное: стипендию я не получаю, деньги из дома задерживаются, а я жирую, как ни в чём не бывало.

И тут ещё судьба со мной всерьез поговорила. На Главпочтамте я получил от мамы сразу два послания: почтовый перевод аж на 450 рублей и короткое, но печальное письмо: умерла моя бабушка по отцу, родители были заняты её похоронами, и мама задержалась с переводом, извинялась теперь передо мной за свою нерасторопность. Бог ты мой! Да разве я не понимал! И не в деньгах дело, а в том, что бабушки больше нет! И хотя они с другой моей бабушкой — маминой мамой — не ладили, да и мама моя жила с этой бабушкой не в ладах, её было жаль до слёз, что со мной и случилось. Я читал письмо за массивным столом для посетителей большого зала главпочтамта, и губы мои тряслись, а солёные светлые градины непослушно катились из глаз.

На другой день, рассчитываясь с тётей Дусей, я неожиданно для себя в тот момент, когда она отсчитывала мне сдачу с полусотни, которую я ей протянул, спросил:

— Тётя Дуся, а пусть эта сдача у вас останется. Я и ещё добавлю. Зато обед у меня гарантирован, правда?

Она задумалась на минутку, потом рассмеялась и ответила:

— Я буду у вас вроде как сберкасса?

Мне понравилось это выражение.

— Надёжнее! — рассмеялся я.

И отдал тётя Дусе ещё сто рублей.

7

Из тех, из 450, мне предстояло рассчитаться за крышу над головой, а это минус двести, да сто пятьдесят в общей сложности я отдал на столовку. Что ж! Французская булка с хрустящим гребешком по спинке за 70 копеек, умноженная на два — утром и вечером, — да масло с сахаром, взятые впрок, обещали постоянство, даже некоторое успокоение — ведь ни о чём печальнее, как прежде, не приходилось. По крайней мере, жизнь пошла как-то ровнее. Несколько увереннее.

Тут уже пора рассказать про моих самых близких сподвижников по курсу, грядущей профессии и, конечно, питанию.

Один из них имел странное имя — Джурка Скок, но никак не соответствовал этому игривому звукосочетанию. Неясно, какой нации или породы, родом из Красноярска, он был улыбчив, круглолиц, внешне добродушен, играл на аккордеоне, который привёз с собой на частную квартиру и нередко брался поиграть чего-то расхожего нам с Бобой Виннером — тот шёл на чистого филолога, был медалистом и от моих забот оказался пока далёк.

Джурка был высоким, достаточно массивным, а на груди первое время носил три медальки, означавшие его победы в стрелковом спорте. И ещё он

считался состоятельным. Я и сам не раз стрелял у него десятку-другую, разумеется, до стипендии, он ведь и стипендию получал, и батя его или, вернее, мать отваливала ему по полтыщи в месяц — это кроме платы за жильё.

Материальный разрыв в две сотни для нас значил тогда очень много, хотя и не стоил очень-то дорого. Повторюсь — триста в месяц чистых только сдержанная еда, двести — жильё, а всё, что сверху — уже дикое барство.

Таким же примерно капиталом располагал ещё один мой дружбан — Минибай с Крайнего Севера. Студенты оттуда принимались по северным льготам и без учёта баллов — только сдай. Вне конкурса. С Джуркой и Минибаем я сошёлся сразу, неизвестно даже, по каким причинам. Просто ходили вместе, да и всё.

С Джуркой же мы вместе рассчитывались за жильё с домовладелицей Анной Павловной, сокращённо — Анапой: первого числа каждого месяца вынь да положи эти 200 карбованцев за предстоящее житьё — посуровой, чем в отелях новых времён, где рассчитываются не до, а после проживания. Но городина наш, уральский столп, был могуч и многообразен в проявлениях своих граждан, не очень-то заботился о таких мелочах, как благосостояние отдельных из них. Особо — беззащитных.

С Джуркой, как, впрочем, и с третьим, Бобой, мы вставали по утрам, умывались ледяной водой — о горячей и не мечтали! — из-под крана в каморчке для туалета размером метр на метр, брали у Анапы — единственная бесплатная радость! — чайник с кипятком, хлебали, обжигаясь, чай, заглатывая при этом вчерашнюю французскую булочку по 70 копеек штука, намазав её при этом ещё и лёгким слоем масла.

Жизнь оживала! Боба, часто обгонявший нас, удалялся первым, и ему вознаграждалось за такую дисциплинированность — он успевал проехать три остановки в троллейбусе, втиснувшись вовнутрь. Мы же с Джуркой вечно отставали, а потому подгребали к остановке в самый что ни на есть час пик — ситуация по утрам менялась за минуты. Наладились со временем и вовсе не спешить, а взбираться на задний буфер троллейбуса и катить, уцепившись одной рукой за сооружение наподобие лесенки, достигая сразу двух целей — не давились в этой забитой народом консервной банке, которая по ходу, бывало, даже приседала на правый бок, где особенно стучалась масса тел, и сэкономили небольшие, но всё же кровные средства.

В другой руке мы всегда держали небольшие чемоданчики. Это сейчас велик ассортимент подручных приспособлений для переноски студенческого барахла — и сумки ручные, и через плечо, и даже рюкзаки за спиной... Тогда бы, небось, подивились. А потому таскали чемоданчики: девчонки — совсем небольшие, сантиметров сорок на тридцать, а наш брат — чуть покрупнее. Входило туда, почитай, всё, что нужно: тетрадки с конспектами лекций, которые нам читали, некоторые учебники, нужные книжки, зачётки, даже булки, если надо, и бутерброды, которые ел народ посостоятельней.

И вот мы тряслись на буфере троллейбуса — одну остановку, другую, третью. Поначалу это было приятное удовольствие без всякого страха. Но троллейбусные власти слышали жалобы своих водителей, и на некоторых остановках появились ловцы. Ловцы безбилетных — это-то ладно и вполне понятно. Но тут явилось племя довольно длинноногих и тренированных мужиков молодого возраста, которые стали отлавливать буферников. Поэтому при подъезде к остановке было желательным выглянуть за бок троллейбуса, — а вытянутой руки не хватало! — и при замедлении хода спрыгнуть и рвануть в сторону, создав дистанцию между собой и ревнителями порядка.

Рука у Джурки была длиннее, он систематически высовывался из-за троллейбуса, обнаруживал или не обнаруживал ловцов, и мы всегда успевали вовремя освободить буфер.

Впрочем, бывали и другие положения. Иногда буфер был заполнен от края до края — на нём висела целая гроздь безбилетного студенческого люда, и я насобачился закидывать свой чемоданишко на крышу, разумеется, не отпуская его, а потом задрать ногу на лесенку, туда ведущую. Вот так, распластавшись, я тряся под дугами, рассыпавшими порой серьёзные искры,

вблизи высоковольтных проводов, а Джурка, размером меня побольше, туда забраться не решался. Но зато исправно шухарил, ограждая нас от поимки.

Всё было ничего, если бы не зима и не грянувшие морозы. Уральская столица охлаждала нас градусами сорока, а то и более, но в университете занятия не отменялись, как в школе, и мы леденели: я — на крутой и неприветливой троллейбусной крыше, а Джурка — на буфере, пока не сходили в нужном нам месте, откуда предстояло драпать ещё три мёрзлых и жёстких квартала до университетского подъезда.

Смею утверждать, что поездки на троллейбусных буферах и на их крышах в декабре 1953 года сглаживали противоречия между людьми, сближали расхождения, соединяли в дружество, которому ещё много испытаний предстояло пройти, но в те дни и месяцы оно казалось совершенно ясным и определённым.

Так и было. Я рассказал Джурке Скоку про договор с тётей Дусей. И Минибаю рассказал. Не помню, кто и как, в какой последовательности и с каким отрывом друг от друга, но они вошли в тёти Дусин банковский консорциум. Сперва поотovarивались в кредит, а потом внесли первоначальные капиталы.

Но никто тогда и слыхом не слыхивал таких слов!

8

Зима на Урале в конце года смерти Сталина выдалась пресуровая. Будто где-то на небесах нам прочили скорое будущее — в жёстких, испытующих чертах. Или, если всерьёз считать купол над головой небесной канцелярией, происходил там неведомый перерасчёт баланса: что хорошо будет, а что и не очень.

С мороза мы вернулись в наш гуманитарный корпус и, минуя столик дежурной, неподалёку от входа, невольно улыбались. Не всегда, но часто там сидела худая бабушка в телогрейке, к которой была приколата медаль партизана. Лицо её состояло из одних морщин, глубоких, прихотливо переплетённых, совершенно неизгладимых, зато глаза, всегда остро сверкающие, прошивали нас своим бдительным вниманием. Иногда она требовала пояснений — кто и куда? — но не помню, чтобы заставляла предъявить документы. Мы сразу прозвали её старухой Изергиль — про себя, конечно, ничего отрицательного не вкладывая в этот горьковский символ на охране университета его имени.

И вот в самые что ни на есть холода с улицы в аудиторию откуда-то припёрся Джурка, ошпаренный морозом, и, оседлав стул, сказал, резко по-серьёзнев:

— Сейчас видел на улице афишу. Полное исполнение! Впервые в Советском Союзе! “Реквием” Моцарта! В филармонии!

Ну да! Мы приехали сюда учиться! Понятное дело, требовалось расширять кругозор! Но, ей-богу, “Реквием” даже самого Моцарта, о котором мы и узнать-то могли только из Пушкина, если очень сильно постараться, был так далёк от того издевательского декабря.

Сидели-то мы, кое-как одетые. Тихоокеанец Яков был родом с какого-то юга и замерзал даже здешним летом, а уж что толковать про ударные морозы! Мы тоже не изнывали от лишнего пота, скорей мурашки пробегали по остывлым загривкам, нежели негата температурного равновесия.

Яков же первым и выразил своё отношение:

— Холодно! И вообще... Что такое реквием?

— Ну как! — ужаснулся Джурка. — Заупокойное моление! Молитва по усопшему!

Яков не растерялся, пошевелил плечами, и сострил:

— Вот я и говорю — холодно! А ты предлагаешь совсем ооченеть!

Юмор, хотя и черноватый, подкинул несколько щепок в наши остывающие внутренности, но тут заявил о себе Вовка Потников.

— Вы что, братцы! Сейчас у нас какой год на дворе? Пятьдесят третий кончается! Тысяча девятьсот! А Моцарт когда помер? Знаете?

Никто не знал. Мы же не музыканты, в конце концов, и разве обязательно знать такие тонкости? Если, к тому же, не знаешь, когда он и родился-то! Да разве только он?

Джурка хоть и играл на аккордеоне, но безрезультатно морщил лоб, сумев всё же очертить окрестности:

— Конец восемнадцатого века.

— Да мы шас в энциклопедии пошаримся! — попробовал поискать я выход.

— Вы что, братцы! — опять принялся корить нас Вовка. — Пушкина, что ли, не читали? “Моцарт и Сальери”! Или Есенина? Помните? “Чёрный человек?”

Про Пушкина укор был для нас стыдный, даже если мы лишь собирались приготовиться к собственному предназначению, а “Чёрный человек” был известен-то всего двоим: Потникову да Джурке.

И тут, вздохнув, подал голос Игорёк Коробкин.

— Нет, — произнёс он мягким голосом своё твёрдое решение. — Меня увольте. Нагляделся я чёрных человек и похоронных маршей. Уж лучше полежу в общаге под одеялом. Или бы вот в баньку заскочить! В парилочку!

И отважно разглядывая изумлённые лица одних и согласные — других, утвердил:

— Не для нас это, ребятишки! Не для нашего призыву! Вот вы бы ещё могли! Но и вам-то! На что похоронная музыка! Наша-то собственная ещё не утихла! Вспомните, что в марте было! И года не прошло!

Вот так и случаются разнообразные расколы. Яшка-моряк с Коробкиным совпал во мнении, Генка отбоярился отсутствием материальных возможностей, я искренне соблазнился какой-то скрытой таинственностью события: полностью исполняется впервые! Не в Москве, а здесь, среди скал и льдов! Да и с Джуркой мы жили в одном частном доме. Минибай присоединился за компанию, а Боба Виннер прямо-таки заколотился в восторге, узнав о грядущем концерте.

Готовясь к покупке билетов на “Реквием”, мы проштудировали статьи про Моцарта во всех трёх энциклопедиях, которые имели храбрость таиться в нашей благословенной университетской читалке, две — дореволюционные, Брокгауза и Эфрона и Южакова, и одну советскую, тридцатых годов. Моцарт возносился почти в одинаковых выражениях, и почтительно там сообщалось, что “Реквием”, то есть заупокойную мессу, он написал по заказу больного человека, а оказалось, что самому себе. Его жена по имени Констанца заметила, что Вольфганг Амадей — как имя-то звучит! — прямо-таки заболел при сочинении столь печального сочинения, и даже отобрала у него партитуру, чтобы он пришёл в себя. Но 20 ноября он слёг. А 5 декабря скончался! И это был 1792 год! Эвон какая даль!

Мы всё-таки ткнули, видно, резину, собираясь в кассу филармонии, а ещё точнее, нас сдерживал мороз, но уговор дорожке денег, и мы эти билеты купили! Самые дешёвые почему-то ещё оставались, вот удивительно! И этот факт стал слегка понятен только, когда мы явились в концертный зал.

Это, конечно, было открытие! Как будто позади никакой войны! Расфуфыренные дамы, блистая огоньками в ушах и на грудях, и в разноцветных платьях прохаживались с мужчинами при неизменных галстуках, а некоторые из них даже задирали подбородки, чтобы, наверное, виднее было видно их бабочки под самым кадыком, и среди этих мужских бабочек тёмно-бордовым цветком привлекала внимание статья нашего искусствоведа Бориса Васильевича, в сокращении — Бова! Вот он был не только *званным*, но и *избранным* на этот духовный пир!

Мы же четверо жалась вдоль стенки, одетые в то, во что обрядили нас наши родители, отправляя в мир знаний и новых чувств, единственно Джурка ни к селу ни к городу надел почему-то украинскую рубашку-вышиванку. Она, конечно, расшитая красными нитками, бросалась в глаза, но заставляла и ёжиться — ведь такие рубашки шьются без воротника! — и гляделась под Скоковым пиджаком, словно какая-то ошибка. Но Джурка был среди нас единственным музыкантом.

Ещё мы купили простенькие программки, в которых подчёркивались достоинства полного исполнения “Реквиема” именно на Урале, и краткая история его написания, похожая на ту, что мы вычитали в энциклопедии. Уселись почти в последнем ряду. А оглядевшись, увидели, что рядом, и впереди, и позади ещё много таких же вроде студентов, но полно и вполне взрослых, и даже старых. В этих старых лицах светилась какая-то незнакомая порядочность, благородство даже. Какое-то благоговение, а вовсе не удивление, которое, наверное, выражали наши мордуленции, скорее, ожидание чего-то очень возвышенного. Даже радостного.

Вышли музыканты, дирижёр, и весь зал встал, а эти наши соседи выглядывали из-за затылков стоявших перед ними, высматривали кого-то и что-то, и у меня, грешника, мелькнуло, а уж не самого ли Вольфганга Амадея они надеются увидеть там, среди певцов большого хора и музыкантов с блестящими трубами?

И вот тут вышел наш Бова, надо же! Всё так же задирая подбородок над бордовой бабочкой-галстуком, даже, может быть, вглядываясь в потолок, а сквозь него и в небо, он снова, не сбиваясь ни на одно словечко, будто по писанному, рассказал историю “Реквиема” и судьбу гениального Моцарта.

Потом он голосов опустил и сказал не возвышенным, а уже обыкновенным голосом, что “Реквием” длится два часа, в перерывах между частями произведения аплодировать не следует, учитывая траурное значение заупокойной мессы, и через час нас ожидает перерыв.

Зал не ответил ему ни одним хлопком — просвещённый тут всё-таки собрался народ. Только мы четверо между собой переглянулись, не посмевав даже ухмыльнуться.

Но Бова не уходил.

Снова вскинув голову, он произнёс пароль для посвящённых:

— Интроит: Вечный покой!

— Фуга: Господи, помилуй!

— Хор: День гнева!

— Квартет — сопрано, альт, тенор, бас: Страшный суд Господень!

— Хор: Царь потрясающего величия!

— Квартет: Вспомни, Иисусе Милосердный!

— Хор: Посрамление нечестивых.

И медленно, всё так же взирая на потолок, удалился со сцены.

Я поёжился, краем глаза осмотрел корешей. Всем, а не только мне, было не по себе. Со мной такого ещё не происходило, ведь в церковь нам ходить запрещалось, да разве в нашей церкви и бывают такие мессы? Я сразу, конечно, осадил себя, заметив, что музыка Моцарта, раз её играют в Концертном зале, не вполне церковная, а уже что-то за пределами церкви, потому что это редкая музыка, не зря полностью исполняется впервые...

Но какой-то страх, какое-то вполне определённое смущение, требующее выбора, решимости, даже отваги, мелькнули во мне. Я сообразил, что все эти колебания обозначают: да, непонятный страх.

Как я могу описать то исполнение “Реквиема”? Практически это невозможно.

Я только куда-то поднимался, потом падал, потом что-то и в самом деле, как, видать, и Бову, возносило меня к потолку, и выше, выше, в морозное небо, которое теперь не имело образа места — уральское небо, а только образ действия — небо над нами, чёрное теперь, и не только потому, что стоит тёмный зимний вечер над послевоенным трудовым городом, а потому, что туда, в небо, что-то отлетает, пока не наше с моими дружками, но что-то бесконечно важное, и сему мы должны внимать, если хотим понять непонятное пока таинство жизни и таинство её ухода.

Я ещё подумал про себя нечто для меня заумное и мне не подходящее. Я подумал, что если литература, к примеру, рождается на земле и среди людей, то музыка дается свыше, неведомо откуда, наверное, Богом. Вторым, возможно, следует признать умение художника — ведь научиться рисовать невозможно. Это откуда-то приходит. Кому-то даётся, а кому-то нет.

Музыка лилась, в ней возникали краткие паузы между частями: играл оркестр, пел квартет из четырёх голосов, которые сливались пусть и в непонятный русскому уху латинский текст, но были чем-то близки сердцу, и не только сжимали его страхом, но и открывали непонятную тайну, пропасть, ничто... Пел и хор, будто на чём-то настаивая и что-то подтверждая, порой столь громко, что, казалось, он заглушает оркестр. А потом, наоборот, отступая, стихая, теряя надежду, что ли.

И вдруг всё оборвалось.

Молчание длилось мгновение, люди в первых рядах стали молча подниматься. Старушки возле нас промокали глаза платками. Одни мы сидели, вытаращив глаза, будто мелкая рыбёшка, оказавшаяся на мелководье, не понимая, что будет дальше.

Наконец, до нас дошло, что это антракт. И мы неспешно, как всё наше окружение, выбрались в фойе.

В первые минуты люди, выслушавшие половину “Реквиема”, ходили молча. Постепенно голоса стали крепчать. И вдруг послышался, как мне показалось, окрик. И окликали человека с моим именем, но не меня же — ведь я был здесь пришлый.

Всё-таки я механически обернулся. Вот тебе на! Ко мне сквозь толпу пробирался Герман! Тот самый безрукий парень, которого тётя Лиза заставила проводить меня до остановки к университету.

Мы не виделись почти полгода, да и знал-то я его едва-едва, но он шёл ко мне, как к давнему знакомому, улыбался во весь рот, и будь у него руки, наверняка бы раскинул их, чтобы обнять меня. Но рукава были спрятаны в карманы пиджака, а обниматься тогда не было принято, и Герман просто приблизился ко мне и легонько боднул меня головой, так что мы поздоровались головами.

— А? — восклицал Герман. — Какое чудо! Великий, великий, великий Моцарт, а, ребята?

Герман был одет совершенно странным образом: явно нерусский, в клеточку, костюм, а под ним — рубаха с рюшечками и тёмно-синяя бабочка, как у самых избранных тут мужиков, вроде нашего Бовы. Этот вид можно было бы признать заморским, если бы такое выражение ходило в тогдашнем государстве. Где-то вдали, ясное дело, в столицах, через несколько лет появятся стилиаги, но это ещё только предстояло и на нашем строгом Урале пока не взошло. Но Герман уже что-то значил!

— Понимаешь, — спросил он, обращаясь не только ко мне, но и ко всей нашей компании, — отчего я страдаю больше всего? У меня абсолютный музыкальный слух. А рук нет. И голоса Бог не дал!

Поразительный парень! Говорит о своих лишениях, но так, будто это для него радость! Мои содруги глядели на Германа, как на какой-то розыгрыш. Может быть, даже мой, потому что недоумённые их взгляды касались и меня. А Герман не унимался.

— Что случилось, то прошло! — это он о себе кратко так отозвался, и тут же продолжил без перехода, обращаясь ко мне. — А я теперь, кроме английского, освоил немецкий. Буду полиглотом. На очереди испанши и итальянши! Так вот именно теперь я штудирую всё, что можно узнать о Моцарте!

Он оглядел наше разностилье, но не удивился, а спросил:

— А вы знаете, как он умер?

— Его отравил Сальери, — ответил наш аккордеонист в вышиванке.

— А какая выгода в том Сальери?

— Зависть, ведь об этом и пишет Пушкин, — вставил свой веский аргумент Потников.

— Но Сальери, — сказал Герман, — был главный капельмейстер короля, его оперы — знаменитее моцартовских, он не чета Моцарту, близок к власти, ему всё доступно. Чему завидовать?

— О! — не согласился Вовка. — Завидовать гению могут и цари!

— Вопрос не закрыт! И не закроется никогда! — проговорил Герман

каким-то вдруг затуманившимся голосом. — А Сальери сошёл с ума. Имя его известно теперь только благодаря Моцарту.

И вдруг спел по латыни, похоже, из того, что мы только что слышали.

— *Лакримоза днес илла,
Куа ресуржет экс фавилла
Юдикантас хомо реус**.

И тут же перевёл:

— *Полон слёз тот день,
Когда восстанет из праха,
Чтобы быть осуждённым, человек.*

Он снова боднул меня лбом и, уже отчаливая, воскликнул:

— Не забывай тётю Лизу! Заходи.

И скрылся в человеческом круговороте. Только тут я заметил, что за ним кинулись две девахи, стоявшие в некотором от нас отдалении. Рассматривать их времени не доставало, и я подумал — не очень точно, — что Герман похож на метеор с небольшим, в две девицы, хвостом, и надо, конечно, побыть у тётю Лизы.

А то выходит как-то неблагоприятно.

10

Мы вышли из филармонии на мороз в сильной задумчивости, и шагов тридцать, быть может, прошагали в молчании, собираясь, наверное, с мыслями, а ещё точнее — отыскивая их в собственном сознании и пытаясь воссоединить с речью, со словами, которыми будет обозначено небывалое впечатление.

Но — и верно! — бытие определяет сознание. Мороз, давший себе волю с приближением ночи, продрал нас до костей за эти тридцать шагов, и мы, не сговариваясь, и всё так же молча, сперва прибавили шаг, а потом побежали к троллейбусной остановке, которая пребывала в значительном от филармонии удалении.

Когда мы подбежали, троллейбус медленно трогался, захлопнув двери, и мы вкочили на задний буфер, почему-то сохранившийся, к нашему удивлению. Больше того, случилось и почти чудо, которое мы тогда отчего-то не раскусили, а потом было и не до такой мелочи. А случилось вот что. Наверное, мы дружно, да и впятером-то — сильно, навалились на заднее троллейбусное стекло, и оно, окантованное перемёрзлой резиновой прокладкой, неторопливо упало вовнутрь почти пустого троллейбуса. Мы дружно охнули. Было бы логичней и безопасней прыгнуть с буфера, но, видно, благодатная музыка, только что наполнившая наши души, отвергала даже самую малую мерзость или просто неправильность, и мы проехали сколько-то метров в молчаливом онемении, а потом я вдруг полез в пустую амбразуру. Почему и зачем, объяснить совершенно невозможно и по сию пору. Но первое, что я сделал, это аккуратно переложил выгнутое стекло на спаренное кресло впереди, потом двинулся к водителю. Это была женщина в берете, подвязанная сверху платком. Кабинка её отделялась от салона, где-то в районе пола светила розовая спираль нагревателя, я постучался. Он приоткрыла дверь, и в самой доброжелательной интонации я сообщил водительнице, что у машины провалилось заднее стекло.

Она даже не очень-то и глянула на меня. Кивнула согласно и миролюбиво, объяснив:

— Резина мороза не выдерживает!

И помолчав, прибавила:

— Довезу вас и сойду с линии.

Я обернулся назад и увидел, что все мои друзья уже в троллейбусе. Я плюхнулся рядом, улыбаясь:

* *Lacrimosa dies illa, Qua resurget ex favilla Judicandus homo reus.*

— Нас довезут! Наверное, до круга, где все они паркуются.

Народ оживился. Мы говорили немного и ни о чём. Мороз выстудил окончательно и так-то стылый троллейбус. Едва сдерживались от трясушки, какой тут разговор. Потом вышли Минибай с Володькой — они обретались в общаге. Потом наша троица. Выходили через переднюю дверь, кланялись шофёрке или как её требовалось назвать? Она кивала, не придавая ровным счётом никакого значения неожиданному происшествию.

Дома, отогревшись чаем, мы немного помолчали.

Скок вздыхал, Боба повторял: “Потрясающе! Потрясающе!” А я признался:

— Это не для нас! Мы, наверное, ещё глупы!

Скок в очередной раз вздохнул, Боба вяло возразил, а ещё через четверть часа все трое дрыхли, опалённые морозом и неведомыми звуками великой музыки.

Почему мы провалились в сон, глубже, чем всегда? На это могла ответить только грядущая жизнь.

В ту ночь мороз свирепствовал зачем-то чрезмерно. Ворочался в стенах деревянных домов — слабое, видать, место человеческого обитания! — и нашу избёнку, сверху-то городского вида, пару раз так тряханул в ту ночь, что нам показалось, будто в стену ударил какой-то заблудившийся с войны снаряд.

Мы проснулись, обменялись междометиями не вполне достойного звучания, повернулись на бок и вновь устремились в счастливое — по возрасту — царствие бога Морфея.

II

Однажды вечером, часу, пожалуй, в десятом мы с Джуркой трусили из читалки в сторону дома со своими чемоданчиками уже от другой остановки — трамвайной. Проехать там было дешевле, а по вечерам — свободней, но идти пёхом требовалось не три, а четыре квартала, зато мимо магазина.

В магазинчике этом стояла высоченная, под потолок, пирамида консервных банок с непонятным словом “Чатка”. Их никогда никто не покупал, и они смотрелись таким скорее даже памятником чему-то нам неясному. Лишь немалые годы спустя окажется, что это камчатские крабы — необычайной ценности продукт, который мы когда-то не ценили, а вот теперь достать не можем и только грезим картинами прошлого.

Это часто случается, увы. И не только по случаю крабов, но и вообще миновавшей жизни. Итак, из трамвая мы вышли в снежную бурю, заглянули в магазин, поудивлялись мысленно пирамиде “Чатки”, взяли стандартные булочки, ещё что-то, более чем скромное, и отправились в сторону дома.

Ветер, будто злобный пес, сорвавшийся с цепи, не то чтобы валил с ног, но заставлял склоняться в его сторону, сёк лицо, врвался под наши пальтеца.

Параллельно нашей дороге тянулись рельсы в трамвайный парк, и на них скопилось множество вагонов. Освещённые изнутри, но пустые и молчаливые, они казались какой-то неземной улицей, а происходящее с ними — большой аварией. У каких-то вагонов впереди, ближе к трампарку, всё-таки взметывался снег, слышались голоса, слабо постукивали фанерные лопаты. Пути трамвайные от ворот парка расходились в разные стороны, и совсем недалеко от нашего дома нам предстояло их перейти.

Тут-то мы и столкнулись лоб в лоб с нашими сокурниками. Это были Игорёк Коробкин и Генка Шидрин. На них топорщились телогрейки, видать, казённые, а у шапок-ушанок были опущены уши, перевязанные у подбородка. Чистые зэки!

В руках они держали скребки и отбивали ими лёд, выросший на трамвайные рельсы.

— Э-э, ребята! — тормознули мы. — Вы чо тут?

Игорёк и Генка остановили работу, приблизились к нам.

— Вишь, какая буря! — возмутился Игорёк, будто это мы с Джуркой её вызвали.

— До утра придётся! — вздохнул Гена, флегматичный, в общем-то, человек.

— Ну-ка, дай! — отобрал у него скребок Джурка. И минут пять скрёб рельсы, наклоняясь навстречу ветру. Я держал его чемодан.

— Почему говоришь — до утра? — спросил я обоих ребят в рабочих одеяниях.

— Да мы тут подрабатываем! — хохотнул Игорёк. — Стипёхи-то — тютю! Не хватает! Вот по ночам и калымим. Через ночь.

— А утром — на лекцию? — спросил я.

— Ну да! — ответил шустрый Игорёк.

— Да вот нынче невезуха! — прибавил Генка. — Метель зверская!

Из снега вынырнул Джурка. Весь вид его был какой-то смущённый.

— И сколько вам за это полагается? — спросил он ребят.

— По сотне в месяц каждому в руки, — ответил Игорёк.

— Вообще-то бабья работа, — пояснил Гена, — да вот кто знает, что выкинут небеса?

Мы покивали, покрякали, удалились домой — было до него метров с полста. Запивая вечерние булки горячим чаем, думали об одном и том же, хотя вслух этого и не произносили. А думали о том, что мы-то буржуи в сравнении с этими пацанами. Пришли к выводу, что и нам следует найти работу, но вряд ли такую. Надо бы что-то поближе к будущей профессии.

Между тем Игорёк, соскребавший с рельсов наледь, не был никаким пацаном. Он отслужил в армии, захватил немного войны, но не на передовой, а как раз в тылу, на охране аэродромов. Позже выяснилось, что журналистику выбрал потому, что пописывал стишки, потом окажется, что плохонькие, но их напечатали пару-тройку раз в какой-то авиационной газете, и кто-то посоветовал ему отправляться в гуманитарии, на газетное дело, тем более что солдаты прошедшей войны зачислялись вне конкурса.

Он был невысок ростом, щупловат и лысоват, но всегда весел, даже жизнерадостен, готов был преодолеть любые тяготы.

Вот таким вот и встретился он мне наутро, шустр и бодр, и сходу попросил десяточку до стипендии. Я полюбопытствовал, как прошла ночь, и он весело сообщил, что пришли они под утро, но уже выспались и полны сил. Рядом стоял Генка. Этот был нашего поколения, волосы имел совершенно пшеничные, а ещё отчего-то всегда красное, будто загорелое лицо — все внешние признаки здоровья. Однако, в отличие от Коробкина, был мрачен.

— Пожрать бы! — сказал он устало.

Основные денежные резервы, как было сказано раньше, я передал в счёт будущих платежей тёте Дусе, и единственное, чем мог помочь, так повести ребят к ней и попросить её пробить им чеки на еду в счёт сокращения моего баланса. Я так и поступил. Махнул им рукой, мол, следуйте за мной, и подошёл к тёте Дусе для изложения просьбы. Поняв мою сбивчивую речь, она спросила меня:

— Где они?

Я указал рукой за свою спину. Двое моих протеже вежливо ей улыбались, да и вообще их лица были ей, конечно же, знакомы.

— Пусть подойдут, — спокойно сказала она мне. И утешила: — А вы не беспокойтесь.

Она достала из-под кассового аппарата свою тетрадочку, Коробкин и Шидрин продиктовали ей свои фамилии, пробили чеки и расположились со мной за столиком. Подвалили Скок и Минибай.

За едой Коробкин проговорил задумчиво:

— Вот кастрюлю надо кушить с лучки!

— Кастрюлю? — удивился кто-то.

И шустрый Игорёк поведал, что они с Генкой на обед варят вермишель в казенном чайнике. А это не больно-то удобно. Не дай бог, комендантша увидит! А в кастрюле — вполне цивилизованно, можно наварить, на подоконник выставить, утром разогреть.

Снова заговорили о студенческих балансах, и выяснилось, что, оказывается, весовая вермишель и есть самая дешёвая и сытная жратва, если нет денег. Век живи, век учись!

Из столовки выходили весёлые и сытые. Конечно, тётке Дусе “спасибо” каждый отвесить не забыл. Она мельком улыбнулась, сверкнула губками в серой своей кассе и принялась за своё — к ней очередь стояла.

12

Но на самом деле самые простые подробности жизни занимали нас не в шутку. Не хватало денег до стипендии даже у нас, обозванных благополучными. Не хватало денег тем, у кого не было родственной поддержки, даже нашим старослужащим, и образование выходило как бы боком. К тому же почти никто не знал, как получить дальше. Ну, поедом работать в газеты. А если — в районные? Там же платят гроши! При нашей нынешней стипендии в 220, на свободе и с дипломом может светить, к примеру, 600, а то и 800, как слышится в коридорах. И что далее?

Угнетала ли перспектива? Да нет! Молодые всегда верят в удачу, а старики прошли испытания и утешали сами себя: “Прорвёмся! А жить экономно — высшая благодать!”

Стремление к такой благодати довело меня, можно сказать, до сраму!

Дело в том, что наша Анапа, согласно ею же предложенной услуги, раз в десять дней меняла нам постельное бельё, и это входило в стоимость проживания — те самые 200 рэ.

Но если желаешь, чтобы тебя ещё обстирали, гони рубль за единицу белья. Рубашка — рубль, и трусы — рубль. Ну, это ещё куда ни шло. Но рубль же следовало платить и за пару носок, и сюда не входит штопка дырок, если они есть, за это — особо; и за носовой платок — рубль.

Это возмущало. И без конца обдумывая вопросы личной экономии, я однажды создал некое экономическое изобретение. Утром, когда мои соседи ринулись на учёбу, насев как куры на троллейбусный шесток, я сказался нездоровым и от лекций уклонился. Однако с небольшим отставанием поднялся, оделся и собрал всё своё грязное бельё, скопленное уже давненько. Всё это легко поместилось в чемоданчик, и я двинул в городскую баню — привычное место, где мы угревались каждую неделю.

Мужское отделение было просторно, имело этакие бетонные столбы от потолка до бетонного же круга, куда ставили железные тазы, и с четырёх сторон столба сияли латунные широкогорлые краны, выплескивающие как кипяток, так и ледяную воду.

Я был сосредоточен на своей идее, народу в помывочном зале присутствовало немного, на что я и рассчитывал, поэтому сложил в шайку всё своё нуждающееся в стирке бельецо.

Я даже сам-то себя водой не облил. Наполнил таз водой и стал драить куском хозяйственного мыла свои трусы, майки, носки. Стесняться и таить-ся я не собирался, потому что не видел в своих действиях ничего греховного, напротив, даже внутреннее изумлялся своей находчивости.

В другом конце зала поливался какой-то старик. Ещё один пристроился от меня невдалеке и чем-то так себя намылил, что походил то ли на гусеницу, готовую стать бабочкой, то ли какой-то мыльный кокон.

Он всё тырился в мою сторону, да намыливал себя.

И вдруг произошло непонятное. Сначала в раздевалке послышался какой-то топот, многоголосый шум, потом дверь в мойку распахнулась, и в неё посыпался голый молодой народ. Парни захватывали тазы, наливали воду, тут же обливались, весело матюкались, усаживались на лавку, и в три минуты помывочная стала походить на площадь, набитую парнями-гольшанами. Я сразу допёр, что это солдаты, что их привели с утра пораньше по каким-то причинам, известным их командирам, скорей всего — пока гражданских нет. И все эти ребята были если и постарше меня, то на год от силы.

На длинной лавке со мной устроились два или три парня, глянув на грудку моего бельишка, спросили, чуть ли не хором:

- Гражданский?
- Фэзэушник?
- Студент?

Пришлось кивнуть, а один из этих, стриженных нагладко, сказал назидательно другому:

— Вот видишь, рядовой Сидоров! Студенту приходится самому бельишко в бане стирать! А тебе, барину, как выйдешь в предбанник, армия наша подаст свежие кальсоны! Живи да радуйся!

Ни до, ни после этой помывки я не слышал больше такого банного ликования. Вода лилась из многих кранов сразу, молодые голоса заглушали друг друга, шайки с грохотом летели на бетонные скамьи, словом, царило чрезвычайное оживление — и десятки, десятки молодых солдатских тел, совершенно одинаковых в своей наготе, оживлённо передвигались по мойке. Пожалуй, только по редким чёлкам можно было обнаружить старшин да сержантов.

И вдруг этот многолюдный зал замер.

Грохнула деревянная входная дверь, разрезая пространство, расталкивая руками молодые тела, возникающие на пути, шлёпая калошами по мокрому полу, по мойке двигалась взлохмаченная, непричесанная и слегка горбатая старуха.

Она не смущалась множеством обнажённых мужских тел, — похоже, много наглядываясь на них эта крючконосая старуха, сидящая в предбаннике на охране шкафчиков с бельём. Но сейчас она была зачем-то здесь, полна жуткой решимости и двигалась — я понял это не сразу — ко мне.

— Ты что делаешь? — крикнула она, приблизившись. — Правил не читал!

С каждым её выкриком я вздрагивал не столько от испуга, сколько от полной неожиданности.

— Здесь баня!

Я согласно кивнул: конечно.

— Здесь не прачечная! — я снова кивнул. — Прачечная за углом!

— Выходи! — воскликнула в конце всклоченная старуха. — Будет протокол.

Ударение она поставила на первом слогое, и я, конечно, сызмала знал, что это неправильно. Но теперь неверное ударение прозвучало уже почти как приговор.

Я был раздавлен. Но сначала-то всё-таки сильно смущён. Ну, да и как должен чувствовать себя семнадцатилетний и совершенно голый человек любого звания перед всклоченной, крючконосой, страшноватой старухой в помывочном зале городской бани? Да ещё и в десять часов утра?

Однако ко мне пришла помощь. Совсем неожиданная и удивительная. За меня вступилась армия, чёрт меня, штатского, подери!

— Эй, бабуля! — крикнул вдруг тот, что про кальсоны объяснял. И видя, что она на него не глядит, громко хлопнул о лавку железной шайкой. — Эй!

Только тут она к нему оборотилась.

— Не видишь! Это — наш! Не трожь его! Его только что направили! Ему ещё бельё не положено. Это наш младший командир!

— Э! — вызверилась беспощадная старуха. — Таких командиров не бывает! Чтоб стирал в бане! Салака, а не командир.

Да уж, старушеница разбиралась в голых парнях, могла отличить командира, пускай самого младшего, от салаки.

Но тут вся солдатская команда взяла меня под своё покровительство. Кто-то засвистел, и его охотно поддержали, кто-то забил шайками о бетонные лавки, и получался барабанный бой. Кто-то заорал — весело, опять же с матерком, и старуху забила эта шумовая какофония.

Она развернулась и зашлёпала обратно, даже, поскользнувшись в своих калошах, попробовала упасть, но голые молодые ребята бережно подхватили её и проводили до самой двери.

— Ты погоди, — повернулся ко мне мой защитник, — мы сейчас пойдём все вместе одеваться! А то ведь эта карга ещё тебя заклюёт!

Он помог мне выжать из моего бельишка воду, выкрутить его почти досуха, и я под боевым прикрытием вышел в раздевалку, сунул мокрое барахло

в свой чемоданишко, упаковав в газету, стал оглядываться, чтобы хоть как-нибудь поблагодарить сочувствующего солдата, но никак мне это не удавалось. Одинаково голые превратились в одинаково белых — кальсоны и рубахи одинакового покроя, а потом в одинаково зелёных — у всех похожие гимнастёрки, сапоги, пилотки.

Так я и не поблагодарил своих защитников. Одевшись почти враз, все затопали сапогами и стали выходить из предбанника. Мой штатский вид, конечно, выдавал меня, но я спокойно миновал всклокоченную старуху, сидевшую за столиком при входе. И она увидела меня. И я вежливо попрощался с ней, кивнув. И что удивительно, она ответила мне тем же.

Видно, не решилась противиться силе.

13

Конечно, я ругал себя. Не так, чтобы уж очень сильно, но всё же. Ну, сэкономил я, допустим, рублей десять или даже пятнадцать. И это, предположим, актив. Правда, вернувшись домой, обнаружил, что чемоданишко мой изнутри совсем промок и требует отдельной сушки — это раз. Два — снисходительный взгляд из кухонного окна Анапы, когда я развешивал на веревке свои тряпушки. Дескать, ну, и стал ли ты богаче? А три — это уютю, который всё равно я попрошу у Анны Павловны, потому что если ещё носки и трусы можно натянуть на себя неглаженными, то с рубашками такое изобретательство не пройдёт. Ну и, конечно, целый день потерял, и даже не в прогуле дело, а в том, что оказался со своей стиркой-мывкой совершенно одинок. Даже про баню, полную солдат, толком не расскажешь — из рассказа этого уйдёт образ крючконосой старухи, толпа голых солдат и защита моей персоны, поскольку она совсем не героической для меня-то выходила.

Ну, и поголодать пришлось. Вместо обеда у тёти Дуси выпил я кружки три горячего чая и пару булок под него смолол, но это же не еда!

Я ложился на кровать, смотрел в потолок широко раскрытыми глазами, понуждал свою молодую голову что-нибудь придумать потолковее для улучшения собственной жизни и противления окружающей бедности, но ничего толкового не выходило.

Тогда я шагал по маленькой комнате, всего-то метров в десять квадратных. Но пространство занимали три кровати, стол, три стула и что-то вроде этажерки с книгами — не разойдёшься, не разгуляешься и ответа методом шатания не найдёшь.

Я сел за конспекты. По марксизму-ленинизму, конечно. Требовалось много всяких статей и работ проштудировать и выписать главное — это и называлось конспектированием. Нам обещали учитывать конспекты при зачётах, а то и экзаменах, таким образом — и очень даже эффективно! — заставляя читать классику. Но у меня и раньше-то с этим туго получалось! Читал, допустим, Карла Маркса про 18-е брюмера Луи Бонапарта, и ни один из них мне в голову не лез — ни Луи Бонапарт, ни брюмеры, ни даже — грешно признаться! — сам Карл Маркс. Чего-то он всё бранил этого Луи, чёрт бы их побрал всех вместе взятых. Но! Такого ведь вслух не произнесёшь — это-то мы твёрдо знали! Могут ещё и зачислить неизвестно куда — в антимарксисты, не приведи Бог, или просто в дураки. Уж совсем глухое болото!

Карл Маркс — не будем про остальных, — конечно, гений, никуда не денешься. И разоблачал капитализм, без сомнения. Но капитализм — это когда одни богатеют, а другие беднеют. У нас — другая формация, и богатых нет. Значит, беднеют все. Но где то самое богатство, которое у капиталистов есть, а у нас его нет?

Конечно, вполне понятно, была война, и в этой войне погибло всё богатство, которое можно было людям как-то дать. И теперь-то у нас понятная всеобщая бедность — вот бельишко приходится в бане стирать, — потому что всё идёт на ремонт после войны. На стройки. Зато в будущем-то всё это вернётся ко всем к нам, и нечего тут ныть — всё в будущем! Ясно, как день! Накопление народных богатств произойдёт постепенно! И при чём тут Карл Маркс, 18 брюмера, Луи Бонапарт — неизвестно. Ну нет, конечно,

из уважения к Карлу Марксу это всё можно и законспектировать, тем более что деваться некуда! И я сел за стол, начал читать и переписывать чужие выражения в свою тетрадку, чтобы — что?

Я вздыхал, глядел невидящим взглядом на свои трусы и майки за окном, совсем окостеневшие от мороза! И противоречия, которые я никак не мог сформулировать, томили меня.

Чувствовал только одно, мне вполне понятное: надо что-то делать самому! Чего-то добиваться! Искать выход!

Да и то — пять лет учиться на журналиста, пять лет ждать от мамы переводов два раза в месяц! И пять лет стоять в очереди к тётке Дусе, думая, как хорошо, что она есть! А если не станет?

14

Словно услышав меня, она заболела.

Наперезанимая друг у друга и у девчонок, урезав меню и перехватив, как попало, мы собрались в маленькой аудитории своей кучкой. Причалили Коробкин с Шидриным, зашёл Яков Сенгур — бывший тихоокеанский моряк, как и Коробкин, из последних военных призывов.

Экономические проблемы конкретного студенчества послесталинского периода возникли, видать, по зову живота, хотя мы всё-таки уже кое-как, но поели, что призывало к разуму и уравновешенности.

— Как жить, пострелы? — спросил, ухмыляясь, Яша. — Страшитесь бытия? Как видите, всё по классику, оно определяет сознание!

— Да нету у нас никакого сознания! — преувеличил я.

— Есть, есть! — воспротивился Сенгур. Его и Коробкин поддержал:

— Ещё какое!

И утвердил, как гвоздь забил:

— Только вы его пока не ощущаете!

Остальные похохатывали:

— Пока вы тут бадаетесь, — глубокомысленно и авторитетно заявил Яков, — никакое сознание вам не указ. — Вот это было уже по делу. Я согласно кивнул.

— Что ты советуешь? — спросил вежливо Минибай.

— Взять вагон!

— А что! — воскликнул Игорёк Коробкин, представитель старой закваски. — Нас тут сколько? Шестеро! Запросто угольный вагон можем разгрузить!

— Согласен возглавить, — кивнул Снегур. — Вас ведь, интеллигенцию, учить всему надо.

Подумав немного, поговорив о подробностях дела, на которое звали старослужащие, услышав их предупреждения, что нужна для такого дела бросовая одежда — её потом не отстирать, — по зиме ещё и фуфайка, вроде известных эковских, а идти на разгрузку предпочтительно в ночь, так что лучше всего браться за дело в субботу, чтобы не пропускать занятия, а потом — сразу в баню.

Лично я глубоко задумался. И баня на железной дороге, особенно порадовал Яша-моряк, бесплатная для грузчиков — только мыло да вехотку не забывайте.

Чем больше слышал я этих реалистических подробностей, тем больше сомневался именно в экономической целесообразности такого воссоединения бытия и сознания. Мне почему-то совершенно не верилось, что таким разгрузочным путём, с помощью перемещения каменного угля из громадного вагона сознание наше изменится к лучшему, а бытие усовершенствуется.

Я попробовал осторожно возразить:

— Но горный институт за углом! Пусть горняки этим занимаются. Мы — журналисты! Почему не смотрим сюда?

— Хе, журналисты! — усомнился Коробкин. Тут же поправился: — Это конечно! Но кто же и где нас ждёт?

— Ну, а почему, — поддержал меня Джурка Скок, — нам самим не пойти?

Минибай тоже кивал, принципиально соглашаясь.

— Не выгонят же! — агитировал я. — Придём. Представимся. Мы, мол, студенты журфака. Дайте задание. Напишем чего-нибудь, переделаем, ещё раз переделаем! Но надо же учиться! Мы уже здесь!

Мнения всё-таки раскололись. От решимости куда-то идти и о чём-то писать до искомого вознаграждения путь был тернист и неверен. А дорога от железнодорожной станции и разгрузки вагона до выдачи денег поутру даже без предъявления документов — коротка и очевидна.

Яков, Коробкин и Шидрин пересели друг к другу поближе, и разговор у них оказался совершенно конкретным. Так что они быстро разошлись.

Наша троица тоже недолго мыкалась. Мои приятели предлагали просто идти в редакцию и попросить задание. Я, как имеющий опыт, раскрыл свежую газету и прочитал в разделе объявлений, что через два дня открывается выставка лыж и другого спортоборудования для зимы.

15

Мы бродили по этой выставке, озираясь, нет ли конкурентов с блокнотами и фотоаппаратами. Однако открылась она в воскресенье, народу ходило совсем ничего, а лыжи — и такие, и этикие, и гоночные для соревнований, и широкие, для охотников, сияли лаком и зывали к потреблению.

Управители стендами разговаривали с нами охотно, и узнав, что мы студенты-журналисты, совсем уж располагались к нашей троице. А один мужичонка, красноносый и широкий, даже подморгнул нам, указывая за кулисы. И мы, грешные, не устояли: сперва из наивности мы туда просто заглянули, а увидев стол с крепкими напитками, спархнувшись назад. Но широкий дядька нас попридержал, дал неказистую листовку с рекламой продукции, а потом всё-таки налил чего-то цветного, но не коньяк, пояснив, что это снимает усталость с охотников, прошедших километров сто на лыжах — прямо-таки в пять минут.

И он заставил нас пригубить этот напиток, выставив откуда-то белоснежные, завивающиеся и холодные кусочки. Я подумал, что это сало. Но это оказалась строганина, рыба нельма, прямо из Якутии, да и сам лыжных дел начальник раскрылся широкой душой, что по нации он якут, а якуты все очень добродетельные и щедрые, потому что в Якутии оччень холодно, и все должны помогать друг другу. Его имя, в знак благодарности, как и его продукция для зимней охоты, мелькнут потом в нашем пробном сочинении. Жаль, что лишь мелькнут, потому что написали-то мы про него щедро, живописно и впечатляюще, да строгие редакторские ножницы всё это отрезали.

Широкий якут настоял на трёх рюмочках с православной убедительностью — “Бог троицу любит!” — и мы, наперебой расспросив о его славной жизни и деятельности, покинули удалённый от центра города павильон.

Это нам и пометло. До выставки, да ещё в воскресенье, штатные корреспонденты и правда не добрались. А потому когда мы, злостно пропуская лекции, явились с утра в редакцию газеты, носившей название “За смену!”, да ещё и прямо в приёмную редактора, говорить с нами долго не стали.

Вышла какая-то поджарая и не старая дама, нетерпеливо узнала, кто мы и откуда, забрала заметку, которую мы напечатали на казённом университетском “Ундервуде”, удалилась, а очень скоро вернулась и, уже улыбаясь, сообщила, что заметка на первый раз принята, но пойдёт с сокращением, а вообще нам надо познакомиться с отделами. Сдавать заметки туда. А уж отделы будут и задания давать, и материалы ставить.

Мы, дружно вскочив, кивали, были внимательны, как дрессированные псы, готовые верно служить, что получило немедленную оценку. Женщина, представившись Эльзой Павловной, тут же окликнула невысокого курчавого человека едва нас постарше. Его звали Толя Пудоль, он учился на четвёртом курсе нашего же факультета, но уже работал в штате, куда приглашали до окончания вуза лишь выдающихся, если и не мастеров, то подмастеров.

Всё это сокрушало наши прежние устои, тут же возводя новые. Толя Пудоль, отвергнув наше вежливое желание узнать его отчество, повёл в свой

кабинет и стал расспрашивать о наших творческих успехах. Из расспросов прояснилось, что вообще в газетах ранее печатался только я. Это его не огорчило. Бросив фразу: “Ну, надо же когда-то начинать”, — он стал расспрашивать, что нас лично — каждого — интересует в этой жизни особенно.

Вот вопрос был так вопрос! Мы не знали, что ответить. Толя Пудоль, в которого мы все трое сразу влюбились, улыбнулся, не смущаясь:

— И меня тоже сперва интересовало всё подряд. Но каждому материалу нужна тема, идея. Важен жанр — очерк, интервью, информация, она может быть развёрнутой, содержательной, даже сенсационной.

Мы ушли в университет, опоздав на несколько пар, — два занятия по часу отводились каждой дисциплине, — и весь день нас трясло и покачивало.

К концу занятий все уже знали, что мы побывали в редакции. А наутро нас ждала оплеуха. Из заметки про лыжную выставку было напечатано не больше тридцати строк из двух-то с половиной страниц. Просто сообщение — и всё. Хорошо ещё, что не выбросили про широкие якутские лыжи для охотников и фамилию дяденьки, который угощал нас строганиной из нельмы.

Эх, что это было за угощение! Но и что за позор — всего тридцать строк! И под таким позором стояли сразу три фамилии. Ну, и тяжесть же подняли эти три молодых парня!

16

Надо же! А нас поздравляли! Особенно эта угольная троица во главе с матросом Яшкой! Причём вполне искренне, как ни взглядывайся в них: никакой сатиры или подвоха. Джурка Скок пытался оправдываться, размахивал аж двумя с половиной страничками нашей эпопеи про лыжную выставку, напечатанными под копирку, пытался ещё и цитировать отдельные творческие находки, но даже Минибай его осадил. Всем ведь свой черновик не предьявишь. Но зато очевидны лишь тридцать жалких и сухих строчек, да ещё с тремя сразу фамилиями! Вот гиганты пера!

Руководствуясь, видно, чувством гуманизма, угольщики выдали нам по двадцатке в долг, ибо мы не ведали, состоится ли литературное вознаграждение, когда, да и вообще, удобно ли об этом рассуждать, а друзья-трудяги, сбив мозоли на ладонях, уже чавкали свою победу, пусть не такую публичную, как мы, но вполне съедобную. К тому же тётя Дуся всё болела.

Однако тем всё дело не кончилось. Однажды нашу троицу встретил в коридоре Зиновий Абрамович Яновский, приземистый, широкоплечий, седой старикан, преподаватель газетной техники. Был он обстоятелен, нетороплив и подчеркнута ко всем доброжелателен, считался мэтром, потому что до войны служил собкором центральной газеты с каким-то индустриальным названием, а значит, уважаемым журналистом в уральской столице.

Остановив нас, он улыбнулся и поздравил с дебютом в местной газете, сразу объяснив главное:

— Вы совершенно не смущайтесь незначительностью события! В газетном деле мелочей не бывает! Всё важно! До очеркистики, до аналитики нескорый путь! Так что поздравляю!

И, не пожав нам рук, обошёл нас с краю и двинулся к дверям кафедры. Вот тут нас что-то и обуяло. Запоздалый, может быть, испуг.

— Ты смотри! — сказал недоумённо Джурка Скок. — Какая-то замесулька, а все увидели!

— Нельзя больше халтурить! — изрёк задумчиво Минибай.

Я не согласился.

— А мы разве халтурили?

— Ну, значит, в редакции надо толкаться, когда печатают.

— Нас же Пудоль зовёт, — сказал Скок. — Значит, надо идти. Ходить надо. Сидеть там надо. Бегать, если пошлют.

В общем, мелкая наша слава, этакая шеклейка, случайно попавшая в сети, рассчитанные на шуку, мелькнув хвостиком, унырнула в небытие, как факт незначительный, и хоть слегка замеченный, но роли не играющий.

К тому же пришло время первой сессии.

О, Боже! Мне мало было её сдать. Мне требовалось сдать без троек, чтобы получить стипендию. Мама ласково писала мне, чтобы я поусерднее занимался, верила, что я уже совсем самостоятельная персона и преодолёю свои испытания, в которых на первом месте стоят экзамены. Это письмо, конечно, я принимал как поддержку. Но ещё и как мамину на меня надежду. И я вибрировал после этих писем. Ведь сессия — это две недели, когда не знаешь, откуда придёт удар. Вроде бокса в тёмной комнате.

Среди опасных территорий я, конечно же, считал ОМЛ — основы марксизма-ленинизма. Полем, усеянным минами, каждая из которых способна оторвать мне голову, полагал французский язык. Непрерывно покалывала в животе мысль о литературоведении. Зато я плавал, как рыба в пруду, когда речь заходила о литературе. Сначала девятнадцатого века, позже — двадцатого.

И был у нас ещё русский язык — *великий и могучий*.

Тут, должен признаться, я влип в положение, совершенно для меня неожиданное. Как я уже замечал, был у меня такой юношеский недостаток: я писал без ошибок. И сам этому не верил. При этом совершенно не знал правил русского языка, кроме примера на дееспричастие. Я ведь и пятерик на вступительном сочинении заработал не только на содержании, а значит, на памяти, но ещё и на совершенно безошибочных страницах.

В общем, ещё по осени у меня начался неожиданный роман с родным языком в совершенно подарочной упаковке. Сначала у нас был крутой диктант. В аудитории пришла сухонькая и седая старушка Агния Ивановна Данилова и, оглядев сквозь бликующие очки публику, спросила с явным сарказмом:

— Значит, вы журналисты?

— Будущие, — кто-то осмелился пискнуть. Конечно, из девчонок.

Но Агния Ивановна будто и не услышала писка. Довольно холодно она проговорила:

— Ну, вот мы и посмотрим, какие вы журналисты. Откройте чистые тетради. Пишем диктант.

И мы принялись под её диктовку писать диктант невероятной, похоже, трудности. И я слегка страшился, но, похоже, так и не понял, в чём состоял подвох милой старушки. Диктант написали, сдали тетрадки, девчонки-медалистки повернулись возле строгой доцентки, пытаясь заговорить, но Данилова на них не глядела, женской солидарности не проявляла, сунула пачку тетрадей под мышку и удалилась.

Где-то через неделю занятия повторились, и Агния Ивановна вошла к нам разъярённая. Это было заметно без всяких пояснений. Каблочки её стучали громко, требовательно и беспощадно. Она свалила на стол пачку тетрадей — полсотни штук — и обвела взором зал. Повисла тревожная тишина. Яростным голосом спросила:

— Кто такой Николай Кузнецов?

Вот уж сердце-то когда обрывается! Со страшной скоростью прокрутил я в себе все свои прегрешения начального студенчества и ничего, кроме стирки в бане, не вспомнил. Но при чём тут это?

Пришлось встать и признаться повинным, неуверенным голосом:

— Я.

— Вы можете быть свободны! — вылила на меня ушат ледяной воды замечательная старушка. И тут же, забыв про меня, почти крикнула: — Позор! Журналисты! Только один из вас написал диктант без ошибок! Как же вы будете работать? О чём — и как! — писать?

Я всё ещё стоял, ничего толком не понимая. И тут Агния Ивановна стрельнула в меня солнечными бликами своих очков:

— Идите, идите, вы свободны! Остальные будут писать диктант снова!

Реакция зала была нервной. Девчонки бросились доставать новые тетрадки. Кореша мои громогласно поражались знакомству с абсолютно грамотным коллегой. А мне не оставалось ничего, кроме как отшучиваться:

— Учитесь грамоте, молодые друзья! Помните, что сказал Тургенев? “О великий и могучий русский язык”!

Всё это я отвечивал, разумеется, вполголоса, в ответ мне слышалось сдержанное хихиканье, сильно замешанное на тяжёлых вздохах.

Не так уж мне часто доводилось шляться по университетским широченым коридорам посреди учебного дня без всякой цели, да ещё два часа подряд. Я помечтал на подоконнике о весне, вглядываясь в снегопад, безуспешно полистал кого-то из классиков марксизма-ленинизма, попробовал разобраться, почему это именно я вдруг стал самым грамотным на всём курсе. И сделал открытие, в котором нет никакой тайны.

Ну да, просто я любил читать, вот и всё! А читая, и порой не сразу вникая в смысл фразы, я возвращался и перечитывал одну и ту же строчку и раз, и другой. И всегда удивлялся, как знаки препинания помогают понять смысл, как они подчёркивают значение написанного. Бывало, я перечитывал фразу, стараясь делать это с выражением, и походило, что я обучался чувствовать не только смысл и суть, но ещё и ритм, а он всегда обозначается знаками препинания!

“Читать надо больше, вот что! — как-то не по-студенчески думал я о самом себе. — И не торопиться, когда читаешь! И запоминать при этом, забыв про всякие правила, как пишутся слова и где возникают запятые”.

Правда, всякие мои попытки раскрыть эту тайну друзьям заканчивались энергичным согласием, сотрясением кивающих голов — и только. Так что, может быть, я и не прав, и писать надо исключительно по вызубренным правилам?

18

Скоро я и сам в том убедился. По литературе XIX века я схлопотал пятерку, по французскому уговорил поставить зачёт, но вот здорово подорвался на старославянском.

Ведь наше отделение журналистики было лишь частью историко-филологического факультета. И так выходило, что мы должны быть сперва филологами, затем историками, а уж потом — что получится.

Мысль, особенно по новейшим временам, совсем не бессодержательная хотя бы потому, что нынешние журфаки и их выкормыши, кроме, мягко говоря, нахальства, если не сказать наглости как странного профессионального умения, мало чему обучены, лишь выборочно начитаны, дурно информированы, а насчёт русского языка и грамотного его применения так вообще не подкованы. Спроси-ка, они ведь и не скажут, чем слаба или сильна неподкованная лошадь.

Но в нашу пору нас ковали на все четыре копыта. Только перед нами у журналистов отменили латынь — старинную основу филологии. Зато прибавили основы промышленной экономики. И мы, тогдашние щенята, жарко приветствовали такие изменения. Так что экзамен по старославянскому языку принимался как отмирающая, но необходимость.

И я подорвался на этой mine. Все сидели по разным углам больших аудиторий, то кучкуясь, то разбредаясь, и была в этом подходе к трудному экзамену старая, проверенная временем мудрость: “Каждый умирает в одиночку”.

Из нашей троицы я пошёл на пытку последним. Джурка и Минибай как-то повернулись, хотя готовились мы вместе. Они получили по четвертаку, а мне пытошных дел мастер вывел трояк.

Всё! Это был полный облом. Мне требовалась четвёрка, иначе ещё один семестр жить без стипендии! С трояком, весь какой-то посиневший — то ли от холода, то ли от ужаса — вышел и матрос тихоокеанского флота Яков Сенгур. То же самое произошло со славным защитником Родины Игорем Коробкиным! Ничего себе!

Рядом вился Боба Виннер, наш с Джуркой сосед по жилью, известный филолог и ярко выраженный жлоб. Как ворон, он летал возле дверей, за которыми шла экзекуция современной молодёжи, требовавшая от неё не только верного прочтения старославянских сочинений, но и правил, утверждавших тогдашнюю грамотность.

Нет, это было невыносимо! Выносимо и близко, конечно, Бобе Виннеру, который, как оказалось, запросто овладевал не только немецким, английским, французским, но ещё и старославянским — на кой чёрт он ему сдался? Да ещё и предлагал мне свои услуги:

— Это хороший дядька! Он меня любит! Давай я с ним поговорю! — Речь шла о преподавателе старославянского языка

А этот яростный дока старого славянства имел сразу несколько особенностей, много, как оказалось, значивших в наших судьбах. В свои шестьдесят лет он только что защитил кандидатскую диссертацию по особенностям своего предмета, первый раз женился и родил первого ребёнка. На войне, по здоровью, не был.

Ясное дело, что наши рассуждения на такие темы могли происходить только за закрытыми дверями или в общежитских комнатах, и мнение учеников до учителя не доходило. Но он, похоже, интуитивно предполагал неровное к себе социально-политическое отношение юных масс. И тайно, видать, бередя самого себя, вымещал на новых людях свои собственные неустройства.

Я горевал! Был в самом настоящем отчаянии! Яшка и Коробкин померкли так, будто враг взял их в плен, пытал и выбросил на мороз! Этим без стипендий совсем невмочь: у них-то не было мамы с папой, которые пришлют худо.

Конечно, это не я очутился на первом месте в числе пострадавших, но соратники по учению искренне встревожились нашей общей участью. Когда вышел последний из сдававших, Минибай как комсорг, Джурка и Боба Виннер, вызывавшийся быть проводником, зашли к Старославянцу. Разговор был некороткий и конфликтный, это слышалось даже через дверь, наконец, мои разъярённые дружбапы и благостный, в отличие от них, Боба появились на пороге:

— Идите! — воскликнул он. — Все трое! Сразу! Второй заход!

Тогда на кафедре русского языка не было молодых, все очень пожилые. Агния Ивановна Данилова считалась ветераном русскоязычного фундамента факультета, и её резкая речь частенько пробивалась из-за неплотно прикрытой кафедральной двери. Старославянец не был громок и не был, похоже, сильно почитаем коллегами, но всё равно что-то значил, что-то, возможно, сохранял. Глядишь, и тайно предвидел грядущий расцвет старославянского языка в русской жизни.

Однако до этого было ещё далеко, из того, послевоенного времени, совершенно не видно, в то время как наша беда стояла буквально перед глазами.

Коренастый, нехуденький, сильно обтрёпанный, совершенно лысый, явно неудачливый наш Старославянец, не глядя нам в глаза, предложил сесть всем троим за стоявший перед ним стол. Мы поспешно уселись.

По-прежнему не глядя на нас, он спросил зачётку у матроса тихоокеанского флота, раскрыл на странице, где стояла тройка и, ни слова не говоря, поправил её на четверку. Это было видно даже издалека. Сказал ему довольно нейтральным, почти доброжелательным голосом:

— До свидания!

Потом взял зачётку у лысеющего Коробкина. И вся церемония повторилась. Но когда дверь за Игорем притворилась, этот человек, почти просительным взглядом посмотрел на меня и сказал:

— Ну, с ними-то всё понятно! Люди воевали! Но — вы!

До меня что-то слабо доходила эта попытка усовестить мою персону. Я даже не мыслил о такой постановке вопроса. А он продолжал:

— Вы же молодой человек! Только кончили школу! Вам жить и жить! А вы не можете понять язык, которым говорили наши предки!

Я понял, что дело моё фиговое, что сегодня вечером, не откладывая на завтра, я сяду за письмо, в котором сообщу маме, что не мог освоить старославянский язык хотя бы на четверку, и вот снова не заслужил простецкой студенческой стипендии в 220 рэ, а посему приношу всяческие извинения и полагаю, что мне уж лучше и покинуть сей строгий государственный университет.

Похоже, в думах своих я повесил кручинную голову свою, но тут услышал последнее обвинение, меня, похоже, убивающее наповал, а Старославянец, стало быть, оправдывающее окончательно и самым убедительным, обращённым в моё трагическое будущее образом.

— Вот вы! — Уже почти расслабился он окончательно, по ходу своих аргументов утверждаясь в незыблемости моей тройки. — Будущий журналист! — Я глядел на него, не моргая. Я был кроликом перед беспощадным удавом. — И как же вы будете писать! А ведь вы должны хорошо писать! Грамотно писать!

Он передохнул, набирая полную грудь воздуха, чтобы окончательно пригвоздить меня. И произнёс опасный приговор:

— А грамотно писать современным языком нельзя, не владея языком старославянским!

— Можно! — квакнул я.

И в этот миг почувствовал, что победа за нами. И не такой уж он удав. А я не такой кролик.

Знаете, находит на нас, грешных, хоть и не часто, а даже весьма редко, такое ощущение победы, предчувствие удачного конца, подспудная вера в благополучный исход даже в самые трудные мгновения.

— Можно! — повторил я, а он удивился:

— То есть?

— А я пишу на современном языке без малейших ошибок! — без тени скромности заявил я.

Он даже хохотнул.

— Даю руку на отсечение, такого не может быть!

— Может!

— А кто подтвердит?

И я проговорил, совершенно наглей:

— Агния Ивановна Данилова!

— Что ж! — ответил он, будучи абсолютно уверен в моей лживости. — Я спрошу у неё. И если она подтвердит ваши знания в русском языке, я готов, знаете ли, поставить вам даже пятёрку! Если угодно!

Одной рукой он защёлкнул замок в своём затасканном портфелишке, в другой он держал мою зачётку. И вот такой странной конфигурацией, которую кавальдаши, конечно, не назовёшь, мы вышли из аудитории.

Толпа, скопившаяся у двери, испуганно расступилась, краешком глаза я разглядел сострадающие лица Яшки, Игорька, Минибая и Скока. Только Виннер отчего-то лыбился и шёл в отдалении за нами: впереди — Старославянец с моей зачёткой в одной руке и портфельчиком в другой, за ним — я, идущий уверенно и спокойно. Ни черта, со стороны, конечно, не поймёшь!

Мы подошли к кафедре. Я молил небо о том, чтобы Агния Ивановна была там, а не ушла, например, в буфет или туалет, или вообще бы не отсутствовала в этот день. Небеса услышали меня. Но этому предшествовала пауза. Обычно громкие голоса за дверью кафедры сегодня были тихими, а для коридора и вовсе неслышными.

Время для меня замерзло, все часы в университете просто остановились. Тем не менее, к кафедре подтянулись близкие мне болельщики. Мы молчаливо топтались, болтовня не получалась.

Наконец, приотворилась дверь, и Старославянец, даже не глядя в коридор, протянул в щель руку с моей зачёткой, абсолютно уверенный, что кролик тут же схватит искомую морковку. И тут же лизнёт руку хозяина.

Я схватил зачётку и распахнул её. А распахнув, не поверил. А поверив, не поверил снова. И, наконец, поверив, просто рухнул на спину.

Я катался с боку на бок и беззвучно хохотал. А вокруг меня стояли мои дружки, ничегошеньки не понимающие. Наконец, весь вывалявшись, в куртке и брюках, разом ставших серыми от пыли, я встал на четвереньки и уже захохотал в голос, почти сходя с ума.

Я протянул зачётку друзьям, и они стали тоже — если не падать, то качаться и приседать, и такой возле кафедры русского языка образовался

хотот и шквал, что дверь открылась, в проёме явилась Агния Ивановна с совершенно отрешённым лицом и проговорила:

— Скромнее, молодые люди! Скромнее!

За бликующими стеклами очков не было видно глаз. Но я подозреваю, что они не глядели так строго, как звучал её призыв. А ржали мы потому, что в моей зачётке была зачёркнута тройка (поср.) и вписана четвёрка (хор.). Но потом была зачёркнута четвёрка (хор.) и поставлена пятёрка (отл.).

Вот таким справедливым — и честным! — образом современный русский язык защитил меня от старославянского.

Откуда-то из тьмы подсознания электрическим накалом выплыл афоризм классика: “Человечество смеяся расстается со своим прошлым”.

Ах, как я ошибался!

Вместе со всем человечеством!

19

На зимние каникулы я уехал домой. И хотя стояли жёсткие холода, та морозная зима казалась мне эпохой ликования. Без конца вспоминал: “А теперь у меня есть стипендия. Я не хуже других!”

Чуть не сразу оказался на школьных вечерах — сперва в родной мужской, потом в соседних женских. И видел, какими внимательными глазами смотрят на меня наша бывшая классная и старый математик Иван Алексеевич, который даже обнял меня.

Весь остальной наш класс разбежался по техническим институтам, в основном ленинградским, хотя и трудным, но, видно, ясным по своему существованию нашим учителям. Витка Кошкин учился в военмехе, а это означало, что будет конструировать нечто секретное и, конечно, значительное; Серёга Суворов — в железнодорожном, а я умотал на восток, да ещё и в гуманитарные какие-то облака, с будущим доступом к печатному слову. Что это значило для них? И что — для меня? Даже взрослым в этом ещё только предстояло разобраться.

Они и пробовали это сделать, да я, похоже, ещё не годился для таких разборок, разгатию своих мыслей и намерений. Ведь не расскажешь же им про мои приключения со Старославянцем?

Студенты, конечно, ценились на школьных вечерах, особенно в женских школах. И как взирали на нас десятиклассницы — совсем новые лица! Однако межвозрастные противоречия неразумных царствовали в нас, и мы воротили от них носы, называя про себя “шмакодявками”, дескать, вы из других поколений. И нам не до вас! Подрастите сперва!

Пройдёт совсем немного времени, и что-то щёлкнет внутри почти каждого из мальчишек той поры, и мы переменим свои взгляды на ровесниц — они досрочно станут “старухами”, а мы обратим взоры именно к тем, кто ещё только что плавился стайками “шмакодявок”. Впрочем, это было выражение всё-таки мужское, вернее, мальчишечье и, так сказать, клубное, без цитат и ссылок при объяснениях с новыми лицами.

Но пока что мы танцевали со своими ровесницами, знакомыми по старшим классам. Теперь это были будущие педагогички, медички, политехнички, и забавно выяснялись скрытые пристрастия знакомых партнёры по танго и фокстротам. Только сильно принуждая себя, можно было вообразить, что красотка Ритка из сорок второй школы, поступившая в медицинский институт, станет врачом, да ещё прикажет однажды и вдруг в непредвиденной ситуации:

— Раздевайтесь до пояса!

Нет уж!

Вообще первые студенческие каникулы превратились в какой-то водоворот. От вечеров в школах, где на нашего брата, вчерашнего щенка, глядели как на почтенного подпёска — почти личность! — до студенческих вечеров в драмтеатре, где никто ни на кого не глядел, а в буфете продавали пиво местного производства, которым некоторые вольнолюбивые наливались почти

до горлышка. Разумеется, при помощи общенародного средства укрепления градусуса.

Я на это не вёлся, мне было любопытно оглядеть окружающий мир, да и в голове моей — забавно вспомнить! — роились не какие-то убогие мечты закадрить вон ту или эту из девичьих хороводов, а желание поскорее добраться до края вечера и вприпрыжку по трескучему морозу припустить домой, обнять маму, угнездиться под стёганым одеялом и взяться за “Угрюм-реку”. Вот где было истинное открытие мира!

Был у меня к тому же один старинный друг, к которому следовало поспешать, — кот Тимофей. Этот хозяин целого оврага, на краю которого стоял наш домик, был существом бывалым, многожды раненным в любовных сражениях и не только веснами, но и суровыми зимними ночами, и давно выглядел истинным ветераном. Оба уха у него были обгрызены в схватках прошлых лет, однако это его не угнетало, и он до поздней ночи охаживал свои владения, предаваясь то любовным страстям, то яростным боям. Даже в лютые морозы он возвращался домой не раньше полуночи, а давал знать о прибытии в расположение совершенно забавным и обдуманым образом.

С края сугроба, наметённого перед окном моей мальчишечьей комнатухи, он прыгал к форточке и, зацепясь когтями за её край, подавал голос.

Сначала это был просто возглас усталого существа — мол, откройте, это я, и никто другой! Если в воспитательных целях, заключающих предложение обойти дом и покричать у дверей, я форточку не открывал, Тимоха повышал голос. А потом начинал браниться!

Интонации его становились настоящими, громкими, требовательными, наконец, яростными. Можно сказать, что он просто ругался на своём котфейском языке, если даже не матюгался.

Я босыми ногами шлёпал к окну, открывал форточку, он радостно прыгал на мой стол перед окошком, потом на пол, а далее прямо ко мне в кровать, в самые мои ноги — и вот тут начиналось!

Во-первых, он мурлыкал, не уступая по громкости возбуждённому человеческому голосу.

Он ложился не сразу, отнюдь!

Он топтался!

Когтями Тимофей драл моё стеганое одеяло, выражая свои чувства в полный голос.

Назвать хрипом эту песню не поворачивается язык. Нет, он пел! Во весь голос пел свою котовью арию, как мог бы громopodobный артист излагать горячие чувства перед балконом возлюбленной. Но тут не было никаких возлюбленных! Был я, его закадычный друг, вчерашний мальчишка, в ногах которого он провёл бесчисленные множество ночей! Наверное, он испытывал невероятное счастье вновь обрести натопанное и налёженное место сказочных снов и сновидений, в которых ведь не одни мыши бегают, но и прохаживаются прекрасные кошачьи девы, любить которых Тимке мешают дрянные бродяги иных кварталов!

Взбив одеяло, острыми когтями помучив его, Тимка, наконец, удобно укладывался, принимал удобную позу калача. Голос его крепчал. Становился всё громче. Будто бы он что-то рассказывал мне, но вот в такой, совершенно музыкальной котовой форме. Это был истинный голос певца, и он пел радость! Пел ликование! Ни с чем не сравнимое удовольствие!

А я лежал на боку, читал книжку, изредка поглядывал на Тимоху, закрывшего глаза, но не снижавшего тона своего исполнения. Было ясно, что ему и я-то в качестве слушателя более не нужен. Он пел себе. Сам себе.

И, может быть, это было высшее наслаждение жизнью? Искреннее, беспечальное, бескрайнее.

Под песни Тимофея я тоже как-то легче жил. Трудности дня отступали. Все неприятности прятались по кустам, как Тимкины мыши при его появлении. Жизнь, а особенно жизнь будущая, манила счастливым ожиданием и надеждой.

КАК ВЫЛУПЛЯЮТСЯ ПТЕНЦЫ

1

Напрыгавшись на бесцельных вечеринках — никто из девчонок, что старого, что нового племени не задевал мое взыскательное сердце, — отославшись с Тимофеем, затихавшим только к утру, но крепко согревавшим мои ноги, начитавшись досыта “Угрюм-реки”, я всё же вступил в испытание.

Меня, конечно, знали в молодёжной газете, но шёл я туда на сей раз, безумно волнуясь, и, как совсем сопливый школяр, выдумывал первую фразу, которую скажу после того, как поздороваюсь.

Все мои репетиции полетели прахом, потому что едва я разделся в гардеробе, как из буфета вышел перекусивший, а потому, видать, довольный белобрысый толстоватый человек, который сразу воскликнул:

— О! Никак студент прибыл на побывку!

Этот человек был для меня личностью более чем недоступной — редактор той самой молодёжки, где я напечатал свои первые фотографии и заметки. Всего-то полгода назад он подписал мне рекомендацию в университет и, хочешь — не хочешь, теперь надлежало отчитаться.

А потому все четыре этажа, пока он одышливо поднимался к себе, я, искусственно сдерживая шаг, напрягался, отчитываясь. Да, мол, поступил, и первые мои заметульки в его газете сыграли поистине историческую роль, потому как я, оказалось, единственный из молодняка, а не старослужащих, то есть людей постарше возрастом, хоть где-то и хоть когда-то печатавшийся. Рассказал, как предъявил альбомчик с вырезками и сопроводительную бумагу. Всё-всё-всё сыграло свою роль!

Мы взобрались на верхотуру, Леонид Демидович завёл к себе в кабинет, усадил в огромное кожаное кресло, уселся напротив.

— Ну, ты смотри! — сказал он вдруг, слегка, конечно, улыбаясь. — Никуда в сторону не коси! Ты нам здесь нужен!

Я даже головой тряхнул, не понимая. Так и ответил:

— Не понял...

— Чего не понял? Вот кончишь университет, возвращайся сюда, нам люди нужны грамотные! С высшим образованием!

Кажется, я поперхнулся.

— Да я только поступил! Один семестр отучился! А впереди ещё девять!

— Э! — махнул рукой Леонид Демидович, — моргнуть не успеешь, как всё это кончится и придётся выбирать — куда. Так вот тебе не надо выбирать! Сюда!

Меня, пока этот добряк нарезал свои фразы, поощряя моё незримое будущее, и в жар, и в холод бросало. Ведь уверенностью я ещё ни в чём не обладал. Ровным счётом! Получится ли из меня газетчик? Да я даже думать себе запрещал о таких далёких даях.

Ну конечно, хотелось бы сесть да и написать что-нибудь этакое! Чтобы все прочитали и... Вот тут-то меня и подсекало: что — и? Заплакали? Засмеялись? Возмутились тем, про что я там когда-нибудь напишу? Я и сам не знал. Эх, в каком это было тумане! Густушем! Но я сказал, прерывая ненужные надежды:

— Я вот зашёл попробовать. Может, какое задание получить?

Эти слова будто елеем душу Демидычу смазали.

— А пойдика ты на шинный завод! — сказал он, будто давно приберегал для меня такой замысел. — Там пустили новый цех — резину делают, а из неё шины. И что ни работник, то рационализатор! Изобретатель! Вылови такого! Напиши очерк! Дадим целую полосу!

Мы встали, я подтянул поясок, исполняясь решимости, в приёмной мне мигом отпечатали удостоверение внештатного корреспондента, которое редактор прищёпнул печатью, первоначально расписавшись. Сказал, чтобы я прямо сейчас и добирался до шинного, а он позвонит в комсомольский комитет.

Так я оказался в громадном сооружении, чернушем изнутри от сажи, которая выделялась при производстве шин для автомобилей. Тут нелишне пояснить, что вообще-то машинного транспорта в нашем городе было маловато после войны. На главных улицах вообще лениво двигались подводы, запряжённые лошадьми, а то и целые коровы стада, которых самоходом гнали к мясокомбинату. Дороги эти порядочно были унавожены, но никто на такие непорядки внимания не обращал — жизнь шла по её установленным распорядкам. А на главных улицах нечасто двигались троллейбусы, автобусы и грузовики, большей частью, как солдаты, вернувшиеся с войны. Ремонтировали их сами шофера, умельцы на все руки, да авторемонтные заводчики и мастерские, и хотя одно это должно бы было вогнать нацию в уныние, никто ему, этому унынию, не поддавался. И я тоже.

Меня от заводской проходной сначала отправили в комсомольский комитет, и истощённый, похожий на туберкулезника паренёк, оказавшийся тутошним запевалой, принялся с жаром и пылом рассказывать мне о достижениях завода в целом и молодых работниках в частности. Я попробовал записывать некоторые его цифры, но в душе не понимал, что буду с ними делать, и, выдержав вежливый период, которого, по-моему, должно было хватить на описание обстановки, вежливо же спросил:

— А вы можете меня познакомить с кем-нибудь из ваших изобретателей?

— Изобретателей? — с испугом переспросил он.

— Ну, рационализаторов?

Он как-то сжался. Попробовал меня вразумить:

— Да здесь всё построено на технологии. Понимаете? Когда готовится резина, работают лаборатории, испытательные стенды. Никакой отсебятины! А когда отливаются колёса — там фактически конвейер. Только успевай поворачиваться!

В общем-то, он как бы отвергал задание Леонида Демидовича, и я пошёл на обострение, опасное, впрочем, для себя:

— А может, сходим туда, где шины делают?

Мы пошли. Этот паренёк держал меня за кого-то другого, повыше и по значительней. Не зря по дороге спросил:

— Вы из Москвы?

— Нет, — ответил я. — Из Уральской столицы.

Выходило, в прямо противоположном направлении от возможно исходящей опасности. Он облегчённо вздохнул. Но с какой стати кому-то опасаться кого-то? Тем более — меня.

И вот мы в этом цехе. Черно и жарко. Пышут какие-то печи. Здоровые парни с копчёными лицами орудуют какими-то кранами, те поднимают и опускают громадные формы, куда впихивается мягкая на вид резина, какие-то ткани. Потом эта форма, похожая на ракушку, захлопывается, её опускают в печь. Температура там, похоже, вышенная, вот тут-то и вырывается залп огня с копотью. Потом ракушка выезжает обратно, ставится на ребро, раскрывается, и из неё достают готовую шину.

— Для “студебеккеров”, — объяснил мне паренёк. А увидев мой непросвещённый взгляд, уточнил: — Для “катыш”.

“Для “катыш”, — поразился я. — Война же кончилась?” Но худощавый вдруг радостно воскликнул:

— Видите! Все парни! А вон девчонка! В красном платке. Единственная среди мужиков. Её зовут Жёня! У неё план всегда 150! Печёт свои блины ловчей всех!

Вот этим-то он и склонил меня к мелким неприятностям и сомнительным сравнениям.

Смена заканчивалась через час, и мне пришлось торчать в шинном цехе, пытаясь уловить в грохоте, копоты и жаре свой порядок. Он, конечно, был. Но не для пришлого человека с гуманитарными мечтами.

Опекавший меня парень был крайне нетерпелив, он то выбегал позвонить, то возвращался и урывками рассказывал некоторые подробности про Жёню. Оказалось, что она из детского дома и никого у неё нет из родных, погибли на войне, а ей дали заводское общежитие. Ещё он предупредил,

что Женя не любит вспоминать детскую дом, сейчас учится в школе рабочей молодёжи и будет поступать в химико-технологический институт имени Менделеева в Москве. Оказалось, что своей этой рабочей специальности она училась у старейшего мастера, и он ей изо всех сил почему-то помогал вместо того, чтобы отговорить. Потому как общепризнано, что выпекать такие колёса, да потом ещё и с силой выколачивать их из формы таким коротким ломиком — совершенно не женское дело. Но у нас все равны, улыбался секретарь, явно одобряя Женин путь к равноправию. Правда, тот её наставник, пояснил, слегка понурясь, секретарь, недавно умер.

Словом, пока я, обливаясь потом, издали разглядывал довольно хрупкую стахановку, как бы даже танцующую с электропультот в руках, крепящую цепи, распахивающую глотку горячей печи, пока я разглядывал её красный платочек на голове, сравнивал с неторопливыми, как казалось, липкими от пота мужиками по соседству, стала возникать во мне этакая сценарная канва.

Погибают на войне родители-герои, упавшую наземь малышку подхватывают солдаты, она в эшелоне, какие-то добрые женщины кормят её из дюралевой кружки, дальше — детский дом, строгий взгляд взрослеющей девушки, ремеслуха на заводе и этот горячий выбор, осиянный алой косынкой на голове, — парус мечты из волшебной книги, которая становится реальностью...

2

К концу смены, просто посидев на каком-то приступке или отаптывая более или менее чистый край черного и жаркого цеха, я, будучи тренированным пацаном, уже не знал, когда это кончится.

Пересменок произошёл незаметно, почти невзначай, просто к потным и грязным мужикам у ракушек подошли другие мужики, почище, и дело ни на минуту не остановилось. Только вот Женин красный платочек я потерял из виду. Не знаю, что стал бы и делать, если бы не болезненный комсорг. Он вышел из полутьмы, махнул мне рукой, мы вышли во двор и уселись на заснеженную лавочку.

— Сейчас она примет душ и придёт к нам, — пояснил он.

И вот к нам приблизилась Женя. Секретарь, неожиданно сменив тон, прибавив в голос железа, сказал, что он рекомендует её для разговора со мной, корреспондентом с Урала, потому что именно там обувают нашу резину на “студебеккеры” с “катушкой”. Откуда он всё это выдумал? Но я не стал тратить время на спор, пригласил Женю на морозную скамеечку, а руководитель временно скрылся.

Впрочем, он скрылся не временно, а навсегда, но это было мне ещё не известно, и я спросил Женю первое, что в голову пришло:

— И как вы всё это выдерживаете?

Она пожала плечами:

— Раз надо!

— А правда, будто вы сами эту вот специальность выбрали? Ведь тяжело! Девушке-то?

— Куда сунули, туда и пошла! — понурила голову. — Заступиться некому!

— Не похоже, — заметил я, — что за вас надо заступаться.

— Да, пожалуй, правда, — невесело усмехнулась она.

— Так вы сюда сами напросились или как?

— Ну, можно и так сказать, если кому-то надо.

— А вам?

— Ну, может и мне надо, не знаю.

Мы помолчали. Я попробовал, согласно художественным канонам, взглянуть в лицо своей грядущей героини, но что-то нескладно получалось. Было оно гладким, равнодушным, ничего не выражающим.

Я предложил двинуться к проходной, надеясь по дороге выяснить остальное. Спросил насчёт Менделеевского института, и был уязвлён в самую душу. Девушка переспросила:

— А что за Мегденлеевский?

Набравшись духу, я повторил, объяснил. Она пожала плечами:

— Не слыхивала. Да ещё в девятом учусь, в шереме-то. Когда ещё кончу! И надо ли — устаю на работе, иногда на уроках засыпаю, и надо мной смеются!

Ну, и влип я! Образ, который я придумал, не без помощи, конечно, комсорга, совсем не совпадал с реальностью.

— Ну, хорошо, — спросил я, теряя всякие надежды, — а красную козынку ты почему носишь? По каким соображениям?

— Да без соображений, — ответила Жёня, — всучил мне зачем-то наш комсорг, даже пару, велит: носи. — Она наивно улыбнулась. — Мне бы белая-то басче пошла, да ведь пачкаться станет. Стирай каждый день.

Это слово — басче, значит красивее — мне было известно. Но означало оно ещё, что Жёня-то — довольно-таки деревенская гражданка, и как она пойдёт в Менделеевку, по пути, предначертанному кем-то, и когда, и не надорвётся ли, как её учитель, на этот тяжёлой работе? Всё это расстраивало вконец мои помыслы о создании образа мечтательной и самоотверженной трудяги.

Мы прошли сколько-то шагов молча. И тут я брякнул:

— Давай-ка, Жёня, я напишу про тебя так, какой ты мне видишься. А ты не удивляйся, если что не совпадёт.

Пока что она кивала, не глядя на меня. А я заливался.

— Я буду писать про тебя очень хорошо. Может, этого на самом деле и нет.

— Вроде сказки! — улыбнулась она.

— Нет! — входил я в необычную для себя роль. — В виде мечты! Ты читала “Алые паруса” Грина?

Она мотнула головой. Ну, конечно, его не все читали. Пришлось выворачиваться:

— Это про мечту! Представляешь, бедная девушка. По имени Ассоль! Мечтает полюбить молодого капитана Грея! И хочет, чтобы он увёз её на корабле! С алыми парусами! Ей такой сон приснился! И вдруг на самом деле приходит корабль с этими алыми парусами! И на нём молодой капитан. Мечта сбылась!

— Как, говоришь, её звали? — с интересом повернулась ко мне Жёня.

— Ассоль.

— Не наше имя, — вздохнула она. — Заграничное.

И вдруг остановилась:

— А ведь у меня хорошее имя, правда? Жёня! Евгения! Жёнюрочка! — И сразу нахмурилась: — Да пиши, чего хочешь! — Ещё через несколько шагов спросила: — А меня не посодют?

— Э-э, — ответил я, — если и посодют, то меня.

3

Как же тяжело давалась мне эта выдумка! Для начала, вернувшись домой, я спохватился, что забыл спросить фамилию Жёни. Сейчас-то я догадываюсь, что таким странным образом мне подсобляла судьба: обойдись я без фамилии, и получился бы рассказишко, пусть худенький и лживый, но — ничего, мало ли вокруг печатается такого.

Я, впрочем, и начал писать без фамилии, вставил первую, на ум пришедшую — Иванова, и принялся фантазировать. Проще всего удалось предисловие — про Ассоль и алые паруса, потом у меня вместо Ассоль появляется Жёня Иванова, которая тоже стоит на берегу, но не моря, а нашей реки, которую, конечно же из жёлтой и мутноватой пришлось перекрасить в цвет голубой, как красивую мечту. Однако мечты теперь, как бы намекает автор, осуществляются не на берегах пусть и голубых рек, а в цехах, внешне, может, и не очень-то светлых от сажи, но очень горячих, даже жарких, где девушка принимает решение трудиться наравне с мужиками-гвардейцами: она печёт как былинная мастерица не хлеба, а чёрные сияющие круги — шины на автомобильные колеса. В них обуят многосильные грузовики.

Главную трудовую картину я описал довольно правдиво — как с электропультотом в руке Женя Иванова легко передвигается возле печи, как вынимает оттуда ракушки, — здоровенные плоские и закрытые сковороды, в которых млеет превосходное блюдо отечественного автостроения.

По ходу сочинения всё укладывалось в этикие полухудожественные вставочки — и война, и погибшие родители, и детский дом с его тоской и одиночеством, и завод, который принял её, естественно, как родную, и ШРМ, где она засыпает от усталости на уроках, а во сне ей снится московский химико-технологический институт имени Менделеева.

Сочинив всё это в общей тетрадке из 48 листов, я отправился не в редакцию, а к старому другу Кимке, у которого по причине значительности его родителей был домашний телефон. Не без труда отыскал по нему того самого художавого комсорга, напомнил о себе и попросил из-за моего немедленного отъезда заслушать сочинение по проводам.

Я принялся вдохновенно читать ему свой опус, но он не из тех был собеседников, кто готов погрузиться в чужие слова с полным вниманием. Пока я читал, он раз двадцать извинившись, кому-то и что-то отвечал по другому телефону, видать, внутреннему, заводскому, затем, опять извинившись, давал какие-то указания своим, что ли, работникам или активистам, таким образом, мой порыв был заведомо смят и уничтожен.

Сдерживая себя изо всех сил, потев и ненавидя своё сочинение, я с трудом дочитал его небрежному слушателю. В конце он как-то притих и вдруг меня просто-таки ударил:

— Да вы гений! Это просто замечательно! Поздравляю! Спасибо!

— Скажите, а как настоящая Женина фамилия? — перебил его я.

— Иванова! — воскликнул он. И я, ну, точно провалился сквозь Кимкин диван.

Вот это был номер! Я угадал фамилию своей героини! Но что-то же это мне подсказало! Какое-то неведомое мне наитие или как? По голубой обложке общей тетради я написал название: “Алые паруса”. И рядом — имя, только не Грина, а своё. Причём без кавычек. Я, видать, был так незрел, что оценить даже собственную наглость оказался не в состоянии. И оттаранил тетрадку в редакцию.

Демидыча не было, пришлось оставить сочинение Святославу Владимировичу, ответственному секретарю. Был он редковолосым, но румяным, с приветливыми голубыми глазками, одобряющими всё, что попадало в его обозрение, но всегда в валенках с калошами — видать, мерзли ноги.

Он попробовал было тут же читать моё сочинение, но я сразу понял, что мне тогда не уехать. И поступил стыдно и непрофессионально, просто по-любительски. Сказал, что вечером поезд, а у меня ещё дела, и пусть уж они, пожалуйста, разберутся с моим опусом сами, принимая это во внимание, и если сочинение не понравится, то и отправят его в корзину.

С тем и выскочил на улицу.

Нехорошо. Так не поступают настоящие газетчики.

4

Потом Зиновий Абрамович Яновский научит нас неписанным правилам журналистики: как собирать материал, как его перепроверять, что такое газетная стилистика, правка, как важно быть рядом, если твой текст правит чужая рука, и совершенно необходимо читать гранки, подписывая их всякий раз, а потом и газетную полосу, на которой идёт твоя публикация. Впрочем, один учитель, даже самый внимательный, не может предупредить тысячи ждущих тебя подвохов, а потому газетная школа продолжается почти всю жизнь, и вовсе не редкость, когда самый что ни на есть седой профессионал вдруг по незримой нелепости осрамится, будто начинающий мальчишка.

Конечно, эти уроки маячили ещё впереди, а тогда, примчавшись к порогу альма матер, я снова бухнулся с головой в волны бытия.

На широкой приступке возле университетского зеркала мы втроём нашли три почтовых перевода по девять рублей каждый. Боже! В итоге лёгкой

пробежки к почте выяснилось, что это поделенный на троих гонорар за заметку про лыжную выставку. Мы с Джуркой и Минибаем учинили банкет в столовке, призвав к нему Яшку, Игорька и Генку. Просто сдвинули два стола и проглотили обыкновенные обеды в честь достигнутого трудом праведным газетного гонорария.

Все обгоняли друг дружку шутками, иронией, а в общем, радостью, что вот, всё-таки, пусть и совсем малое, но мы чего-то же обнародовали!

Было очевидно, что нашим славным грузчикам-угольщикам хотелось бы того же, и матрос тихоокеанского флота заявил, насытившись, что завтра же отправится в окружную военную газету. Игорёк вызвался быть напарником. Они и найдут там себе применение, и мы с немалым удивлением узнаем, что солдаты, сержанты, а то и некоторые офицеры, младшие, конечно, по званию, любят складывать стихи и целыми возами отправляют их в свою военную газету. Там же, как этого требовали правила, каждое письмо, даже в виде стихотворений, требовало ответа, и нашим боевым товарищам предлагалось рецензировать, хотя бы кратко, эти сочинения и за каждый ответ полагалась половина рубля.

Поначалу они возрадовались. Пришли с охапками стихов в аудиторию машинописи и стали тыкать на старых ундервудах послания пиитам. Однако печатать требовалось сразу на редакционных бланках. А машинописью бойцы не владели. Приходилось учиться по ходу боя. Бланки летели в корзину ворохом, пока всё же, не овладев азами ремесла, Яков и Игорек не наловчились выдавать свою нешахтёрскую лаву на-гора.

Яков откуда-то обладал замысловатостью объяснений, Игорь был прям и безжалостен. Мы почитали у них из-за плеча некоторые отрицательные пояснения, и великодушный Минибай, кажется, заметил, что так они скоро лишатся работы, поскольку распугают всех военных поэтов. Литературные консультанты призадумались, поохали, но замечания уразумели. Каждый отрицательный отзыв завершали призывом вроде того, что не унывайте, дорогой поэт, совершенству нет предела, вспомните Пушкина и начинайте всё сначала!

Удивительное дело — начинали! И обращались к нашим писакам уже по фамилиям. Начинали с благодарений.

— Вот видите, — поощрял их Джурка Скок, — вы стали нужны поэзии!

Но нужны ли были эти поэты нашим бойцам? Чтобы напечатать десять ответов десяти жаждущим признания военным, да ещё применяя всего по одному пальцу каждой руки — хотя по десять разборов в день — требовалось адово терпение. А Игорь с Яковым были людьми не той породы. То и дело выходили в курительную возле туалета. И сквозь эту курилку приходилось прорываться чуть ли не ползком. Я, как человек некурящий, пробегал в основной отсек на полусогнутых. Скоро выяснилось, что расходы на табак, потребляемый от печалей умышленного труда, приближаются к затратам на сам этот труд. Духовность постепенно уступала расчёту. Через месяц-полтора наши старослужащие сдали поэзию назад в газету, пообещав появляться с интересными сочинениями собственного изготовления. Если получится.

5

Ну, а своей стипендии я едва дождался. Надо же! Сквозь мытарства и испытания, которые я принимал как должное, меня вдруг пригласили расписаться в ведомости и выдали выстраданные 220 рэ. Другие-то мои соученики и соученицы принимали эти рэ как естественное обязательство государства, получали финансовую благодать как нечто бытовое и, скорее, даже принудительное, но вовсе не достигнутое и не возжеленное.

Сунув денежки во внутренний карман и снедаемый жалким тщеславием, а вернее — какой-то детской невоздержанностью, я произнёс фразу, после которой тотчас же прикусил язык:

— Приглашаю в ресторан!

Джурка и Минибай восхитились идеей, и мы стали искать четвёртого — столики-то в ресторане, наверное, на четверых. Никто не соглашался.

Все похихикивали и жались. Ясное дело, матрос Тихоокеанского флота замахал на нас большими красными, как лапы у гуся, ручищами; Игорь Коробкин опять обсуждал с Генкой Шидриным свою возлюбленную кастрюлю, которую уж теперь-то точно надо было покупать в хозтоварах, их посудилку за чайник, изнутри залепленный спасительной вермишелью, их матюгала вся комната в общаге, следовательно, к этим и подступаться с предложением о ресторане смысла не имело.

Не уверенные в благополучном исходе, мы двинулись к ресторану “Савой”. Собственно, в городе их было несколько, ещё один, при большой гостинице назывался по её же имени “Урал”, но такое название было слишком обыкновенным для столь поэтического замысла. По дороге мы обменялись вопросом: а что такое означает слово “Савой”. Ни Джурка, ни Минибай, ни я не знали.

— Откуда-то, наверное, оттуда! — кивнул Скок в восточном направлении. И пропел из Вертинского: “В бананово-лимонном Сингапуре...”

Мы посмеялись. Савой, Сингапур — как там ещё? — были так далеко от этих мест, что и думать-то про них нам не могло. И бананов мы и не едывали.

И тут лоб в лоб мы столкнулись с Толей Пудолем. Он шёл нам навстречу с кучкой небольших книг, и это была поэзия.

— Зашёл в книжный! Завезли новинки! Такая радость!

Конечно, строчки поэтических книг — как луч солнца, но нам, не очень-то отёсанным, это ещё только предстояло понять, а блистательный Пудоль уже давно понял, и мы позвали его в ресторан. Мол, приглашаем! Хотя душа моя втайне содрогнулась: что же останется от моей стипендии?

Будто кто-то услышал мой писк. А может, Пудоль и услышал.

— Ха! — сказал он. — Это я вас приглашаю! Получил последнюю стипендию, ухажу окончательно, жрать хочется, пошли, посидим!

Это было чудесное застолье! Ресторанный дебют в заведении с неизвестным именем “Савой”. Уверенной речью наш старший — и опытный, конечно! — товарищ заказал всем по салату оливье — это словечко мы запомним навеки — по мясной солянке и бифштексу с яйцом и жареной картошкой. Потом махнул рукой и велел подать бутылку водки.

Её принесли в запотевшем графине, и мы, похоже, разом почувствовали, что какая-то с каждым происходит легальная перемена. Всем нам вместе — и каждому поодиночке — выпивать приходилось. Но где? В какой-нибудь занюханной пивнушке! В проходном буфете! У друзей в общаге — там вообще втихаря, чтоб комендантша не прознала. А тут! Ресторан! Сияют люстры, хотя и не горят, потому что дело происходит днём. Можно себе представить, что здесь бывает вечером! Позвякивают хрусталинки, в зале кто-то есть ещё, но как-то по окраинам, две-три пары от силы, а нас усадили в самом центре, возле фонтанчика!

И ещё-то вполне отчётливо мы ощутили перемену своего духа. Мы явились сюда не то чтобы совсем повзрослевшими, но — имеющими право, вот что! Мы имели право тут сидеть, беседовать, ожидая еду, а потом с непривычным наслаждением поедать отличную жратву, заработанную нами.

Но наш нечаянный предводитель не спешил, он ласково перебирал новокупленные книжицы, не уставая улыбаться, и вдруг посерьёзnel:

— Слушайте!

И проговорил торжественно и тихо, а мы бросили свои вилки от таких слов:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитый груз лежит.*

*Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!*

Будто лёгкое и печальное облачко спустилось над нами, а Толя так и во-все сидел, свесив голову. Потом вздёрнул её, в глазах его сверкали слёзы.

— Слышите, мальчуганы! Это к нам обращается Его Величество Лермонтов: “Я! Или Бог! Или никто!”

Мы и выговорить-то ничего не могли, сидели рядом с великим нашим наставником и преданно глядели на его как будто измученное лицо. А он полистал книжку и будто молитву пропел:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Мы ещё бродили внутри себя, заблудившись в своих собственных мыслях насчёт того, что означает сочувствие в нашей жизни, и уж тем более как применить к ней нездешнее слово “благодать”, а Толя Пудоль налил рюмки и произнёс не то чтобы торжественно, но всё-таки с большим значением слова, от смысла которых нас всех прохватил озноб.

— Поздравьте меня, ребята! — И мы хором поздравили его от всего сердца, полагая, что он окончательно устроился в газету.

— Славные вы мальчишки! — проговорил он, ничуть не возвышаясь и не превозносясь. — А ведь вы даже не знаете, с чем поздравляете!

Мы переглянулись, теряясь в догадках.

— А я сегодня, — веселёхонько молвил он, — сдал рукопись книжки своих стихов! И сразу подписал договор! И сразу получил аванс. Смотрите!

Он, будто фокусник, распахнул свой пиджак и вытащил из одного кармана толстую пачку денег. Шмякнул её на стол. Но чудо продолжалось! И он вытащил из другого кармана ещё такую же пачку и положил рядом с первой.

— Полторы и полторы! — прошептал он. — Три тысячи! И это только аванс за книгу моих стихов! Представляете!

Мы не представляли. Ни в прямом, очевидном, смысле слова, ни в переносном, этаким созерцательном. Но мы не позавидовали — вот что. Не вздохнули, пусть и со светлой, но мечтательностью. Мы просто восхитились этим замечательным Толей Пудолем, который бросает университет, вернее переходит на заочное, только и нужное-то ему для проформы, для диплома. Но кто и где эти дипломы требует в газетных редакциях, если ты умеешь талантливо писать, научился влезать в многообразные конфликты, сочинять пронзительные очерки и выплёскивать публицистические думы, от которых трепещут все подряд!

А ещё и вынашивать стихи! Да так, что тебе, всего-то четверокурснику, предлагают выпустить целую книгу и дают гору денег!

Мы и близко не могли приблизиться к таким высотам! Мы и возмечтать не помышляли о таком небывалом — не таланте, нет, а истинном Божьем даре, которым озаряются лишь немногие, наделённые чем-то невероятным, да ещё и откуда-то лично им спущенным. Ясное дело, сверху.

Есть такие выражения, вообще-то: “Его Бог в темечко поцеловал”, “Его ангел всегда над ним”, “Архангел по головке в детстве погладил”. В том благостном застолье и в те антирелигиозные времена, пожалуй, нам и не припоминались подобные приговоры, но спроси нас тогда и о таком, мы бы закивали головами, соглашаясь.

Толя Пудоль как-то просто вышел к нам из-за угла и повёл нас в ресторан. Это была и благодать, и провидение, вместе взятые. А он сам явился как посланец чего-то неведомого, но светлого.

Да-да, на самом деле, он явился из света, из солнечных лучей, из какого-то заповедного пространства, чтобы сесть рядом, испить заздравную чашу

с юношами, которые глядели на него, открыв рот, и внимали каждому его слову.

Мы просили его рассказать о себе, и он не отлынивал, пояснял, что родителей у него нет, воспитывала тётка, а писать он начал классе в восьмом — то была детская мура, пришлось бросить и кинуться в газетную работу. По здоровью в армию не взяли, он поработал в сельской районке, а поступив в университет, сразу пришёл в молодёжку. После трёх-четырёх больших кусков про деревню его позвали в штат. Он метался между лекциями и редакцией, потом от лекций отрёкся, его окончательно взяли на зарплату. Университет, точнее наша журналистская кафедра, им восхищалась, публикациям с его именем поражалась и, в конце концов, поощряла тем, что скрывала его невяки на лекции. Сегодня он написал заявление на заочное, а договор в издательстве, и вот эта куча денег уже жгла ему карманы!

Он, конечно, заплатил за нечаянный банкет. Вообще-то всё это вместе взятое стоило сто рублей, по четвертной на душу, да ещё и с выпивкой. И мы тогда же дружно затвердили решение — в день стипендии ходить в “Савой” и там вкусно обедать.

Таким образом мы обвыкали во взрослой жизни. Складывались маленькие традиции, устанавливающие образ бытия. Раз в месяц мы вспоминали Пудоля, который возносился всё выше и выше вдали от нас.

И числился в нашей компашке чистым гением.

Только вот после того полдника с выпивкой за его счёт он очень ослаб почему-то. Выпили мы всего-то один штофчик на четверых, и всяк из остальных был, как юный огурец, а его отчего-то развезло.

Мы бережно доставили названного учителя в частную комнату, которую он снимал, и уложили в постель.

6

Но кто бы и подумать мог, что Лермонтов способен людей разводить? Во всяком случае, трещина в отношениях с Джуркой обозначилась из-за него.

Ясно, что высокие, а уж тем более гениальные выражения могут долго бродить в человеке. Уже и забытые, они тревожат душу, толкают её на мысли, а мысли приводят к действиям, даже не всегда разумным.

Я заметил, что Джурка стал реже наигрывать на своём аккордеоне, но время от времени пропускает по утрам лекции. Ничего особенного в таком поведении не было, ведь ушёл же я однажды поутру в городскую баню, чтобы там гольшом постирать собственное бельё, попробовал, так сказать, бесталанно экономить средства. Вот и он оставался утром дома, переворачивался на другой бок, говорил, что не выспался, и делал вид, будто дремлет, пока мы с Бобой Виннером толкались в узких проходах нашей общей комнатухи, швыркали чаем, гремели ложечками, пыхтели, натягивая на ботинки наши потрясающие и модные в ту пору боты с пронзительной кличкой “прощай, молодость!” С молодостью прощаться мы, ясное дело, пока не торопились, но боты, суконные, с резиновой подошвой, надеваемые на ботинки, горячо уважали, ибо находили в них защиту как от морозов и снегопадов, так и от луж и ручьёв.

Потом Джурка стал подозрительно прятаться от нас в дальних аудиториях. И не просто так, а с тяжеленным “Ундервудом”, который перетаскивал с места на место. И когда мы его находили, он поспешно выдёргивал из машинки листок и прятал его под книги. Вольному воля, есть у тебя тайна — пожалуйста, храни её, но ведь, как известно, любая тайна всё равно прольётся наружу.

Впрочем, он сам её и пробил. Вернее, представил. Раскрыл. По-нынешнему, презентовав.

В один прекрасный день после лекций он позвал нас в пустую аудиторию подальше, засунул ножку стула в дверную ручку, потому что днём такие помещения не закрывались, и сказал, вернее, спросил:

— Можете послушать?

Разумеется, могли. И наш большой и лобастый Джурка принялся читать стихи, перелистывая листочки в самодельной, похоже, сшитой нитками книжце.

Мы — то есть Минибай и я, а также тихоокеанский матрос Яков, Коробкин и Гена Шидрин — слушали с доброжелательным вниманием. Стихи оказались вовсе неплохи, автор владел рифмой и ритмом, ну, мало ли, что порой сбивался. Зато чувствовалось его горячее желание сложить стихотворение. Его бы, скажем, можно и не писать, раз оно о природе, а о природе-то горы гениальных сочинений! Тот же Кольцов или Никитин — мы их в начальных классах наизусть учили. И трудно что-то новое здесь прибавить, хотя, наверное, и можно... Ну, и прочее тоже у Джурки выходило, с одной стороны, гладко, а с другой — так себе, средненько, ничего особого, хотя почему бы и нет...

Он волновался, конечно, прикрывал глаза, потел, а в аудитории висела тишь. Поэт затих. Спросил, отирая пот:

— Ну чо?

Мы попереглядывались меж собой, никто не решался открыть дискуссию. Тогда я и брякнул:

— “Нет, ты не Байрон, ты другой!”

Скок воззрился в меня туманным взором. Вглядывался и во что-то вдумывался, не понимая, как я выразился: похвалил или отверг.

Всегда доброжелательный Минибай ободрил Скока, наверное, из гуманистических соображений:

— Конечно, другой! Ведь там же говорится: “с русскою душой!”

Так это же он Лермонтова подтверждал! А Скок всё-таки не Лермонтов. Яшка Сенгур, человек с большим жизненным опытом, умело увернулся:

— Знаете, ребята, я открою вам и свою тайну. Третий год пишу исторический роман. Знаете, о чём? О Тьмутаракани, была такая страна в районе Тамани, где я родился. Там-то и явился настоящий русский народ! На перекрёстке, так сказать, половецких степей, татарских нашествий и русаков с голубыми глазами.

Генка Шидрин удивился историческому новаторству Якова, потому что полагал русским началом явление Юрия Долгорукого, начались некоторые прения сторон, которые закончились горячим выступлением краснофлотца. Что терять, дескать, время нельзя, оно утекает, как вода сквозь пальцы в умывальнике, и всем нам, как одному, надобно писать, писать и писать, перефразируя призыв Владимира Ильича “Учиться, учиться и учиться”.

— Ох! — вздохнул в конце обсуждения наш славный реалист Игорёк Коробкин. — Нам бы ваши заботы, братцы!

Он помолчал, поулыбался и проговорил:

— Я вот тоже стишата кропал, даже печатал, даже гонорарий за них кой-какой получал! Да!..

Продолжил, притухнув:

— А теперь твёрёзо понимаю: не моё это дело. Тут Божий дар требуется, никак не меньше! Знаете, я даже перестал читать любые стихи. В том числе классику! Стыдно признаться, но не по Сеньке шапка! И вот теперь соображаю, как бы научиться простые заметки писать в газету. Чтоб грамотно! Чтобы идея была! Смысл! Чтобы хоть кому-то помочь делом! Малость жизнь получать, а?

Возбуждение его угасало:

— Мне не до стихов. Мне бы выжить!

И он, чудак-человек, всхлипнул. Понятное дело, все, включая поэта, бросились его утешать, обсуждение само собой увяло, отошло в тень.

Ни в этот вечер, ни по дороге мы не разговаривали ни о стихах, ни о литературе, ни о чём, что где-то там, за морями, за долами и, как верно ткнул нас Коробкин, пока не про нас.

Перед сном я мельком подумал, что Джурка Скок пожизненно обиделся на меня. Ведь лермонтовскую печаль можно трактовать и по-другому. Мол, куда тебе до Байрона-то, друг. Пусть ты и русский душой! В общем, про поэзию Скока я предпочёл не рассуждать. Даже про себя. И вообще посеял

отвращение к любым доморощенным стихам, как к делу для газетчика недостойному. Вот о делах газетных — всегда пожалуйста. Тем более что я вдруг нашёл на столешнице перед университетским зеркалом сначала перевод на целый 200 рэ, а через день — большой конверт из моего родного гнезда с номером газеты, где целую страницу занимал очерк с картинкой, специально нарисованной художником. Очерк назывался не “Алые паруса”, что уж теперь-то мне ясно казалось бескрайним нахальством, а “Алые паруса мечты”. Куда ни шло! А подпись моя скромно помещалась внизу заметки и содержала сведения о том, что я студент I курса отделения журналистики. Дескать, чего с него возьмёшь?

Из газеты выпала записочка от добродушного Демидыча. Поздравляя с сочинением, он слегка посетовал мне на неважную проверку фактов, за что ему досталось на орехи от кого следует: Женя попала в детдом не потому, что родители погибли на войне, а потому, что были репрессированы и по сей день находятся в колонии.

Меня прошиб мороз, да ещё и на улице было холодно, зима не собиралась сворачивать свои ледяные покровы.

В душе я, конечно, помянул болезненного рекомендателя, но Женю пожалел, а перечитав своё почти выдуманное сочинение, дал себе слово следовать правде, только правде, одной лишь правде, как услышал в каком-то ненашенском кино. А всякие сочинения, включая, не дай Бог, стихи — это лабуда. Высокие материи не для нас. Классиков не переплюнешь, а Скоку тут нечего обижаться.

Такая теория, как узнаю я со временем и пойму, существует веками. Она довольно живучая, бродячая и кусачая. И может оборачиваться против своих апологетов.

7

Ещё в том, теоретическом, считай, семинаре я пожалел Игорька Коробкина за его настоящую правду. Стипендию-то он получал, спасибо Старославянцу, и это было для него спасение. Дежурства у трампарка с потеплением ликвидировались до следующей зимы, чтобы разгружать вагоны с углем, требовалась компания, а она не хотела сбиваться воедино. Других источников существования у Игорька не было, и они с Генкой по-прежнему варили вермишель на общежитской кухне. Хотя уже не в чайнике, а собственной кастрюле.

Вышло и ещё одно послабление: хлеб в столовых, в том числе и в нашей, студенческой, клался горой и бесплатно. Это выручало самых бедных, а Игорёк никак не мог выбиться из них. Чай тоже наливали бесплатно, только за сахар следовало доплатить, но когда человек всерьёз голодный, он чай и без сахара пьёт, чтобы залить им куски хлеба.

Белый хлеб выставляли только изредка, а чёрный хорошо шёл с горчицей, круто посыпанный солью. Этакое острое блюдо, вызывающее сильное слюноотделение. Брюхо по этим причинам плюс неограниченный чай быстро набивалось этим добром, приятным во всех отношениях. Но такое ведь годится разок, другой, третий. А когда каждый день: хлеб с горчицей и чай, хлеб и чай? Вечером — вермишель, не всегда с маслом. Поневоле затоскуешь о куске мяса или хоть сосиске, какие уж тут стихи! И при этом человек по праздникам надевает выцветшую гимнастёрку с планкой наградных колодок, среди которых нетрудно узнать медаль “За отвагу”.

Я тащил Игоря Коробкина к тётке Дусе, иногда он поддавался, а потом проявлял неясную мне строптивость при всём своём мягком нраве, повторяя без конца:

— Неудобно, пацан! Мне неудобно!

Словно бы продолжал, когда мы шли от столовки по лестнице или по коридору:

— Понимаешь, я что-то не то сделал. Не туда залетел! А я не мальчик, чтобы ошибаться! Я уже почти пожилой человек! Мне семьёй надо обзаводиться! Детей рожать! Зарплату получать! Мне далеко за тридцать лет, а я всё ещё просто дембель!

— Но есть-то надо! — приводил я единственный доступный мне аргумент. — Тётя Дуся — добрый человек! Потом рассчитаешься!

— Эх, — вздыхал Игорьёк, — тётя Дуся, тётя Дуся!

И отворачивался в сторону.

Однажды по какой-то причине я возвращался на трамвае позднее обычного. Зашёл в магазин с пирамидами “Чатки” и купил, по обычаю, две свои французские булки.

Снова шёл вдоль пути у трампарка, и снова шёл снег, но не такой, как в прошлый раз. Снежинки сыпались огромные, они планировали, опускались медленно и лирично. Трамваи перезвякивались между собой, собирались впритык, окна в них поначалу сияли, а потом гасли.

На всё том же перекрёстке я увидел знакомую фигуру и сразу узнал Игорьёка. В руках на сей раз он держал не скребок, а обыкновенную метлу, прочищал ею снег, забивавший путевые стрелки.

Я окликнул его, и он, как всегда улыбочивый, подошёл ко мне.

— А где Генка? — поинтересовался я.

— Генка приболел, — ответил он, — лежит в общежитии с температурой. Под двумя одеялами: своим и моим!

Чувство печального юмора не оставляло Игорьёка Коробкина, и я захотел хоть чуточку выразить ему симпатию. Я приоткрыл на колене свой чемоданчик и достал обе французские булки, что я купил. Протянул их Игорю и сказал:

— Это вам с Генкой! Пока ещё не ночь, напои его чаем! Да и сам...

Одной рукой он держал метлу, будь она неладна. А другой прижал к груди две эти несчастные булки и глядел на меня во все глаза. Будто первый раз увидел и все не узнавал знакомого человека. Потом его плечи затряслись. А на плечах был снег, крупными своими снежинками положивший ему белые погоны.

Он плакал молча, склонив голову, неумело, стараясь скрыть от меня свои слёзы, хотя как тут скроешь-то, если плечи трясутся. А снежные погоны не падали с его плеч. Мокрый уже шёл снег. Зима близилась к концу.

И вот он сказал:

— Позор на мою голову! Это я тебе должен булку давать! А не ты! Ведь я солдат!

— Да ладно, Игорь Иванович! — едва сдерживая комок в горле, брякнул я, цитируя классику. — Сегодня я, а завтра — ты!

И кинулся от него к дому.

8

А дома застал Джурку совершенно пьяным.

Боба Виннер сидел за столом, пил краснодарский сладкий чай с булкой, намазанной маслом, а Скок изо всех сил рвал меха своего аккордеона, иногда подвывая отдельные строчки известных песен.

При этом он успевал матюгаться и припугивать хрупкого филолога нецензурными выражениями. Я попытался обратить всё это в смех, в удивление, почему же Джурка не поделился радостью с близкими друзьями, а наглогался в одиночку.

— Анапа приходила? — спросил я у Виннера, а Скок быстро ответил:

— Три раза!

— И что?

— Говорила: нехорошо!

— Да уж конечно нехорошо! Но с кем же ты надрался-то?

— С Пудолем! — едва ворочая языком, отвечивал Джурка. — Во парень! Не то, что все вы! Засранцы!

Сообщение про выпивку с Пудолем слегка цапнуло меня, ведь всё-таки мы познакомились с ним все втрём, на равных, а теперь, выходит, появляются особые внутри сообщества отношения.

Сам же и отмахнулся: какие отношения? Всё складывалось совершенно случайно, без всяких обязательств, как, впрочем, и тут, в этой частной

комнатушке: каждый сам по себе, не так ли? И не стал расспрашивать дальше. Надо — сам расскажет.

Но Скока занимало что-то другое. Видно, выпил он основательно, но бывают люди, которых водка глушит не сразу, а постепенно. Джурка играл на аккордеоне, пел какими-то выкриками и пьянел всё заметнее.

В дверь постучали, она приоткрылась, и Анна Павловна, владелица этой конуры, чувствуя себя хозяйкой имения, сказала, тем не менее, вкрадливо:

— Ребятки! Уже поздно! Двенадцатый час. Девочкам надо спать! И вам тоже! Джурик, потише, пожалуйста!

— А! — воскликнул Джурик. — Анапа!

— Что? — не поняла та.

— Анна Павловна, щас, щас! Ещё пять минут!

А когда дверь притворилась, он сдвинул аккордеон и положил голову на него. С минуту, наверное, не менее, было тихо, мне даже показалось, что пьяный Скок так и уснул на своём трофейном инструменте.

Но он вдруг резко и трезво вскочил, небрежно толкнул драгоценный инструмент на свою кровать и обернул к нам лицо с покрасневшими глазами, будто долго тер их кулаком. Речь его была, понятное дело, совершенно нетрезвой, рваной, вскипающей матом, но логичной. И ужасной!

— Я не знаю, как мне жить! — воскликнул он для начала, и эту вводную фразу я принял как признак неважнецкой литературы. Даже усмехнулся. Боба Виннер поступил аналогично.

— Это знаю только я и моя мать! — продолжил он. — А теперь узнаете вы! И вам не станет от этого лучше! Но! Я! Не знаю! Как мне жить! — он снова выделил восклицаниями каждое слово.

— А может и не надо, нам-то? — спросил я.

Он повесил голову. Нетрезво помотал ею, будто хотел протрезветь, что ли? И снова повторил:

— Не знаю — как!..

Потом он сказал просто несколько фраз. А устроил тоску смертную.

Отец был на фронте, командовал какой-то связью, исправно слал письма, а мать получала деньги. Ещё она работала в библиотеке. Неподальёку находился госпиталь. Некоторые раненые захаживали к ним домой. Мать угощала чаем, смеялась. И вот однажды Джурка пришёл из школы раньше времени. Учительница, что ли, будто заболела. Вошёл в дом, не скрипнув, даже обувь на крыльце снял. Входит в комнату, а мама с каким-то мужиком. Из выздоравливающих. Он не убежал, не затаился, а заорал в полный голос:

— Отцу скажу!

Джурка не стремился к последовательности. Рассказ свой прерывал. Много опускал. В конце объяснил, что мать вымолила у него, своего сына, чтобы молчал. За это она делала всё, что он просил. Отец с войны вернулся. И вот столько лет прошло, но он ничего не знает.

— Пусть и не знает! — сказал я, потрясённый откровением Скока. — И вообще! Нам-то зачем рассказал?

— Зачем! — прошептал он. — Да я не знаю, как жить!

— А теперь узнал? — спросил я довольно жёстко.

Мне почему-то стало обидно за Джуркину мать, которую никогда не видел. Да и отца его тоже, о котором понятия не имел.

Гуманитарий Виннер утешал со своего стула:

— Важное дело — выговориться. Тебе, конечно, полегчает, — ворковал он. — А теперь давай-ка ложись.

И стал укладывать нашего гиганта. Сперва мы убрали аккордеон с кровати, вложили его в футляр, потом раздели Джурку до трусов. Он глядел окрест непонимающими, отсутствующими глазами, покорно кивал головой кому-то — явно не нам, — бухнулся в койку и умолк.

— Теперь, — обернулся ко мне мудрый Боба, — он нас возненавидит.

— За что? — не сразу понял я.

— За то, что наградил, — он как-то брезгливо произнёс это слово, — своей тайной.

Утро началось чрезвычайно, часов в шесть. Я проснулся от того, что кто-то трогал мои ноги. На своей кровати сидел Боба Виннер, всклокоченный, каким бывает внезапно проснувшийся человек, а возле меня стоял Скок. И хлопал мне по ногам, чтобы я проснулся. Я подскочил, как, наверное, и Виннер. И тогда Джурка трезво произнёс:

— Дайте мне клятву, что никому ни слова!

Я глянул на Виннера. Он часто-часто кивал мне головой. Странное дело, но у меня обнаружили почти взрослые слова.

— Джурка, друг! — проговорил я, совершенно не уверенный, что имею хоть какое-то право говорить таким образом. — Мы ничего не слышали. Да, Боба?

— Да, да! — подтвердил тот.

— Но это твоя, понимаешь, твоя личная тайна! И, наверное, есть тайны, которые люди уносят в свои могилы! Унеси и ты!

Он как-то встрепенулся, посмотрел на меня непонимающим взглядом, будто думал. И только подумав, кивнул.

9

Минибай как представитель Крайнего Севера сразу оказался в общаге, поэтому мы виделись только на лекциях, а поболтать могли в перерывах между ними.

Он отвёл меня в угол коридора и с выпученными глазами сказал, что утром к ним в общагу явился полутрезвый бог наш Толя Пудоль, вызвал Минибая на улицу и рассказал ему про Джуркино бедствие. Он-то боялся, как бы что со Скоком не произошло, думал, тот живёт в общежитии и приехал туда. А теперь Минибай перелагал мне всю эту тайну.

Я не знал, как себя вести. Одному другу дал слова молчать, но другой друг, оказывается, тоже посвящён, а Пудоль, видать, на нетрезвый язык Скок первому свою тайну и выложил. Как теперь быть?

Я молчал и, наверное, отводил глаза в незнанку: почему мне вообще надо всё это знать? С какой стати? Разве всё надо до дна выкладывать при первой расслабке?

Минибай разглядел мои уклончивые взгляды. Спросил:

— Ты знаешь?

Я пожал плечами:

— А зачем такое знать?

Он обрадованно согласился. Я продолжил:

— Это его родные... Какое нам-то дело?

— Точно!

Надо, пожалуй, отдать должное нам, пацанам тех времён — и Минибая, и Виннеру, и Пудолью тож. Никто из нас не произнёс больше ни слова, даже друг с другом, про эту Джуркину историю. Но вряд ли не думал. Думать ведь не запретишь.

А Джурка сначала вёл себя так, будто виноват перед нами. Вот именно так, а не иначе — перед нами, а не перед тем, перед кем бы надо. Он как-то заискивал, даже заигрывал. Был подчеркнута деликатным, проявлял дружелюбие, обрадованно смеялся не самым смешным нашим шуткам.

Мне, честно сказать, хотелось его пожалеть. Но почему-то не получалось, странное дело. Что-то такое недоверчивое копошилось внутри меня. Какое-то нехорошее — моё собственное достоинство, если можно так сказать. Что-то во мне самом тайлось неласковое, раньше не бывавшее. Какая-то опаска. Будто сунуло носом в чужое барахло. И если оно даже крахмально-стираное и глаженое, всё равно ведь чужое. Зачем это?

Однажды нечаянно подумал: а что, если бы это случилось с тобой? Ущипнул себя за руку: как ты можешь даже подумать такое, это не про тебя, у тебя такого быть не могло.

И вот тут мне стало отчаянно и совсем по-новому жаль Джурку: как выжить с таким воспоминанием? И ты бы не смог!

И вдруг оказалось, что Джуркина мать приезжает навестить своего сына. Устроилась она, по рассказам Скока, у знакомых, а приходила к Джурке сразу после лекций на частную квартиру, к Анапе, и мы с Виннером увидели её только раз, тотчас после приезда. Выглядела эта женщина обыкновенно — полновата, простоволоса, неприспособлена к одежде; здороваясь с нами, вела себя скромно, точно робея учёных студентов, и мы с Бобой до крайнего часа торчали в университете, даже после закрытия читального зала, чтобы не мешать общению родственных душ.

Через неделю Джуркина мать уехала.
Он ходил, будто мокрый щенок.

10

А жизнь неслась!

Нам иногда кажется, что жизнь — это только то, что происходит лично с нами! Вот ты хорошо сдал экзамен и зачёт, и это великая победа, заработал стипендию! Или одолел какую-то, как раньше казалось, неподъёмную книжищу, вроде “Жана Кристофа” Ромена Роллана — четыре могучих тома. Да и каких! И дело, конечно, не в том, что ты их просто прочитал! А в том, что, прочитав, крепко раздумался — именно так! — о мире людей, таких далёких от тебя во времени и пространстве, но таких понятных своими мыслями и поступками!

Мир всякого человека, я уверен, не может остаться неизменным после таких книг, но в каждой отдельной судьбе — это только личное твоё событие. Оно, надо надеяться, изменило тебя, но не переменяло мир, и трудно верить в простые перемены, когда всё и разом улучшается в целой державе. Бедь для этого надо, чтобы, скажем, миллионы людей в один и тот же месяц, всё побросав, одолели того же “Жана Кристофа”, закручинились, переменили себя изнутри, а тогда бы враз улучшился и целый мир. Хотя бы наш мир.

Но такое и представить даже нельзя. Да и вообще, что такое пусть и великая, сотрясающая, но лишь одна книга в жизни человечества? От того, что ты её прочитал, мир как не улучшится, так и не рухнет.

И вообще, жизнь, наверное, — это что-то вроде потока громадного! Всеобщего! В нём и воды, и ветры, и души живых и усопших, и движения армий, каких-нибудь бесчисленных танков, и трепет голубя-турмана, и люди, зачем-то идущие в сплошном снегопаде, и боль, которую утишают врачи, и боль, которую уже ничем не утишить. И в этой жизни — ты, маленький огонёк, незаметная частица, но и в то же время ты — огромный мир, если способен замирать над “Жаном Кристофом”, проваливаясь сквозь страницы куда-то в пространство меж звёзд, чтобы если и не понять, то содрогнуться, узнавая, из чего происходят звуки музыки и является гениальность, как неведомый, невидимый и ещё никем не понятый Божий дар.

Наивно верую, что студенческая пора — это время открытий даже не столько мира, сколько себя. Перед тобой предстают собственные возможности, которые можно смело наречь природными ресурсами.

Всё в тебе открыто и хорошему, и дурному. И сам ты готов выложить-ся во все свои, пусть даже кем-то внушённые, мечты. Ты боец и дитя сразу, конструктор собственной жизни и чернорабочий-исполнитель.

Ты зайчик и орёл, наивен и всемогущ!

Боже, отчего же такое великое множество бедолаг, будучи гениями в студенчестве, так и не могли ужиться в серьёзном мире?

И всё-таки, всё-таки жизнь — это что? Да всё, что вокруг нас, и всё, что мы есть сами!

Но к чему, собственно, эти размышления? А может, к тому, что студенчество послевоенной поры теперь-то, задним числом, мне представляется этакими горами!

Высоты духа обладали сказочным умением соседствовать с его низинами, голод с философией, раздольная вольница со строгостью внутренних правил, не нами придуманных.

Мы же не удивляемся, когда пьяный плачет. Он пьян, а значит, нехорош. Но он плачет, чему-то сочувствуя. Пусть даже самому себе, значит, он прекрасен!

Потому никто не удивился, когда Джурка с головой опрокинулся в творческий омут.

II

Нет, теперь это не были стихи.

Вообще-то, как вы помните, мы начинали с простого и втроём, но ничем особенным, кроме трёх подписей под жалкой заметкой и заработком по 9 рэ каждому, это не кончилось.

Врозь по-своему нас посетило ощущение неловкости, которое хоть и утешил многоопытный Зиновий Абрамович, да оно и само поспешно угасло в многообразии бытия, а всё-таки, видать, где-то в каждом присутствовало. Затаилось.

Мы, похоже, пришли к необходимости пробовать каждый по-своему, а я, грешен, ещё на каникулах, из дому, перед самым моим выходом на шинный завод, вдруг взял да и написал письмецо в журнал “Советское фото”. Тогда много что оживало после войны. И молодёжная газета в каждой области и крае, закрытые на четыре военные года, радостно принялись выходить снова. И даже журналы. Вот и “Советское фото” объявилось в подписных каталогах, и я, ещё десятиклассником, выписывал его. Был этот журнал довольно толстым по тем временам, но фотографии помещались небольших размеров, цветные вклейки, правда, тоже появлялись, однако нерегулярно — о цветных фотографиях тогда только мечтали.

Ну, я и бухнул такую заметку за подписью студента первого курса отделения журналистики, что, мол, газета требует не только текстов, но и фотографий, а на отделениях журналистики, по крайней мере, у нас, на Урале, даже такого предмета нет.

Будь моя воля, я бы тогда лягнул старославянский, мол, лучше бы вместо него была у нас фотограмма, больше толку, но деликатно удержался. В конце обращал внимание неведомых властей на предложение: немедленно вести курс фоторепортажа для грядущих газетчиков.

Написал, послал и забыл.

И вдруг, как это случилось уже во второй раз, мне кто-то говорит, что на полке перед зеркалом мне сияет денежный перевод из самой Москвы! Когда приходят такие известия, обычно люди всё бросают и бегут! Но скорее всего, как почти обо всём хорошем, меня известили о переводе в столовке, и я, с трудом сдерживая себя, по-взрослому и неспешно дохлебал щи, укрепившись котлетой, ну, а потом, под свидетельские взоры друзей, прошествовал мимо тёти Дуси, где отныне и навсегда действовала для моего организма безотказная кредитная линия.

С трудом сдерживая шаги, я подошёл к зеркалу, возле которого вечно кружился девчачий, приукрашивающий собственную действительность, перевод. Передо мной расступились, я увидел своё имя на помятом извещении, вчитался, сумма рублей в 80, а на штампе, действительно, Москва!

— Москва, Кремль! — шутканул Минибай, и я небрежно обернулся к ближайшим своим содругам.

— Не скрою! Вероятно, курьером!

— Сто тысяч одних курьеров, — напомнил Джурка Гоголя.

— Лучше бы, — не сломался я, — сто тысяч одним курьером!

Через час деньги жгли мне карман, и оказалось, что они от “Советского фото”, но сам журнал в нашей библиотеке отсутствовал. Немножко потолкавшись, я нехотя пояснил, что мне опять надо на главпочтамт, а сам бросился в городскую библиотеку, где и обнаружил в журнале своё воззвание, набранное крупным шрифтом и на видном месте. Да ещё и с припиской редакции, что она горячо поддерживает мнение студента. Студента с Урала. Мол, не забудьте — опорный край державы!

Ещё через пару дней, там же, перед зеркалом, у всех на глазах я обнаружил фирменный конверт из “Советского фото”, где редактор отдела по фамилии Пригожин меня благодарил от имени целой редакции, предлагал сотрудничать и дальше, объяснив это тем, что у них нет связей с Уралом. Тут же выдвигал соображение, что был бы полезен большой обзорный очерк об уральской газетной фотожурналистике.

Ни фига себе! Тут же поделился со всеми своими соратниками необыкновенным заказом из столичного — надо же! — издания! Откровенно говоря, вибрировал я совершенно чудесным образом. Мне и хотелось, и боялось! Но самое забавное, я не знал, как к этому подступиться.

Выручил Пудоль. Изжевав с братвой все возможные варианты, зная, что никто из них никогда в своей жизни не фотографировал — разве мыслимо теперь это даже просто вообразить! — я решил без шума и гама подойти к Толе Пудолу.

Показал ему письмо. Тот вскинул брови, улыбнулся чистой дружеской улыбкой, воскликнул:

— Пошли!

И мы куда-то отправились по длинным-длинным, в километр длиной — ну, метров двести! — редакционным коридорам. На каком-то повороте двери оказались распахнуты, там было для зимы очень тепло, почти жарко, а посреди пространства медленно крутился огромный сияющий серебристый барабан.

Это потом я пойму, что прибор этот просто сушит и глянцеует фотографии, а народ, который окружает его, хохочет и поругивается — фотокорреспонденты почти всех уральских газет, которые, отснявшись, отпроявлявшись, отпечаатавшись, лакировали свои работы, дабы снести их заведателям, ответсекретарям, а то и самим главным редакторам, чтобы наутро их картинка украсила газету. А тогда я затих от трепета, будто вступил в зубодробительный кабинет.

— Мужчины! — как-то ласково, по-братски сказал им Толик. — Минуточку внимания! Вот, рекомендую вам, — он горделиво протянул руку в мою сторону, — корреспондента журнала “Советское фото”.

Мужики недоверчиво притихли. А Толя забивал свой гвоздь в мою крышку:

— Да, он студент! Но уже печатается в этом журнале. И у него редакционный заказ: сделать большой материал про вас про всех!

То ли стон, то ли возгласы сомнения встретили это сообщение. Смысл состоял в том, что ведь их много, да и разве бывает про всех?

— Вот вы и подскажите ему! — продолжал Пудоль. — Назовите одну группу, да? — обернулся он ко мне, и я кивнул. — Потом другую! Журнал только возрождается! И всех вас переварит!

Эта невзыскательная шуточка помогла разрешению недоверия. Мужчины, перебивая друг друга, но и соглашаясь всякий раз, назвали мне четыре первых имени, никого из этих маэстро тут не было: один болел, другой готовил свою персональную выставку, а двое находились на съёмках, но меня снабдили телефонами каждого из кандидатов.

Я, надо признаться, благодаря Толе, отделался междометиями: “Да!”, “Ох!”, “Ух, ты!” Никакая речь от меня не требовалась — как хорошо! Но все номера записал, продиктовал свои имя и фамилию и ушёл, награждённый фотографический лаской.

Заведующий лабораторией — дядя Миша, — кудлатый и широконосый, спросив, снимаю ли я сам, как-то искренне приветствовал это и предложил:

— Если тебе что-то надо проявить или напечатать, заходи сюда! В любое время! У нас тут всегда всё есть. Наготове! И растворы! И этот барабан, — ткнул пальцем в неостановимый глянецователь, — всегда крутится!

А на прощание совсем приласкал:

— У нас тут вся фотографическая братия толчётся! День побудешь — всех узнаешь!

Я так и сделал. И четверых выдвиненцев узнал. И с каждым из них провёл много-много часов, подружившись накрепко. А написав своё сочинение,

довольно-таки продолжительное и неспешное, да ещё не только проверенное, но одобренное каждым из моих героев, вместе с целым пакетом превосходных отпечатков отправил авиапочтой Пригожину.

Всего-то через два месяца — разве срок для журнала! — меня только что не качали в фотолаборатории Дома печати за развёрнутый и подробный обзор творчества уральских фотомастеров с их снимками. Был с нами и Толя Пудоль, мой проводник, Дерсу Узала моей судьбы. И дядя Миша, к той поре закадычный верный друг и радетель, хлопал меня по плечу.

А ещё через неделю перед университетским зеркалом появился перевод — о ужас! — на четырёхста пятьдесят рублий.

Целых две стипендики!

12

Я ничего не скрывал от своих корешей, ни малейшей детали, ни единого страха. Уж не говоря о радостях разговоров, новых знакомств, рассуждений почти что на искусствоведческие темы — фотография, если ещё кто-то не знает, настоящее и замечательное искусство.

Воленс-неволенс, но в самые сжатые сроки я познакомился со всеми серьёзными фотокорами города и был изрядно обрадован их человеческим достоинством. Никто не выпендривался перед другими. Все были “на ты”, а как в каждой мужской компании тех лет, люди ещё не отвыкли от военной формы и иные ходили в гимнастёрках, хоть и без погон и наград. Не полагалось срезать только нашивки за ранения. Почему, никто этого не знал и не обсуждал. Может, таким легальным образом раненые фронтовики отделяли себя от всех иных, безболезненно отслуживших остатки войны в тылу?.. Но эти фронтовики с нашивками требовали обращаться к ним исключительно “на ты”; собравшись у блестящего барабана, доброжелательно разглядывали снимки друг друга, были в курсе того, кто, куда и зачем на сегодня исчезает, и абсолютно друг к другу добры — вот что!

Иногда, особенно к концу дня, они где-то там, под красный лабораторный свет, потихоньку прикладывались, ещё больше веселили и становились ещё добрей. А меня так и просто полюбили и не по заслугам уважали. Я и действительно готовил второй обзор фотографической жизни Урала и, таким образом, имел полное право приходить сюда не только за разговорами, но и со своим скромным интересом: проявить плёнку, мгновенно высушить, напечатать, да ещё и карточки проглядывать. Естественно, фотобумагу носил с собой. Таким образом, полегоньку-потихоньку я смастерил несколько уральских пейзажей, которые и тиснула “Засменка” при подаче Толи Пудоля и при слегка надменном согласии Эльзы Павловны.

Всё это моё увлечение поможет и потом, позже, и хотя не главным образом, в частности, но после ещё одного сочинения на тему фотографических мастеров, а затем и ещё одного я как-то угас, хотя ни от чего не отрёкся. Спасибо судьбе, но дружба с фотокорами всегда и во всех редакциях одаряла меня простотой, понятливостью и какой-то невелеречивостью.

Но мой первый взрыв как бы поставил меня на ноги. Я стал замечать, что взоры, направленные на меня, стали приобретать новые оттенки. Ну, во-первых, я разглядел упрочение прежнего простодушия и доброты. Они исходили от ветеранов — матроса Тихоокеанского флота Яши, от Игорька Коробкина и примкнувшего к ним крепыша Генки Шидрина.

Минибай открыто и прямо желал встать на путь, аналогичный моему, получил от Пудоля производственное задание, с неделю сразу после занятий уезжал куда-то на трамвае, а потом яростно комкал бумагу в опустевших аудиториях. Когда я подходил к нему, он отставлял исписанные листки и чертыхался, повторяя: “Не идёт! Не идёт!”

Зато Джурка давал дрозда! Он отпрашивался в деканате и исчезал дня на два. Потом ещё исчезал. И ещё. Раз уж мы жили в одной комнате, тайна его вскорости раскрылась. Под руководством Пудоля он взялся написать три больших сочинения про разных молодых ребят. Одни строили высо-

ченную заводскую трубу. Другие — мост через неслабую речку. Третьи конструировали какой-то механизм. В общем, это была целая трилогия.

— А может, тетралогия, — вполне серьёзно горячился Скок. И мечтал: — Может, книжка получится!

Книжка! В своём извительном доброжелательстве мы тут же приклеили Джурке кличку Голсуорси. Благо, к экзамену по зарубежке следовало спешно одолеть многотомную “Сагу о Форсайтах”, прочитать которую требовалось-то как раз не в спешке, а в медленности и раздумьях о лукавстве буржуазных ценностей.

Главное, свой Голсуорси, сочиняющий тетралогию о молодых трудящихся, у нас, по крайней мере, тоже обнаружился. Он внимательно расспрашивал про мои разработки трудов об уральских фотокорреспондентах, перечитывал “Советское фото” с моими обзорами, хвалил гляцевые фотографии из-под горячего вала, украшавшего “Дом печати”, и всякий раз как будто успокаивался. И без разъяснений было ясно, что мои достижения — слишком обыденная мелкота, а его интересуют люди, отношения. “Литература!” — однажды проговорился он.

Наконец, громыхнул колокол настоящей славы.

Четыре дня подряд “Засменка” печатала полосные сочинения Скока про великолепных героев. Они иллюстрировались редакционным художником, а не фотографиями и потому выглядели так, как будто это рассказы, но из нашей жизни. Газета стала выходить к той поре пять раз в неделю, а цикл сочинений Джурки Голсуорси превратился в настоящий триумф. Четыре номера кряду! Над каждой полосой имя Джурки сверху, крупным шрифтом, без дураков, курсивом, будто писанное от руки. По содержанию они походили друг на друга, эти сочинения. Во всех ребята всегда воюют. С какими-то начальниками, с конкурентами из других бригад. Живут справедливо! Бодро! Завидно!

Четыре дня коридор возле нашей аудитории привлекал разнонародье с разных факультетов, на Джурку приходили посмотреть из соседних корпусов, а наша ближняя, филологическая и, значит, девичья публика будто откровенно Скока второй раз, только теперь, кажется, разглядев. И мы попадали под лучи его славы. С нами тоже вежливо раскланивались, будто мы вроде как славные подмастерья великого классика и где-то во тьме размешивали художественные краски нашему другу, создававшему чудесную живописную сагу. В этой путанице совсем незаметной проскочила деловая заметка Минибая, в которой он в пух и прах раздолбал железнодорожное депо.

Но цветущая ветвь славы обломилась на пятый день с её начала. Прозвенел обычный звонок, мы вышли с лекции в коридор, и к Джурке двинулись несколько здоровенных парней. Не все они были выше него, но все — шире в плечах, да и все гораздо нас взрослее: молодые и крепконогие мужчины. Джурке они дерзко приказали выйти с ними, он испуганно повернулся к нам, пытаясь улыбнуться, и сам, ещё ничего не понимая, воскликнул:

— Это мои герои!

— Иди! — один толкнул его в плечо самым грубым манером. — Герой!

Они быстро скатились по лестницам при полной растерянности случайных свидетелей и вышли на улицу. Повторюсь — была зима, хоть и её конец, снег надёжно укрывал околоуниверситетские грязи, а балконы были ещё законопачены. В окно мы увидели, как мужики вывели Скока прямо на проезжую часть и стали ему что-то выразительно выговаривать. Махали руками. Указывали на что-то, даже вверх, на небо. Потом один, самый рукастый, протянул длань, и Джурка свалился. Этого мужика схватили другие, но он всё рвался. Джурка вскочил и отбежал. Он что-то грозно кричал своим обидчикам, даже, похоже, матюгался и размазывал кровь, черневшую под носом.

Промедление было постыдным, и мы молча кинулись на выручку. Но пока, перескакивая через ступеньку, скатились со второго этажа и вылетели на дорогу, мужики уже заворачивали за угол, а Джурка шёл навстречу нам.

Он и в самом деле матюгался, тряся, вытирал кровь, идущую из носа. Ни на какие вопросы отвечать был не в состоянии, так что нам оставалось

довести его до большого нашего туалетница, на десять, между прочим, очков, где он прильнул головой к струе ледяной воды в умывальнике и постепенно утих.

Он так там и досидел до конца занятий, утирался, протирал платком голову, да и мы ему ещё свои отдавали, уходя и возвращаясь. Потом появился Пудоль. Не снимая пальтеца, он заглянул прямо во время лекции в аудиторию и, вежливо обратясь к лектору, попросил Джурку. Мы громко указали, где он. Тут же отпросились выйти. Нам радостно позволили — ведь радовались-то поначалу весь корпус.

Мы догнали Толю при подходе к значному месту. Он как-то споткнулся перед ним, но вошёл: и то верно, разве это подходящее место для разговора? Джурка сидел на батарее, курил одну за другой сигаретки, и лицо его от сильного, выходит, удара посинело и отекло. Пудоль встал перед ним, помахал шапкой, которую держал в руке, чтобы разогнать табачный дым, и сказал:

— Ну, здесь же невозможно! Идём!

Мы зашли в ближайшую аудиторию, вежливо попросили каких-то девочек покинуть её, объяснив просьбу предстоящим мужским разговором. И Толик сказал, так и не снимая пальто:

— Ребята, — проговорил он, оглядывая по очереди наши фигуры — Минибая, Якова, Игорька, меня. — Что же вы делаете?

Никто из нас ничего не понимал.

— Я так старался, Джурка, — говорил Пудоль, теперь уже обращаясь к нему одному. — Так жал на Эльзу и главного. Так за тебя бился! И вот...

Он помолчал и тихо сказал:

— Завтра заседание в обкоме. Главному дадут выговор. А меня, скорей всего, уволят.

— За что? — воскликнул Минибай.

— Да за то, что он всё выдумал. И всё перевернул с ног на голову! Одних приукрасил! Других обосрал, извините за выражение! И сделал это ошибочно!

— Да я, — жалобно заговорил Джурка, — писал очерк, почти рассказ. Ведь литература всегда борьба добра со злом!

— Охо-хо! — вздохнул Пудоль. — Добро со злом, конечно, борются, но зачем же фамилии-то живых людей использовать, как тебе заблагорассудится? Ты что — Господь, чтобы назначать добряков и злодеев?

13

Когда отгремели скандальные раскаты, когда мудрый Яков очень просто выговорил вечную истину, что самое безопасное для брата-сочинителя это давать герою произведения расписаться на последней страничке, когда редактору действительно где-то на небесах объявили выговор, Пудолу устроили выволочку на планерке, а самому Джурке — воспитательный карантин длинной в квартал, лишив его большой доли вознаграждения, настала тихая пора очищения.

И я вспомнил подзабытого Петефи:

*Что — слава? Радуга в глазах,
Луч, преломившийся в слезах!*

И новые мудрые мысли и великие заповеди чаще всего приходят нам на язык в самый неподходящий момент. Не замечали? На этот раз Петефи пришёл мне в голову, когда уже по весне, немало недель спустя, мы с Джуркой по оттаявшему асфальту подбежали к уходящему троллейбусу и вцепились в ручки, ведущие на крышу.

Хитроумные борцы за билетные доходы начисто спилили задние буфера на всех троллейбусах, и там, под длинными железными прутьями оставались лишь два полукруглых отверстия — можно всунуть полботинка.

Мы это и сделали, каждый по ноге, и, балансируя, прижимаясь к угрюмой стене электрической машины, помчались навстречу судьбе.

Тут я и крикнул Джурке великую цитату из Петефи. Он засмеялся.

— Лучше не сказать!

Будто освобождался от какой-то тяготы, да ведь и всегда так с нами происходит. Со всем подряд. Что-то сотворится, и кажется — конец всему. Но вот настанет весна, засияет дорога под солнечными лучами, ты успеешь вскочить на троллейбусный приступок всего одной ногой и, опасно балансируя, вдруг встречаешь радостную истину.

“Луч, преломившийся в слезах!”

Впрочем, какая там слава! Мы и слово-то это не решались выговорить. Газетная работа, учил нас непререкаемый Зиновий Абрамович, это не блеск, не треск, а самая что ни на есть чернуха, вполне сравнимая с трудом землекопа. При этом он напоял и Маяковского, хотя тот говорил о поэзии: “Изводишь единого слова ради // тысячи тонн словесной руды!”

— И вам это предстоит, — не уставал он внушать нам *прописи*. — И вы ищите слова! Но главное: проверяйте факты, переспрашивайте, если не понимаете, про одно и то же выясняйте у троих-четверых-пятерых. Десятерых, если надо. Не робейте зайти к начальнику, умейте спросить о неприятном — пусть объяснят! И судить не торопитесь!

На задворках главной городской площади притулилось двухэтажное зеленое здание, маленькая, когда-то частная типография, превращённая временем в учебную типолабораторию, и хотя управлял процессом коренастый человек, считавшийся директором, Зиновий Абрамович был тут главным. По крайней мере, для нас. Показывал линотип, верстальную раму и стол под низко висящей яркой лампой в старинном квадратном абажуре. Учил знакам правки, какой сигнал означает разделение, соединение, вставку... Мне страшно нравилось тут всё и, прежде всего, запах краски, мерный стрёкот линотипа, здесь — единственного. Нравился и глава типографии, он же верстальщик, с остреньким и кривым шильцем в руке, которым удобно вытаскивать буквицы шрифта при наборе заголовка в — слово-то какое! — кассе шрифтов.

Может, оно было написано на моей физиономии — моё удовольствие, но я отсюда никогда никуда не спешил. Только, конечно, голод гнал к тётке Дусе, а до неё остановок пять-семь, не меньше. “Искусство требует жертв”, — сказал кто-то из великих, и я, бывало, опаздывал в столовку, особенно когда пристала пора самому что-то тут же написать, поправить, вычитать гранки, дожидаться, когда тиснут полосу и снова расписаться, подтверждая, что за слова, сочинённые тобой, ты несёшь ответственность. Другие убегали, торопились отсюда, в конце-то концов, это не лекция, а практические занятия в типолаборатории. А я терпел.

В ожидании гранок, отрисовок, да и просто так мы оказывались совсем уж малой кучкой возле Зиновия Абрамовича, и он занимал нас разнообразными советами. Говорил, например, что нам надо использовать возможности большого города: ходить в театры, в музеи, причём музеи следует посещать не как все — походить да и забыть, — но штудировать темы, получить образование, которое университет не даёт. Особенно он склонял нас сходить в Геологический музей.

Картинную галерею он как-то обогнул, сославшись на великого Бову, Бориса Васильевича Помяновского, нашего знаменитого преподавателя, — вспомним Моцарта! — а ещё и большого знатока всех тутошних искусств, особенно каслинского литья.

— Вы слышали, — спросил между прочим, — он только что выпустил первую монографию о каслинских мастерах. Продаётся в магазинах. Рекомендую.

Помяновский был худым, очкастым и очень шустрым. Только годы спустя я осознал необходимость всех тех его достоинств: он был и там-то и там-то, и одно заседание или занятие у него сменялось другим, а частными автомобилями тогда если и владели, то сугубо избранные. Вот он и скакал по городу то на трамваях, то на троллейбусах.

Внешне он выглядел вполне доброжелательно, хотя до определённого края, и не стеснялся своей поспешности. Однако на лекциях его о, например, импрессионизме моя голова вдруг начинала наполняться чем-то мягким

и тёплым, вроде ваты, и почти падала вниз. Падая же, пробуждалась, но ненадолго. Так что великая пора студенчества некоторых, наиболее волевых, обучала спать с открытыми — или полуоткрытыми — глазами, твёрдо удерживая шею. Наверное, среди причин была и удалённость импрессионизма, кубизма и всяких других “измов” от нашего реализма, ограждённого простыми флажками: еда, сон, лекции, зачеты с экзаменами — и проистекавшая из всего этого стипендия.

Заметив наше не вполне горячее отношение к истории искусств, Борис Васильевич однажды объявил:

— На следующей лекции расскажу, нарушая курс, про сто способов заработать деньги!

Аудитория взволновалась, а он угнетал:

— Вот вы дремлете, вам кое-что просто чуждо! И я вас не виню! Всё в человеке соединено! Все шестерёнки крутятся, помогая друг другу. Создают смысл существования! А всякое стремление — это как выстрел. Все ваши возможности приходят в движение! Вам не хватает выстрела над ухом! Короткого замыкания! Необходимо пробудить себя к действию!

Выходит, сто способов заработать деньги не выпадали из концепции искусствознания по Помяновскому. Ну, как не поверить ему, вспоминая его предисловие при исполнении “Реквиема”!

Он с этого и начал через неделю. На лекцию припёрся народ с других, даже старших курсов, опытные, можно сказать, волки. Ну ладно, волчата хотя бы!

Блестая очёчками, Бова начал с искусства. В школах, сообщил он, а особенно в домах и дворцах пионеров не хватает специалистов по истории мировой культуры. Школы ещё раскачиваются, а вот в пионерских заведениях всё проще, можно ходить после лекций, за это дают деньги. Ясное дело, надо искусство-то знать. Хотя бы в общих чертах.

Наш вездесущий искусствовед много, конечно, чего посоветовал. Например, ходить с лекциями от общества “Знания”, читать лекции обо всём подряд, хоть о звёздах, но что мы знали про них? Это его отнюдь не шокировало. Пожалуйста, прочитайте брошюру про Утёсова, запомните его детство да названия песен — и вперёд! “Всё хорошо, прекрасная маркиза! Всё хорошо, всё хорошо”. Он ещё и пел, дурачась, завлекая наше братство в неведомые авантюры.

Девушкам он рекомендовал подрабатывать ночными сиделками в больницах — это нашим-то цыпам-филологиям? Парням постарше — грузовые работы на вокзале, но это уже наш народ освоил. И, наконец, Помяновский подкинул забавную мыслишку. Хотите, мол, в театр за так ходить? Записывайтесь в массовку! И разъяснил: идите за кулисы в оперный театр и там вас оденут в кого-нибудь. Ну, не все же на сцене поют. Артистов-то раз-два — и обчёлся. Зато стоят сзади какие-то люди, одетые в царские одежды, в рыцарские доспехи. Они ходят, когда и куда скажут, открывают рот, если надо крикнуть — научат и кричать. Это массовка. В балете есть кордебалет, но в этот самый кордебалет посторонних не пускают, там надо танцевать и роли, даже самые третьестепенные, исполняют наученные артисты. А в опере — пожалуйста! Только слушай помощника режиссёра. И прямо в конце всякого спектакля, когда будешь сдавать одежды, тебе выплатят гонорар.

— Сколько? — кричала аудитория.

— Давно не ходил по сцене, — призадумывался профессор. — Да с четвертной, пожалуй.

Речь знатока длилась академический час и много чего ещё он тогда посоветовал. Но эта возможность — стать вдруг артистом без роли, ходить по вечерам по сцене в рыцарских — ёлки-палки! — доспехах кое у кого засела в мозгах.

14

И здесь самое время, пожалуй, порассуждать о связи культуры и голода. Теперь это редко совпадающие понятия. А тогда, вскоре после войны связь такого свойства прослеживалась очень даже определённо.

Пару раз, и оба раза в читалках — в нашей, университетской, и в городской — я видел, что люди, вполне, впрочем, молодые, лежали головой на книгах, раскрытых перед ними. Сперва на них поглядывали прохожие читатели, потом кто-то догадывался указать на это библиотекарям, и вот это я видел сам: их трясли, а они не могли проснуться. И похоже, это был не сон, а голодный обморок.

Пожилые библиотекари знали толк в своих читателях, и вот в городской я увидел, что, безуспешно похлопав тощего парня по щеке, пожилая женщина побежала за кулисы книжного рая, а выбежала с чашкой горячего и, наверное, сладкого чая, потом, полуразбудив читателя, влила в него первый глоток.

Он как будто спохватился, обшаривал непонимающими глазами обступивших его людей, потом пришёл в себя, допил чай, и его вывели на улицу, отправили восвояси. В нашей же читалке обморочного просто взяли под руки двое ребят покрупнее, вывели в коридор, похлопали по щекам, принесли стакан простой воды.

Что сказать! Читатели эти несчастные были просто голодными, а в читалку всё-таки шли, хотя никто их не принуждал. Иногда я думал, может, им некуда было деться?

И ещё одна, крамольная, вероятно, идея: а вдруг голодному человеку книги дороже, чем сытому? И театры, где идёт, к примеру, “Князь Игорь”? Какие-такие сейчас князья? А тогда князь Игорь был защитой и опорой всех подряд.

Я и сам себя на этой мысли прихватил. Однажды шёл с главпочтамта мимо кинотеатра “Совкино”. Перевод до востребования я не получил, в первую попавшуюся столовку заходить показалось страшно.

Но какова логика такого бедующего персонажа? Он заходит в кинотеатр и за последний рубль покупает билет на фильм “Багдадский вор”, из трофейных! И млеет от восторга, сжимается от ужаса, обливается наслаждением! И голод, представьте себе, отступает. Увы, на час двадцать. Чтобы потом с новой силой вонзить свои острые шила в пустое брюхо.

Я решил тогда оказать физическое сопротивление этому голоду. Не поехал ни на троллейбусе, ни на трамвае. Тем более для этого требовались три пересадки, а значит, троекратные расходы. А пошёл пешком. Ничего особенного, просто голодный переход по большому городу. Дело было днём, и я успел застать тётю Дусю, правда, уже складывающую в ридикюль свои манатки. Но супчик вовсе не заслонил потрясшее меня впечатление.

Изредка, но мы выбирались в чудную уральскую оперетту. Странные ассоциации: на весёлые спектакли лучше всё-таки голодным не ходить. Радость плохо добирается до души. Тут сытость полезна.

Была и ещё одна высокая стезя: изобразительное искусство. Я не забыл сообщения достоютимого Зиновия Абрамовича, что у нашего Бовы вышла монография про каслинское литьё и, углядев её в книжном, не с первого подхода, подсэкономив капиталы, но всё-таки её укупил. Читал с удовольствием, немало, между прочим, просветившись. После чего подошёл к замечательному искусствознатцу и попросил автограф. Глазки у него вылушили явное удовлетворение, он просьбу исполнил легко и ловко, размашисто подписавшись, а я заметил ему, что в нашем доме, у бабушки, есть небольшая, но тяжёлая и чёрная корова, похожая на ту, которая имеется на картинке в книге, и предположил: а может, она тоже каслинская? Он радостно закивал мне, подтверждая догадку, с интересом взгляделся в меня ещё и ещё, выяснил мою фамилию и пригласил в картинную галерею: там открывалась выставка этого чуда уральских металлургов — ведь отливали такие фигуры из чугуна. Почему они и получались чёрными.

В клуб этот искусствоведческий мы с братвой затесались крайне скромно, прислонясь к стенам, в задних рядах, любуясь нашим Помяновским, который выглядел щеголеватым петухом с бабочкой у горла. Как тогда, на Моцарте.

Нас, конечно, он не видел. А если и видел, внимания не достаивал, ибо после доклада его окружил сонм бородачей и старушек, не нам чета.

Мы же, непонятно почему, проголодались, да и чугунные фигуры, включая чёрного Дон Кихота, не очень завораживали моих друзей, кроме Вовки Потникова. Приставший к нашей экскурсии почти случайно, он просто сиял от восторга. Скуластый от рождения и, как все мы, совершенно не сытый, отчего скулы выпирали, как у узника Освенцима, Вовка своей улыбкой — со стороны-то казавшейся неуместной, даже издевательской над всеми этими музейными залами — походил на что-то неуравновешенное, даже опасное. И уходить из залов не желал.

Возникла лёгкая перепалка, мои близкие стремились к еде, я опасался за Потникова, и компания раскололась. Мы прошлись по залам и раз, и два. Я обнаружил железную корову, похожую на бабушкину. Потом мы с Вовкой удалились в залы живописи, и он всё вздыхал, повторяя, в общем, банальность:

— Ничего-то мы не знаем! Ничегошеньки!

Мне оставалось соглашаться. На выходе, которым так или иначе заканчивается всякая экскурсия, Вовка застрял у киоска. В ту пору даже и подумать нельзя было о сверкающих буклетах и солидно-матовых альбомах. Их просто выпускали очень мало. Да и на какие шиши мы бы стали их обретать?

Потому Вовка и споткнулся о доску, на которой, прижатые незамысловатой резиночкой, стояли маленькие, в почтовую карточку, репродукции великих творений мира. Это, впрочем, и были почтовые карточки. На обороте указывалось, кому и от кого, да ещё и квадратик был для почтовой марки. А на другом обороте — всемирное чудо!

Позвякав грошами в кармане, мы быстро сговорились, что для начала познания надо изучить искусство именно русское, а до зарубежного доберёмся позже, со стипенди. И мы купили вкладчину штук двадцать скромных полиграфических напоминаний о русской классической живописи. По дороге осмотрели их повнимательнее, в трамвае Вовка Постников сложил искусство в колоду, и стал показывать мне по картинке, спрашивая, как называется и что за автор. Я его спросил без лукавства:

— А ты — чего? Рисовать умеешь?

Он не умел. И никто никогда в его роду ни о чём таком совершенно не думал.

— Но надо же когда-то? — спросил он меня, глядя в упор. — И кому-то?

Сначала этот эпизод с картинной галереей отошёл в туман, подзабылся. Но когда через год я оказался в общежитии, да ещё в одной комнате с Потниковым, да ещё и кровати наши оказались стык в стык друг к другу, он спросил меня, когда мы готовились ко сну, почистили зубы и ходили по комнате в трусах и майках:

— А ты это помнишь?

И вытащил пачку цветных открыток с репродукциями, теперь уже не только русской живописи. А в ней карточек триста, не менее.

Вовка сказал:

— Давай вот перед сном повторять их, понимаешь?

Я понимал. И мы принялись показывать друг другу эти карточки. Спрашивая по очереди, какой художник, как называется картина. Остальной народ поначалу над нами похихикивал, — а в комнате проживало ещё четверо, — и вдруг они проснулись. Требовали включить в испытание их.

Помню, засыпал, а во сне всё сменяли друг дружку эти чудные картины: Левитан, Куинджи, Саврасов. И ещё Ван Гог, Рембрандт, Пикассо. Та студенческая коллекция включала в себя всё без разбора, и это, пожалуй, было неверно по каким-нибудь высоким правилам. Но правила бывают и невысокие. И от этого не становятся хуже.

Мне и сейчас вдруг во сне, совершенно удалённом от времени и пространства моего студенчества, вдруг ворвётся иногда каким-то двадцать пятым кадром неведомая картина, автора которой я не помню. Ни с того ни с сего.

И утром я не могу понять, что со мной было. Но было!

(Продолжение следует)

ДИАНА КАН

ЛЮБИ МЕНЯ,
КАК Я ТЕБЯ

* * *

Морская канула в моря...
Цветаева

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят: “Марина, Вы не правы!”
Тебе, Марина-королева!

Пеннорождённая морская —
В стихии тесной пресноводной.
Обречена была такая
На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе — всё ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.

КАН Диана Елисеевна — автор книг “Високосная весна”, “Согдиана”, “Междуречье”, “Покуда говорю я о любви”, “Звёзды окликай” и др. Член редакционных советов ряда изданий России. Живёт в Оренбурге.

А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
Как только б ты сумела! — Волгу
За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизреченные напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

...С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И — рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай “Бисмилля!”,
Окровавлённая хищная птица —
Азия, песня моя!

* * *

Велика кобыла — воду возит...
Сокол мал, но не тягаться с ним!
Срок настанет — сокол грянет оземь
И предстанет суженым твоим.

Он тебе напомнит, что когда-то,
Покидая свой небесный дом,
Ты была беспечна и крылата,
И негоже забывать о том!

Что ты в оправдание ответишь,
Суетясь попутно у печи?
Так, мол, вышло — народились дети.
Ну, а муж? Ищи его — свищи!

Да, была беспечна... Только печку
Ты никак не вправе укорять
Ни единым суетным словечком:
Не свекровь она — родная мать!

До всего всегда ей было дело.
Хоть пыхла сгоряча порой,
Всё же приютила и согрела,
Наделив насущною едой.

Ну, а ты хоть и кидалась оземь,
Вновь крылатой стать не довелось...
...И судьба-кобыла воду возит
На тебе, обиженной до слёз.

* * *

Что ты смотришь с надменной насмешкой,
Теребя белопенную ветвь?
Ну, рассмейся в лицо мне — не мешкай! —
Черноглазая дерзкая стервь.

Что тебе чья-то тихая нежность?
Не смутила пока что слеза
Щёк твоих первозданную свежесть
И колючие звёзды-глаза.

Всем ты в радость, и все тебе в тягость.
Без вины виноватых прости!
Ты ж моя ненагляда-загляда —
Это зеркало явно не льстит!

Разбивай покорённые души.
Рот змеиной усмешкой улыжь...
Только золото звонких веснушек
По ухабам чужим не рассыпь!

Сбереги для родного простора
И веснушки свои, и грехи,
И смешки, и словечки, что скоро —
Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
Пламень губ, что сгорает дотла?..
Что мне хохота протуберанец,
Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженье цветов белопенных
Ты покуда — никто и ничья,
Сколь заглядчива — столь же мгновенна,
Звездокая юность моя!

* * *

Причёска “Полюби меня, Гагарин!”.
Поплиновые платица в горох...
Неужто свыше этот день подарен,
Чтобы никто отнять его не смог?

Никто-ничто! Ни будущие слёзы
Предательски терзаемой страны,
Ни мужние похмельные угрозы,
Ни призраки космической войны.

Ни дети, ни морщины, ни седины,
Ни алименты — чёрт бы их побрал! —
Отнять не властны этот день единый,
Который — был! И самым звёздным стал!

Когда, лучась улыбчивостью кроткой,
От знойных взглядов заслонясь рукой,
Они слетались к оренбургской “лётке”,
Благоухая “Красною Москвой”.

Слетались, словно птички-невелички.
О чём-то щебетали меж собой,
Верны исконной девичьей привычке
Везде искать небесную любовь.

Ах, здесь что ни курсант — то сокол-парень!
Крылатым помогает Оренбург.
Ах, кабы знать, какой из них Гагарин?
Он сам тебя узнает средь подруг!

Спешат девчата к оренбургской “лётке”...
И пусть не всем сегодня повезло —
Не вышли на свиданье парни-“слётки”,
Поставленные крепко на крыло.

А может, и не выйдут... Может статься,
Взлетели, улетели высоко,
Чтобы мечтою навсегда остаться,
Ведь без мечты на свете нелегко!

Ведь без мечты, до времени состарен,
Однажды рухнет мир, как в страшном сне...
Люби меня, как я тебя, Гагарин!
Люби меня, не зная обо мне.

РОМАН СЕНЧИН

ПРОБЛЕМА

РАССКАЗЫ

Артём нагнал меня по дороге к лифту.

— Слушай, ты, видел, без колес сегодня.

— Да достали пробки. Тем более в жару такую. Кондишен слабо работает — вчера чуть не спёкся.

— Я-асно. Слушай, может, пивка выпьем?

Хм, интересно... С Артёмом мы никогда не были близки, сидели в разных кабинетах, по служебным делам напрямую не пересекались, даже во время корпоративов не сходились. Так — все пять лет, как работаем вместе, — “привет-пока” и дальше. А тут — пивка.

— Рядом вон погребок хороший, посидим часок. — В голосе Артема появилась жалобная, почти умоляющая нота; что-то явно произошло, и я кивнул:

— Ну давай. Час есть.

— Спасибо!

Шагнули в лифт, стали спускаться. Долго, с восемнадцатого этажа. К тому же почти на каждом этаже останавливались, подбирали сотрудников десятков фирм и компаний. Пахло духами, дезодорантом, потом, взопревшей синтетикой... Я уже ругал себя, что согласился. Наверняка в долг попросит. По кредитам платить, то, сё... Сколько дать? Тупо отказывать не стоит, опасно — наживёшь врага, будет гадить на каждом шагу. А Артём молодой и, как я заметил, резвый. И сегодняшний его вид не должен вводить в заблуждение...

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1972 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлтышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

Почти бежали через парковку, огибая то слева, то справа раскаленные автомобили. Впереди как спасение темнели витрины магазинов и кафе на первом этаже кирпичной девятины. Там сбоку и вход в погребок.

Скорей по ступенькам. И с каждой всё прохладней, прохладней... Теперь я готов был благодарить Артёма за то, что позвал сюда. Сейчас бы плавились по пути к метро, башку портфельчиком прикрывал...

Сели под ледяной струей из кондёра — лучше простыть, чем свариться, — отдышались, стали листать меню.

— Предлагаю по бокалу “Хайнекен” и фисташек, — сказал Артём; ему очевидно не терпелось побыстрее закончить эту церемонию и заговорить о важном.

Не стоило соглашаться с готовностью, и я ответил:

— Я “Туборг” лучше. Фисташки — нет: пломбу на днях поставил, опа-саюсь. Гренки вот есть чесночные...

Артём тряхнул головой, поднялся, пошел к бару, но тут же вернулся:

— Сейчас официантка...

— Кстати, — отозвался я, — в Париже столкнулся с забавным... Знал, конечно, про это дело, но в жизни — первый раз... Если ты пьёшь за барной стойкой — цена одна, а если за столиком — раза в два выше... Нас компания была, и одни решили так, а другие — так.

Артём слушал меня внешне с интересом, а на самом деле, я чувствовал, с одним желанием — чтоб я заткнулся. Но недосказать это значит признаться, что твой рассказ глупость, нелепость. Я договорил:

— В двух шагах друг от друга находимся, болтаем, смеёмся. А счет дали разный. Некоторые не в курсе были, стали возмущаться... Забавно.

— Да, — кивнул Артём, — возьму на заметку. Тоже во Францию собираемся, в Лион. Страшно, правда, повсюду теракты...

Подошла официантка, мы сделали заказ.

— А вы с женой часто куда-нибудь ездите? — спросил Артём.

— Раза три-четыре в год стараюсь выгуливать. Женщинам трудно без развлечений.

— Ну да, ну да... Слушай, — голос Артёма изменился, стал откровенно, неприкрыто печальным, — у меня проблема такая... Хотел совета спросить... Вы ведь с женой лет двадцать вместе, несчастный случай теперь. И я видел — счастливы.

Я насторожился — где он мог видеть нас вместе?.. А, да, весной моя “бэха” стояла в ремонте, и жена забирала меня с работы. Я мельком познакомил её кое с кем из коллег. В том числе и с Артёмом, кажется.

— Не жалуясь, — кивнул. — Достигли некоей гармонии.

— Я вот об этом как раз и хотел поговорить... Спасибо, — принял Артём у официантки бокал ярко-желтого “Хайнекена”, дождался, пока она всё расставит на столе и отойдет, и продолжил: — Я сейчас с девушкой живу... почти год уже. Свадьбу планируем.

— Поздравляю.

— Спасибо... Отличная девушка, Даша, на три года моложе меня... Да, отличная — красивая, вышку окончила, зарабатывает нормально... всё меня в ней устраивает. Только... — Артём отпил пива, слегка поморщился. — В общем, напрягает она меня вниманием.

Замолчал. Я не поддержал разговор — задавать навводящие вопросы было рано пока... Артём с усилием продолжил:

— Постоянные разговоры, забота, проявления любви, это, оказывается, тяжело... Нет, как-то я не так, не с того конца... Я её люблю, — произнес убеждающе то ли меня, то ли себя самого, — и в то же время готов иногда... — Ещё глотнул пива. — Она всегда рядом, всегда смотрит на меня, всем делится. Интересуется, как на работе, рассказывает подробно, как у неё, вообще, что видела, узнала... Спрашивает, что приготовить, о прочитанных книгах рассказывает, фильмы вместе предлагает посмотреть в компе, потом на обсуждение выводит... О терактах этих, всё прочем разговоры...

— Активная особа, — улыбнулся я, когда Артём снова на некоторое время замолчал.

— Акти-ивная... С одной стороны, приятно, правильно — мы пара, необходимо общение... А с другой... Приползаю домой, хочется сожрать чего-нибудь по-быстрому и упасть на диван, в телик воткнуться или в сеть. А тут она: “Любимый, я приготовила то-то и то-то, это мы будем есть так-то и так-то...” С работы быстрее меня приезжать старается... На столе — целый Диснейленд из блюд разных, тарелок, приправ... “А потом, любимый, мы будем смотреть новый фильм такого-то. Я как раз скачиваю. Ты не против?” И смотрит так душевно, что невозможно сказать: нет, не хочу, возьму бутер и плюхнусь перед теликом... Короче, — Артём потер лоб указательным и средним пальцами, — она из каждого дня хочет праздник сделать, а мне тошно... Я уже и домой с ужасом еду теперь... Смешно, конечно, но вот такое чувство. То ли я мудака конченный в двадцать восемь лет, то ли она что-то не то делает.

Он вздохнул, отпил “Хайнекен”, промокнул губы салфеткой и посмотрел на меня, ожидая, что скажу. Я сочувствующе покивал и отвел глаза. На самом деле особого сочувствия не было.

Да, мы с женой вместе больше двадцати лет. Если здоровье не подкачает, вполне можем прожить еще тридцать, а то и больше. Сейчас нам за сорок, и представить, что будет за восемьдесят, теперь довольно легко. В Москве полно стариков, народ тут живучий.

Живём, как говорится, душа в душу. Но... Но это только действительно так говорится. Душа в душу... Нет, скорее без душ. Души стараемся не прижимать. Лучше их прятать поглубже, тогда легче преодолевать день за днём, год за годом.

Конечно, общались и теперь общаемся каждый день, обсуждали и обсуждаем события, разные бытовые вещи, ездили и ездим с приятелями и детьми на природу, ходили и ходим в кино, театры. Хотя, кроме первых недель, когда зашкаливала страсть, все эти годы держались пусть на мизерном, но расстоянии, не вращались друг в друга. Словно инстинктивно понимали, что иначе обязательно случится пресыщение, отторжение.

Слава богу, возможность не вращаться была и есть — сначала в двухкомнатной квартире жили, потом приобрели трёшку. Не давились. В каждой комнате и на кухне — телевизор, у всех членов семьи по набору гаджетов.

Теперь по целым дням и десятком фраз можем не обмениваться. И не тяготимся этим. Или убеждаем себя, что не тяготимся?

— ...Некоторые, знаю, злятся, когда жена с подругами трещит часами, по магазинам шляется, — продолжал Артём, — а мне наоборот... Я уже ей, ну, типа, в шутку, но так... “Может, покемонов ловить пойдешь?” Смеется, прижимается. “Нет, любимый, я от тебя никуда”.

— Подожди, — перебил его, — слушай, а с жильём у вас как? Может, ей просто деться некуда? В однушке хочешь не хочешь, а...

— Не обижай, — Артём поджал губы. — Двуха у нас новой планировки — изолированные комнаты. Возле метро “Римская” купили новострой. Лоджии тёплые, ещё как комнаты...

— Понял-понял. Я так — пытаюсь анализировать.

— Угу... И, знаешь, я не тюфяк, не быдло какое. И поговорить люблю, на подъём, считаю, скор. Но не могу я постоянно... Эх, — он как бы с отвращением допил свое пиво. — Она не то чтобы ни минуты не даёт, а... Сложно, сложно объяснить... И в другую комнату не уйдёшь, когда она прижимается, — решит, что злость на что-то. Ещё хуже...

— Да я понимаю, Артём. Понимаю... Только вот совета дать не могу, кажется. Разве что — ребенка, может, вам завести?

Артём отмахнулся:

— Нет, ты что! Меньше года вместе — какой ребенок!..

— Эт тоже верно... — Я задумался. — Вот я избежал такого, что у тебя сейчас, и рад вроде бы. Хотя... — Вообще-то мы с Артемом говорим складно, это один из главных профессиональных навыков, но сейчас слова соединялись в фразы трудно, при помощи массы междометий и вздохов. — Хотя жалею порой, что чего-то важного у нас с женой не случилось. Ни безумной страсти, ни пыли до потолка. Ровно слишком... А с другой сторо-

ны, — я встряхнулся, — от плотной любви до того, что в “Крейцеровой сонате” — недалеко... Читал “Крейцерову сонату”?

— Естественно. Я прилично читаю... Правда, в последнее время и к книгам стал... отвращение стал чувствовать. Даша интересуется, что читаю, мнение спрашивает, если тоже читала — на обсуждение вывести пытается... А “Крейцерову” ты в тему вспомнил — есть симптомы...

— Не пугай, Артём.

— Я не про то, не про убийство... Но уже раза два-три была к Даше ненависть такая... Бешенство прямо... Хм, там у жены так, и муж удивляется, не понимает, что это, а тут — у меня... И знаешь... извини за откровенность...

— Мы для этого здесь и сидим.

— Ну да, ну да... И чувство такое — или ударить, или зацеловать, зацеловать. Набрасываюсь, валю, раздеваю... Она не сопротивляется, к счастью, наоборот... Но ведь случится так, что начнёт: не надо, не хочу. И что тогда?..

Артём вздохнул протяжно, со стоном. Сидел, ссутулившись, глядя на нетронутые гренки.

— Еще пива? — спросил я.

— Наверно... Жена-то ругаться не будет?

— Я так редко после работы выпиваю, что, думаю, наоборот будет рада. — Я позвал официантку и попросил повторить “Хайнекен” и “Турборг”. — Тем более она с работы к дочке хотела ехать — по Ваньке, внуку, соскучилась.

— Внук уже... молодцы. М-да... Может, действительно ребенка заделать, пускай на него внимание переключает.

— Это вариант. Но тоже есть опасность — можешь начать её ревновать к ребенку.

— Да, я читал... Причина кучи разводов... Хотя, понимаешь, у меня такое состояние сейчас, что, уверен, буду счастлив просто, если она девяносто процентов любви на ребенка перенесет.

Официантка принесла пиво. Пока ставила бокалы на стол, мы молчали. Пошла, покачивая под тонкой юбкой выразительным задом. Молодая, наверняка ищущая вторую половину...

— Значит, надо ребенка, — решил Артём. — Пускай... Я её не хочу терять, но так — не протяну. Слишком она меня любит. Слишком... — Голос его стал сползать в бормотание. — Тяжело это, давит... душит, как подушка тёплая... Может, я не умею... Раньше, до неё — потыкались и разбежались. А тут... “Я никуда от тебя”. Ни подруг ей не надо, ни шопов. Рядом...

— Артём, — вторгся я в это бормотание бодрым предложением, — давай выпьем за всё хорошее. Сейчас тяжело, а через двадцать лет, может, с такой благодарностью вспоминать будешь.

Он взялся за покрытый испариной бокал, хмыкнул, по-прежнему глядя на чипсы:

— Что там через двадцать — дожить ещё надо... Окей, решаем проблему так — женимся, делаем ребёнка, пусть ему книжки читает, свою любовь дарит. Мне и десяти процентов хватит...

И с облегчением, большими глотками, стал пить свой “Хайнекен”. А я представил, как войду в квартиру и сяду под бочок к жене. Прижмусь, приласкаюсь. Вот она удивится. Если будет уже дома, конечно.

ДА ТЫ ЧЕГО!..

Поехать Петрова буквально заставили. Жена, дети, Бурковские.

— У нас вон к Коломенском такие реконструкции постоянно, — говорил он, — зачем ташиться черт знает куда?

— Почему ж черт знает куда, — отвечал с какой-то насмешливой улыбкой Влад Бурковский, давний приятель Петрова, — Рязанская область, Рыбновский район, часа три ехать, не больше.

— Рыбновский район... тарабарщина...

— Всё, собираемся! — потеряла терпение жена Петрова Людмила. — Скисли в этой Москве уже. Хоть глянцем, что там за МКАДом.

Петров сдавался постепенно:

— Я рулить не буду.

— На моей поедем все вместе, — обрадовался Влад; у него для загорода была восьмиместная “Тойота”...

Всю пятницу Петровы собирались нервно и сумбурно, как люди, отвыкшие от дальних поездок. Сын, Никита, то и дело спускался в “Дикси” — за водой, за чипсами, за влажными салфетками.

— Mam, купальник брат? — спрашивала из своей комнаты дочка.

— Какой купальник... — ворчал Петров. — Где там купаться...

Он не принимал участие в суете, сидел за компьютером, читал о том месте, куда завтра утром им предстояло отправиться, о событии, оказавшемся поводом для поездки... “Многие ордынцы утонули в реке Воже”, — как раз попало на глаза. Петров хмыкнул:

— А в Воже и покупаемся как раз.

Набрал в интернете “река Вожа”, и компьютер высыпал полный экран фотографий с каким-то ручейком.

— О господи, утонули...

Стал сам с собой спорить: за шестьсот лет, конечно, река могла измениться. Может, в то время это был глубокий и широкий поток. И в нём тонули, тонули, тонули бегущие на восток от русских ратников степняки... Но была ли сама битва и если была, то каких масштабов и кого с кем, — вопросы. Мнения историков расходятся...

— Ну так брат или нет?! — крикнула в нетерпении дочка Даша.

Блин, четырнадцатилетняя кобылица, а по каждому пустяку...

— Бери! — рявкнул Петров.

Тут же выскочила из прихожей, где чем-то шуршала уже минут двадцать, жена:

— Зачем купальник-то? Сейчас напишет полный рюкзак...

— В Воже покупается. Мы едем на ре-ку, — подчеркнул Петров это слово, — в которой утонули тысячи ордынских воинов.

— Ужас какой...

— Какой?... Надо знать, куда собираемся ехать, — насмешливо заметил Петров; жена нахмурилась, что предвещало её готовность к ссоре, и он заткнулся. Продолжил копаться в сети.

Подростком Петров очень любил историю. Об интернете тогда, в середине восьмидесятых, и не слыхивали, поэтому знания черпались из книг и журналов. Петров тратил большую часть карманных денег на литературу, перечитал всё, что было в небогатых библиотеках их маленького города, и в итоге годам к семнадцати имел более или менее стойкое представление о случившемся на планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры. Был уверен, что после школы поступит на исторический факультет местного пединститута, станет учителем, несущим детям знание о прошлом...

Поступил, стал с интересом ходить на лекции, писать рефераты и доклады. Звездой первого курса сделался.

Но тут навалилось... Сначала Лев Гумилев, следом Виктор Суворов, Бунин, Мурад Аджи, Фоменко с Носовским и еще десятки авторов, перелопачивающих вроде бы давно облагороженную лужайку истории...

Петров поглощал новое сначала с жадным интересом, потом с недоумением, и в конце концов запутался, отбросил всю эту историю прочь. Ушел в четвертого курса, попал в армию на полтора года, после неё уехал в Москву и без всякого вузовского диплома стал успешным бизнесменом.

Бизнес, правда, пришлось свернуть в начале нулевых — нескольких партнеров Петрова посадили, ещё нескольких разорили, — но кое-какие доходы поступали из прежних вложений тоненькими, как речка Вожа, но бесперебойными ручейками...

История, история... На одном ток-шоу Петров услышал от какого-то старикана-идеолога: “Истории нет — есть интерпретации прошлого”. Старикана

тут же заклевали, а Петрову эта формулировка понравилась. Действительно, в прошлом разобраться невозможно. Не только в древнем, но и в недавнем. Невозможно прийти к более или менее общему мнению не только по глобальным вопросам, но и по частным.

Раньше, выясняя отношения с женой, Петров старался доказать то-то и то-то, найти причину размолвки, скандала, а в ответ слышал от жены совсем другие аргументы, другие причины. Казалось, она всё переворачивает с ног на голову, а она была уверена, что с ног на голову переворачивает он, Петров... Житейски помудрев, они, всплыв, просто расходились в разные комнаты, а через час-другой продолжали жить, словно не имеют друг к другу никаких претензий. Так бы и историкам. Но у них есть принципы, поиски истины и пресловутой правды, а главное — желание заработать. Оригинальная версия какого-нибудь известного события, облачённая в несколько увлекательных книжек, вполне может принести приличные деньги. История — это одна из форм бизнеса, короче...

Выезд назначили на восемь утра, но выехали в десятом часу. Выбирались из Москвы долго и трудно. Не то чтобы мешали пробки или плотное движение, просто город был, казалось, бесконечный...

Петров сидел в третьем ряду у левой двери; он был не в духе, помалкивал, чтоб не портить другим настроение, слушал, как Влад Бурковский, до предела упрощая, а порой и неосознанно фальсифицируя, рассказывает детям, а заодно и взрослым, чему посвящен фестиваль, на который они отправились:

— Битва на Воже — первый шаг к освобождению от монголо-татарского ига. В тысяча триста семьдесят восьмом году хан Мамай послал карательное войско на Русь, слишком вольно она стала себя вести... А навстречу вышла дружина Дмитрия Донского. Русских было в несколько раз меньше, но Дмитрий Донской применил хитрость — напал, пока монголо-татары, — это словосочетание резало слух Петрова, как ножом, — не разобрались в боевых порядках после переправы через Вожу. Почти все они были перебиты — пятьдесят тысяч, представьте! — а наших погибло совсем немного... Через два года сам Мамай отправился на Русь, и ему досталось — на Куликовском поле... Мы туда тоже в свое время рванём.

Постепенно по сторонам дороги стали образовываться меж торговых комплексов, фабрик, заборов, складов свободные пространства, появлялись рощицы, поля; Москва явно выдыхалась, не дотягивалась своими шупальцами досюда. А потом пошли указатели — “Островцы”, “Заозерье”, “Михайловская Слобода”, “Дурниха”, “Ивановка”... Петров приоткрыл было окно, чтоб подышать свежим воздухом, но в щель ворвалась горячая струя.

— Там пекло уже, — проворчал, — как в парилке.

Жена метнула сердитый взгляд, а Влад неунывающе отозвался:

— Наши предки в дотехах смогли выстоять, а мы в маечках и бейсболках не сумеем, что ли? — И обернулся к детям, сидящим во втором ряду. — М?

— Сосредоточься на дороге, мой Пересвет, — сказала жена Влада Олеся.

— Я всегда сосредоточен.

— Не будь самоуверен...

Влад включил радио. Зазвучала ненавязчивая мелодия. Скорей всего, “Релакс FM”. Или нечто подобное.

Петров смотрел в окно. Лесочки, равнины, деревушки, городочки, виадукки... Незаметно задремал. В дрёме ничего не видел, кроме разноцветных бликов... Очнулся от того, что лицо горело — даже сквозь тонировку пробивались горячие лучи. “Скорей бы осень”.

В этом году Петров поддался уговорам жены, детей, и они полетели на море — под Барселону — в конце июня. Три недели мелькнули и кончились, и снова Москва. Остаток лета мучились... Надо было дотянуть хотя бы до середины июля, вернуться как раз в эти дни. Пришли в себя за неделю, а там уж подготовка к школе, то, сё...

Родители и у Петрова, и у жены Людмилы, которая тоже не москвичка, умерли, с родней связи порвались. На родину так просто не поедешь, да и что там делать — в Бугуруслане, откуда жена, в Сергаче, откуда Петров?

У них был загородный дом. Правда, слишком уж загородный... Лет десять назад Петров сдуру купил участок в семнадцать соток в деревне Рождествено недалеко от городка Вереи, поставил рядом с избой-завалухой летний домик. Водопровода в их части деревни не было, ехать было неудобно, дом оказался какой-то неуютный, и бывали там Петровы семьёй считанные разы. Самому Петрову приезжать приходилось чаще, чтоб показать — усадьба не брошена, есть хозяин, пригляд. Но все равно подворовывали — то доску оторвут, то аккуратно стекло из рамы вынут.

“Состарюсь, — думалось иногда Петрову, — и переселюсь сюда. Доживать”. В сорок шесть лет он иногда чувствовал себя совсем развалиной. Хотя вроде ничего не делал...

— Та-ак-с, — голос Влада Бурковского, — где-то здесь должен быть поворот на Глебово... Не этот...

— Включи навигатор, — велела Олеся. — Сейчас будем кружить тут.

— Еще б я навигатором пользовался в родной стране!

С минуту Олеся терпела, а потом начала истерить:

— Ну и чего? Где твой поворот? Вла-ад!..

— Сейчас будет! — взвизгнул он; Петров поежился: “Ещё их скандал слушать не хватало”.

— Когда?

Поворот действительно оказался “сейчас”. Правда, пришлось подождать на трассе, пропуская, по приказу регулировщика, поток машин со стороны Рязани, сворачивающих на узенькую дорогу в сторону Глебова-Городища.

— А ведь они все туда, — пробормотал Влад, — на фестиваль...

Наконец регулировщик махнул железом: можно и вам.

Олеся расслабилась, выдохнула:

— Извините, что чуть не завелась. Устала просто. Часа три уже едем?

Влад не ответил, дети притихли, Людмила копалась в смартфоне. Пришлось подать голос Петрову:

— Где-то так... До места Куликовской битвы, видимо, в сто раз ближе.

— С чего эт? — фыркнул Влад. — Оно в углу Тульской области вообще...

— Есть серьёзные причины считать, что битва состоялась под стенами Кремля.

— Так-так, давай-ка без фэнтези. Мы за единый учебник истории. Правда, Олеся?

— Да я тоже, — поспешил сказать Петров. — Но куда от нюансов деться?

— В печь их! Нечего народу мозги засорять. Главное, что мы — победили, и это всё, — Влад, не забывая красоваться, оторвал руки от руля и развел их в стороны, — всё это — наше.

Петров посмотрел в одну сторону, в другую. Вспученная холмами, изрезанная заросшими травой оврагами земля, казалось, глубоко и тяжело спала... Проехали мимо деревеньки под названием Алёшня, и не увидели ни одного жителя. Наверняка они прятались от жары в домах, но Петрову стало тоскливо.

Подмывало поспорить с Владом, нет, даже не поспорить, а противоречить его уверенному тону. Сдержался, не стал.

— Люда, вода есть у нас? — спросил.

— На, пап, — Никита протянул бутылку с “Кока-колой”.

— Нет, воду хочу.

Жена нашла воду в одном из пакетов, которыми обложились ещё в Москве.

— На, только она теплой стала.

— Ничего.

Когда проезжали деревню Пальные, тоска усилилась до такой степени, что и противоречить расхотелось. Представилась кучка закопчённых человечков — пальных, — пришедших на это место, сколотивших неказистые домики, которые тоже вот-вот сгорят, и людишки пойдут куда-нибудь дальше. Крошечное, вымирающее племя...

— Не хотела бы я жить в селе с таким названием, — сказала Олеся.

— Да, жутковатое, — ответил Влад, — но и героическое.

— В каком смысле?

— Раньше специально устраивали пал, чтоб преградить путь монголо-татарам и другим завоевателям. Тут где-то и речка есть — Пальная, и вообще такие названия часто встречаются на востоке и юге...

— Богатые у тебя познания, — усмехнулся Петров.

— Что ж, готовился к поездке... А вот мы уже и на месте почти!

Это и так было очевидно по скоплению машин и людей. Причём многие машины двигались — одни пытались пробиться дальше по сузившейся от припаркованных справа и слева автомобилей дороге, другие ехали им навстречу. Водители сигналили, кричали, пятались... Люди тоже шли в обе стороны довольно плотными потоками.

— Неужели уже закончилось? — с готовностью забеспокоилась Олеся.

— Сейчас узнаем. Вообще-то по программе до четырех часов мероприятия...

Влад попытался проехать ближе к вероятному месту фестиваля, но вскорее отчаялся — приходилось то и дело сдавать назад, пропуская едущих навстречу, к тому же пешеходы буквально лезли под колеса, — нашёл приемлемую щель меж двух стоящих машин и втиснул туда “Тойоту”.

— Двери открываем осторожно, — предупредил, — соседей не царапаем.

Вылезли, скорее надели бейсболки. Заражаясь общей суетой, поспешили к виднеющейся вдали церкви, от которой долетали обрывки усиленной колонками мелодии.

— Скажите, а там что-нибудь продолжается? — спросил Влад идущего навстречу пузатого мужика с бородой и в майке Супермена.

— Продолжается... Теплового удара боюсь... На фиг...

— Продолжается! — бодро объявил Влад. — Вперёд! — И почти побежал.

Его дочка Ариша, дети Петрова, а также Олеся и даже Людмила послушно последовали за ним. Сам же Петров, наоборот, сбавил шаг: бодрость другого мужчины, моложе его, выше ростом, задевала.

Шел медленно, с каждым метром всё сильнее раздражаясь, что приходится идти под солнцем так долго. Мысленно поругивал Влада; самому Петрову сейчас казалось — он бы проехал на полкилометра ближе...

Глебово-Городище, по крайней мере та улица, по которой двигался народ, оказалось довольно симпатичным селом. Свежевыкрашенные в зелёный, синий, бордовый, сочно-жёлтый цвета избы, заборы, ворота, колодцы... К колодцам тянулись длиннющие очереди. Увидев первую же, Петров вспомнил, что воду-то из машины не взяли, и ему сразу захотелось пить.

— Ну ты где? — появилась жена. — Мы тебя потеряли.

— Воду забыли...

— Там купим. Пошли быстреей.

На вершине холма — церковь. Часть белоснежная, недавно отреставрированная, часть — почти руины. Каждый метр тени под стенами занят людьми... Справа от церкви торговые палатки, слева, под крутым склоном, площадка для выступлений. Там как раз представляли доспехи воинов.

— ...А сейчас мы видим шлем с полумаской и круговой кольчужной бармицей, — говорил в микрофон ведущий, сам одетый в костюм какого-то холопа. — Полумаска, конечно, защищала лицо воина, но в то же время затрудняла обзор... Чаше мы можем встретить шлем с наносником...

Люди в доспехах ходили тяжело, медленно. Казалось, сейчас попадают на траву, и придётся вызывать вертолеты с бригадами реаниматоров.

Бурковские и дети уселись на склоне, а Петров с Людмилой пошли гулять по рынку.

Подобных им гуляющих были сотни. Бессмысленная толчея. Причем лица выражали не радость присутствия на празднике первой большой победы русского оружия над ордынцами, а муку и недоумение: зачем мы забрались сюда в такую погоду, что делать, куда спрятаться...

Лишь ребяташки были, кажется, довольны. Бегали с деревянными и пластмассовыми мечами, луками, арбалетами, булавами... Правда, то и дело раздавался детский плач...

В палатках ничего интересного, особенного не увидели. Сувениры, пряники...

— Есть вода простая? — спросил Петров, наткнувшись на палатку с напитками.

— Вода кончилась. Вот взварчик возьмите. Хорошо жажду утоляет.

Петров глянул состав.

— Это типа компота?

— Почти... По древнерусским рецептам. Прохладный, под брезентовом держу.

Петров купил две литровые бутылки, выложив за них триста рублей...

Попили с женой крепкосладкого взвара на свободном пятачке под стеной церкви, поглазели на памятник в виде копий и щитов, вернулись к Бурковским. Петров уселся по возможности удобней на крутом склоне и решил сидеть тихо, без комментариев и предложений поехать отсюда. Что ж, детям, кажется, интересно...

После доспехов произошло короткое “массовое сражение по правилам манёвров”, как значилось в распечатанной Владом программе. В сражении участвовали человек по пятнадцать с обеих сторон... Петрова всё-таки потянуло поиронизировать над “массовостью”, но он вовремя вспомнил, что в каком-то серьёзном фильме видел одну из знаменитых средневековых битв англичан с шотландцами, так там сошлись тоже с полсотни мужичар и порубили друг друга. Оставшиеся в живых несколько шотландцев стали махать топорами и кричать, что их победу будут прославлять в веках. Так оно и получилось... Может, такая вот “массовость” ближе к истине, чем слова летописцев — “рать безмерно велика была”, “несчетно множество их избиша”...

По окончании довольно схематичной битвы был концерт фолк-рок-группы. Музыканты с непокрытыми головами мужественно пели около часа. Причем фолк и рок в композициях перемежались поистине с математическим постоянством: сначала мощно гремели ударник и басист, затем они почти смолкали, зато вступали скрипка и дудочка, а после их партии, под перебор акустической гитары, звучал чистый, молодецкий голос вокалиста:

*За деревней у реки кто с утра уж трудится?
Уперев свой взор в огонь, кто сурово хмурится?
Кто свой трудный день начал с именем Сварога?
Кто в почёте у людей, под защитой Бога?..*

— Сварог, это ведь языческий бог? — когда музыка слегка притихла, спросил Влад.

Петров, поморщившись, кивнул. Объяснять, что вообще “Сварог”, скорее всего, отсебятина переписчика летописи, жившего не раньше пятнадцатого века, желания не было. Существовал у славянских язычников Сварожич, но и с ним не всё ясно...

Пока группа исполняла то героические, то лирические песни, на поляне шла установка приспособлений для конных состязаний. Натягивались верёвки, втыкались штыри с кольцами; полная женщина принесла и высыпала на траву из мешка кочаны капусты.

Конники копытами снимали кольца со штырей, рубили саблями и мечами капусту и яблоки, пытались поднять с земли разбросанные платки. Те, что скакали быстро, в основном терпели неудачу, зато медлительным, на “манежном галопе”, как насмешливо заметил ведущий в одежде холопа, чаще удавалось выполнить задание...

Публика хлопала, одобрительно охала, когда у конников получалось, порой раздавались смешки. Особенно потешен был единственный участник в доспехах ордынца. В седле он держался нетвёрдо, никак не мог справиться ни с копьём, ни с саблей. Смешило и его имя — “темник Котий”.

— Если все монголо-татары были такими, — заметил Влад, — то ничего удивительного, что в Воже перетонули.

— Любимый, не критикуй, — пошлёпала его по ноге жена. — Ты бы ни одного кольца не снял.

— Так я и не берусь...

Победил в итоге наездник из медлительных. Когда ведущий объявил, что ему шестьдесят пять лет, посвистывания сменились на вполне искренние аплодисменты.

А потом народ потянулся вверх по склону, к дороге. Фестивальные мероприятия закончились.

Теперь Петров шёл впереди Бурковских, жены и детей. Страшно хотелось пить, сухость во рту сделалась после взвара особенно противной — кисло-горькой, с привкусом забродившего яблока.

Возле первого от церкви колодца толпилось не меньше сотни людей. Впереди было ещё два. Но у второго отсутствовало ведро.

— Спецом местные сняли. Сволочи, — говорили подходившие к колодцу.

Петров прибавил шагу, намереваясь обогнать основную массу тех, кто возвращался к машинам. Размечтался — а что еще оставалось? — о бутылке холодной воды, о том, как дома ляжет в прохладную ванну... И тут в спину ткнули. Не больно, но остро, словно пальцем.

Решив, что это сын догнал и решил пошалить, Петров сделал сердитое лицо и резко обернулся.

Вместо Никиты шагах в пяти стоял пацаненок лет восьми с арбалетом в руках. Так же сердито смотрел на Петрова.

— Ой, вы извините! Извините, пожалуйста! — стала плаксиво тараторить пожилая женщина, видимо, его бабка. — Устал, вот и вытворяет... Нельзя так, Гордей!

Понимая, что разборки отдаляют его от воды, Петров пошагал дальше.

— Подбери стрелу-то! — раздался совсем уже не плаксивый голос пожилой.

К колодцу тянулась вереница примерно из десяти человек. Вода явно была... Петров почти подбежал, встал в очередь.

— Сашка! — крикнул щупленький полутораметровый мужичок в выгоревшей до бесцветности рубахе, наполняя бутылку. — Неси еще, кончается!

Петров увидел на бортике колодца ведро с цепью. Оно было на треть полно беловатой жидкостью.

— А что с этой? — спросил он стоящего впереди парня.

— Да кончилась, видно.

— Хм, а я думал, это у Толстого гипербола...

— Чё? — парень насторожился.

— У Льва Толстого в романе “Война и мир” есть такое: “Солдаты выпивали воду в колодцах до грязи”. Я думал, он преувеличил — оказывается, действительно бывает.

— М-м...

— Сашка, да где ты там?!

Мужичок был слишком деятельный, вошёл, как говорится, в раж. “Может, пьяный?” Да нет, на пьяного не был похож... “Перегрелся на солнце”.

Здоровенный, голый по поясу, лет тридцати пяти Сашка принёс воду. Мужичок сунул ему пустое ведро:

— Ещё тащи. Людей вон сколько. Пить хотят. Давай, давай!

Сашка, видимо, был сыном этого полутораметрового. Без споров, хотя и без радости, побрёл в глубь улицы. Наверное, у них был свой колодец во дворе, или скважина пробита...

Подошла очередь Петрова наполнять бутылку.

— Холодненькая, — приговаривал мужичок, — пейте на здоровье...

— Спасибо.

Петрову захотелось отблагодарить его. Достал деньги, быстро выбрал две сотки, протянул.

— Да ты чего? — мужичок отшатнулся. — Чтоб я за воду деньги брал?! Бери свою баклажку и мотай отсюда.

Петрова обожгло это “мотай”:

— А вы что хамите? Я от чистого сердца хотел...

— От сердца... Грязное оно, значит — деньги за воду совать... Отходи, не задерживай, людей ещё сколько вон ...

— Что случилось? — подбежал Влад. — Что у вас тут?

— Забирай приятеля, а то я его, — расходился мужичок. — Обидел он меня... Деньги за воду...

— Действительно, пустите к ведру, — заговорили за спиной Петрова. — Что там? — ещё дальше, — он все бутылки, что ль, набирает себе?!

— Ладно, как хочешь, — дернул головой Петров, сунул сотки обратно в карман. — Пойдем, Влад, от этого солнцем ударенного.

Мужичок то ли не услышал эпитета, то ли сделал вид, что не услышал. Осторожно налил воду из ведра в маленькое отверстие жестяной банки из-под "Спрайта".

Петров широко, решительно как-то зашагал в сторону машины, ещё не понимая, что об этом случае он будет вспоминать очень часто.

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

ОГНЕВОЙ ЛИСТОПАД

* * *

Композитору Юрию Клепалову

Костерок мой прощально искрится,
И задумчиво нынче окрест.
Осень тропкою красной лисицы
Покидает растерянный лес.

Почему так душе беспокойно?
То заплачет, то вновь запоёт?
В небо взгляд поднимаю невольно,
Осень в дали навеки уйдёт.

Вот и Осени нету.
И туча снеговая, я слышу, плывёт.
Успокойся, душа, может, лучший
Наступает в Природе черёд?

Но не может душа примириться
И зовёт мою Осень назад.
Ой, как часто зимой будет сниться
Огневой листопад, листопад!

ТАРХАНОВ Андрей Семёнович родился в 1936 году в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Окончил Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена. Работал учителем, собкором газеты "Ленинская правда". После учебы на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Союзе кинематографистов СССР был редактором Ханты-Мансийской студии телевидения. Автор более десяти поэтических сборников. Кавалер ордена Дружбы народов. Член Союза писателей России.

* * *

Я должен остаться собою в стихах,
И даже, поверьте, вон в тех облаках.
Я каждое облако в строчку впишу
И с радостью людям потом покажу.
Они, облака, далеко уплывут.
И... через столетье появятся тут.
И кто-то, восторженно глядя на них,
Конечно же, вспомнит меня и мой стих.
И вновь облака полетят, полетят
Туда,
 где у холмика кедры стоят.
И дождик прольётся,
 и бор зацветёт,
И путник увидит потерянный брод,
И вспыхнет цветами у поля межа...
Лети же, лети с облаками, душа.

ПЛАЧ НЕБА

Голосам умоляющим внемля,
Не скрывая волнующих слёз,
Вновь хотел опуститься на Землю
В день Пасхальный
 Спаситель Христос.

В небесах возликующих майских
И спокойствие, и благодать.
В эту ночь из обители райской
Осиянно планету видать.

Что творится!
Резня и пожары,
Крик младенцев и плач матерей...
И Христос опустился усталый:
“Сатана перессорил людей.

Наступило умов помраченье,
Позабыли заветы мои,
Будь печальным, моё Воскресенье,
И печально пролейтесь, дожди...”

В эту ночь Первомая и Пасхи
Я не спал по велению небес.
И лучей долгожданную ласку
Принял первым, душою воскрес.

ЮРИЙ ЛУНИН

ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

РАССКАЗ

Моему отцу и моему сыну

Мальчики во дворе играли в *сифу*: кого осалит грязной тряпкой, тот и будет сифа, пока не осалит кого-нибудь другого.

Один из ребят имел неосторожность угодить тряпкой в плечо самому высокорослому мальчику, который считался и самым сильным. Игроки сразу отбежали на другой конец двора. Обычно сифу принимались дразнить, но рослого не дразнили; никто не хотел стать его мишенью. Впрочем, ребята знали, на кого должен обрушиться его гнев.

Рослый подобрал лоскут с земли и медленно направился к луже. Там он пропитал его грязной водой, потом, взяв за уголки, отнёс в песочницу и извлял в песке, потом опустил в середину тряпки тягучий плевок и сложил её вчетверо. Всё это он проделывал умышленно неторопливо и старательно, давая ребятам время хорошенько проникнуться ужасом. И действительно: каждое его действие сопровождалось их тревожным переглядыванием. Никто не завидовал тому, в кого полетит такая тряпка. Этим несчастливцем был второй по росту мальчик — лет десяти, с круглым, не по-мальчишески красивым лицом. Он стоял в гурьбе ребят, иногда встряхивая головой, чтобы убрать волосы со лба.

Наконец рослый сорвался с места и, отведя руку для броска, побежал на ребят. Один, самый маленький, оцепенел от страха, но рослый не стал его салить, только поднёс тряпку к его носу. Как и предполагалось, ему был ну-

ЛУНИН Юрий Игоревич родился в 1984 году в г. Партизанске (Приморский край). Первая публикация состоялась в 2007 году в сборнике "Facultet: новая литература нового поколения". Лауреат литературного конкурса "Facultet" (2009, 2010). Лауреат российско-итальянской литературной премии для молодых авторов "Радуга" (2012). В 2014 году вошел в лонг-лист премии "Дебют" в номинации "малая проза". Живет в подмосковной деревне Следово.

жен только его обидчик. И вот рослый приблизился к обидчику и швырнул в него тряпку. Бросок был такой сильный, что ребята ахнули. Но обидчик пригнулся, и сифа, пролетев над ним, с чавканьем присосалась к бетонному забору и комично сползла по нему на землю. Ребята несмело посмеялись. Это разозлило рослого, он стал бросать часто, но всё менее прицельно и сильно. А обидчик как будто поймал вдохновение: он увёртывался от “сифы” в прыжке, пропускал её между ног, увиливал от неё, танцуя. Один из его маневров так запутал рослого, что у него заплелись ноги. Он вытянулся в воздухе и упал, больно прочертив боком по песку.

Это было уже не смешно.

Рослый побагровел и с проступившими на глазах слезами, с рёвом понёсся на своего врага. Наверное, в эту минуту он жалел, что в руке его всего лишь тряпка, а не бульжник, которым можно разозжить ему голову. Но ярость ослепила его, а затем быстро лишила сил. Вскоре он уже стоял, оперев ладони в колени, и тяжело дышал. Точно так же встал невдалеке его противник. Они поглядывали друг на друга без выражения и поплёвывали перед собой, рослый — мастерски, сквозь зубы, а обидчик — по-простому, лишь из подражания рослому.

Рослый взял себя в руки и пошёл на хитрость. Он разогнулся, прошёлся по площадке, заговорил с кем-то, будто решил забыть об игре, и вдруг пулей подлетел к противнику, швырнул в него тряпкой в упор и что было силы рванул прочь. Но противник умудрился поймать “сифу” на лету и моментально вернул её рослому в спину. После этого рослый перегорел окончательно. С деланным равнодушием бросив тряпку на землю, он вышел из игры. Теперь ему нужно было поддержать свой авторитет. Для этого он легонько побил кого-то из мелкоты, после чего деловито занял ребят новой игрой.

В это самое время из подъезда пятиэтажки вышел невысокий мужчина в кепке и старом плаще до колен. В руке он держал два ведёрка — побольше и поменьше. Среди мальчишек он отыскал глазами своего сына, негромко свистнул ему и пошагал со двора с какой-то усталой заботой на лице.

Обидчик показал ребятам ладонь.

— Пока, пацаны, — сказал он и спортивной трусцой побежал за отцом.

Рослый не растерялся. Приказав ребятам вести себя тихо, он подкрался к врагу, хлестнул его наотмашь тряпкой по затылку и отбежал.

— Вот ты и сифа! — показал он пальцем, схватился за живот и, согнувшись в коленях, выдал из себя смех. — Ха-га-га! Фу-у, сифа! Сифак! Прямо в голову сифу получил! Сифозный! Сифандёс!

Сын постоял, задумчиво глядя то на тряпку, валявшуюся на песке, то на рослого, и, кажется, слёзы начали потихоньку зреть в его глазах. Но вдруг он махнул рукой и быстрее побежал догонять отца. “Си-фа! Си-фа!” — кричали ребята вдогонку.

Отец на ходу протянул сыну дождевую курточку и кепку. Сын оделся в лесную одежду и понёс своё ведёрко.

— Плакал, что ли? — спросил отец.

— Да не... — ответил сын, но голос у него дрогнул, и он рассказал отцу про “сифу”. Вместо сочувствия, которое проявила бы мама, отец поставил перед фактом:

— Ты таких ещё знаешь сколько встретишь — у-у-у...

Это, конечно, не обрадовало, но почему-то успокоило сына, словно разговор теперь был не о людской обиде, а о каких-то природных неприятностях: крапиве, укусе насекомого, раскушенной ягоде, в которую, как оказалось, навонял клоп.

Вскоре они, как обычно, подходили к кладбищу.

Кладбище было ровесником леса, деревьев там росло много, и были они такие же высокие, как в самом лесу. Из-за этого кладбище называли лесным. А лес, примыкавший к нему, иногда называли кладбищенским.

Шагая по главной кладбищенской дороге, сын по привычке гулял глазами по именам и лицам на памятниках. Почему-то взгляд останавливался всегда на одних и тех же: Тихонов Тихон Флегонтович, Рабик Зинаида Львовна,

Татихин Леонид Фёдорович... Сын узнавал их, как старых знакомых, но потом дома не смог бы припомнить ни одного имени.

Где-то в этой гуще крестов и ржавых оград затерялась могила его дедушки по отцу, которого он видел только на фотографиях: дед умер, когда ещё отец был ребёнком. По многу раз за лето и осень отец ходил за грибами через это кладбище, но почти никогда не пользовался случаем зайти на дедову могилу. Он не считал, что кладбище — место для общения с усопшими. Он всегда говорил, что общается со своим отцом, просто когда его вспоминает. Делать это можно где угодно, но чаще всего это происходит в лесу.

Переход от кладбища к лесу был нечётким. Люди ежедневно умирали, кладбище росло, росло, и не было возможности оградить его раз и навсегда. Поэтому всегда существовала подвижная полоса, где кладбищенский лес и лесное кладбище год от года не то боролись, не то сливались в одно.

Свежие, ещё не огороженные могилы торчали в глубине леса, поодаль от остальных, взрывами песка и мусорным нарядом венков. Казалось, некто, выходящий на стороне кладбища, нарочно клал некоторых покойников поглубже в лесу, чтобы образовавшийся между ними и остальными промежуток леса заранее присвоить кладбищу. На этом промежутке природа ещё оставалась собой — обильно плодоносил черничник, попадались необыкновенно крепкие моховики, а иногда и подосиновики, — но человек уже чаще всего брезговал этими дарами природы как принадлежащими смерти, а не жизни, потому что впереди, словно часовые в чёрных португезах, зловеще торчали могильные венки.

Кладбище постоянно наступало.

Но и лес не бездействовал: он выбирал забытые людьми могилы, покрывал их малиной, крапивой, утаптывал дождями, так что от них оставались лишь маленькие бугорки, неясно кем — человеком или природой — созданные. И нельзя было быть уверенным, что сладкая ягода, которую ты сорвал на таком бугорке, не напитана хотя бы отчасти мёртвым соком человека. И каждый раз, когда сын заходил в этот лес, он начинал думать о том, что подо всем, подо всем вокруг, в конечном счёте, лежат истлевшие человеческие тела.

Однажды, когда собирали грибы, сын заговорил об этом с отцом.

— Многая еда берётся из земли, правильно? А в земле всё больше покойников, ведь людей постоянно хоронят. Значит, получается, в еде тоже каждый год всё больше... ну, этого?..

Отца не столько испугали мысли сына, сколько обрадовала его рассудительность.

— Слушай-ка, а ты ведь интересную вещь сказал! Действительно, я даже помню, что в моём детстве у всех продуктов был другой вкус.

Потом отец неоднократно пересказывал знакомым и родным эту беседу, всегда показывая рукой высоту от пола:

— Представляете, вот такой вот — и заявляет! А ведь и действительно!..

Кладбище осталось позади, но в каждой лесной кочке сыну мерещилась забытая могила. Он всё ещё шагал по кладбищу, а не по лесу, и никак не мог почувствовать себя в лесу. В лесных ложбинах иногда встречались кучки мусора. Это был и бытовой мусор: банки, бутылки, пакеты, — и кладбищенский: полуистлевшие ленты, обломки деревянных крестов, пучки искусственной хвои, грязные пластмассовые цветы.

Время было не позднее, но на лес наплыли ненастные, тревожно-тихие сумерки. Сыну стало вдруг очень грустно и одиноко. И первый гриб, который он нашёл — польский, — показался ему больным, напитанным смертью, и сын не стал его срезать. А отец нагнулся и с небольшим довольным хрипеньем срезал.

— Что ж ты не берёшь? Отличный полячок. Смотри-ка, и чистенький! Они сейчас, в основном, все червивые. Что ж, неплохо, неплохо.

И, замедлив шаг, отец стал внимательнее вглядываться в лес, иногда наступая на какую-нибудь грязную пластмассовую лилию и как будто не замечая этого.

Сын отвернулся, чтобы скрыть надавившую на его сердце жалость к отцу. Отец так по-детски был увлечён грибами, что совсем не думал о смерти, которая пролегает неподалёку и следит за ним.

Когда-то давно, пару лет назад, сын мечтал во всём опережать, побеждать отца. Когда ловили плотву — от души злился, что отец его облавливает. Когда ходили за грибами — чуть не плакал, если находил меньше отца. Бесился, проигрывая ему в шашки, пропуская от него гол...

Лишь в одном случае он спокойно принимал превосходство отца и даже готов был из соперников перейти в оруженосцы: это бывало, когда они вместе отправлялись по берегу местной реки за священной рыбой — щукой. Плотву и уклейку наловишь в любой день, а щука была другая: отправившись за ней, можно было вернуться домой с пустыми руками. Щука могла оторвать блесну, перекусить леску, она даже пахла не так, как остальные рыбы. Сын обожал её, но при этом побаивался и не решался ловить её сам. Поэтому на время охоты за щукой он с удовольствием отдыхал от постоянной гонки за первенством.

Однажды у отца клонула очень крупная щука — крупнее, наверное, и не клевала ни разу. Ледяная дрожь прокатилась по коже сына, его пальцы согнулись в крючки у самого лица.

— Папа... папочка... давай... давай, миленький... ну... пожалуйста! — поднывал он, будто обращаясь к Богу.

Отец тоже страшно волновался, это было видно, но работал уверенно, сосредоточенно, и сын до слёз любил его в эту минуту.

— Папочка... миленький... хорошенький... ну давай же!..

Отец медленно вывел рыбину на мелководье, между ним и щукой оставалось расстояние в два шага, не больше. Сын видел её в воде, пятнистую, толстоспинную. Она устала от борьбы и затихла, как послушная такса. Ничто не выдавало её боли, её страха перед человеком и желания уйти в глубину.

— Иди сюда, моя хорошая... — сказал отец и потянул к ней руку, слегка отведя для натяга спиннинг.

Вот уже древний морщинистый щучий нос поднялся над водой, вот уже показались зубы в раззявленной пасти, и вдруг она мотнула жёлтым подбородком, дико обдала отца брызгами и исчезла с блесной и куском лески во рту — только тающий изогнутый след поплыл по реке... Отец проводил этот след глазами и ещё с минуту стоял неподвижно на полусогнутых ногах, увязнувших в береговом иле. Запах живой щуки — любимый запах сына — ещё какое-то время жил в воздухе, и лишь когда этот запах испарился, отец выпрямился, таинственно поглядел на сына, достал из кармана коробочку с блёснами и, слеповато глядя в неё, стал перебирать пальцем блестяшки, чтобы выбрать новую блесну.

— Н-да... неплохая была щучка, — сказал через минуту между делом.

Выражение “неплохая щучка” страшно разозлило сына. Зачем строить из себя такого спокойного, когда впору рухнуть на берегу и извиваться от горя червяком, кусать землю, выдирать с корнем пучки травы?

Сын отошёл от берега в молодой березняк и там сильно поколотил кулаками берёзу — берёзе ничего, а у него содралась кожа на костяшках и выступила сукровица. Поэтому дальше бить он не стал, а просто упал на колени и заскулил от бессильной ненависти — к берёзе и к щуке, которые были частью одной природы, посмеявшейся над ним.

Затем он вернулся на берег. Отец швырял блесну в то место, где клонула сорвавшаяся щука. Сын понимал наивность этого приёма, но добрых полчаса пронаблюдал за отцом, так же, как и он, надеясь на чудо. Но чуда не происходило.

— Всё, хватит уже, пошли домой, — властно сказал сын. — Что, думаешь, она такая дура, что клонет у тебя ещё раз?

Но отец продолжал швырять.

— Говорил я тебе, что надо всегда брать с собой подсачек! — Тут сын уставил руки в боки и с настоящей ненавистью, искажив лицо и голос, изобразил глупого отца, отвергающего подсачек. — “Не-е-еть, зяче-е-емь? И так достя-анемь”. Ну, и чего ты достал? Ничего ты не достал! — Тут голос у сына задрожал. — Сорвалась — и всё!

Отец быстро глянул на него и снова забросил блесну.

— Пошли, говорю, домой. Хватит тут ерундой заниматься.

— А может, дальше по берегу пройдемся? — спросил отец. От растерянности и чувства вины он согласен был поступить, как скажет сын. — Дойдем до мостика, до камышей. Не эту, так, может, другую зацепим? Или окунька хорошего, как в тот раз?

— Да какой теперь окунёк — после такого позора!

— Всё, пошли, пошли, — сказал отец и быстрым движением зацепил блесну за кольцо спиннинга. — А то так и будешь бурчать.

По дороге домой глубокий траур не сходил с лица сына. Отец шагал впереди. Его походка, штаны, куртка, его неизменная военная кепка, весело сдвинутая набок, — всё раздражало сына.

— О! Смотри: жар сидит, — вдруг остановился отец и указал концом спиннинга на огромную стрекозу. Её туловище было раскрашено чередованием поперечных полосок — рыжей и красно-коричневой. Бывали точно такие же стрекозы, только с бледно-голубыми и тёмно-бирюзовыми полосками. Их можно было бы назвать “холод”, но почему-то их тоже называли “жар”.

Жар — осторожная и быстрая стрекоза, поймать её считалось большим почётом. Этот же поддустил отца совсем близко, будто предлагал себя в утешение за щуку.

— Спит, наверное, — сказал отец негромко. — Смотри, какой красавец. Поймать тебе?

— Да пошёл он, твой жар, — буркнул сын и пошагал вперёд отца.

Через несколько минут отец поравнялся с ним и заговорил:

— Сынок, если ты считаешь, что я меньше тебя хотел поймать эту рыбу, то ты глубоко заблуждаешься. Я сделал всё что мог. Как меня учил мой отец, так я и сделал. Просто она сорвалась. Это рыбалка, понимаешь? А не рыбный магазин.

Отец положил руку на плечо сыну:

— Ты не переживай. Сегодня она нас победила — а завтра мы её!

Сын отдернул плечо.

— Завтра понедельник! Теперь только через неделю на эту чёртову рыбалку опять пойдем. И то я не пойду, потому что у тебя всё срывается.

— Ну тогда ладно, — сказал отец. — Я один пойду. Вырастешь — будешь сам ловить, и ничего у тебя не сорвется.

— Ну и буду.

Тут и отец не вытерпел:

— А пока — чтоб я от тебя слова больше не слышал! Иди и сопи в две дырочки!

Отец быстрее пошёл вперёд, а сын снова с раздражением глядел на его штаны, рубашку, военную кепку. Он вспоминал рассказы рослого — того самого, который сегодня осалил его “сифой”. Его папа ездил на рыбалку редко, раза два в год, и рослого с собой никогда не брал. Но он ездил куда-то на Ахтубу, где водятся гигантские сомы и сазаны, а щуку, говорят, и вовсе не считают за рыбу. На такой реке просто невозможно остаться без улова, на ней рыбак чувствует себя успешным, сильным, самодовольным. И именно таким — успешным и сильным, с трофеем в руках и с улыбкой на лице — сын видел в эту минуту папу рослого. А своего отца он жестоко обзывал про себя неудачником, ведь отец не поймал даже ту рыбу, которую считают сорной на Ахтубе...

Отец, пригнувшись, обходил сосну: смотрел, не найдётся ли ещё поблизости польских. А сын глядел на него и вспоминал о тогдашнем походе за щукой. Он часто о нём вспоминал, и всегда ругал себя за своё поведение, но сегодня готов был зарыдать от стыда и горечи.

Как он мог! Надо было обнять отца, надо было сказать ему, что он прекрасно всё делал. Да он, можно считать, что поймал эту щуку, просто леска не выдержала, и это ведь действительно рыбалка, а не рыбный магазин! Ничего, пап! Не в этот, так в другой раз её достанем! Не эту, так другую возьмём. Сегодня она нас, а завтра мы её. И ведь всё равно здорово сходили. Давай попробуем жара поймать?..

Как он посмел обидеть отца! Ведь когда-нибудь отец постареет и умрёт, его положат в яму на этом вот кладбище и забросают землёй. Забросали же всех этих людей, забросали же дедушку...

Сын понял, что больше не хочет быть лучше, сильнее отца. Наоборот, во всём он хотел видеть его превосходство, его силу, его способность жить ещё долго и быть недостижимым для смерти.

Отец нагнулся над семейкой лисичек. В это время сын увидел в шаге от него крупный белый гриб. “Вот и хорошо, — подумал сын, — сейчас он заметит гриб и обрадуется”. Но отец не заметил. Он побросал свои лисички в ведёрко и, довольный ими, пошёл дальше, ударив по грибу сапогом.

— Ну что ж, для начала очень даже неплохо, — сказал отец.

Сын не стал ничего говорить про белый и стал с тревогой наблюдать за отцом. Как он мог не заметить гриб? Неужели он стал хуже видеть? Неужели стареет? Неужели сын теперь грибник лучше него? Ведь ещё пару лет назад отец казался ему настоящим хозяином леса, когда смешно, сказочно настораживался и подзывал к себе сына.

— Чую я, сынок, что совсем рядом растёт какой-то очень хороший гриб, но сам я что-то его найти не могу. Может быть, у тебя получится?

Это теперь сын понимал, что отец просто наводил его на гриб. А тогда он принимал эту игру за чистую монету и начинал ходить вокруг отца, бросая подозрительные взгляды на каждую былинку. И вдруг сердце его забивалось в припадке радости — подосиновик или белый!

— Вот это да! — дивился отец. — Вот это сынок! Я бы ни за что не заметил!

Был у отца и другой фокус. Говорит:

— С меня по дороге кепка слетела, а я забыл поднять. Принеси, пожалуйста. Она во-он там около тропинки валяется.

Уже что-то предчувствуя, сын несётся к кепке стрелой, поднимает её, а под ней — вот это да! — тоже красавец-подосиновик или белый!

— Эх ты, папа, совсем ничего не видишь! — радовался сын, показывая отцу чудесный гриб.

— Старый, наверное, становлюсь, — говорил отец, пожимая плечами, и эти слова совсем не огорчали сына. А сейчас сын подождал, пока отец скроется из виду, и подошёл к грибу. Гриб не был раздавлен, только помят. Сын взял его и побежал к отцу.

— Пап, представляешь, я сбил ногой белый, а так бы я его даже не заметил.

— Что ж ты, — спокойно сказал отец. — Надо повнимательнее.

Он с большим уважением к грибу счистил ножичком землю с ножки и вручил гриб сыну.

Сын не понимал, правильное ли это чувство — жалость к отцу.

Взять, например, того же рослого. Тот, кажется, совсем не жалеет своего папу. Бывает, его папа возвращается с работы, позвякивая гаечными ключами в чёрной сумке, висящей на плече, и присаживается у подъезда на скамейку, чтоб вышить банку пива и выкурить сигарету. Рослый, как только завидит его, тут же бросает игры и бежит с ним боксировать. Метит в живот, в лицо, в пах, и ведь бьёт не понарошку, а всерьёз, хочет сделать отцу как можно больше. Да и отец не даёт ему спуска. Нет-нет да и раззадорит тычком в ребро или в подбородок. Один раз до слёз довёл — своего же сына!

Он не любил эту игру и смотрел на неё издалека с тревогой, а остальные ребята наблюдали за ней с завистливым азартом и в конце концов не выдерживали — обступали скамейку и робко спрашивали, нельзя ли и им попробовать подраться. Папа разрешал, и ребята по очереди нападали на него. Иногда он ловил своей большущей ладонью чей-нибудь летящий в него кулачок и одним круговым движением заламывал маленькому противнику руку. Противник тут же сгибался, едва не чиркая носом по асфальту, и все ребята смеялись, а папа, туша свободной рукой сигарету, спокойно спрашивал:

— Та-ак, а сейчас — как мы выкрутимся? Никак. А всё почему? Потому что удар должен быть быстрым: хоба! — и сразу руку на место.

Потом рослый предлагал:

— Пап, а давай мы с тобой вдвоём, а они все вместе?

Но папа уже ставил на асфальт допитую банку и уходил в подъезд. Ребята обсуждали приёмы, которые он им показал, и пробовали их друг на друге. Сыну это было неприятно и неинтересно, он уходил домой.

В лесу темнело и темнело, как будто небо постепенно смыкало больные глаза. В синеватом сумраке гнездились на земле следы чьей-то забытой жизни: то попадался на пути одинокий кроссовок, поросший мхом, то окровавленные (или испачканные краской?) тряпки, то ржавый остов детской коляски, то рука пластмассовой куклы. Сын глядел на всё это с тоской, которую не мог объяснить. Ему хотелось вернуться в прошлое и просмотреть моменты, когда эти предметы были оставлены здесь. А ещё хотелось узнать, где теперь их бывшие хозяева. Живы ли они? Почему-то казалось, что нет.

— Загадили весь лес, — ругнулся меж тем отец. — Поймал бы — яйца бы поотрывал.

Сын улыбнулся: бодрым, бойцовским словом отец напомнил о жизни в этом тоскливом, говорящем о смерти лесу. И даже какая-то птица, которая прежде молчала, деловито ответила ему с вышины: “Си-тю”. Сыну захотелось, чтобы отец сказал ещё что-нибудь, и вскоре его голос раздался снова.

— О, — спокойно сказал он, глядя куда-то вверх. — Кажется, это они.

Сын поднял голову. На старой берёзе, на высоте нескольких метров, громоздилось целое облако оягт.

— Надо палку длинную подыскать и сбить их, — предложил сын.

— Зачем палку? Палкой мы их сильно повредим, — отвечал отец, не сводя глаз с оягт, как будто без его присмотра они могли спорхнуть с берёзы. — Давай! — скомандовал он вдруг решительно и стал на четвереньки около дерева.

Сын тяжело вздохнул. Ведь это означало, что он должен встать ногами отцу на плечи. Он сейчас как никогда прежде был против этой затеи — топтать отца, который, скорее всего, уже начал стареть.

— Пап, может, не надо?

— Надо. Давай, — произнёс отец откуда-то из корней берёзы, и сын понял, что если откажется ещё раз, отец может и прикрикнуть. Дрожащими ногами он встал ему на плечи. Отец начал подниматься, а сын сосредоточенно вникал в поведение всех его мышц — много ли в них ещё осталось силы для жизни?

— Достაёшь? — спросил отец, став в полный рост.

— Нет. Сантиметров двадцать не достаю. Опускайся, пап, давай всё-таки лучше палку найдём.

— Вставай на голову мне, — не слушал отец. — Вставай, вставай.

— Пап, я не...

— Вставай, я кому говорю! — рявкнул отец, и сына это обрадовало, потому что немного отвлекло от жалости.

Сын поставил на голову отцу трясущуюся ногу, бережно перенёс на неё вес тела и принялся нервно ощипывать берёзу, отбрасывая оягта куда попало.

— Не бойся... Не торопись... — говорил отец, громко дыша. — Не рассыпай далеко...

Наконец, дело было сделано. Отец, красный от напряжения, стряхнул с себя берёзовую труху, поправил кепку и стал, ползая на четвереньках вокруг берёзы, собирать оягта.

Сыну вдруг захотелось подойти к нему и сказать что-то важное. Но отцу было так хорошо среди грибов, что сын боялся нарушить его радость. К тому же, он не знал, с чего начать. На природе они с отцом никогда не говорили ни о чём важном. Точнее, важным становилось другое — грибы, ягоды, рыба.

Дома отец, как правило, маялся. Всё приходилось думать о работе, о деньгах, которых хватит ли на жизнь? Из телевизора постоянно сочилась какая-то вязкая гадость, она обволакивала отцу голову и делала его раздражительным, и отец искал пультом фильмы, в которых один простой и хороший человек объявлял войну сотне плохих и побеждал в этой войне,

ненадолго разрешая все душевные противоречия зрителя. А насмотревшись этих фильмов, отец уже был доволен, что пришло время спать.

Настоящим человеком он чувствовал себя только на природе.

Он любил природу страстно и без лишней романтики. Охотник в нём преобладал над созерцателем. При хорошем клёве он забывался настолько, что держал у себя в губах нескольких извивающихся червей, чтобы, поймав очередную рыбу, не тратить время на поиск нового червяка в банке. В такие минуты бесполезно было что-нибудь спрашивать у него, о чём-то ему рассказывать. Он не слышал. Он пронизывал взглядом таинственную тёмную гладь и напряжённо кивал головой, помогая поплавку поскорее утонуть. Он говорил, что рыбак должен представлять себя рыбой, которую хочет поймать.

Но и созерцатель, несомненно, в нём жил. Ведь любовался же он тогда, после упущенной щуки, спящим жаром. А однажды, когда на кончик его удочки (видимо, приняв её за ветку) сел зимородок, отец застыл и стоял не шелохнувшись, а поплавок всё нырял и нырял от поклёвок плотвы... Когда зимородок, наконец, спорхнул с удочки, отец медленно повернулся к сыну. В его глазах влажно дрожало счастье.

— Сынок, ты видел? Видел его?..

И сыну показалось странным и обидным, что этот человек уже сегодня вернётся в городскую квартиру, где ему так неудобно, где он будет снова считать деньги, ругать начальника, чиновников и, может быть, даже собственного сына, — а всё только потому, что его настоящая душа останется на этом берегу.

Как-то сразу, без прелюдии первых осторожных капель, пошёл крупный дождь; будто кто-то очень долго молчал и вдруг заговорил, спокойно и надолго. Отец предложил встать под ёлку, подождать — вдруг скоро пройдёт.

Лапы у ели начинали расти высоко, но были длинными и спускались почти до самой земли, так что отцу и сыну сразу стало уютно, как в шалаше. Дождь ещё не начал протекать сквозь хвою, и было приятно стоять в сухости и слушать, как он стучит по земле и растениям снаружи.

— Вообще-то, может, и надолго, — предположил отец, послушав, как уверенно, без перепадов шумит дождь. Вдруг его лицо осветилось какой-то хорошей мыслью, и он обнял сына одной рукой. — А ну и что. Грибков-то мы с тобой, сынок, уже успели набрать, правильно?

— Конечно, — ответил сын и тоже вдруг обнял отца обеими руками, и они молча стояли, обнявшись. Такое было между ними впервые. Они знали друг друга уже десять лет, и лишь сейчас дождь привёл их в место, где можно было поступить только так — обняться и стоять. Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь.

Отец погладил сына по голове и легко, без горечи, вздохнул:

— Жалко, сынок, что твой дедушка так рано умер и ты его не застал. Сейчас бы он обязательно стоял здесь с нами. Знаешь, как он тоже любил грибы собирать? У-у-у...

— И рыбу ловить?

— У-у-у-у...

И отец не в первый раз рассказал о своём детстве, о рыбалке на тогдашней, ещё такой чистой реке. Сын обрадовался этому привычному рассказу, потому что минута объятий была для него слишком огромной и важной, чтобы длиться долго. Как обычно, он просил отца показывать размеры тогдашних окуней, ельцов, плотвы, и почти что видел между указательными пальцами отца живых рыбок. Они резвились в прозрачной воде, блестящие на солнце и весёлые, как само детство. Сын любил их всем сердцем и благодарил за то, что когда-то они послужили радостью его маленькому отцу и живому дедушке.

Сидя на уроках, он ещё не раз положит свои указательные пальцы на край парты, чтобы снова отмерить ими плотву, ельцов, окуней, которых когда-то ловили отец и отец отца.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

Я ТОЛЬКО ХОТЕЛА СКАЗАТЬ,
ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ВСЕГДА...

ПРОСТАЯ РАДОСТЬ

Простая радость — подождать
(Лишь радостные — терпеливы),
Когда под каплями дождя
Восторженной запахнут липы.

Зарыться глупой головой
В цветы и зелень, лени зелье,
И вместе с дрожью дождевой
Живое чувствовать веселье.

Ещё художник не готов
Писать вот так, сквозь свет и воду,
Как с зацелованных цветов,
Слезясь, спадают капли мёда.

И у поэта слова нет,
И музыкант играть не начал,
А мир — и счастлив, и согрет:
Стоит, заслушавшись, — и плачет...

ЗНОБИЩЕВА Мария Игоревна родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Автор многих поэтических сборников, в т.ч. "Зелёная волна", "Майский снег", "День радости". Неоднократно участвовала в Форуме молодых писателей России (семинар А. Казинцева и С. Куняева). Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Тамбове.

ВСЕГДА

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразной и пронзительный крик человеческий?

Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудряв?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески, и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает, трубя,
И блещут, и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда — помнишь, помнишь, душа? понимаешь?..

СПЯТ

Искустителю нет нужды искушать,
Отрицателю добычи не осталось.
Наше время, словно шум, стоит в ушах.
Наша вера именуется — усталость.

Спят “гражданские свободы” мирным сном,
“Совесь нации” спокойно задремала.
Будто палец уколов веретеном,
Спит Россия от велика и до мала.

Возвращаясь поздно вечером с работ,
Спят в машинах независимые мамы,
Мирно, сладко засыпают каждый год
Дети в школах, убаюканы программой.

Спит в палате медицинская сестра,
Спят врачи, не зная славы и почёта,
За компьютерами спят профессора,
Набирая текст научного отчёта.

В дыме фабрик, за станками, на станках
Спят рабочие, уставшие от рабства.
Спят пилоты на высоких облаках —
Так быстрей до Царства Божьего добратся.

Дремлют скульпторы, а рядом слепки спят,
Спят художники среди своих набросков,
Композиторы мелодии сопят,
Спят поэты — им, наверно, снится Бродский.

На футбольном поле дремлют вратари,
И бродяги спят, и псы под небом вольным,
И царицы, о Марина, и цари,
Убаюканные звоном колокольным.

* * *

Не ведал Данте, что сказать
О райских кушах, но, быть может,
Их шевеленье чем-то схоже
С концом игры. Ты жил — и прожил.
Теперь развязывай глаза!

И отирая пот с лица
(Как жарки были эти жмурки!),
Хоть тени ищешь, хоть фигурки
Из той, оставленной, конурки,
И плачешь, и зовёшь Отца.

Но звуки зова твоего
Безгласны. Мысль терзает немо —
Так, что невольно вспомнишь немощь
Младенца, видящего небо,
И кроме неба — ничего.

— А руки?

— Нет.

— А губы?

— Нет...

Так можно ли поведать людям
О светлом рае, где не будет
Земных волнений и примет?

Растопчут, высмеют, осудят...
И потому молчал поэт.

ФЕТ

Я знаю, так теперь не говорят,
Не чувствуют... И в жизни не звучали
Ни трели птиц, ни отзвуки рояля
Здесь, но, неслышно тая от печали,
Сияла ночь. Луной был полон сад.

Он белым был. И он благоговел
Перед судьбой, судьбы ещё не зная.
Ложилась на дорожки тень резная,
Шептали липы: "Радуйся, земная!"
И гладили меня по голове.

А где-то рядом шли — от всех времён —
От всех ночей, не поднимавших полог,
Те, для кого луною сад был полон,
Прекрасные — без возраста и пола,
Без возгласов, без просьб и без имён.

Сад засыпает, стих деревьев ряд,
И кто-то листья пальцами сминает.

АЛЕКСАНДР ВАВИЛОВ

РАЗБИВАЯ ГОЛОС О ИОРДАН

ФОКУСНИК

Вроде бы всё, как прежде, но что-то не
Так. Или всё не так. И в душе разлад.
Цирк опустел, а в долбаной тишине
Фокусник пьёт кромешный денатурат.

Пьёт за Россию, Бога, конферансье...
Пьёт за себя, за кроликов, за покой...
Он не такой, как все. Он такой, как все,
Но если выпьет много, то не такой.

“Дети ж добрее были! Возьмёшь кота,
Сунешь его под майку, достанешь мышь —
Радуются. Теперь не дети, а сволота...
Их никаким искусством не удивишь!
Зла не хватает! Зла! Не хватает зла!
Прежние восхищались, а эти — в крик:
Мышь, говорят, под мышкой у Вас была,
Ты, говорят, обманываешь, старик!
Всё это в девяностые началось...
Точно уже не вспомнить, в каком году.
Публика деградировала насквозь
В каждом втором ряду и в любом ряду”.

ВАВИЛОВ Александр Владимирович родился в 1982 году в Свердловске. Публиковался в журналах “День и ночь”, “Дети Ра”, “Звезда”, “Наш современник”, “Нева”, “Новая Юность”, “Сибирские огни”, “Урал” и др. Лауреат нескольких фестивалей. Лауреат премии журнала “Урал”. Автор книг “Итальянский ноктюрн” и “Флорентийский блюз”. Живёт в Екатеринбурге.

Так вот он и спивался на кураже.
Фокусника уволили до того,
Как он решил уволиться. Вот уже
Клоуны пьют, не чокаясь, за него.

Фокусник утонул, как в реке топор...
Цирк перепрофилирован в шапито...
Все говорили “пьяница”, но с тех пор
Фокусы не показывает никто.

КОРАБЛИ

Комната, прокуренная нами.
Сжатый воздух. Лампочка в пыли.
На обоях синими волнами
Море размывает корабли.
Из колонок слышен тембр Стинга.
Фоном. А во взгляде — корабли.
В общем-то, обычная картинка:
Волны плюс отсутствие земли.

По обоям движется цунами,
И прибой вливается в отбой.
Комната, прокуренная нами...
Пустота, воссозданная мной.

ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК

Проще сразу тогда закрыться в пустом раю.
Это, в общем-то, не анамнез, но как-то так.
Ведь метафоры нам расскажут, что ты в строю
Не хотел ни стоять, ни жить. Никаких атак

Отражать не придётся в этой глухой ночи,
Потому что за полем зрения — благодать...
И когда за твоим здоровьем придут врачи —
Без бутылки ни разобраться, ни угадать.

Это всё-таки не анамнез. Конечно, нет.
Не метафоры нам толкуют густую тьму,
Не метафоры нам рассказывают про свет,
Потому что не открываются никому

Из людей, отказавших Господу в правоте.
Потому что не в этом дело, что ты живой,
Потому что за полем боя поля не те,
По которым в метафоричность ведёт конвой.

Потому что вне поля зрения — благодать.
Это, может, и не анамнез, но ты в ночи
И себя-то не смог как следует разгадать,
Разбирая песочный замок на кирпичи.

Наплевать уже на забвение. Пустота
Направляет горстями землю в твою кровать.
Не метафоры пыль смахнут с твоего креста,
Потому что им тоже, в общем-то, наплевать,

Потому что они и сами стоят в строю,
И тебя по нему ровняют во тьме атак.
Ты был Богу нужней, когда ты не жил в раю,
А теперь не анамнез это, а “как-то так...”.

ИОРДАН

Никого не будет в твоей стране,
Потому что пазухе камень дан.
А потом в холодном тоне огне,
Разбивая голос о Иордан.

А потом попробуй — начни с нуля,
Или даже сам становись нулём...
И не важно: ждёт ли тебя петля,
Или корка хлеба над хрусталём,

Или погребальный огонь свечи,
Или эти мысли за упокой.
Видишь, как танцуют в ночи врачи?
А теперь махни на врачей рукой.

Но не в этом дело, что дело в том,
Что не дело это — стоять во тьме.
Кто все эти люди над животом?
Что они там ищут в твоём клейме?

Разве это правильно? Разве да?
Разве ты посмеешь ответить “нет”?
Разве, окружая тебя, вода
Не ходила вброд? Находила бред.

Ты не приспособишься к темноте.
Но не важно, что тебя ждёт потом.
Пьяные хирурги на животе
Вышивают крестиком и крестом.

Спи, тебя никто не найдёт на дне.
Этот путь не Богом, но раз уж дан,
То не спорь с волнами — тоне в огне,
В кровь разбивши голос о Иордан.

ОЛЕГ СОЧАЛИН

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

РАССКАЗЫ

1

Денис сидел за кухонным столом и аккуратно, стараясь не задевать ложкой стенки стакана, размешивал в чае сахар. Лена, его подруга, в квартире которой он находился со вчерашнего вечера, ещё спала.

Денис дружил с Леной уже восемь лет, с первого курса института, но в гостях у неё оказался впервые. Больше всего он поразился тому, что не увидел в этой квартире ни одной Лениной фотографии, а зеркало было только одно — в ванной. “Неужели она действительно так переживает по поводу своей внешности? Конечно, её нельзя назвать красавицей — худая, нескладная, грудь маленькая, нос и уши, наоборот большие... Но доводить себя до такого состояния и замыкаться в себе тоже неправильно”, — думал Денис, продолжая помешивать чай, хотя сахар давно растворился.

Он отвлёкся от своих мыслей, только услышав, как Лена выскочила из комнаты и побежала по коридору в туалет, где её, судя по всему, стошнило. “С добрым утром! Как прекрасно начинается суббота”.

Спустя несколько минут Лена вошла на кухню. С похмелья её лицо заметно опухло, а под глазами сильнее обычного вырисовывались тёмные круги. Сеутулившись, потирая руками плечи, дрожа всем телом, Лена вопросительно смотрела на Дениса.

— Привет!

— Ты как здесь оказался?

СОЧАЛИН Олег Игоревич родился в 1986 году в Московской области. Окончил Российскую экономическую академию имени Г.В. Плеханова и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Играл в футбольной команде «Красная Пресня». Живет в посёлке Кубинка Московской области.

— Ты что, ничего не помнишь? — усмехнулся Денис. — Да ты присаживайся. Хочешь чаю? Вот, возьми. Сладкий.

— Спасибо, — после нескольких глотков чая Ленино лицо немного прояснилось. — И всё-таки, как ты тут оказался?

— Ты вчера позвонила, попросила забрать тебя с корпоратива. Я, конечно, понял по голосу, что ты изрядно выпила, но чтобы так... Никогда тебя такой не видел, — Денис замолчал, не зная, стоит ли рассказывать подробности вчерашнего вечера.

— Не надо об этом! Пожалуйста...

— Прости. А ты совсем ничего не помнишь?

— И не хочу... А ты... У нас с тобой... В смысле, ты чего на всю ночь-то осталась?

— А как бы я дверь закрыл? Вторых ключей я не нашёл. Да и потом... Ты правда ничего не помнишь?

— Да что ты заладил?! Помнишь, не помнишь! Хочешь мне что-то рассказать — говори! — раздражённо выпалила Лена и сделала большой глоток чая.

— Просто ты странная была. Я испугался за тебя, правда. Ты постоянно твердила, что тебе надоела твоя жизнь, что всё это скоро закончится, что скоро всё будет по-другому. СМСки какие-то показывала. Сказала, что ты никогда их не отправившь.

— Ты их читал? СМСки читал? — Лена сама не заметила, как перешла на крик.

— Нет. Ну, то есть... Ты же сама мне их отправила. Сначала и показывать не хотела. А потом ни с того ни с сего засмеялась и сказала, что хочешь их отправить хоть какому-нибудь мужчине, — взглянув на Лену, Денис поспешил добавить: — Но я их удалил! Правда!

— А я сказала, для кого они? Только честно.

— Лен, ты спьяну мне много чего рассказала. Сказала, что любишь нашего коммерческого директора, но он на тебя не обращает никакого внимания. Что пишешь ему СМСки, но не отправляешь их — боишься, что тебя поднимут на смех.

— Хватит! Я больше ничего не хочу слышать. И вообще, извини, конечно, но мне кажется, тебе пора идти. Спасибо за всё. Не обижайся, Дэнчик, но я хочу побыть одна.

— Я никуда не пойду!

Лена удивлённо взглянула на Дениса — она не ожидала от него подобной решительности.

— Лен, я переживаю за тебя. Никогда себе не прощу, если сейчас уйду, а ты...

— Ты думаешь, я хочу покончить с собой?! — Лена залилась истерическим хохотом, отчего у Дениса по спине побежали мурашки. Потом, внезапно став серьёзной, она затараторила: — То есть ты считаешь, что для такой уродины, как я, единственный выход — покончить с собой? Только не оправдывайся! Да все вы так считаете!

— Лен, я...

— Что я? Скажи честно, я тебе нравлюсь? Нравлюсь как женщина? Ты меня хочешь? Хочешь? — Лена вскочила со стула, но у неё закружилась голова, и девушка неуклюже села обратно.

— Ну зачем ты? Мы же друзья, — смутился Денис.

— Друзья? Да, мы друзья! Но вся наша дружба держится на том, что ты меня не хочешь, что я страшенькая, но со мной “прикольно”! И ты не захочешь меня, даже если выльешь ведро текилы! А я женщина! Я хочу нравиться! Мне надоело быть уродиной из бухгалтерии, имя которой никто не знает. Я жить хочу! Любить хочу! Да, я люблю Влада, нашего коммерческого директора. Да, я пишу ему СМС и не отправляю. Я знаю, что нельзя постоянно сдерживать свои чувства, но что мне ещё делать, если я некрасивая?! — Лена готова была разрыдаться.

— Но самоубийство — не выход!

— Выход! Это тоже выход, но не для меня, — с этими словами Лена выбежала из кухни.

— Куда ты? — Денис бросился за ней.

Он нашёл Лену в комнате, девушка сидела на незаправленной кровати и рылась в своей сумочке. Наконец, она достала какие-то бумажки и протянула их Денису.

— Вот!

— Что это? — в недоумении спросил Денис.

— Это квитанции об оплате моих пластических операций.

— Коррекция носа, ушей, увеличение груди... Зачем тебе... — начал было Денис, но решил не договаривать.

— Я целый год копила на это деньги. Я насобирала довольно внушительную сумму и уволилась с работы. Вчерашний корпоратив стал для меня прощальной вечеринкой. Я больше туда не вернусь. Когда всё закончится, я найду новую работу. Новую работу с новой внешностью. Я пойду туда, где никто не знает меня, не знает, какой я была.

Лена резко встала, оттолкнула Дениса, стоявшего в дверях, и, пошатываясь, направилась в туалет. Её снова тошнило.

Денис посмотрел ей вслед, положил квитанции на прикроватную тумбочку и молча вышел из квартиры. Спускаясь в лифте, он думал о том, что пластические операции вряд ли помогут Лене жить так, как она хочет. Но спорить с ней, разрушать её надежды, посягать на её мечту тоже было бы неправильно: “Жаль, что ещё не придумали какую-нибудь пластическую операцию для души”.

На улице шёл дождь вперемешку со снегом. Выйдя из подъезда, Денис поднял воротник пальто. Весна пока вела себя робко, нерешительно, и было прохладно. Снег ещё не сошёл, но уже начал подтаивать.

Денис сел в машину и включил двигатель. В кармане его брюк завибрировал мобильный телефон. СМС от Лены: “Прости меня! И спасибо за всё! Самое страшное для меня сейчас — я не знаю, как рассказать обо всём маме. Она не поймёт. А откладывать больше нельзя, в понедельник ложусь в больницу...”

“Не переживай! Всё будет хорошо! Мама поймёт. Обязательно поймёт. Звони, если что”. А что ещё он мог написать?

Денис не выдержал и открыл вчерашние Леныны СМСки, которые предназначались её возлюбленному.

“Хочу чтоб ты был моей семьёй, хочу заботиться о тебе, хочу, чтоб ты чувствовал себя самым любимым в мире, чтоб это чувство делало тебя царём и счастливым, конечно! Хочу сидеть вечером на кухне, смотреть, как ты ешь, а в перерыве ты рассказывал бы о пройденном дне”.

“Если день вдруг окажется тяжёлым, я обниму тебя крепко, ты закроешь глазки, и впитаешь мою энергию”.

“А ночью? А ночью ничего и никого!.. только два человека во всём мире... только утром окажется, что есть ещё кто-то и что-то, есть мир... и он прекрасен! Потому что мы вместе, мы одно, очень крепкое, нерушимое, единое”.

Денис и на этот раз не стал удалять эти маленькие сообщения. “Пусть будут”. Он боялся признаться себе в том, что очень хотел бы получить такие СМС, но только не от Лены. Находиться в тишине стало неприятно, и Денис включил радио.

“В ближайшие выходные в Москве ожидается ледяной дождь. Эта природная аномалия встречается довольно редко, хотя жители столицы должны помнить ледяной дождь 2010 года, результатом которого стал коллапс в аэропортах и многочисленные аварии на дорогах. Но, как известно, нет худа без добра. Хочется отметить, что пейзаж после ледяного дождя выглядит сказочно красивым. Что ж, красота требует жертв”.

Денис надавил на газ, и машина тронулась.

Лена стояла возле пятиэтажного панельного дома, в котором провела детство и где до сих пор живёт её мать, но не решалась войти в подъезд. Она не знала, как рассказать матери о предстоящих пластических операциях. Просто не находила слов, к тому же была уверена, что мать не одобрит её решения. Анна Александровна, наверное, была единственным человеком, который искренне считал Лену красивой.

Девушка вздохнула, сняла перчатки, положила их на мокрую скамейку, а потом села на них. Спрятав руки в рукава, Лена принялась рассматривать двор. Всё было по-прежнему. Обычный двор небольшого подмосковного городка. Те же скамейки, те же деревья, та же детская площадка со скрипящими качелями, даже лужи на дороге образовались всё в тех же, что и пять, и десять лет назад ямах, вот только припаркованных во дворе машин стало гораздо больше. И её любимый клён всё тот же — величественно раскинул свои могучие ветви и ждёт, когда же их вновь украсит листва.

— Ленка, ты бы не сидела на холодном! Простудись ведь!

Лена вздрогнула. Она совсем не заметила, как из подъезда вышел сосед с третьего этажа.

— Ой, здрастье, дядя Саш. Я вас и не заметила.

— О чём задумалась-то? — закуривая, спросил Александр Степанович.

— Да так... — Лена совсем не хотела ни с кем разговаривать.

— Клён свой любимый разглядываешь? А помнишь, как ты маленькая на него забралась, а назад слезть боялась?

— Не помню...

— Ну, как же? Мы с твоей матерью ещё тебя снимали, — Александр Степанович рассмеялся, но вдруг закашлялся так, что Лена даже за него испугалась.

— Дядя Саш, вы бы поменьше курили.

— Да я и не курю почти. Так, пока моя не видит, подымлю чуть-чуть и всё.

— Болееете?

— А что ещё на пенсии делать? — усмехнулся Александр Степанович. — Да что там я. Клён-то наш и тот болеет.

— Как? А с виду не скажешь. Всё такой же могучий стоит, — удивилась Лена.

— Стоит-то стоит, только весной, может, и не распустится уже, вот увидишь. Болезнь внутри у него. Гриб у него в сосудах развивается и не даёт туда воде и веществам питательным поступать. Да хана дереву, чего говорить. Я недавно веточку у него спилил, а она внутри не светлая, желтоватая, как обычно, а зеленовато-чёрная. Скоро корни отмирать начнут и хана...

— Значит, он уже никогда не будет таким красивым, как раньше? — как-то наивно, по-детски спросила Лена.

— Все вы бабы об одном... — сказал Александр Степанович, сплюнул и затупил сигарету.

В квартире матери было полным-полно Лениных фотографий, именно поэтому девушка не любила здесь бывать. Она не любила смотреть на себя со стороны. Особенно Лена не любила фотографии, на которых они вместе с матерью. Мать и дочь были удивительно похожи, и это сходство Лена не могла простить матери, это сходство сводило её с ума, но ещё больше её сводила с ума неспособность это сходство простить.

Лена часто вспоминала тот момент, когда впервые это осознала. Это случилось несколько лет назад в Египте, где Лена отдыхала одна. Она старалась быть незаметной и в основном сидела в теничке под навесом и читала книгу, для надёжности спрятавшись от окружающих за стёклами больших солнцезащитных очков и надев широкополую шляпу. Но в тот день, отвлекшись от чтения, Лена увидела у бассейна некрасивую девушку, идущую рядом

с мамой. Пройдя несколько шагов, мама заботливо надела дочке на голову кепку. Но девушка с такой злостью сорвала с головы эту кепку, что невольно привлекла внимание окружающих, а потом от стыда она опустила голову. Ей не хотелось, чтобы кто-то догадался, что она отвергает всякую заботу матери лишь потому, что стыдится своего сходства с ней, что хочет быть от матери как можно дальше и лишней раз не вспоминать, на кого похожа. А её мама... Её мама ничего не понимала, она была счастлива находиться вместе с дочерью в замечательном отеле у моря.

Но зато Лена поняла девушку, потому что как будто увидела себя со стороны. А ещё подумала: “Как можно быть счастливой, если ты надела свою дочь своей ужасной внешностью и обрекла тем самым на постоянные страдания?”

— Лена! Пойдём чай пить. Всё готово! — послышалось с кухни.

Лена вздрогнула: “Нужно сейчас же ей сказать. Без подготовки выпалить сразу, и будь что будет. Чтобы избавиться, наконец, от этого чувства. Но что это за чувство? Страх? Нет. Тревога? Нет. Какое-то другое неприятное, тёмное чувство внутри. Описать его невозможно, но, может, всё-таки получится просто от него избавиться?”

Едва зайдя на кухню, Лена выпалила:

— Мама, завтра я ложусь в больницу!

— Господи! Что с тобой? Что-то серьёзное? Язва, да? Я же говорила, что нужно питаться как следует...

— Мама, сядь, пожалуйста. Это никакая не язва. Я ложусь в клинику пластической хирургии. Я хочу, наконец, перестать быть уродиной.

— Доченька... Да какая же ты уродина? Да ты... — Анна Александровна сделала шаг навстречу дочери и хотела её обнять, но та отстранилась.

— Мама, сядь и выслушай меня! Хоть раз в жизни.

Анна Александровна покорна села.

— Ты только меня не перебивай. Я буду делать сразу несколько операций. Я долго копила деньги и уже всё оплатила. Я увеличу грудь и изменю лицо. Я не могу больше жить с такой внешностью.

— Да разве можно сразу-то...

— Я консультировалась с врачом. Он сказал, что у меня прекрасный организм, что я всё выдержу, и наркоз не надо будет несколько раз делать. Ну, он же не дурак, в конце концов, и не станет что-то во вред мне делать.

— Леночка, но зачем тебе... — прошептала Анна Александровна. По её щекам катились слёзы.

— Да потому что я не хочу быть похожей на тебя! Не хочу всю жизнь прожить, как ты, — одна! Я любить хочу! — Лена совсем не хотела обидеть мать, но её уже было не остановить. Слова, которые она так долго хранила в себе и проговаривала мысленно, словно прорвали плотину и хлынули наружу.

— Что? Да как ты смеешь такое говорить? — Анна Александровна вскочила со стула. — Думаешь, я в своей жизни не страдала из-за своей внешности? Думаешь, если бы я могла дать тебе красоту, я бы тебе её не дала? Но я не могла этого сделать! Слышишь? Физически не могла. Но я не боялась любить. Не боялась быть собой. И тебя я родила от любимого мужчины! И пусть он потом нас бросил. Пусть! Но он у меня был!

— Да ты готова была бы полюбить любого, кто согласился бы с тобой переспать!

Лену прервал резкий звук пощёчины. Схватившись за обожжённую щеку, девушка сделала несколько шагов назад. Анна Александровна стояла посреди кухни, губы её дрожали.

— Отлично! Можешь меня ещё ударить! Но я всё равно скажу! Может, в ваше время и страшеньким можно было любить, а сейчас нет. Ваши мужики не видели ничего. Красоты не видели. А сейчас красотки кругом: по телевизору, в интернете, на рекламных щитах. Куда мне с ними тягаться? А я любить хочу! Мужика хочу! Мама, что с тобой? Тебе плохо? Сердце? Мама!

“Господи, да что со мной? Почему я не испытываю никакой радости от предстоящих перемен? Я так долго ждала этого дня, и вот он наступил, а радости нет. И ничего нет. Никаких чувств. Просто как будто темнота какая-то внутри. Чернота. Может, это просто страх?”

Лена тихонько зашла на кухню и застала мать стоящей у окна и смотрящей на улицу.

— Доброе утро, мам, — девушка подошла к матери, обняла её сзади и поцеловала в щеку. Анна Александровна, не поворачиваясь, взяла дочь за руку. — Mam, ты прости меня за вчерашнее, я столько лишнего наговорила...

— Посмотри в окно. Какая красота...

Лена замерла, увидев ни с чем несравнимую картину. Деревья за окном ярко сверкали, покрытые прозрачным слоем льда. Казалось, каждая веточка была сделана из хрусталя.

— Что это? — не веря своим глазам, спросила Лена. — И правда, красиво.

— Ночью прошёл ледяной дождь. Теперь вот... На улице очень скользко, наверно. Ты аккуратней иди.

— Не беспокойся, мам. Всё будет хорошо.

Анна Александровна отвернулась от окна и, глядя дочери в глаза, сказала:

— Знаешь, а ты права. Я всю ночь думала. Ты права. Не надо перемен бояться. Если чувствуешь, что это поможет, делай операции. Главное, чтобы ты счастливой была. А у каждого своё счастье.

— Спасибо, мам... — но Лена не знала, что чувствует. Не могла описать словами.

Мама и дочь ещё долго стояли посреди кухни, обнявшись.

Выйдя на улицу, Лена почувствовала облегчение. На свежем воздухе смутное, тёмное предчувствие чего-то нехорошего, не дававшее ей покоя с самого утра, потихоньку развеивалось. Лена жмурилась от яркого света, льющегося отовсюду. Всё вокруг было покрыто льдом. Многие деревья, в основном берёзы, низко склонились под его тяжестью. От лёгкого ветра их ветви едва заметно закачались, наполняя пространство мелодичным хрустальным звоном.

Лена подошла к своему любимому клёну. В сверкающем ледяном одеянии он выглядел, как никогда, красивым. Его красота завораживала и даже пугала своей необычностью.

“А я думала, ты уже никогда не будешь красивым. А ты вон какой”, — Лена прикоснулась к стволу клёна ладонью и почувствовала, как от тепла её руки лёд начал таять. Внезапно раздался страшный треск, а за ним грохот.

От испуга Лена не сразу поняла, что случилось. Самая большая ветвь клёна переломилась, и большая её часть лежала теперь посреди дороги. От удара о землю лёд в некоторых местах потрескался и осыпался.

Лена подошла к упавшей ветви и попыталась её поднять, но та оказалась слишком тяжёлой.

Тогда девушка повернулась к дереву и увидела, что его ствол в месте разлома был зелёно-чёрного цвета.

ОСКОЛОК

1

Саша озирался по сторонам и не мог понять, где находится. Комната была совершенно пуста, если не считать камина, пригитившегося у стены.

С улицы послышался странный пугающий шум, нарастающий с каждой секундой. Вскоре стены комнаты, выкрашенные почему-то в чёрный цвет,

задрожали, а с потолка посыпалась штукатурка. Саша выглянул в окно, тут же отпрянул от него и в страхе ринулся к двери. Дом стоял на самом краю пропасти.

Саша ногой выбил дверь и хотел бежать, но внезапно обессилел, опёрся на дверной косяк и замер на пороге. Ему стало тяжело дышать, а во рту молодой человек почувствовал неприятный металлический привкус.

В нескольких метрах от дома стояла Арина, его жена, и улыбалась.

— Не говори ничего! Молчи! Как ты не понимаешь? Пелёнки, коляски — это всё не для меня. Я ещё молодая! Я жить хочу. Лови!

Арина бросила какой-то свёрток. Саша не смог поднять руки, и свёрток больно ударил его в плечо. В эту же секунду утёс обрушился, и дом вместе с Сашей полетел в пропасть.

— Молодой человек, конечная! — Саша проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо.

Голова кружилась. Вокруг всё было, как в тумане. На ватных ногах, пошатываясь, Саша вышел из вагона.

— Какая это станция? — спросил он у проходящей мимо девушки, но та, взглянув на Сашу, ничего не ответила и лишь ускорила шаг.

Саша с трудом добрёл до середины платформы, потёр глаза руками и, прищурившись, попытался прочесть на стене название станции.

“Речной вокзал. Как я здесь очутился? Здесь же мои родители живут. Мы с Аринкой на Южке снимаем. Арина...”

Саша мгновенно вспомнил события нескольких прошедших дней. Всё сразу. Телефонный звонок от подруги Арины и как бы между делом брошенную ею фразу: “А ты разве не знал, что Арина сделала аборт?” Он, конечно, сразу не поверил. Его жена без его ведома не может такое сделать. Но потом не выдержал — спросил. Арина не стала ничего отрицать. Оказалось, это была никакая не командировка. Она лежала в больнице.

Женщина, которую он любил, которой добивался целых два года. Два года мучений, тоски и ревности! Он, не задумываясь, исполнял любую её прихоть, любое желание, даже самое безумное. Потом долго уговаривал Арину выйти за него замуж. Уговорил. Хотел от неё детей...

“Пелёнки, коляски — это всё не для меня...” Саша ударил жену. Ударил сильно, по лицу. Испугавшись, что на этом не остановится, убежал. Пил несколько дней, сначала с друзьями, а потом один. И вот теперь он стоит посреди станции “Речной вокзал”.

“Нужно отоспаться, прийти в себя, а потом решить, что делать дальше. Родители примут. Сначала выходят, а потом... Но это неважно”.

Саша поднимался на эскалаторе. На балюстраде мелькали огни фонарей, на плафоны которых было что-то наклеено. Присмотревшись, Саша разглядел листовку с надписью “Аборт — тоже убийство”, на которой на чёрном фоне был изображён младенец с разбившейся на мелкие осколки головой. В приступе бессильной злобы Саша со всей силы ударил кулаком по плафону. Небольшой кусок стекла вонзился в его руку. Взвыв от боли, Саша побежал на улицу. Убегая, он не слышал ни окриков прохожих, ни свистка дежурной по эскалатору, а только звук бьющегося стекла.

2

“Слава Богу, здесь хотя бы есть телевизор!” — подумал Саша, механически нажимая кнопки на пульте и перескакивая с канала на канал. Он всё меньше задумывался над тем, что видит на экране, ему было скучно, а цветной калейдоскоп каналов, всё быстрее сменяющих друг друга, хоть как-то его развлекал.

— С тобой просто невозможно смотреть телевизор! Остановись хоть на чём-нибудь.

“Ну, вот! Так я и думал. Слово в слово”, — усмехнулся про себя Саша. За полгода совместной жизни со Светой он множество раз слышал эту фразу и сейчас специально провоцировал девушку. Ничто так не развеивает скуку,

как удовольствие действовать кому-нибудь на нервы. Особенно, если этот кто-то тебя любит, и ты знаешь, что он никуда не денется.

— Прости, малыш. Я просто задумался.

— О чём?

— Да так... Давай лучше смотреть. Ты же хотела. — И они молча уставились в экран.

На экране мелькали новогодние ели, украшенные бумажными розами, вафлями, конфетами, печеньем и фруктами. За кадром звучал приятный женский голос: “Шары на рождественских ёлках появились из-за неурожая яблок, которые были основным украшением. Стеклодувы небольшого немецкого городка решили заменить традиционные яблоки специально изготовленными шарами. Так в Германии началось создание украшений из тонкого выдуваемого стекла”.

Саша громко зевнул, даже не потрудившись прикрыть рот. Света попыталась сохранить равнодушный вид, но её покрасневшие щёки выдавали раздражение. А из телевизора звучал всё тот же нежный размеренный голос: “Сейчас всё большую популярность приобретают дешёвые и долговечные пластмассовые ёлочные украшения. Но разве могут они сравниться со стеклянными игрушками? Ведь стеклянные игрушки такие таинственные, завораживающие, лёгкие и хрупкие, совсем как счастье...”

Саша резко встал с дивана. Он не любил разговоров о счастье.

— Ты куда? — испуганно спросила Света.

— Пойду дров наколю.

— Саш, у нас полно дров. Остайся. Посиди со мной. Тебе что, со мной плохо?

— Свет, я пойду, ладно?

3

Саша стоял во дворе и тяжело дышал. Белёсый пар из его рта то и дело поднимался в начинающее темнеть небо. С непривычки колоть дрова молодой человек быстро устал и, опершись на колун, стоял и рассматривал небольшую кучку расколотых им чурок. С самого утра у него было ужасное настроение. Причину этого Саша прекрасно знал, и его раздражало, что он расклеился из-за такого пустяка. Подумаешь, бывшая жена прислала СМС и поздравила с Новым годом. Что тут такого? Да как смела эта тварь, убившая его ребёнка, разрушившая их семейную жизнь, вот так просто поздравить его с Новым годом, прислав скачанный из интернета стишок? Как она может нормально жить после всего, что было? И почему он не может? Почему он чувствует, словно в его душе застрял осколок его прошлой, счастливой жизни, которая разбилась так неожиданно, и каждое напоминание о его бывшей жене шевелит этот осколок, заставляя рану кровоточить? Почему до сих пор, когда он видит в метро листовку с надписью “Аборт — тоже убийство”, к его горлу подкатывается какой-то противный ком, и Саше всё больших усилий стоит заталкивать этот ком обратно, куда-то глубоко-глубоко?

— Кисуль, а я тебе кофе принесла.

Саша вздрогнул и увидел на крыльце дома Свету, держащую в руках дымящуюся чашку горячего кофе.

— Спасибо. Свет, простишься, иди в дом. Я скоро. — Саше хотелось сказать Свете что-то грубое, задеть её пообиднее, как будто это она была причиной его боли, но он сдержался, понимая, что это не так. “Светка! Зачем ты со мной связалась?”

Он встретил её ноябрьским вечером, когда на витринах магазинов уже начали появляться разноцветные новогодние гирлянды. В тот вечер Саша заскочил в магазин за книгами для последней части своей кандидатской диссертации. Выбранные учебники раздражали своим однообразием и копированием друг друга. Одну книгу он решил купить, а из двух других сфотографировать несколько разворотов на мобильный телефон. Когда Саше оставалось сфотографировать последнюю страницу, к нему подошел охранник магазина и громко попросил прекратить фотографировать. Саша не

любил скандалов, но тон охранника ему не понравился, и он начал возмущаться. На шум пришёл ещё один охранник, и Сашу попросили покинуть магазин.

Когда раскрасневшийся Саша с позором уходил, он наткнулся на осуждающий взгляд красивой девушки. Её красота была не яркой, кричащей, вызывающей, а естественной, тихой, скромной, и не каждый был способен её оценить. Но Саша оценил. Ему было жаль, что они встретились при таких обстоятельствах. А когда он медленно ехал на своей машине домой по вечернему городу, и отовсюду на него смотрели яркие огоньки, спасающие от раннего и унылого ноябрьского вечера, Саше казалось, что вместо тёплых московских огоньков на него смотрят холодно-голубые Светины глаза. И ему вдруг захотелось, чтобы эти глаза посмотрели на него вновь, но уже по-другому, нежно, с любовью.

Молодые люди и не подозревали, что встретятся вновь, причём довольно скоро, на новогодней вечеринке у общих знакомых. Поначалу Света очень осторожно относилась к Сашиним ухаживаниям, но вскоре неожиданно для себя влюбилась.

Саша не хотел серьёзных отношений, но Света была такой красивой, милой, совершенно не капризной, что он решил: “Пусть будет, как будет, в конце концов, хочется уже какого-то постоянства”. Через полгода они уже жили вместе.

Света была счастлива. Девушку настораживало только одно: она не могла понять, почему Саша не подпускает её близко к себе, не делится своими мыслями, чувствами. Она хотела раствориться в нём, в его жизни, она хотела стать с ним единым целым.

Саша очень этого боялся. Он боялся повторить ошибки прошлого. Он хотел быть сам по себе, быть свободным. Он боялся вновь быть обманутым и больше никому не доверял. За полгода совместной жизни он дважды изменил Свете. Изменил, потому что была такая возможность, потому что хотел доказать себе, что он мужчина. Что сам себе хозяин.

Света не знала об этих изменах, но смутно чувствовала, что что-то не так. Приближалась годовщина их знакомства. Приближался Новый год. Света решила устроить любимому сюрприз. Она хотела встретить Новый год вдвоём с Сашей на даче у родителей. Только он и она. И волшебная ночь любви. Он будет с ней нежен, как никогда. В новом году всё будет по-новому. Всё будет хорошо.

По дороге Света смотрела в окно машины и любовалась припудренными инеем и белеющими на солнце деревьями, величественно стоящими вдоль дороги. Саше не нравились эти деревья, ему казалось, что они покрыты пылью; ему не нравилось, что Света пытается проникнуть в его жизнь и пустить там корни. Она даже умудрилась специально в дорогу записать диск с музыкой, на котором песни чередовались: одна для него, другая для неё, одна для него, другая для неё... У Саши было дурное настроение, когда они подъехали к небольшому деревянному домику, крыша которого была бережно укрыта сверкающим на солнце снегом. Вскоре из печной трубы этого дома показались первые робкие клубы дыма.

4

Саша допил кофе. Холодало, но он всё равно не хотел идти в дом, потому что прекрасно знал, что ждёт его внутри. Хлопоты по приготовлению праздничного ужина, шампанское, речь президента, доносящаяся из телевизора, бой курантов, секс, сопровождаемый скрипом старого дивана, и усталая тишина — обычный скучный Новый год. Саша вздохнул и направился к дому. Тоненькая струйка дыма, тянущаяся из печной трубы, упиралась в холодное звёздное небо.

Саша лежал на спине, подложив руку под голову, и молча смотрел в потолок. Огонь в камине нежно обнимал поленья, потрескивающие от удовольствия. Света лежала рядышком, удобно устроив голову на Сашиной груди, и слушала, как бьётся его сердце. Саша жалел о том, что не курит и не

может спрятаться после секса за сигарету. Тишина в комнате становилась невыносимой.

— О чём ты сейчас думаешь?

— Что?

— О чём ты думаешь?

— Да так... Ни о чём. А ты?

— Не хочешь говорить? Почему?

— Что почему?

— Почему ты никогда мне ничего не рассказываешь?

— Я... Я рассказываю... Да просто задумался о ерунде.

— О какой ерунде? Я хочу знать об этой ерунде!

— Ну, зачем тебе это? Опять ты начинаешь!

— Саш, что я начинаю? Я люблю тебя, понимаешь? Я хочу знать, о чём ты думаешь, что чувствуешь. А из тебя же слова не вытянешь! Ты даже о своих шрамах на руке до сих пор мне не рассказал. Почему ты не подпускаешь меня к себе? Чего ты боишься?

— Послушай, Свет, к чему этот разговор?

— Ладно! Не хочешь — не говори! — Света повернулась к Саше спиной, свернулась в клубочек и затихла.

Саше стало её жалко. Зачем он её мучает? Ведь она так старалась, так готовилась к этому празднику. Она заслуживает гораздо больше равнодушного молчания. Хотя бы сегодня.

— Светка! Ну, не обижайся, моя хорошая! Ты же знаешь, я люблю тебя. Ну, что мне сделать, чтобы ты не обижалась? Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь? Что тебе рассказать? Свет! Хочешь, я расскажу тебе, как в детстве любил наряжать ёлку? Хочешь?

— Хочу, — ответила Света, повернувшись к нему и надувая губки, делая вид, что всё ещё обижена.

— Тогда слушай. Когда мне было лет пять-шесть, я был очень маленького роста, и ёлку мы наряжали вдвоём с папой. Ёлка у нас была искусственная, но всё равно красивая, пушистая и высокая. Так вот, я доставал из картонных коробок завернутые в газету игрушки, раскладывал их на диване, внимательно разглядывал, долго выбирал, а потом протягивал папе выбранную игрушку и говорил, куда её нужно повесить. Каждый год я украшал ёлку по-разному. Может, никто этого не замечал, но я всё равно изо всех сил старался нарядить её красивее, чем годом раньше. Для меня тогда не было ничего важнее, чем услышать похвалу в адрес наряженной мной елки.

— А у тебя была какая-нибудь самая-самая любимая игрушка?

— Да у нас все игрушки были красивые. Стекланные. Сверкающие... Вообще-то была. Такой маленький домик, крыша которого была засыпана снегом, а в единственном окошке горел свет. Не знаю, из чего был сделан этот снег, такой шершавый на ощупь, и блестел он, как настоящий снег блестит на солнце.

— А почему именно этот домик? Что в нём было такого особенного? И где он теперь?

— Не знаю... Да ничего в нём особенного не было. Домик как домик.

— Ну, нет! Так не бывает! Опять ты за своё! Опять не хочешь ничего говорить! Саша, расскажи мне про этот домик! Расскажи!

— Ты будешь смеяться... Да глупости всё это.

— Не буду смеяться! Честное-пречестное слово! Расскажи! Сашка...

— Ладно, ладно. Я даже не знаю, как сказать... В общем, я любил этот домик... Я любил это домик за то... В общем... Только не смейся! Наверно, это глупо, по-детски как-то... Я любил этот домик за тепло, которое у него внутри... Понимаешь? За яркий свет из его окошка. Мне тогда казалось, что в этом маленьком домике живёт такой же, как я, маленький мальчик, кто в Новый год он тоже вместе с папой наряжает ёлку, а мама печёт на кухне вкусные пироги. А по вечерам этот мальчик смотрит на меня сквозь окошко и улыбается, и я изредка махал ему рукой. Мне так хотелось с ним познакомиться, очутиться у него в гостях в его маленьком уютном домике и посидеть перед камином, глядя на огонь, а там обязательно должен

был быть камин. А потом папа разбил этот домик. Не специально, конечно, просто уронил на паркетный пол. И этот звук... А внутри у этого домика оказалась пустота. Пустота, понимаешь?! Я смотрел на своё отражение в этих осколках и...

Вдруг Саша вспомнил листовку с надписью “Аборт — тоже убийство”, младенца с расколовшейся на мелкие осколки головой. Он увидел своё отражение и в этих холодных осколках, осколках, которые невозможно склеить. Он уже пожалел, что затеял этот разговор. Нужно было молчать. Молчать, а не нести всю эту сентиментальную чушь.

Вязкий, тягучий ком всё ближе и ближе подбирался к его горлу откуда-то из глубины души. Саше стало трудно дышать. Что подумает о нём Света, если он сейчас расплачется из-за такой ерунды? Саша, как обычно, попытался проглотить, затолкать обратно, вглубь себя душившие его чувства. Но было уже поздно.

Чтобы Света не видела его слез, он отвернул лицо и закрыл глаза, но две маленькие солёные капельки уже робко, словно извиняясь, щекотали его скулы. Саша почувствовал, как Света прильнула к нему всем телом, как её нежные, тёплые ладони растирают слезы по его щекам. Саша повернулся к ней и открыл глаза. Он увидел, как жадно Света всматривается в его слезы, как она любит их, как она пытается впитать их в себя вместе с его словами, вместе с ним.

Саше никогда не было так хорошо ни с одной женщиной, как в ту ночь со Светой. Таким счастливым он, наверное, мог чувствовать себя только внутри маленького стеклянного домика с занесённой снегом крышей, висящего на новогодней елке и льющего из единственного окна щедрый яркий свет.

Комната словно плыла. Саша не слышал скрипа старого дивана, не чувствовал времени, а когда всё закончилось, ему вдруг захотелось ласкать Свету снова и снова, только ласкать тёплыми нежными словами, которых он раньше не находил или не хотел говорить, но в ту же секунду он испугался. Испугался самого себя. Испугался того, что с ним произошло. Испугался непонятной, непривычной лёгкости счастья. Испугался, что тоненькая струйка дыма, тянущаяся из печной трубы их дома в холодное звёздное небо, вдруг оборвётся, и дом сорвётся в пропасть, а Саша вновь услышит звон разбивающегося стекла.

КРИСТИНА КАРМАЛИТА

НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ ОДНУ

* * *

в этом мире волооком
радостном, свечном
одинок, одиноко
в поезде ночном

одинокими домами
города горят
одинокими холмами
страны в густоряд

в этом мире светлицем
в золотых полях
научи меня молиться
сердцем на углях

в тесноте людского тока
в марафоне дней
одинок, одиноко
без руки твоей

КАРМАЛИТА Кристина Евгеньевна родилась в Новосибирске в 1984 году. Окончила факультет психологии НГПУ. Работает фотографом. Публиковалась в журналах "Сибирские огни", "После 12" и других. Автор сборника стихов "Сны стеклодува" (2013) и сборника пьес "Голоса" (2014). Член Союза писателей России. Живёт в Новосибирске.

* * *

В ночной засаде страхов и стихов,
В бесщётном преступлении завета
Не то теснит, что не простят грехов,
Но мрак иной терзает до рассвета —

Придёт тихонько ласковый покой,
И, не жалея, выведут чернила:
Жила, болела корью и тоской,
И никого не свете не любила.

* * *

отрыдают любые печали
опрокинется счастья стакан
на коротком, прощальном причале
повстречает худой капитан

небольшой, но надёжный корабль
обрисует последний предел
пусть бы, Господи, только журавль
над моей головою летел

* * *

Не оставляй меня одну
Наедине с моими снами —
Большими влажными глазами
Они влекут к ночному дну.

Я уйду на глубину.
Бездонней, чем рука Господня,
Полночных крыльев преисподняя
Вздымает чёрную волну —

Я в этом призраке тону.
Нет берега в реке подземной,
Но ты, парящий и неземный,
Не оставляй меня одну.

* * *

Холода это всё, холода,
это прелых простуд чехарда,
это острые злые ветра,
не ходи никуда до утра.

Пусть умолкнет озябшая дверь!
Если чуть приоткроешь, поверь, —
не закрыть, и как будто домой
будет морок входить ледяной,

ветряными шагами звеня...
Для чего ты не слушал меня?
Вот и в кране замёрзла вода, —
холода это всё, холода...

Не согреться у мертвой плиты,
по дивану коростами льды,
вместо пола бугристый каток,
вместо крови нагретый снежок.

В гололёде бессонной зимы
застывают объятая, и мы
не находим другого огня.
Для чего ты не слушал меня?

* * *

под звёздным куполом-отцом
я ни жена, ни мать
мне заповедано гонцом
ромашки собирать

венком целебным сторожить
покой ночных голов
я попросила б просто жить
но мне не дали слов

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ЧТО НАМ НА ЖИЗНЬ НАШУ СЕТОВАТЬ

* * *

То тюркская, то скифская царевна...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда — беда и грусть — Святая Русь.

Наследье предков — роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак Пономарёв?

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой —
Кресало и кремень, а я — огниво
Фамильной жгучей связи родовый...

СЕЙДАМЕТОВА Карина родилась в 1984 году. Автор поэтических сборников "Позимник", "Соборный свет". Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журнале "Сура" (Пенза), "Дон" (Ростов-на-Дону), "Невский альманах" (СПб), "ВЕЛИКО-РОССЬ", "Подъём" (Вононеж), "Гостинный двор" (Оренбург) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Белый сокол, чёрный ворон —
Два исчадия войны.
Кто нам друг и кто нам враг?
Нам, просившим тишины?

Даль туманную заснежит
Полночи и полдня взвесь.
Тошно жить и злобу нежить,
А судьбины не отвести!

В светлой жизни, мрачной смерти —
Розы не свежее ран...
Вона как крылами вертят,
Смертьте гнев, гордыню смертьте,
Белый сокол, чёрный вран!

Чтоб в бою и на гуляньи,
Побеждая непокой
Постоянством, покаяньем,
За терпенье — воздаяньем
Брезжил свет в душе людской!

* * *

Здесь петляют дорожные дали,
Фонари в полумраке дрожат.
Здесь расхристаный ветер распяли
Или взрезали дождь без ножа...

Здесь на тех, кто столь юн, сколь отчаян,
Путеводные смотрят огни.
И гостей здесь встречают не чаем,
Ближе ближних отныне они.

Перебежная тропка-дорожка,
Порубежные веси-края:
Ехать в сторону счастья сторожко
От другой стороны, где семья.

Уезжают всегда от кого-то,
Было б только к кому уезжать...
Эта странноприимная квота
В двух словах — провожать и встречать.

* * *

Поистёрлась льняная рубашка.
Видно тонкую ткань на просвет...
Сашка! Сашка... дурашливый Сашка,
С нами больше которого нет.

Расплескав быстротечные годы,
Хлещет память похлеще вина...
Кто хотел быть свободней свободы —
Ею выпит до самого дна,

Но опять паруса романтизма
Манят вдаль неокрепший баркас
От момента рожденья до тризны
Предначертано плыть только раз.

И уже не родится в рубашке
И не выйдет сухим из воды
Сашка-Сашка — душа нараспашку,
Внук победы, сокашник беды.

Что же сердце всё ноет и ноет,
И полощется издалека
Беспросветное небо льняное,
Что слезами стирала река.

* * *

Что нам за жизнь разговаривать,
Что нам гадать на-гора?..
Жизнь — толокно или гарево?
Завтра. Сегодня. Вчера.

Сколько похлёбку ни взваривай,
Не избежать заварух,
Зарево, марево, варево —
Из молодых и старух.

Старая? Малая? Что теперь?
Не разгадать напрямик.
Жизнь — долгожданная оттепель,
В будущность рвущийся крик!

Песня к рассвету поспела и
Зорька, как мать, тяжела.
Зоркою яблоней белою
С новой весной расцвела...

Много под яблоней эту
Спето-сговорено слов,
Что нам на жизнь нашу сетовать,
Муку в муку измоллов.

Дверь притвори в доме стареньком
И, не гадая, молчи!
...Жизнь потихоньку уставится,
Словно заслонка в печи.

АЛЁНА БЕЛОУСЕНКО

КУКОЛКА

РАССКАЗ

Вдоль аллеи горели фонари. Повсюду чувствовалась тихая, но непрекращающаяся борьба, то состояние природы, которое никогда не покидает её насовсем. Лужи вместе с опавшей листвой за неделю успевали замерзнуть и снова наполниться, а потом и вовсе иссохнуть.

Сергей остановился возле одного из фонарей, не дойдя сотни метров до назначенного места. Лицо его было серьёзно и спокойно, но будто что-то противное несправедливо заползло в его чистую весёлую жизнь и вызывало жалость к себе. “Как же это глупо вернуться теперь обратно, — думал он. — И как же фальшиво сейчас остаться”. Ему нечего сказать своему другу Косте, который был серьёзно болен, и нечем его поддержать. И потому Серёжу тянуло обратно домой, и не было ни единой горсточки силы внутри, чтобы заставить себя стоять твёрдо. Сил хватило только на то, чтобы выйти из ненавистного дома, где уже неделю они живут с отчимом вдвоём.

“А если Костя умрёт?” — подумал Сергей, и ему стало страшно. Не за Костю, не за себя, а просто страшно от той жестокой и неуправляемой силы, которая выхватывает людей одного за другим без разбора из этой жизни. Он почувствовал себя везучим, ведь такие страшные случайности, происходившие со знакомыми, обходили его.

БЕЛОУСЕНКО Алёна Анатольевна родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (экономический факультет). Студентка Литературного института им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковалась в журналах “Волга XXI век”, “Подъём”, “День и ночь”, “МолОКО”. Лауреат фестиваля-конкурса “Хрустальный родник”, премии сайта “Российский писатель” в номинации “Новое имя” (2015), премии “Во славу Бориса и Глеба” (2016). Живёт в Подмосковье.

Вокруг плафона, надетого на жёлтую лампу, кружилась бабочка, всё не осмеливалась сесть на него. Её крылья напоминали павлиний хвост, хотя были не такими яркими. Сергей вдруг подумал, что красота бабочки не в раскраске крыльев, а в тонком и хрупком изяществе, с которым она их носит. На несколько мгновений бабочка зависла в воздухе. Серёжа присмотрелся и был удивлён, что её туловище вблизи выглядело неприятно. Подлетев совсем близко к лампе, бабочка упала на мокрую каменную плитку. Несколько секунд она то вздрагивала, то замирала, а вскоре совсем затихла. “Вот как эта бабочка, обжжёгшись о плафон, может умереть и Костя, раньше времени, просто так и ни за что”, — подумал он.

На горизонте появилась мужская фигура. Сергей весь вытянулся. Человек свернул в соседний двор. Значит, не Костя. Тонкая нить внутри оборвалась, и обрушилось все, что она держала.

— Аллю, Кость, извини, что поздно, не могу подойти сегодня вообще никак. В универе увидимся. Давай, до завтра, — Сергей с силой сжал мобильный телефон.

“Что за ерунда со мной происходит? — подумал он с отвращением к себе. — Не могу и всё тут”, — добавил шёпотом. Но явившаяся лёгкость уже несла его в сторону дома, подгоняя, пока он не успел опомниться.

В комнате у Сергея всегда было тепло, даже сейчас, ранней осенью, когда уже наступили холода, но отопления еще не дали. Отчим поменял окна, как только появился, ещё семь лет назад. Неровная белая краска на тёмном дереве сменилась гладким европейским пластиком. Но холод начал пробиваться не с улицы, а из стен собственного дома.

Отчим поселился у них сразу, без лишних притираний и вопросов, если не считать две субботы, проведённые в торговом центре втроём. Настольный футбол, чизбургер, мороженое и кино. А ещё он оплатил покупку ботинок для Сергея, и мальчик не мог понять, почему мать приняла помощь охотно и слишком ласково от малознакомого дяди. Понял всё потом, в следующую субботу, на третью неделю их знакомства, когда отчим заехал в квартиру. Именно в те выходные он купил новые окна и наказал звать папой. А вскоре за этими окнами впервые свили гнездо ласточки. Мама обрадовалась и сказала, что их прилёт к счастью. Как будто без отчима не было счастья...

Спроси сейчас у Сергея, что он запомнил особенно хорошего или особенно плохого за эти годы. Выйдет-то по паре эпизодов туда и сюда, и те не сразу вспомнит. Он не мог честно про себя назвать Антона плохим — как человека он признавал его хорошим, особенно если немного отойти в сторону, зажмурить глаза на пару секунд, открыть и ещё раз взглянуть на него. Но кто виноват, что отношения сшивались тонкими нитками? Не они выбрали пряжу, а сил мягко и сосредоточенно вышивать общую жизнь ни у одного из них не было. Каждый искренне хотел полюбить и принять другого, но если бы хоть кто-то полюбил по-настоящему, обогатилась бы пряжа, и немелкий шов не порвал бы её.

Лязгнула входная дверь. Появился отчим.

— Быстро как. Что, продинамила тебя баба? — приветствовал он Сергея басом.

Сергей никогда не понимал его шуток и почитал невинные хохмы за желание унижить и оскорбить. Он ничего не ответил. У отчима же, наоборот, сегодня было хорошее расположение духа — врачи, наконец, дали положительный прогноз на беременность мамы Сергея, которая сейчас лежала в больнице на сохранении.

Сергей аккуратно снял пальто, отряхнул его от чего-то невидимого сильными и неторопливыми движениями рук и так же размеренно, не спеша, повесил в шкаф. Под ногами Сергея мешалась Ласка, старая мамина овчарка. От радости ей хотелось лаять, но каждый раз она заглушала порывистый “рыбвк”, зная, что так “нельзя”.

Отчим, отхаркиваясь, пошел на кухню.

— Суп сварил, ешь, — сказал он, включая чайник.

Сергей не хотел есть еду, приготовленную отчимом, но выбора у него не было, и он старался хотя бы не показывать свой голодный энтузиазм. И потому перед тем, как сесть за стол, переоделся в своей комнате в домашнее, помыл руки и уже после этого направился на кухню.

“Да нормально, что с ним будет, взрослый парень уже”, — услышал он голос Антона. Прихлебывая чай, тот разговаривал с мамой по телефону. Сергей остановился в дверях и прислушался. Просит закупить что-то в магазине, ещё, видимо, спрашивает, как у сына дела.

— Ты в больницу идти собираешься? — спросил Антон, как только повесил трубку.

Сергей хотел навестить мать, но обида и гордость, вызванная этой обидой, мешали ему. “Случайно проговорились про беременность, посвящать меня не хотели, нафиг я там нужен”, — думал он.

Антон с минуту помолчал, Сергей молчал тоже.

— Ты понимаешь или нет, ей родить надо, нервничать нельзя, а ты как бык на всех смотришь, — сказал отчим прямо и чётко и хотел ещё что-то добавить, но передумал. — Жизнь жестоко по нам бьёт, — продолжил он спокойнее. — Но это хорошо. По тебе ещё толком она не попадала, поэтому ты такой взерошенный мальчишка.

Не произнес ни слова в ответ, Сергей ушёл в комнату.

Антон всегда осознавал, что в пасынке есть какая-то эмоциональная недоразвитость, мелочность, и не удивлялся этому. Не удивлялся и тому, что Сергей всегда был закрытым, как бы себе на уме. Но вёл себя почему-то так, будто все эти “недостатки” у Сергея было необходимо тотчас же исправить. Будто эталон мужчины один, и других вариантов быть не может.

Десять лет тому назад, ещё до встречи с мамой Сергея, Антон потерял жену и маленького сына в автомобильной катастрофе. Они ехали где-то под Питером на дачу к друзьям, и на проезжую часть выбежал лось. Животное встало прямо посреди дороги. Его мокрые, будто коровьи, глаза были спокойны. Не шевелясь, оно смотрело на приближавшуюся машину. После катастрофы Антон сильно пил, но новая возможность жить выходила его, поставила на ноги. А одну занозу вытащить не сумела — недоверчивую оглядку на свою проклятую судьбу, которая небрежно, но тихо-тихо, животными своими клыками может унести его семейное счастье к себе в потайное логово.

Но ребёнка родить не получалось — отчим сначала приходил в отчаяние, а затем и вовсе ожесточился. Участились ссоры с новой женой, которая ко всему прочему чувствовала себя виноватой. Антон не был против Сергея, он и не представлял себе второй брак без ребенка жены. Не видел рядом с собой женщины, которая не была бы закалена заботой о детях. Однако роль должника почему-то выбрал не для себя, а для пасынка. Поучал, ставлял, требовал уважения, словно с самого рождения заботился о нём.

А Сергей помнил своего отца. И узнал бы его даже без фотографий, хранящихся в старом альбоме. Родители разошлись, когда ему исполнилось шесть лет — отец был неудавшимся музыкантом и сильно пил. Сейчас никто не мог сказать, где он, и мать боялась случайно узнать что-то страшное, надеясь, что он всё же уехал к свекрови в Магнитогорск и оклемался от своей болезни. Кроме фотографий и старой коробки с нетронутыми струнами у Сергея осталась тёплая и ноющая память о нём. Он точно знал, что они вместе играли в прятки, и до сих пор помнил запах кожаной папиной дубленки с искусственным мехом, за которой прятался в шкафу. Дверца этого шкафа, не желая затягивать детские раны, до сих пор скрипит, обманывая наивное сердце. Но дублёнки за ней уже давно нет...

Утром земля с тусклой и вялой травой кое-где ещё удерживала нежный иней. Тонкие деревья будто подтянулись за ночь и, зажатые серой изморозью, застыли в новом виде. Запахло зимой.

Сергей как обычно выгуливал Ласку, высиживая на лавочке у подъезда положенное на прогулку время. Собака скрылась за кустами. Сергей присмотрелся — Ласка гонялась за хромым голубем, но не стал вмешиваться.

“Собака — единственное существо, кроме матери, которое способно принять человека таким, какой он есть, — думал Сергей, разглядывая лужи под

ногами, — а может, Ласка любит инстинктивно и, конечно, полюбила бы любого другого хозяина. И мать. Она ведь тоже, получается, любит инстинктивно, потому что в ребёнке часть её самой. И любила бы другого своего сына точно так же, как и меня. И полюбит. Но почему так сложно принять и полюбить человека неродного, чужого?”

Сейчас, когда мама так поздно забеременела, Сергей останавливал себя на мысли, что где-то в самой глубине своего сердца ненавидит ещё не родившегося ребенка за то, что тот может погубить мать. Ненавидит и за то, что если не погубит, то заберёт всю маму навсегда. И он останется один. Правда, Сергей уже давно съел себя мыслью, что никому не нужен и что его держат из жалости. Что он, как напоминание о ненавистном прошлом, о ненавистном отце, остаётся больным местом новой маминной семьи. Но почти так же давно он оброс твёрдой плотью и выработал иммунитет к этой заразе. И сейчас было не время снова страдать из-за неё.

— Ласка, домой! — закричал Сергей.

Собака лишь гавкнула в ответ, давая понять, что она слышит, но от голубя не отступилась. Наконец, извернувшись и подпрыгнув, она зажала добычу клыками и побежала к хозяину. Глаза собаки не выражали ничего — ни радости, ни удивления от впервые пойманной добычи.

— Фу, фу, выплюнь эту гадость! — скомандовал Сергей. Она опустила голубя на землю и, виляя хвостом, радостно залаяла.

На пары Сергей шел медленно, всё размышляя про мать, отчима и ребёнка. Да, мама его любит, и да, им с отчимом нужен общий ребёнок. Пытались давно, а вышло только сейчас. Зато сколько разговоров было первые года два! Сначала радостно спрашивали, хочет ли он братика или сестрёнку, потом с тоской в голосе говорили, что братик задерживается, а затем и вообще перестали упоминать об этом, но тяжело нависшая в доме безысходность выдавала их. Вот так оно и случается — неожиданно-негаданно. Выросло дерево и никого не задело, а пока по земле ходили, готовились, разговорами всю почву перетоптали.

Когда Сергей зашёл в аудиторию, лекция уже подходила к концу. Профессор исписал формулами половину доски. Говорили, что ему всего лишь семьдесят, хотя выглядел он лет на девяносто, мало что слышал и держал мел дрожащей рукой. А был когда-то кандидатом в мастера спорта.

Сергей подошел к Косте, потому что чувствовал свою вину перед ним. Костя, худенький темноволосый парень, как всегда сдержанным, мягким жестом пожал руку Сергею. И снова увлекся лекцией, продолжая аккуратно записывать формулы в тетрадь.

Кто-то из аудитории задал вопрос. Профессор никак не отреагировал — пошлышались смешки.

— Глухой пень! — сказал другой голос басом. Смешки повторились.

“Почему он не уходит из института, зачем мучает себя и других?” — подумал Серёжа.

— Время! — закричал бас теперь очень громко.

Профессор посмотрел на часы, разглядывая минутную стрелку.

— Еще двадцать минут, — сказал он, повернувшись к студентам, — но если хотите, отпущу на десять раньше, — так наивно и беззащитно улыбнулся, что Сергею стало стыдно за него.

Когда профессор уже заканчивал, Костя принялся искать киносеансы на смартфоне. Сергей понял, что тот хочет позвать его в кино, и в нём тут же проснулось знакомое чувство жалости к себе. Не готов он был смотреть в ту же открывшуюся глубину, что и Костя. И хотя друг не требовал какого-то особенного сострадания, Сергей всё-таки трусил взять его за руку и пойти с ним дальше, туда, где Костя путешествовал в одиночестве.

— Пошли сегодня на вторую часть? — спросил Костя, показывая трейлер. Сергей замаялся и не смог сказать “да”. Как не смог сказать что-то важное в тот день, когда узнал о болезни друга, а отгородился общими фразами: “Еще ничего неизвестно”, “Выкарабкаемся”, “Для того и нужны трудности, чтобы их преодолевать”, — которые и поставили в тот день между ними стену.

Он сказал, что идёт сегодня к матери в больницу. Костя чуть улыбнулся в ответ.

Больница, ещё советской постройки, стояла недалеко от университета. Серая, тусклая, как и большинство больниц. Сергей давно уже не бывал там, презрительно относясь к врачам и ко всей медицине в целом. Он был уверен, что все таблетки вредны, и, как ни странно, почти всегда обходился без них.

— Молодой человек, вы куда? — окликнула Сергея женщина из регистратуры.

— Я к маме, — ответил он недоуменно.

Женщина взглянула на него.

— Отделение какое?

— Второе.

— Без халатов не пускаем, — отрезала женщина и уткнулась в свои бумаги.

Сергей всегда имел свое мнение по поводу того, кто прав, а кто виноват, и никогда не скрывал его. И сейчас он чувствовал, что эта женщина виновата, обращаясь к нему так высокомерно и не пуская в отделение, и уже готовился начать спор с ней, но услышал, что его зовут.

— Молодой человек, идите сюда, — полноватый, но подтянутый аптекарь, протянув свой белый халат, ласково и лукаво улыбнулся. — У меня перерыв сейчас. Как вернётесь, ко мне в окошко его положите.

Сергей сказал “спасибо”, но не чувствовал благодарности, будто отдать свой халат было именно то, что аптекарь должен был сделать, как человек хороший и честный.

В палате лежало пять беременных женщин — все молодые, кроме мамы. Было душно, и от того ещё крепче пахло хлоркой. Палата была почти вся белая, но это белое казалось грязным. Все женщины, кроме мамы и еще одной, совсем юной девушки, спали. Сергей внимательно посмотрел на мать. Ему показалось, что за эту неделю живот её сильно вырос, а лицо похудело и постарело. Будто плод внутри неё забрал её жизненные соки.

“Надеюсь, он родится раньше, чем высосет всё до конца”, — подумал он.

— Сына! — воскликнула мама удивленно, увидев Сергея.

Она как всегда улыбалась ему, но в этот раз улыбка её была горькой.

— Что врачи говорят? — спросил Сергей, подсев к матери и поправляя скомканное одеяло.

— Что говорят? Старая уже, — недовольно прошептала она, чуть пододвинувшись. — Не так, как молодой таскать.

— Что ты такой мрачный? — обратилась она к сыну, как бы шутя. — Говорят, самый расцвет женской красоты приходит во время её беременности.

Сергей поморщился и тут же заметил на себе пристальный взгляд с другой стороны палаты. Он повернул голову направо и встретился глазами с молодой девушкой. С русыми, крепко прибранными волосами и с полноватой фигурой. Все это время она *умилительно* наблюдала за тем, как разговаривают Сергей с мамой, и думала о чём-то своём, глубоком, — у неё были уже поздние сроки.

— Как осень красива своим собранным урожаем, так мать красива своей отданной силой, — продолжала мама. — Вот так и говорят, — задумчиво повторила она, как бы сама желала понять, правда это или кто-то придумал для поднятия уверенности молодым мамочкам.

Казалось, ей тяжело было сидеть, хотелось наконец лечь — то и дело она поправляла за спиной подушку.

— Поскорей бы домой, — вздохнула. — Мне в последнее время снятся ящерицы, не кусают, а просто выются возле меня по комнате, — по-особенному значительно рассказывала мама сон. — Как бы раньше сроков не вышел братик твой.

О чём она думала, Сергей не знал. Но чувствовал, что думала она не о том, о чём говорила. Или скорее думала не так, как выражала. Улыбаясь

ему, взгляд задерживала где-то далеко и будто по принуждению отводила его обратно к сыну.

— Хватит, мам, не нервничай, а то точно выйдет.

Мама примиряюще кивнула, сказав:

— Ночью одна роженица умерла.

— Не справилась, — добавила, кивая в сторону кровати, на которой лежала новенькая молодая девушка.

Сергей опять взглянул направо — девушка серьезно смотрела на него.

Потом он стоял в коридоре у окна, мысленно видел этих рожениц и отчётливее всех ту, молодую. Он удивился, почему раньше не ощущал громадной беззащитности беременных женщин, которую почувствовал сейчас. Но как мирно было лицо той девушки. Он знал почему-то, что она одна, без отца ребенка. И ему стало страшно перед её спокойной силой и в то же время жалко её, а потому и ещё более страшно. Чужие жизни катились мимо снежным комом в самый низ по горке, а его не задели, оставили на верхушке. И неправда то, что, зацепляя всё больше, они быстрее приближались к земле. Правда в том, что, зацепляя всё больше, они не превращались в слякоть.

Вдруг захотелось позвонить Косте. Прошло не более пары часов с их расставания, но Сергей понимал, что на самом деле их разделяло намного больше времени. Он почувствовал тоску, какую чувствуют родители по оставленному ребенку. Захотелось раскрыться и раскрыть его, дать ему выкричаться, выплакаться, высказаться.

Через окно на лестничном проходе он заметил идущего в больницу отчима, и боясь, что тот застанет его здесь, у окна, зашагал вниз по лестнице. А уже насчитав девятнадцать пролётов, неожиданно понял, что просто так поменять себя он не может. Есть жизнь, а есть он, который слаб для неё. Есть бабочка с не миловидной, а жестокой внешностью, потому что не искусственная, а жизнь — это не кукольный домик. Живёт она всего несколько дней, да и умирает ещё раньше сроков нелепо, обжэгшись о плафон. И ни на минуту она не предаёт себя, каждое мгновение неся на себе свой бабочкин крест. А есть люди, такие, как он, которые не признают свой крест, распиливают его и раскидывают по чужим головам. Один скажет, что так справедливо, а другой будет требовать понимания. И встанут оба, перекидываясь щепками, и не сдвинутся с места.

Какое-то детское воспоминание всё резалось ему в голову, но никак не могло прорваться. Что-то такое, что, как ему казалось, роднило его с Костей. И вот наконец вспомнил. В детском саду он часто оставался вечером последним, кого ещё не забрали родители. Отец должен был приходиться за ним, но в итоге прибегала с работы мать, заплаканная и растрёпанная. А тот являлся домой только под утро, пьяный...

Спустившись, Сергей подождал с минуту в холле. Прикрыв за собой входную железную дверь, Антон прошел к гардеробу, не заметив пасынка. Сергею показалось, что Антон сейчас больше напоминал побитого и загнанного в клетку тигра, чем самого себя. Он подошёл сзади и, почти не касаясь, накинул белый халат ему на плечи.

На сугробы и теплый асфальт падал, может быть, уже последний за эту зиму снег. Земля, как покойница, лежала под белым одеялом, мёртвая, бесплодная. Но красив был её покой и светел. И не траур лежал на нём, а великолепие.

В коляске, посапывая, спал ребёнок. Блеснув первой молнией, жизнь в нём ещё не разгорелась. И не торопясь, зная свое дело, наливалась она свежими соками, румянилась и будто мячиком поигрывала молодыми своими силами, не щадя их и не жалея. Позади бежала Ласка, оставляя на белом снегу тёмные следы.

Брат родился на два месяца раньше сроков — врачи вытащили кесаревым. Мама показывала его из окна больницы — заходить не разрешали. Отчим был счастлив, к больнице приехал с огромным букетом разноцветных роз, так как от радости не мог определиться, какие лучше для такого случая.

Когда увидел улыбающуюся жену и белый сверток на её руках, то бросил охапку цветов высоко вверх так, что розы пёстрыми мазками широко легли на серую мокрую землю.

Сергей с коляской остановился у фонаря, где осенью видел бабочку. Сегодня он снова ждал Костю. Он посмотрел на плафон — до бабочек ещё было далеко. Только тающие на нём хлопья снега. Впереди он узнал силуэт друга. Тёмная фигурка, будто подтаивающая от снегопада. Сергею вдруг врезалась в память утренняя сцена в университете. У раздевалки стоял ящик для сбора средств, на ящике Костина ещё школьная фотография, номер курса и диагноз. Рядом остановился старый профессор. Сначала долго вчитывался, затем медленно перекрестил фотографию на ящике и направился дальше. Но вскоре, будто что-то припомнив, вернулся обратно и положил в ящик несколько купюр из бумажника. Покачал головой и пошёл, уже больше не останавливаясь.

АНТОН МЕТЕЛЬКОВ

В СТРАНЕ
НЕВЫМЕРШИХ БАБУШЕК

* * *

малыш заглядывает
за подоконник
детского сада
заберите меня отсюда
ну пожалуйста
заберите меня домой
заберите меня поскорей
лучше мама и папа
но можно и тётя марина
заберите
бегут ручейки
распустились листочки
заберите меня домой
ну пожалуйста
он идёт на работу
он работает сторожем в детском саду
он заглядывает за подоконник
заберите меня домой

МЕТЕЛЬКОВ Антон Сергеевич родился в 1984 году в г. Новосибирске. По первому образованию — проектировщик радиоэлектронной аппаратуры, по второму — режиссер любительского театра. Работает библиотекарем в ГПНТБ СО РАН и там же учится в аспирантуре. Автор сборника стихов “Футляр”. Публиковался в журналах “Сибирские огни”, “Урал”, “Введенская сторона” и др. Лауреат ряда литературных премий. Участник и организатор поэтических акций в Новосибирске и других городах России.

* * *

В стране невымерших бабушек
хвостина ласкает как солнышко
горчичник слаще оладушка
щенок ушастее слонышка
в стране невымерших бабушек
В стране молодых мам и пап
я мог повстречать моряка
и в небо взмывала рука
до самого козырька
фуражки моей как у моряка
если я повстречал моряка
В стране того моряка
на острове Новая Паприка
есть белка с дробинкой в глазу
у ней вместо меху глазурь
но вместо любви плеврит
а море о море бурлит

* * *

тучи лёгкие коняшки
сыроежки и дворяжки
цокают по лужам в спешке
и дворяжки сыроежки
выбегают им навстречу
и бегут в одной упряжке
каждый вечер, каждый вечер
сыроежки и дворяжки

* * *

стёпка ищет атлантиду
он спешит и не спешит
ручка пишет и не пишет
спину щиплют мураши
он лежит себе конвертом
буквы тихонько жуёт
и прошит нездешним светом
он становится жильём
выходили на орбиту
два тяжёлые шмеля
отпусти мои обиды
долгожданная земля

* * *

в немытом окне, в немытом окне мама
в её волосах, в её волосах роза
да кто вам сказал, что чехов писал драмы?
слагает июль, слагает июль росы
в твоей голове полно чепухи вроде:
что это за зверь, так напоминающий белку
а где-то часы, а рядом часы ходят
пасутся в тебе, в тебе и во мне стрелки

ИВАН ВОЛОСЮК

НЕСТОЛИЧНОЕ ВРЕМЯ

* * *

Смерть сама по себе. Что июль ей, что август — без отпуска.
И не то, что на юг, отсыпного — и то не дают.
Но зато куда хочешь проходишь без спросу и пропуска
и везде тебе хлеба отрежут и водки нальют.

И не то что бы рады, — привыкли оказывать почести,
жгут дешёвые свечи и тряпкою моют полы,
но куда ни помотришь — за нею идёт одиночество
да забитые ставни и дома кривые углы.

* * *

Хорошо, что снегами укрыта земля,
что солдат в маскхалате стреляет в меня.

Что отсюда улыбка его не видна,
что я будто бы падаю в погреб без дна.

Что находят живым и везут меня в тыл,
и в больницу заносят меня без бахил.

ВОЛОСЮК Иван Иванович родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Публикации в журналах "Знамя", "Дружба народов", "Волга", "Воздух", "Юность", "Литературная учёба". Участник XII и XV Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живёт в Донецке.

Что хирург, не надеясь на быстрый осмотр,
шьёт пространство и смерть из меня достаёт,

а потом пьёт из термоса кофе и зря,
что забрызгал халат, упрекает меня.

МАТЕРИ

Оживаю для слова: ни жизни, ни смерти не рад,
я ещё не сказал, я ещё не успел, подождите!
но уведят меня в вечный холод и хохот, и смрад,
и пусть я не пожил, вы хотя бы ещё поживите.

Тихий ангел ещё не коснулся чела, я успею
возвратиться туда, где я первые сделал шаги,
где шумела трава и деревья качались быстрее,
где я чувствовал мать, на её засыпая груди.

И не зная ещё языка и законов природы,
я был частью Вселенной, и крохотным сердцем своим
ощущал, как из мрака земли пробиваются всходы,
как зерно умирает и небо рыдает над ним.

Оживаю для слова и временной жизни не знаю.
день сгорает, как спичка, и, падая камнем в постель,
в полусне-полуяви я ясно теперь ощущаю:
до сих пор твои руки качают мою колыбель.

* * *

Максиму Щербакову

Почти одинаковы: род, рать,
деревьями в белых шарфах спать.

Добро с кулаками: под дых, влёт,
нескладного времени кровь, пот.

Потом устаканится: рвань, хлябь,
а в Киеве весело — гробь, грабь.

А если зацепит (февраль — лют),
затянется рана, как льдом пруд.

* * *

За приметами старого быта, такими, как
молоко в пирамидке (картонный четырёхгранник),
уезжаю в провинцию: глушь, духота, тоска
раскалённая, как алюминиевый подстаканник.

Но и здесь живут люди, и вечный офлайн ничто
по сравнению с этим страданием и укором,
но рывается в жизнь, как склоняемое “пальто”,
“непоганый фильмец” и бумажный стакан с попкорном.

И, когда засыпаю, ночных электричек гул —
вездесущему мату подспорье и дополнение.
Нестоличное время, в тебя, как в пожар, шагну.
чтобы вынести слово живым, невредимым, цельным.

* * *

Противлюсь сам, тебя учу тому же
и буду с теми, кто был против нас.
А снег разглажен, будто проутюжен
в последний, может быть, последний раз.

И на меня её наденут тоже —
последнюю рубаху бытия,
но вырвется и улетит, быть может,
душа непостоянная моя.

За то, что видел дальше, поплачусь я,
а близкого и даром не возьму.
И я хотел прославить захолустье,
но не прославил, судя по всему.

Я видел мир в просветы между досок,
чердачной пылью тридцать лет дышал,
Полжизни задавал себе вопросы
и сам на них полжизни отвечал.

И в мире не найдя себе подобных,
я, если говорить начистоту,
противиться готов, чему угодно,
кому угодно — только не Христу.

ДМИТРИЙ РОМАНОВ

ДРУГАЯ РУСЬ

Из цикла рассказов “Записки велосипедиста”

ХУДОЖНИЦА

Работать в газету “Другая Русь” я пришёл от полного безденежья. В других местах диплом Литинститута действовал, как красная тряпка, вымоченная в крови мировой совести. Но в этом камерном издании при одном упоминании фамилии Розанова, например, или всеми забытого Пильняка близилась слеза радости.

Сперва я занимался корректурой, опросами, были робкие попытки выйти за формат. Через полгода свершилось моё первое журналистское расследование. А безденежье так никуда и не делось. И не мудрено, когда втягиваешься в такую авантюру. Но о ней в своё время.

А пока эпизоды жизни шли цепочкой. Звенья её ложились на шестерню, вращая ось, и колесо шуршало по гравийной дороге. Движение жизни мне вдруг увиделось как бы верхом на велосипеде. Наши классики уже как только ни были горазды его видеть — и гоголевская птица-тройка была, и загнанная кобыла Достоевского, и локомотив Толстого, который сменился

РОМАНОВ Дмитрий Дмитриевич родился в Люберецком районе Московской области в 1986 году. Детство провёл в деревне Кузяево в доме деда, предки которого относились к старообрядческому духовенству. Первое высшее образование получил в Московском институте тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова. Второе — Литературный институт им. А. М. Горького, проза. Совершил ряд путешествий по Северу России, Кавказу, Тибету и Алтайским горам, изучая народный быт и собирая фольклор. Публиковался в журналах “Юность”, “Сибирские огни”, альманахах “Радуга”, “Лёд и пламень”, “Мир Паустовского”. Лауреат премии им. Валентина Катаева журнала “Юность” 2014 года.

теперь Пелевинской “Жёлтой Стрелой”. Наконец, и я, робкий ученик великих мира сего, впал в отчаянный символизм.

Всё эта “Другая Русь”. Мне предложили написать обзор провинциальных чайний и толков, добавив, что страна не оканчивается за сто первым километром. Обозреватели “Другой Руси” наводили линзу гласности на тёмную материю постсоветского развала. Столичный взгляд со стороны в противовес местным газетам, всегда предвзятым, худой типографской грудью в кляксах свинцовой краски стоящим за своего земляка.

Главный редактор дал мне фокус — от Дубны до Костромы. И это было терпимо, коллеге повезло меньше — рабсылка в Челябинск.

— Погуляй, посмотри по деревням и сёлам, как живут, чего хотят. Сходи в муниципалку, в столовые, на дискотеки там всякие. Как ветераны... как надой...

Я уже, было, затосковал. Надой... “Мэр Суловки отметил важность озеленительной работы”. Кому оно надо? Вот уже по руке на карандаш перебросилась плесень, захватила лист блокнота, второй... А прочитаешь, что написал — глядь, а плесень уже глазную склеру проела. И через год тридцатилетний старик ты. Всё уже было... было!

И я решил так: беру свой старый добрый велосипед, рюкзак, сажусь на электричку до города Кимры. Там схожу, верхом в седло и — лицо по ветру.

Но ещё из окна вагона Кимры мне не понравились. А кому понравится город в блокаде ливневых стен? Поехал дальше до платформы Стрельчиха, где дождь кончился, а я вышел, привлечённый станционным безлюдьем.

Теперь отсюда сорок километров до Калязина — сначала вдоль ртутного полотна, затем по шоссе — от Волги мимо ветвистой реки Нерль. Калязин мне был интересен затонувшей церковью с маяком колокольни из глубокой воды. При постройке ГЭС старый Калязин ушёл под воду, и теперь рыбак забрасывает удочку над крышей родительского дома.

И вот пошёл привод моей цепи. Распогодилось.

Тяжёлая Волга по левую руку, скатанные в рулоны поля — по правую, где у горизонта чернеет лесная шерсть. После ливня посвежело, пробрало бодростью. В половине метра над землёй я летел, раскинув руки тенью креста. И смоченное сено струило одор, нагонявший детскую тоску и радость.

По карте впереди находилось несколько деревень. Древность резных наличников граничила в них с ветошью запустенья, ясно говоря: отелей тут нет. Значит, нужно было добраться до Калязина, где их в избытке на ночь.

Через час дорога треснула и просела, редкие машины медленно объезжали метровые ямы, а лучистое после дождя солнце принесло зной.

Вскоре начало печь так, что каждые пятнадцать минут приходилось делать привалы в тени, где едва ли было легче. Казалось, я варился в собственном поту на асфальтовой сковороде с душистой приправой из луговой полыни. Миновав первую деревню, я не увидел ни души. Тишина, густая от рёва цикад, прерывалась только движением на трассе.

Поборов искушение поймать попутку, я снова поплыл в дрожащем мареве. Наконец, даже цикады ушли на сиесту, и тут стало ясно, что никуда до вечера мне не попасть.

К счастью, за рощицей показалась река. Я свернул в поле по тракторной колее. Два протекторных следа от моих колёс тянулись по треснувшей земляной плёнке, где грелись белокрылые капутницы. Лёгкость бабочек дразнила, и хотелось въехать в реку прямо на велосипеде.

Съезд к воде оказался что надо — в сезон тут был брод, и колея исчезала в реке, невозмутимо выходя снова в поле на том берегу. Справа и слева берег начинал возвышаться и, покуда глаз хватало, шёл стеной. Таким образом, я стоял меж двух холмов прямо перед плёсом.

Никого вокруг, только далеко в пшенице отдыхал перегретый комбайн. Я сбросил рюкзак и футболку, примяв их камышом, и прямо в шортах вошёл в реку.

Есть загадочная нега в отерочке удовольствия. Смакуя каждый шаг, чувствуя звон в ушах и близкий тепловой удар, я не торопился броситься

с головой. Раскалённую сковороду медленно опускают в воду. А вот уже перед носом расходятся пахучие волны, обостряется обоняние.

Не решаясь удалиться в течение, я плыл у берега. Он был так высок, что отбрасывал тень, местами понижался, и можно было зацепиться и вылезти, подтянувшись.

Меня сносило, и плыть обратно возможности не было. Я уже искал глазами местечко поудобнее, где вытащить себя из воды, как вдруг заметил человека.

Он сидел в тени ив на высоком берегу и был почти полностью скрыт за деревянным щитом. Я выбрался, цепляясь за корневища сосен, и, перемазанный илом с песком, пошлёпал вдоль реки обратно. Тропка вела мимо человека.

Это оказалась девушка. Видимо, она заметила меня ещё в воде, но предпочла и дальше заниматься своим делом. Она рисовала, и то, что я принял за щит, оказалось мольбертом. Я слегка сбавил шаг, пытаюсь разглядеть, что было на холсте, и она поняла моё любопытство.

Вполоборота ко мне она чуть посторонилась, как бы давая обзор холста. На нём почти фотографически повторялся вид реки и другого берега и далёкий лес за холмами с присущим Шишкину и Левитану русским махом.

— У вас просто нет слов как здорово выходит! — сказал я, не лукавя.

— Спасибо. Приятно слышать.

Солнце пробивало ивняк за моей спиной, и она щурилась.

— Вы где-то учились?

— Нет, всё сама. Захотелось и пришло.

Ей было лет двадцать пять, хотя по хрупкости и белизне с первого взгляда она казалась подростком. Но особый блеск глаз и лучики вокруг них выдавали древнюю душу. Лиловый платок скрывал голову массивным шаром, открывая, однако, виски и худенькую шею. По ним я заметил, что она была острижена коротко, почти под ноль. На ней была длинная туника цвета платка. И никаких лишних украшений, ни единой мишуры — только тонкие голубые пальцы чуть тронуты масляной краской.

— И уж если вы тут, — сказала она, — не дадите ли стакан воды? Вон он. Не хочу потерять цвет.

Я взял стакан, налил из бутылки и подал ей. Она с благодарностью взяла его двумя пальцами, придерживая кисть и палитру, слою краски в которой уже сползали один на другой.

— Вы меня просто спасли.

— Удивляюсь вашей стойкости. Вернее, усидчивости. В такое-то пекло...

— А что делать? — она уже вновь ушла в работу, не глядя на меня, — *Capre diem**. Завтра и небо уже не то будет, и этот подозрительный комбайн поубавит золота на поле.

— Художник работает на опережение, — согласился я и уже собрался идти.

— Как вода? — продолжила она.

— Спасительна. На полчаса бодрости хватит. Но не знаю, как ехать дальше.

— Газ в пол, — говорила она, не шевелясь, как бы удерживая поднятой кистью холмы и облака.

— О, я на велосипеде.

— Живёте тут?

— Нет, проездом. Хотел добраться до Калязина, но боюсь, на ночь придётся кинуть кости прямо в поле.

Холодные камни взглянули на меня. Встречать этот взгляд было приятно и тревожно одновременно, только я не понимал, что вызывало тревогу.

— Не надо в поле, — сказала она. — Часа через два вы доберётесь до деревни. Это не первая, а вторая отсюда. Большой кирпичный дом, он там один такой. В нём живёт прекрасный человек, который оставит вас на ночь...

— Да что вы... какие хлопоты, — засмутился я.

* Лови момент (лат.).

— Я говорю вам. Вечером будет гроза. Вон, видите, какие там облака? Не хватало, чтобы после такого перегрева вы подхватили воспаление.

— Да, я слышал, обещали грозу.

— Так что езжайте к нему. Как раз к шести он будет дома.

— Вот так, ни с того ни с сего заявиться? У него гостевой дом?

— Нет, просто он очень хороший человек и никогда не откажет в помощи. Ещё скажите, что вы от Риты. Это я.

Я решил списать это на причуды художников — божественный мир, сквот и коммуна. Возможно, там живут десятки бродячих артистов, и добрый хозяин только рад новым лицам.

— Его дядя Сева зовут. Всеволод Михалыч. Но поскольку он почти святой, то официоз ни к чему.

— Вот как, — наверное, в моей ухмылке ей почуялась доля иронии, и она снова охладила меня взглядом.

— Я предвижу будущее, — сказала она.

Распрощавшись с Ритой, я ещё раз омылся в реке и поспешил на трассу. Не более часа прошло, как пришлось свить теневое гнездо в придорожных зарослях и ждать, пока жара хоть немного спадёт. Ещё через полчаса миновал первую деревню, о которой говорила девушка, а небо покрылось свинцовой гематомой. В высях порвались шкуры, прокатились глыбы.

Дальние тучи свесили косые хвосты, выжимая из воздуха ветер. Сверкнула молния. Рита и впрямь предвидела будущее — и дождь, и то, что через полчаса я стучался в ворота единственного кирпичного дома второй деревни.

Лило волнами. Каждый порыв ветра сбивал струи в новую волну, и вода била в рот и ноздри. Я был рад освежиться, но понимал, что прогулка под таким дождём грозит не только зубной болью.

Двери растворились в стене ливня, без единого слова кто-то схватил меня за плечо и потащил внутрь. Я стоял в просторной, хотя очень захлащенной террасе и жал руку высокому чернобровому человеку. Пароль “от Риты” в принципе был не нужен — ещё до этих слов он предложил мне пройти в дом, где кипел на плите чайник и громко ревели радио.

— Я как знал! Как знал, что вы придёте.

Мы представились друг другу, он предложил называть его просто Сева, хотя был много старше меня. Никого больше не было, Сева жил один.

— Поскольку я очень люблю поговорить, — сказал он, выключая приёмник, — но живу один и гости в нашем краю — редкость, то предлагаю вам слово. Нет-нет, я знаю, что могу увлечься и утомить вас своей речью, да. Я, знаете ли, врач, и со мной бывает скучно — профдеформация. Как будто мир сошёлся на одной поликлинике, да.

Сева сутулился у плиты так, будто потолок был ему низок. От размашистых движений дребезжал фарфор, когда он наливал чаю и ставил на стол глиняную бутылку.

— Это вот настоечка моя стотравная... одна из. Сам собираю на лугу. В чай — верное дело. Отведайте, да?

Я залил в кружку с чаем душистого спирта и рассказал о своей поездке.

— Никогда не слышал о такой газете, — его немного косящие глаза зажглись интересом. — Расскажите, зачем она?

Он выражался необычно — так, как выражаются люди умные, однако лишённые собеседников, с кем упорядочить навык общения. Одни в глуши лесов сосновых.

— Возможно, друг мой, именно журналистике предстоит спасти мир, да. Но очень нескоро. Для этого нужны альтруисты на хлебе и воде. Теперь жёлтая эра, и двуглавая змея — деньги и скандал — вот бог журналистики. А его вера — чужое горе. Но я вижу в вас зародыш новой эры. Это хорошо, да. Я раньше думал, что только медицина — достойное призвание. Поработал в ней двадцать лет, убедился, что и тут нажива на чужой занозе. Давайте немножко коньяку? Сейчас давление упало — поглядите только, что за окном! Ураган... Это поможет, да.

Сева достал из старинного шкафа пузанчик коньяку.

— А возможно, я просто старый дурак. Не верите? Мне шестьдесят. Что волосы чёрные? Это гены. Не видать мне серебра мудрости. Сколько живу, а всё темна голова.

Дождь утих, но шёл упорно и просвета не обещал. Я пытался заговорить о ночлеге, но Сева не захотел слушать, просто указав на дверь в комнату.

— Там всё ваше. Завтра утром только встанете пораньше, ибо мне на работу. Смена — никуда не деться.

— И какова работа в местной поликлинике?

— А так и запишите в вашу газетку “нехватка молодой крови”. Пора, пора молодёжи, да! Скучно, знаете ли, одни старички, да я сам такой же. Раньше, бывало, организуешь команду, в футбол, в шахматы турниром, поход коллегиальный с палатками. А сейчас хожу себе один. Не стало молодых. Всё у нас одна сомнамбула. Только я, старый еврей, не найду себе места. Вот и рад вам. А впрочем, и не только со скуки рад. Что, ещё одну-две?

И он подливал и подливал, а я всё не отказывался. И спросил про Риту.

— Ну всё же вы знакомы с художницей — а это уже много!

— Я вас прошу... Это божий подарок. Она ведь раньше не была художницей, и открыла в себе дар — вы не поверите! — буквально вчера. Да.

— Удивительное дело. Она сказала, что не училась, что само... Но вот прямо с нуля, да так...

— Это не с нуля, мой друг, это вот здесь, — он кольнул пальцем себе в темя, — открывается такой особый канал и подключается к источнику всетворения. Она — счастливейший человек, скажу я вам, да. Наверное, самый счастливый из всех, кого я знаю. Горе и ужас так сильно клокотали в ней, что пробили этот самый канал, открывший ей исток неиссякаемого счастья.

— Горе и ужас? — я попытался посерьёзнить, но когда нахмурился, понял, что глаза мои разъезжаются, и решил повременить с очередной наливкой, а мой собеседник в одиночку махнул заворотного и начал свой рассказ.

— Знаете, она ваша ровесница. Через три дома от меня живёт её бабуля. Она уже такая... несамостоятельная, уже не может одна. Но вот волею судеб приехала внучка Рита. Хотя сама-то из Твери, и приехала по собственной нужде. В детстве всегда на лето сюда определялась — я её с детства и знаю. Они чуть что — ко мне за терапией. Егоза такая была, да, в гостях у меня со скляночками играла. Вообще у меня раньше всегда гостили, пока было кому гостить. Отца её знал, да он уже тут не бывает. И никого, кроме бабули, не было лет десять. Риты тем более — чего молодой в нашем дедоме сидеть, да?

А вот недавно еду из центральной клиники в автобусе, смотрю, впереди сидит молоденькая девушка. Дай подседаю, заряджусь юной аурой. О, это вернейшее средство жить дольше — окружать себя молодостью! Вы думаете, отчего профессура в вузах столько живёт? Так вот подсел, спрашиваю — а она улыбается: “Вы что ж, меня не помните, дядь Сев?” Честное слово — я упал! Рита моя маленькая.

Она улыбается, а я смотрю — всё равно какая-то грустная она, что ли, глаза заплаканные, да. Была остановка на повороте, не наша, а раньше нашей, так она на ней собралась выходить. Я, говорит, пройтись хотела, проветриться — очень тяжело, говорит. Я — что такое? Она — такое не рассказывают, но вы доктор, вам могу... Так и так, выхожу с ней, идём по полю, в сторону реки. Где вы наверняка проезжали на своём велосипеде. Дай по бережку пройдемся, виды у нас там океанские.

Что, говорю, привело в нашу скудельню? Бабулю навещаешь? Нет, говорит, приехала подальше от людей — видеть не могу никого, да. Чего ж так? А так, говорит, заболела. И рассказала мне всю свою беду. Страшную беду, скажу вам.

Сева встал и ушёл варить кофе. То ли чтобы сбавить нерв, то ли заметил, что слушатель из меня кисельный. А когда вернулся, всё же плеснул и в кофе коньячку. Стемнело, всё ещё лило, и он не зажигал света — только камин. Треск поленьев вторил треску капель с веток вишни по карнизу. Чмокая, мы отпили кофе. Тогда Сева продолжил.

— Вам интересно, что случилось с Ритой?

— Да. Если бы я завтра же не уезжал отсюда, и мне бы довелось ещё общаться с ней — я бы не совал свой нос... Но *carpe diem*.

— Ладно-ладно, я всё понимаю. У вас же блокнотик в кармане не просто так.

— Размок... Так что же она?

— Полгода назад врачи выявили у неё рак. Печень, знаете ли... Он себя никак не проявлял, а рос, как бамбук. Пролечили её и химиями, и радиацией, и всем, чем можно, хоть вырезай. Да печёнку-то не отнимешь, а уж всюду метастаз... Бедная девочка, бедная... Весь рюкзачок обезболивающими забит.

Он стоял у окна, что-то высматривая. Словно полуночный гость пришёл. От разговора стало не по себе, я крутил в руках чашку, не подымая глаз, — может, это уже лишнее?

Я вспомнил волнение, вызванное её глазами, и теперь, как просматривая отснятую плёнку, увидел эту обнажённость. Наготу болезни, которую не скрыть. Сева услышал мои мысли.

— Боже мой, вы заметили эту гладкость лица? Волосы выпали. На Рите после всего лечения лежит печать иконы, да. Но возможно ли простому человеку принять бремя святых и мучеников?

— Не знаю...

— А я говорю, что возможно. Иначе зачем все эти рассказы и жития? Это как мерка, которой нас меряют. Дорос — не дорос. Работая врачом, понимая, насколько человек загадочен и как мало может наука, перестаёшь быть атеистом.

И вот мы идём, вокруг благодать, зелень, от реки прохлада. Но её слова меня, как кипяток. Ничего, говорит, не помогает, только замучили, только изуродовали. Скажите, дядя Сева, почему человек летит на Марс, строит космические станции, а земную болячку не может одолеть? Почему, говорит, на футбол и телевидение тратят миллиарды, а купить лекарство простому человеку денег нет? Почему закон Мёрфи, гласящий, что как только товар становится совершенным, его снимают с производства — то же касается медикаментов, — чтут больше заповедей Христа? Вот что она меня спрашивала. Но что ей мои слова? Что слова всех врачей мира? Ведь она не по прихоти от людей в деревню уехала. Чтобы подальше от слов и от жалости, потому что везде, где люди, — всюду эта жалость, да. Я вам скажу, недаром слова “жалость” и “жало” похожи. Как от злобных пчёл уехала из города девочка.

Про мучеников и святых я не просто так с вами заговорил. Вы знаете, как пророк Мухаммед получил озарение?

— Кажется, его взяли на небо, — ответил я, — и уже там...

— Нет, я не про там. Я про тут. Пока он наливал воды из кувшина, к нему явился ангел и вознёс его в высшие сферы. Верят, что там Мухаммед получил Коран, услышал голос Бога, научился быть пророком, и прочее. Но когда его вновь опустили на землю, капля из того самого кувшина ещё не успела упасть! Прозрение за один взмах ресниц!

— Я теряю нить.

— Тогда назад к Рите! Когда мы вышли на берег и решили пройтись вдоль него, она уже закончила свой рассказ, и верите — у меня глаза были на мокром месте. Я понял, чтобы беседовать с ней и сопереживать, мне необходимо выключить в себе врача. И когда я его выключил, от меня не осталось ничего. Так сильно профессия вьелась в меня. Не осталось ничего, кроме глаз, ушей... но, возможно, это и была первозданная чистота, да! Когда личность моя растаяла.

Рита остановилась над откосом. Она казалась такой худенькой, косынку трепало ветром, и там она была как мотылёк. Вот-вот — полетит над рекой, над полем... А потом, знаете, она улыбалась. И была такой же чистой. Нас обоих как бы не осталось тут, мы ушли, — он привстал из-за стола, взмахнув руками, разрывая над собой купол. — Только я ушёл в прошлое, в своё прошлое, когда я жил! — ходил в походы, имел друзей и был молодым... А она ещё глубже. Она ушла в настоящее, да. Я сентиментальный старик! Я наскучил вам...

Мне осталось только помотать головой — я сам готов был заплакать. Заметив рваный вздох, он плеснул мне коньяку.

— Давайте, осталось малость!

Мы выпили, и он продолжил.

— Мы смотрели на летнее поле, такое красивое и вольное! И тогда я просто услышал голос. Наверное, это она говорила, но меня же там не было... Голос сказал: “Как я хочу остановить это мгновение! Я ничего так не хочу и никогда не хотела, как этого мига, длящегося вечно”. Знаете, стена вечернего света встала на том берегу, закрыла луг. А перед этой стеной летела сорока. Такая яркая, вся жемчуг! А ещё выше — веер лучей, и в нём ласточка. И всё оно свет, и всё — жизнь. Как это? Как понять, как вернуть это всё?

Эта девочка была мудрей меня, потому что она была здесь и сейчас, а я, ветхий старик, только трусливо выполз в это настоящее из своих воспоминаний. Капля из кувшина не успела упасть. Я говорю ей, возьмите этот миг, прижмите его обеими руками сюда. Возвращайтесь на этот холм завтра и пишите. Теперь, Рита, вам открыт мир, говорю я. Завтра же купите кисти и мольберт. Рисуйте этот момент, смотрите, как он становится вечностью. Вам это открыто! Вы, Рита, — самый счастливый человек на земле. Вам открылось волшебство момента... Вы счастливы... Да...

Не помню, закончил ли Сева свой рассказ или там было ещё, но всё начало растворяться. Громче стал треск поленьев и капель по карнизу. Так громко, что это уже был не звук, а весь пережитый день. Всё в одной ясной тонкой линии. Её клала на холст Рита. Дарила миру мир, который когда-то был дарован ей.

Как славно, — думал я, засыпая за столом, — день даров, это был день даров!

Утром Сева собирался на автобус до поликлиники, а я мучился головой. Пришлось выпить два литра крепкого чаю с сахаром, чтобы как-то прийти в себя. Хозяин предложил мне остаться на день, но это казалось злоупотреблением, и я с благодарностью отказался.

В руинах головы плодились мысли — похмелье способствует философскому настрою. Сначала они лезли толкучкой, и всё путалось, но как только завертелись педали, мысли приоритетно построились.

Я ехал меж колдобин и всё думал — как теперь быть? О каких таких тяготах народных писать? Что Всеволоду Михайловичу не хватает в селе молодёжи? Что врач без единой мысли о здоровье пьёт горькую? Что вот такие дороги у нас, где велосипедист проедет быстрее машины...

И что? Мы получим ключ к спасению через эти статьи? Чушь! Какие всё это дразги! Какой плесневый, мелочный соцреализм! Крохоборство...

А как же быть? Сева говорил, что за журналистикой будущее. Что ж, разве что и впрямь на хлебе с водой. Это история с девушкой Ритой, большой раком, но нашедшей ключ к спасению души, — с этого я решил начать цикл своих статей, уже зная в глубине души, что моё расследование превратится в просто следование. По пути не к газете, а к людям.

Моросил тёплый дождик. Рита предвидела будущее — небо было уже не то.

УБИЙЦА

Мальчик лежал под сосной, в развилке могучих корней. Я заметил его с тропы, что просекой вела через лес. Он не двигался, и скула его белела из-под брезентового плаща.

Ни души вокруг, на часах — семь утра. Мой путь лежал через этот пролесок, и я хотел до вечера доехать до железнодорожной станции Балакирево, что близ Александра. На велосипеде это не заняло бы много времени, и я решил на прощание вдоволь нагуляться по лесам, ведь отсюда предстояло мне вернуться в Москву. Заночевать решил где-нибудь на опушке близ станции, а уже утром сесть в поезд.

И вот, набравшись духу, я подошёл к маленькому тельцу в несоразмерно широком плаще, оглядываясь, сжимая в кармане перцовый баллон. Но веки его дрогнули, и стало ясно — спит. Рядом стояла пустая корзина с привязанным ножичком. Встав над ним, я осмотрел лицо и плащ на предмет увечий, коих не оказалось.

Под ногой моей хрустнула случайная улитка, и от звука мальчик проснулся. С недовольным сосредоточением он стягивал глаза в кучку, сон одурью клеил их и разводил зрачки в стороны. Но страха в них не было.

— Ты чего тут? — спросил я.

— Да это... поспать лёг.

Подобравшись на локтях, мальчик рассказал, что дед с отцом подняли его ни свет ни заря и потащили за грибами. А он нарочно отбился от них в чащу, вернулся на тропу и решил добрать отнятый сон. Сладкий воздух леса особо благоволил часок-другой соснуть у сосны.

— Они, наверное, уже с ума посходили, что тебя нет, — я припомнил, что будто бы слышал полчаса назад протяжные крики вдали.

— Ничего, у нас деревня тут. Я и один дойду.

Мальчугану было лет десять, и по тому спокойствию, с которым он вновь укладывался как ни в чём не бывало, и по хмурой усмешке я понял, что либо за мазолью на пятой точке он не чувствует уже отцовского ремня и только для виду, должно быть, орёт “пап-не-надо”, либо в семье у них царит примат естественного отбора. И коли ребёнок не вернулся — сам виноват.

— Но всё же стоит дать им знать.

— Не, дядь, — он уже сдвинул кашпошон на глаза и с дремотной негой повёл плечами, — я им только обузой буду. Пусть лучше грибы ищут.

Заставлять его идти в чащу искать взрослых было глупо, но и с лёгкой душой оставить тут я уже не мог и потому решил отъехать по тропе до прогалины, а там сделать привал и наблюдательный пост.

Вскоре услышал голоса — крепкий мужской и сиплый — старика. Они нашли мальчишку и громко бранили. Я подобрался в своём укрытии и прислушался. Несколько хлопков по брезенту вызвали то самое “пап-не-надо”.

— Слушай ты, короед, я тебе ещё раз говорю, — это отец, — одному по лесу шляться запрещено! Пока не поймают этого... Хочешь бритвой по горлу и в кустах валяться?

Эти слова меня особенно зацепили, я тихо пробрался поближе, чтобы лучше слышать. Мальчик пробухтел что-то.

— Из Александрова, там изолятор. По этапу урок ведут, — отвечал старик, — Зек сбежал на той неделе. До сих пор поймать не могут.

— А участковый говорит, в наших лесах прячется.

Устыжённый мальчик молчал.

— Ну что, етить-колотить, хочешь с ним встречи? Он-то на тебе быстро отыграется.

— Он же за насилие с убийством сел. Ага, так и сказали — изнасиловал и убил.

— Да не раз. Серийный. По этапу шёл на Урал. Дней пять не ел, а у тебя вон щёки какие... сожрёт и спасибо не скажет.

Голоса удалялись в птичий пересвист. Сказанное про зека осело во мне, и, сам себе не признаваясь, я старался поскорей уехать из этих мест.

К вечеру показались крыши Балакиревских домов. Железнодорожная касса оказалась закрыта уже в пять, и хотя поезд ещё ходили, но ждать было долго. Я заехал в село за колбасой и хлебом, полюбовался заброшенной церковью, из самых стен поросшей берёзами, и подался в поле, где небо и сухой тёплый воздух. Последний в этом году.

В русском поле даже не ширь, а высота берёт. Не так рады храму широкому, как храму высокому. Поле похоже на храм, если выходишь на него через арки леса. И опушка — притвор его, горизонт закатного солнца — царские врата. Ну а что за горизонтом — этого нам с кондачка не постичь. Так что жги костёр в ночи и молись. Слушай хор пернатых и знай, что ты — в нём. Не было бы тебя тут на опушке — и птицы бы пели по-другому совсем.

Невдалеке остановилась машина. Я слышал, как хрякнула подвеска по ссохшимся в камень колеям. Обогнув кустарник со стороны опушки, вышел человек. Седой, худой и высокий, разглаживая усы, он наблюдал за мной какое-то время.

— Доброго вечера, — крикнул я.

— Отдыхаете? — спросил человек.

— Ночую, да.

— Вы один что ли?

Он обошёл меня по дуге, запустив глаз по рюкзаку, велосипеду и общему моему одичалому виду, и кивнул.

— Ладно, костёр не забудь потушить, как уйдёшь.

И направился обратно за опушку. Только на самом краю обернулся.

— И осторожней тут, а то всякое...

Хлопнула дверь, зашуршали колёса, и сумерки стали ещё глубже, ещё тише.

Чего он тут высматривал? Вспомнился уснувший под деревом мальчик, тот разговор про сбежавшего зека, и что он прячется в лесу.

С первыми звёздами смолкли последние птицы. Теперь только костёр остался собеседником. В его треске и ворчании были мне дружественные слова на чужом языке. И носителя этого языка ничуть не смущало, что собеседник не может ответить. Носитель знал, что просто слышать его — уже достаточно, чтобы чувствовать, что ты не один.

Искры поднимались к звёздам, и — о чудо! — звёзды опускались к земле. То был звездопад августа. Иначе — опалённые головни космического железа, расколотые метеориты. Небесный бильярд и никаких тебе звёзд. Всё зависит от того, романтик ты или скептик. И одному — готовые к пожеланиям звёзды, другому — орбитальный мусор.

Я вспомнил фотографию дельты Волги, полученную с космической станции. На ней тёмные жилы сшивали взвесь золотых и болотных лоскутов. Фотограф — космонавт, затерянный в пучинах тьмы, — радовался, очевидно, беря в объектив родную Волгу-матушку, но сторонний человек, не знавший, что перед ним, испугался бы чудовищной бесформенности с намёком на что-то живое, но бесконечно чуждое человеческому организму. Говорят, страх проходит тогда, когда даёшь ему имя и полку с бирочкой на витрине своего ума.

Я услышал треск, и он раздался не от костра. Обернулся. Чёрная масса опушки висела за спиной — оттуда был звук. Глаза, ослеплённые звёздами и костром, постепенно привыкли к темноте и отделили от неё светлый предмет. Я сморгнул — предмет исчез. Но тут же появился ближе, и вот уже — шагах в двадцати от меня.

— Ништанко, — гаркнул голос, — свои!

Я подумал, что он обратился к кому-то ещё, ибо не понял первого слова. Но он шёл один.

Это был даже не худощавый, а крайне иссохший человек без возраста. Лицо его шло волнами — от выпученных губ к вдавленному носу, надбровным курганам и бороздам плоского маленького лба. Вместо глаз — склизкие семечки, различить которые можно было только в свете пламени.

— Не возражаешь, братух, погреюсь? — он выставил к костру ногу в мокрой шароваре. — Роса. Не находишь много.

— Грейтесь, — сказал я.

— Тебя как звать-то?

— Дмитрием.

— Лёня. Будем знакомы.

Он протянул руку, и я увидел наклочку на запястье. Впрочем, это был безобидный якорь и “Балтфлот” над морщинистым солнцем. Человек сел напротив, подмигнул чёрным провалом и начал что-то плести про лес, дороги и свой далёкий дом, но речь обильно пересыпалась чужими мне словами — не теми, которыми общается костёр, а словами иного мироустройства, иного кода реальности.

— В гуцах кружевных пузыря пустил. Не петришь? Ну ты сам-то ма-

стак, вон палатка, все дела. А я по зелени башмак. Не китую, я тут один, места чужие, сам по эстафете иду... ну, в командировке то есть был.

Многое уже не могу припомнить, и пишу вольно. Но уже тогда было ясно, что это и есть тот пресловутый, ещё из советских лагерей, воровской жаргон “по фене”.

Я молча глядел в огонь. Наговорившись, человек начал рыскать глазами. Оглядев палатку, котелок с остатками вермишели и термос, он шмыгнул и спросил:

— Ханка-то есть?

— Чего?

— Ну, шнапс... водка. Чего на сухую загораешь?

— Алкоголя нет. Чай горячий. Кружка есть.

Я передал ему кружку. Он пригубил, поставил в сторону и с явной досадой вздохнул.

Только теперь, когда он поднимал кружку, зацепив за ручку пальцем, я заметил на этом пальце синюю наколку перстнем. И ещё дальше — меч со змеей, вылезшие из рукава. Там, под рукавом, было всё густо забито тату, и хозяин галереи вовсе не стремился её скрыть. Всё встало на свои места. Я даже усмехнулся — как это мне так повезло! Человек заметил усмешку.

— Обломал тебе балдѣж? Ну ничего, ты прости дядю. Мне, братух, податься некуда нынче. Заблудился я, — он недобро засмеялся, — заблудился в этой житухе. Без визы, без боржома. Скажи, если чо, если мешаю. Костѣр у тебя хороший, на одного много будет, а? Обидно, шнапса нет. А где намутить, не знаешь?

— Магазин закрыт.

— Ну да, — он побряцал кружечкой о камень, и снова вздохнул, — И не куришь?

Я помотал головой, он выругался, и пошелестел ладонями по бритому черепу. Вместо сигареты заложил в рот пучок соломин и принялся грызть.

— Давай тогда разговоры говорить, что ли. Чего опухать?

Было ясно, что напротив меня на кортах сидит тот самый беглый, что ночевать предстоит с ним у одного костра, и понапрасну были все помыслы блаженной тихой ночи в смиренном есенинском уединении.

И всё же — внушал я себе — это сидит человек, ессе homo, пусть уже больно ударившийся о дно, но ещё не утративший единых образа и подобия. Это сидит жизнь, полный своего личного мифа микрокосм. А значит, с ним можно и нужно разговаривать, и беседа будет интересна, ибо нова. К тому же — были ведь и Шаламов, и Мандельштам, и Гумилѣв с Лихачѣвым. Тоже сидели, тоже обтесались о блатной хребет. А “Записки из мѣртового дома”, где Фѣдор Михалыч жалуется, что самое ужасное на каторге было в возможности хотя бы пять минут за все четыре года побыть одному. Четыре года! А тут одна ночь... Так я настраивал себя внутренне на предстоящие часы. Хотя — чего кривить душой, — настроиться помогло ощущение тяжести перцового баллончика в кармане.

А он тем временем всё говорил и говорил. Так было надо — в молчании плохой знак. Когда закончатся слова, должны начаться действия, природа не любит пустоты. Но что мог сделать этот человек? Явно не встать и принести дров, не поставить чай и уж тем более к созерцанию огня и питанию слуха блаженной тишью ночи он не был склонен. Будем говорить.

— Ты сам-то чего тут?

— Журналист, — сказал я, втайне надеясь на вес значения. — Пишу для газеты.

— Опа-на, — оживился Лѣня. — Вечер перестаѣт быть томным. А чего ж тут, сенсация какая?

— Нет, всё обыденно.

— Ишь ты базаришь — обыденно. Житуха тебе скучная?

— Конечно, сенсацию-то всем надо. Да где её взять?

— Где взять? У меня их полон кишер с собой. Ночь долгая. Давай! Глядишь, наклонется, — предложил он, сползая с кортов на зад и устраиваясь у огня.

— Истории рассказывать?

— Жизнь, братуха, узнавать. До рассвета чалиться.

— Ну лады, только пускай не из нашей жизни, не про тебя, не про меня, — предложил я нейтралитет, дабы не бередить его былую рану. — Ну вроде анекдотов.

— Айда. Только парафин не лить, не фармазонить.

— Идёт.

И всю первую стражу ночи мой непрощеный товарищ плёл долгую и путаную историю, глядя не мне в глаза, а на пламя. Историю о некоем вахлаке и его кореше, как он именовал их, и которые заставили бывшего Лёню удивиться природе человеческой.

— Я тёртый и думал, меня уже ничем не пронять. А тут нашёлся добрый вечер.

Этот вахлак промышлял воровством в порту.

— С баржей пенку снимал. И был у него кореш, с которым они по грузу ворочали.

И вот как-то ночью вахлак тот ждал в лодке, а кореш его с палубы дорогой яхты чемодан тащил. Вдруг портовую мглу рассёк луч прожектора, вора с чемоданом засветили, и тот сиганул в воду. Тонул, но груза не отпускал.

— Бросай! — орёт вахлак из лодки. — Не выплывешь!

— Спятил? — захлёбывается вор. — Полон чемодан валюты!

Так и не отпустил, а всё загребал одной рукой за пирс, за камни, в открытое море. Ну вахлак его и бросил, сам носом по буям, и прочь долой. И так потонул вор, не отпустив заветного чемодана.

— Знать, на тот свет прихватил валюту-то.

И вот прошло с облавы полгода, вахлак опять показывать в порт стал. И раз во время шторма, сидя на бережку, якобы починяя удочку, но сам наблюдая, кто в бухту заходит, увидел он, как поднялась волна, и на мол вынесло мертвеца. Поначалу принял его за ком водорослей, но как волны промыли ил, различим стал остов скелета в полуистлевшем саване плоти и тины. А в руках скелет мёртвой хваткой держал чемодан.

Грызёт волче солнышко тучи, кипит море, лежит мертвец, волной пришибаемый. Вахлак догадался — кореш его всплыл. Бросился на отмель к нему, веслом из мёртвой хватки чемодан выворотил, да и взял себе. Ночью в своём углу подвальном вскрыл — и впрямь купорами набитый, а стопочки все там аккурат в целлофане, чтоб не промокли.

— И давай гулять всей малиной. Много дней гулял, с вином и бабами, со всей музыкой.

Лёня долго рассказывал о похождениях богатого вора, смакуя их мечтательно и с завистью. Так, что я и впрямь начинал верить в историю. Однако дальше оказалось, что однажды ночью мертвец пришёл к вахлаку за своими деньгами. Тут уж я ухмыльнулся. Вахлак, сказывал Лёня, сам поблднев весь, схватил чемодан и кинулся бежать.

— Опять валишь, падло батистовое! — в явном негодовании кричал мертвец ему во след.

И стал вахлак с той ночи седой, кривой и заика. И стоило ему только потратить копейку с тех денег, как виделся всюду мертвец. Совсем рассудок потерял, не ест, не пьёт, с бабой не гуляет.

И вот встретил он как-то батюшку местного прихода, отдал ему чемодан, а на те деньги завещал храм построить и грехи свои там отмаливать. А в напоминание купола себе на груди набил.

— Я те купола сам видел. Ни в сказке сказать, ни пером описать — но топором не вырубить, — заключил Лёня, отирая пальцами края улыбки. — Всякие картины наблюдал, у нас на зоне... то есть... тьфу ты, пробазарился... Короче, мастеров всяких хватает, что хоть в Третьяковку вешай. А эти купола, скажу я тебе, натурально живые, и не синие, а в золоте и зеленухе все. Мордомаз рисовал, знать, от Бога. А в груди, такими куполами расшитой, сердце должно колоколом звенеть, чтоб через рёбра сладкую малину лить!

В какой-то момент я почувствовал приближение “стокгольмского синдрома” — сопричастности и сочувствия, которые возникают у заложника

к бандиту. Было ли это изворотливостью ума в надежде усыпить зверя внутри человека? Ведь в нём был зверь, да. Он выскакивал во внезапных конвульсиях скуд, когда бугры желваков взбухают и опадают несколько раз подряд. Когда тик и дурное лихо в мелких мышцах лица — напоминание о прошлой боли, а в глазах — укол былых зрелищ. Или отупение взгляда — какие картины вставали перед ним? Сколько лет безнадеги и видений трупного ужаса?

Зверь этот не сидел в засаде, потому как не прятал следов своих когтей, и лапы его отпечатались на руках человека чёрной самодельной краской из жжёных подошв с каплей йода. А наколотый “МИР” на запястье, что успокоил меня тогда, позже я нашёл в справочнике, и аббревиатура эта означала “Меня Исправит Расстрел”.

Но когда он, захваченный древней стихией повести, вёл изукрашенный пёстрым словом рассказ свой, ни разу при том не матюгнувшись и прут не перегнув, лицо его преображалось.

Я вспомнил восточную притчу о стакане с водой, в котором демон видел яд, ангел — нектар, а человек — водицу, по мере их заслуг. То же самое и с лицом человеческим. Чистый сердцем увидит в другом чистое лицо, возможно ещё оставшееся от ребёнка внутри того. А верное слово часто воистину сердце слушающего, позволяя на миг заглянуть за мрачный полог прожитых лет говорящего. Он был не плох, этот беглый зек, но, увы, наверняка сломлен миром зла. И сам знал это, а потому и мучился и щетинился зверем.

Наступила моя очередь. Но что можно было рассказать ему? Все мои истории казались теперь наивными, а выдумать на ходу я не умел. И тогда на помощь пришли инстанции высшие.

— Так вот, — начал я, вспоминая давно пройденное. — Был один инспектор...

— Мент? — перебил Лёня.

— Нет, по коммунальной части. Поехал он как-то в глубинку местное землепользование проверять. Городок был далёкий и тёмный. А инспектор — видный и при галстуке. И вот закончил свою работу, все взятки взял. Можно домой возвращаться. Да как бы не так...

— Дунькой пырнули? — с надеждой перебил Лёня.

— Никто его не пырлял. Просто автобусы не ходили. В том городе в пять — последний...

— А он что, без своего мотора?

— Так его ж губернатор водкой потчевал. За руль нельзя.

Лёня вздохнул, почесавши за ухом, и уныло потрянул кружкой с остатками заварки.

— Ну, ему мужики и говорят, мол, за автовокзалом мотористы наши смену ждут, ты пойдёшь да попроси — отвезут в город на своей машине. Инспектору и пошёл. Мотористы отвозить его отказались, ибо скоро на смену, а если везти, то это пять часов туда-сюда, умориться можно, а иные пьяные. И только один согласился. Здоровенный такой оглобля, рябой, нос ломаный, выше на две головы...

— Короче, наш братуха, — крикнул Лёня.

— Инспектор как на него посмотрел — так мандраж его и взял. Но делать нечего — едут. Колымага у мужика дребезжит по ухабам, мотор ревёт, из-под колёс болото плещет. А инспектор чует — мужик на него вроде как косится, изучает. И думает: ну всё, сейчас обует, свяжет и тут в лесу на болотах оставит... если чего не хуже. Взятки-то я на сто тыщ набрал!

Давай его забалтывать: чего у вас тут, как с разбоем? Мужик говорит, тихо всё, преступности нет. Инспектор дрожит, но ухмыляется: и хорошо, говорит, что нет, а то опять носы бить да шеи ломать. Ты думаешь, я такой тощий и в морду дать не смогу? Ого! У меня чёрный пояс по каратэ, боксом всю жизнь живу. Такого вот, как ты, уложу запросто. Кости целой не оставлю. Мужик глянул, нахмурился, и быстрее поехал. Едут они по тёмному лесу, а инспектор в окно смотрит, но мест не узнаёт. Закопшился, паникует — ты куда меня завёз? Это что за глушь такая? Мужик плечами жмёт — всегда тут ездим, уважаемый, другой дороги нет. Инспектор кивнул:

тогда помедленней езжай, а то за нами ещё две машины едут с моими братьями, должны нас тут догнать. Охрана моя. У меня, вон гляди, под каждым кустом крыша сидит. Мужик согласен, едет тише. А тот всё заливает: я и без охраны, конечно, могу. У меня тут два револьвера — всегда, мол, с собой в командировки беру, служебные. Иной раз приходилось пользоваться. Эх, говорит, руки мои в крови. Только всё это заслуженно — сколько я головорезов на дорогах перебил! А мужик всё поглядывает и хмурится. Ну точно, думает инспектор, плохо дело, раз так зыркает... и говорит ему: что, показать тебе мои револьверы? Ну-ка сейчас. Сам под пиджак рукой лезет. Тут уж мужик по тормозам, дверь нараспашку и прочь из машины. Орёт: Богом прошу, Христа ради, не трожь меня, машину бери, кошелёк бери, всё отдам, не стреляй! И в кусты, и в ночь.

Лёня уже всю утиную смеялся.

— Ну взял на понтовку мужика твой инспектор!

— Так и сидел один в чужой машине посреди леса... Пересолил.

Повторяя обрывки моего рассказа, Лёня откинулся в траву, заложив руки за голову, и видно, вполне довольный.

Спасибо, Антон Павлович!

Накатывал сон, но я решил держаться до утра. Ведь стоило мне заснуть, проснётся зверь. Распихивать деньги и документы по карманам было уже поздно. Я притащил ещё дров и приготовился к стоянию.

Лёня спать тоже не собирался, и вскоре завёл новую историю, из которой я ничего не понял. Видимо, был в ней и смысл и сюжет, но он так усердно закодировал всё это феней, что оставалось плыть по волнам звука, иногда удивляясь ладности и мелодичности тайного состава тёмных слов. Фольклор, да и только.

Однако заговор, которым владеют колдуны, гипнотизёры и барды, потоком бессмыслицы способен усыпить рассудок и волю. Ум скользит по топким кочкам, не находя себе опоры для анализа, и валится в омут беспамятства, засыпая.

Лицо моего собеседника вдруг стало видиться мне в углях, губы красными змейками шевелились там. Голос был неотличим от тёмной вязи трав и кустов на заднем фоне. И вдруг он напылил на меня огромной, до самых крон сосновых, улиткой с человеческим лицом. Я вяло сопротивлялся напору её танковых гусениц, скрутивших огромный панцирь, и только ощущал вину за что-то. Потом меня раздавило.

Я открыл глаза в туманное утро. Было очень холодно и мокро от росы. Кашлянул, и тут же надо мной нависло рубленое лицо Лёни.

— Чего дохает, простыл?

Тело болело — я проспал несколько часов сидя с головой меж колен. Костёр давно потух, а Лёня расхаживался, махал руками, видно, стараясь согреться.

— Ничего я не трогал. Сотенку у тебя взял на хлебушек. Вот она, — он выудил желтоватую купюру из кармана. — Остальное на месте. Смотрю, тоже не жируешь.

Мой кошелёк аккуратно лежал поверх рюкзака.

Отвечать не хотелось. Мелькнула искра: жив, и то хорошо.

— Вижу, человек ты честный, добрый — ничего не вынюхиваешь про меня. И не брезгуешь. Так и надо. Иному фраеру вилы бы вкатил ночью. Но на мопса не беру, да и понты бить не буду. Скажу как есть. За мокруху я сидел. Но не брата убил, а бабу. Жена левым галсом пошла, я ей кливера и почикал. Да не стоит оно того, слышь.

Потом махнул рукой от затылка, и вздохнул.

— Да тебе что? Ты, поди, баб уважаешь. Я и не стану веру твою подрывать. Я и сам уважал, когда трезвый ходил. А как до ханки добирался... знал, что рано или поздно руки вымочу. — Он снова вздохнул. — А жаль, нет ханки-то у тебя. Ну ладно, ата! Не поминай лихом.

Иссечённый белыми рубцами затылок его таял в дымке, пока не исчез у самой опушки. И могло показаться, что и не было этой ночи, и не было человека. Вот так целые вселенные живут, цветут и гаснут рядом с нами, и в суете нашего быта легче всего забыть и никогда не вспоминать об этих ярких, грозных, просто по не той стезе идущих мирах.

ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВА

ДАЙ МНЕ ЦЕЛОЕ

* * *

Старый дом у реки, где на привязи лодка
Дремлет, носом зарывшись в белёсый песок,
На поленище кот изогнулся как скобка,
И от солнца горяч его бархатный бок.

Он тягуч как смола, вечер праздный и длинный,
И купаются мухи в ведре с молоком,
Между рамами окон краснеет калина,
И притихла гармонь под цветным рушником.

Поглядишь — тяжелеют ресницы от влаги,
Вдруг поймёшь, что все истины мира — просты...
Как светло оттого, что из белой бумаги
Распустились на старой иконе цветы...

Во дворе пахнет сладостно скошенной мятой,
Тонконогая лошадь вдали на меже,
Я была здесь такую счастливой когда-то...
Здесь теперь меня нет. И не будет уже.

ЯКОВЛЕВА Екатерина Викторовна родилась в г. Заполярный Мурманской области. Окончила Мурманский гуманитарный институт. Автор поэтического сборника "Дай мне целое" (2015 г.). Лауреат всероссийского литературного форума имени Н. Гумилёва "Осиянное слово" (2014 г.) и молодёжной премии "Золотой Дельви́г" (2016). Участник Форума молодых писателей России и Китая, проходившего в Шанхае. Член Союза писателей России. Живёт в г. Мурманске.

ГРИНЯ

Уродился Гриня дураком.
Кирзачи надев на босы ноги,
Ходит по деревне с бадагом,
Словно странник по большой дороге.

То поёт, кривляется, как шут,
То заплачет, в рукава сморкаясь,
Пожалеют мужики, нальют
Из бутылки, если что осталось...

Порвана рубаха на плече,
И соседи выгнали за двери.
Кто ему, бедняге, и зачем
Этот путь бессмысленный отмерил?

Жалобно наморщено лицо,
Волосы нечёсанные в сене...
Он вздохнёт и сядет на крыльцо,
И гармонь поставит на колени...

Его пальцы, словно мотыльки,
Запорхают. Музыка живая
Разольётся с силою реки,
Ни конца не ведая, ни края.

Потечёт по полю, через лес
Горькое и светлое посланье...
На худой груди нательный крест
Задрожит от частого дыханья.

Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты Гриня, Гриня, божий сын,
И тебе есть музыка на свете.

ДАЙ МНЕ ЦЕЛОЕ

В чёрный день просила хлеба
Я на паперти.
И послал мне старец с неба
Стол со скатертью.

И отрезал половину
Хлеба свежего.
Бес меня толкает в спину
Зло и бешено!

Добрый хлеб тот отодвинув —
Обесценила.
“Мне не нужно половину.
Дай мне целое!”

Небо мне — как на замочки
Дверь закрытая...
Молвил старец: “Что ж ты, дочка?
Видно, сытая...”

И исчез — как будто не был,
Только видится:
Белый снег, как крошки хлеба,
С неба сыпется...

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

* * *

А снегу, снегу намело
До самых окон.
В избе просторно и тепло,
И кот под боком.

На печке варежки лежат,
Унты и шапка.
По потолку, огнём дрожа,
Бежит лошадка.

А где-то в небе далеко
Луна, как перстень.
А в доме пахнет молоком
И мокрой шерстью.

Мороз наплавил на стекло
Свои узоры.
И всё беседы за столом
Да разговоры.

Зима лютует, точит меч,
Куёт доспехи.
И щёлкает старуха-печь
Во рту орехи.

* * *

Тёплый вечер, синий вечер,
В тишине лежит село.
Погасило солнце свечи,
Но ещё совсем светло.

Доит бабушка корову,
Дед ведёт поить коня.
Месяц выковал подкову
В небе около плетня.

Тихо, тихо ночь ложится,
Успокоилась земля.
Пусть деревня мне приснится
Да бескрайние поля.

В чёрной сбруе понесётся
Всадник, звёздами звеня.
Молоком парным прольётся
Топот млечного коня.

г. Иркутск

МАРИНА ПЕРОВА

* * *

Твои зелёно-серые глаза
Меня без колдовства околдовали:
Как молятся в углу на образа,
Так я молюсь их дымчатой печали,
Таящей блики солнечного дня
И томный жар седеющего лета.
Ты никогда не будешь “для меня”,
А я не стану спрашивать ответа.
Так прям и прост твой жизненный огонь,
Но как мне подойти к нему непросто!
Он больно жжёт несмелую ладонь,
А стать смелее не хватает роста.
Как зарево закат очередной.
Твои глаза всё так же смотрят мимо.
А я иду по городу. Домой.
И режут воздух взвизгами машины.

* * *

Когда твои руки касаются тела,
Одежда мгновенно становится лишней.
Песок подо мной ослепительно-белый,
И волны ласкаются нежно о днище
Оставленной кем-то у берега лодки..
И пахнет вокруг распустившейся вишней,
И солнечно-рыжим, как ты, апельсином,
Прохладной водою и ярким и пышным
Пожаром горячего танца латино,
Сквозящим в твоей мелодичной походке.
И как у смешного студента-мальчишки,
Становятся ватно-недвижными ноги,
И голос садится, пьянея от вспышки,
Что с кончиков пальцев, игривая, сходит,
Когда ты касаешься ими чуть слышно.

г. Курган

СЕРГЕЙ ШУБА

ДОЖДЬ

Кап. Кап. Тихонько так.
С листа — на землю
(глухое ворчанье собак).
Здесь идёт дождь. Тут,
среди заборов, берёз, штабелей
и складов нет людей.
Совсем нет людей.
И если забраться на крышу, то
увидишь дорогу и грязь (не проедет никто,
даже трактор), и молчание давит на плечи.
Вся моя родина давит на плечи.

Мокрая, влажно дышит в лицо.
Я помечен дыханием.
Уловивший его живёт вечно —
среди кустов, тополей и пожухлой травы
среди асфальтовых пятен и многоэтажек...
А сценарий один — его время покажет.
Только я не боюсь.
Ни свинца. Ни пустой синевы.

* * *

Зачем ты?
Зачем я?
Над моею землёй самое светлое небо.
Эта бездна без нас и зовётся Россия.

Утоляй, утопи все печали в гранёной воде.
Белым светом был мазан на зависть беде
Блаженный Василий.

* * *

Что тебе этот день?
Спор на странные темы?
Коротание под навесом коротких капель дождя?
Телефонные разговоры?
Мягкий свет у воды темноглазого Енисея?
Скудость слов?
Облака по размерам как сопка — вон та, дальняя...
Что тебе этот день, эта ночь —
Следующие именины сердца?

г. Новосибирск

ПЛАТОН БЕСЕДИН

КРЫМ: ОТ РУССКОЙ ИДЕИ К РУССКОЙ МЕЧТЕ

I

Мы так должным образом и не ответили на вопрос, почему Севастополь и Крым столь единодушно поддержали Россию в марте 2014 года. Так и не осознали колоссальный масштаб перемен, исторических, цивилизационных. Так до сих пор и не разобрались в событиях, изменивших прежде мироустройство. Да, мы в должной мере не поняли, что всё-таки произошло Крымской весной. И оттого не сделали деятельных, побуждающих выводов как связующих мостов в будущее. Сказано много красивых, эффектных слов, но понимания, выкристаллизованного, ясного, нет. Это можно назвать пассионарным взрывом или волей быть частью России, можно свести до инстинктивного стремления к безопасности и материальным благам, но поступить так значит оставить без внимания нечто важное.

К сожалению, отчасти так уже происходит. Понимание истинных причин, управляющих механизмов, роли Крыма в истории сегодня не корректирует дальнейшие действия на полуострове и на “материке”, в России, лишая их эталонного образа, логики, заставляя либо топтаться на месте, либо вязнуть в прошлом. Деструктивные факторы, добавившиеся или не изжитые, а в некоторых аспектах усилившиеся в новом российском Крыму, свидетельствуют о том, что ни Россия, ни полуостров не осознали масштаб свершившихся перемен, открывшихся возможностей, не подключились к могучим энергетическим потокам, высвобожденным в результате Крымской весны.

Между тем, именно эти источники способны питать не только сам регион, но и всю страну. Источники, которые бьют, kloкочут, но не находят вектора, рассеиваясь в неоднородном пространстве. Или, хуже того, становятся разрушительными силами несправедливости, обогащения, лжи. Сегодня, спустя два с половиной года после триумфа Крымской весны, мы, россияне, русские, стоим перед фундаментальным выбором: либо остаться в рабской константе однополярного мира, превратив своё главное достижение в обузу, либо направить энергию на эпохальную стройку будущей великой державы.

Тот, кто весной 2014 года был в Крыму, уже никогда не сможет забыть атмосферу торжества Правды как истины и справедливости на полуострове. Ведь именно защита Правды стала краеугольным камнем бескровного воссоедине-

ния Крыма с Россией. Там произошёл решающий для нашего Исторического Отечества цивилизационный переход — от русской идеи к Русской мечте.

II

Если бы не случилось Евромайдана, то Крым не воссоединился бы с Россией. Данное мнение и правда не лишено смысла. Евромайдан, действительно, стал катализатором, критическим фактором. При этом он лишь ускорил необратимый исторический процесс. Слишком много противоречий образовалось у Крыма и особенно Севастополя с Украиной. С той Украиной, которую планомерно инфернализировали по заказу и безрассудству.

Хотя она, хлебосольная, щедрая, вошла в долгожданную, выстраданную независимость с перспективой одного из самых развитых государств в Европе. Военный, научно-технический, промышленный потенциал — всё это было на высоком уровне. А ещё самая большая после России территория в Европе, и 52 миллиона человек, и плодородная земля, и идеальное географическое положение.

Но всё это растворилось в кровавой пене проклятых дней. Исчезло. Осыпалось. У нас отняли Украину. Забрали и растоптали на площадях. Расстреляли из “Градов”. Продали на Уолл-стрит. Расписали в Кремле. Нет Украины. Вместо неё сварганили суррогат, где не оставили подлинно своего — украинского.

Так произошло в том числе потому, что люди, ещё недавно славившие коммунистическую идеологию, по заказу со стороны и личным меркантильным мотивам решили заняться так называемым нац-building’ом. Украинцев разделили на правильных и неправильных, провозгласив лишь одно мнение, одно настроение, один взгляд. Всё остальное стало от лукавого, читай от Кремля.

Новый курс на правах первого президента озвучил Леонид Макарович Кравчук, в детстве носивший продукты “лесным братьям”. В советское время он отвечал за идеологию УССР, в том числе борясь с так называемым “украинским буржуазным национализмом”. Однако переворочение Кравчука из красного слуги в национального лидера случилось быстро. Именно при Леониде Макаровиче стартовало возрождение украинского национализма, хотя фактически оно началось ещё в середине 50-х годов XX века, когда амнистировали многих деятелей ОУН-УПА, а дальше чиновники и писатели создали “РУХ”, задавшись вопросом: “Хто з’їв моє м’ясо?” Затем Леонид Кучма — сам, правда, умевший маневрировать между Кремлём и Западом, этот мастер игры в политические карты — сформулировал национальную идею в знаменитой фразе: “Украина — не Россия”. Присвоение звания героя Украины Степану Бандере стало разделительной чертой, после которой прежняя страна была уже невозможна; она раздробилась, утратив целостность, прежде всего ментально. Так осуществили катастрофический, летальный раздел Русской (Православной) цивилизации. Теоретические основания для него были разработаны ещё в первой половине XIX века, а в конце века XX на его необходимости настаивали главные американские геополитики.

На украинском сепаратизме паразитировали многие из тех, кто приходил на Дикое поле: от поляков и литовцев до австро-венгров и немецких фашистов. И вариант с национальной идеологией, безусловно, напрашивался. Он стал, что называется, “ответкой” разжавшейся пружины. Украина прошла череду зависимостей, влияний. Всё украинское зачастую либо подавлялось, либо искоренялось. С обретением же независимости в 1991 году Украина наконец получила шанс стать действительно украинской. Но свой шанс она не использовала, оказавшись жертвой на дороге шароварного национализма. Дороге прямой, но дороге назад. В ад гражданской войны и противоречий. Никто не поручился, что украинское послезавтра не будет хуже украинского позавчера.

Да, для Евромайдана хватало объективных и субъективных причин. Слишком много в стране накопилось проблем. И главной из них стала непомерная жадность “семьи Януковича”. У тех украинцев, кто поднялся чуть выше среднего, отжимали и отбирали всё. За бесценок. Отбирали зачастую с жизнью. Сам Виктор Фёдорович стал символом глупости и коррупции, трусости и жадности. Над ним смеялись и его ненавидели. И у него не было ни единого шанса удержаться на президентском посту. Он, похоже, просто не

был рождён для этой работы. Но очень хотел быть там, наверху, играть роль царя, хотя не справился бы и с функциями колхозного председателя.

Один высокопоставленный украинский чиновник рассказал мне, что Евромайдан случился из-за сынков высокопоставленных украинцев. И это во многом действительно так. Когда в кабинет, например, генерального прокурора Киева заходил сын Пшёнки, вышибая ногой дверь и матом строя того перед подчинёнными. Сынки власть имущих откровенно издевались над Украиной, ставили её в те позы, какие рисовались в их извращённых деньгами и вседозволенностью фантазиях. О сынах же Януковича, их непомерной, поистине балаамовой жадности, вообще ходили легенды, отдававшие чёрной желчью. Бездарный в своей беспомощности и жестокости разгон Евромайдана в кровавую ночь с 29 на 30 ноября окончательно настроил украинцев против действующей, но уже приговорённой власти. Вышли и те, кто раньше желал сохранить нейтралитет.

Но когда Евромайдан инфицировал вирус национализма, русофобии, “революция достоинства”, объединившая по большей части искренних, жаждавших правды людей, превратилась в удавку на шее великой страны. Люди, которые хотели жить лучше, стали жить хуже. А сам Евромайдан оказался гигантским психологическим экспериментом по превращению хороших людей в злодеев. Они стали жертвами эффекта Люцифера. “Мирный протест” трансформировался в призыв, а после и в действие “жечь, убивать тех, кто мешает революции”. Интеллигентные люди, мутировав, стали убийцами. Caritas проиграл cupiditas, и участники битвы, как бесы, оказались повязаны кровью жертв, принесённых богам ненависти, алчности и разрушения.

III

Из Крыма это смотрелось особенно дико. А нападки, крики: “Эй, рабы! Чего молчите? Чего не выходите? А ну валите в свою Россию!” – провоцировали ещё больше. В итоге их адресаты вышли. Тысячи и сотни тысяч. Чтобы выразить своё мнение, чтобы идентифицировать себя. Потому что слишком долго, усердно издевались над их культурой, историей, языком. Слишком нагло, безответственно вели себя по отношению к ним, к русским украинцам и украинским русским.

Ведь многие люди в Крыму и на Востоке, да и по всей Украине тоже, не просили о революции. Они хотели рожать детей, зарабатывать деньги, возделывать огороды. Им не нужны были дымящие шины, убитые люди, горящие автобусы и разобранная брусчатка. Они не просили свергать президента, хотя многим из них он тоже не нравился, но своё “нет”, до которого оставалось меньше года, они бы сказали на законных выборах. Рабы, овощи, как их обзывали, до последнего не хотели войны. Однако “сознательные”, активные украинские “герои” решили иначе. Решили за всех.

Была какая-то чудовищная, с оскалом безумия издёвка в том, что новое, постевромайданное, правительство страны, вопившей со дна политической, культурной, социальной, экономической бездны, первым делом заявило о запрете русского языка и преследовании всего русского. Потом спохватились, конечно, но народ в Крыму уже разозлился по-настоящему.

Коктейлями Молотова, битами, пулями всем тем, кто жил в Украине, вдолбили обрекающую в своей безысходности догму: прав тот, кто готов отстаивать свою правоту любыми способами. Диалог стал невозможен. И уже никто не хотел слышать друг друга. Жуткая, вопиющая, гипертрофированная поляризация мнений, как ядовитый туман, повисла над Украиной. Люди ждали лишь того, что изначально хотели услышать. Без шанса на перемирие. Да, Крым терпел долго, но в итоге справедливо не выдержал. Связь с Историческим Отечеством и украинский абсурд сделали своё дело.

23 февраля 2014 года на полуострове всё изменилось. Севастополь стал пылающим очагом, витальным центром Крымской весны. На массовом тридцатитысячном митинге на площади Нахимова я видел новых севастопольцев: решительных, волевых, патриотичных, готовых действовать. Они вышли не только ради протеста против пикирующей экономики и унижительной диктатуры, но, прежде всего, ради самоидентификации. Вышли, дабы определиться: кто они, твари дрожащие или право имеющие. Право на жизнь. Право на

уважение. Право быть собой. Именно Севастополь стал сердцем Крымской весны, точкой сборки новой России, всей Русской цивилизации.

Для начала севастопольцы выбрали своего мэра. “Вы за Алексея Чалого?” – спросили людей на площади. И те ответили: “Да!” После отказались платить налоги Киеву, открыли счета для помощи городу. Начали организовывать отряды самообороны, ставить вокруг города блокпосты.

Сейчас много говорят – уже и памятники поставили – о “вежливых людях”, действовавших во время Крымской весны на полуострове. Называют ГРУ, к которому они относились. Но тогда, в феврале-марте 2014 года, простые люди об этом, конечно, ничего не знали. Более того, когда “вежливые люди” заняли симферопольский аэропорт, многие – и я хорошо помню это по реакции в обществе – подумали на украинских военных, решив, что всё – Крымская весна захлебнулась. Присутствие “вежливых людей” в крупных городах не ощущалось. Севастополь, Симферополь, Керчь и другие центры жили как раньше. “Вежливые люди” сосредоточились на ключевых объектах стратегического назначения, на периферии, где и развернулась главная и вместе с тем скрытая борьба. В том же Севастополе о революционных событиях горожанам напоминали лишь полсотни человек у госадминистрации да полевая кухня у Дома Москвы.

Но в медиапространстве сама собой развернулась настоящая бойня, очень быстро перекинувшаяся и на быт. Похоже, людей, сохранявших на улицах, в офисах нормальное состояние, дома, у компьютеров и телефонов, как берсеркеров, охватывала ярость, и они принимались нагонять страсти. Чем кровавее, чем братоубийственнее – тем лучше. Ежедневная игра в страшилки превратилась и в развлечение, и в оружие агитпропа.

Люди верили в войну. Люди хотели войны. Их готовили к этому десятки лет, убеждая, что русские и украинцы слишком разные, а главное – им есть, что делить. И в тлетворной среде, где иммунитет здравого смысла был сведён к нулю, Евромайдан стал тем вирусом, что превратил вялотекущую хроническую болезнь в острый, возможно, смертельный приступ. Инфицировав людей на центральной площади Киева, он разнёсся по городам и регионам, эхом отозвался в Крыму.

И в срывании украинских флагов с крымских государственных зданий, замене их на российские не было принципиального отличия от того, что происходило на Площади Независимости в Киеве месяцами ранее. Но не севастопольцы, не крымчане начали эту войну. За них это сделали, забыв об исторической справедливости, благодаря которой воссоединение Крыма с Россией обошлось без крови.

Хотя и она была, конечно. В Симферополе 26 февраля. Когда активисты Крымской весны столкнулись со сторонниками Евромайдана, главным образом татарами. Погибло, по разным данным, от 6 до 14 человек. Многим нанесли увечья. Тот бой крымские активисты, усиленные многочисленным десантом из Севастополя, проиграли. И, собственно, именно после этого Кремль решил, что на полуострове необходимо задействовать “вежливых людей”. Симферополь и особенно Феодосия не были столь однозначны в своём стремлении в Россию, как Севастополь или Керчь. Обойтись силами лишь местного ополчения там не удалось.

Отчасти потому новые крымские власти торопились с референдумом, переноса его с 25 мая на 30, а после на 16 марта. Потому что, как Евромайдан родил протест, так и Крымская весна – её напор, скорость, безальтернативность – плодила несогласных. Да, в девяностых написанное едва ли не на каждой стене “Крым – Россия” воспринималось как догма. Но со временем появилось новое поколение (не только возрастное, но и мировоззренческое), с одной стороны, не помнящее прежнего родства, воспитанное в дурноватых реалиях украинского агитпропа, а с другой, подходящее к вопросу практично: что даст нам Россия? Тем более что агитация перед референдумом выглядела топорно, безыскусно; делали её впопыхах. И, по сути, вся она свелась не к прелестям России даже, а к решительному “Нет бандеровцам”.

Меж тем, тогда – и об этом, конечно, не говорили – самые разные люди Крыма озвучивали весьма практические вопросы. И вызваны они были не украинским прошлым, которое навсегда отринули и вернуть его было невозможно, в том числе и для самой, приговорённой националистическим курсом Украины, но, прежде всего, российским будущим. За красивой историей маячили

суровые реалии. Насколько будут обеспечены вода, газ, электричество, учитывая зависимость от Украины? Кто будет платить зарплату, если центральные офисы находятся в Киеве? Что делать с банковскими вкладами? Кто приедет в туристический сезон? Каким будет транспортное сообщение? Не превратится ли Крым в отрезанный ломоть? Насколько велика угроза терроризма? Что делать с татарами, глава межджиса которых попросил НАТО ввести войска?

Многие из тех, кто вопрошал подобное тогда, глядели в будущее мудро. И потому восприняли трудности стойко. Так или иначе, в марте 2014 года сомневающиеся, практичные реалисты всё равно были в меньшинстве, потому что всеобщая эйфория, как сияющий покров, накрыла полуостров. Русская мечта осияла крымчан. Это правда. И референдум 16 марта стал не только эпохальным событием, но и настоящим праздником.

Атмосферу того величия, того торжества забыть невозможно. Новая сила родилась в Крыму. Казалось, она поднималась из самых глубин Чёрного моря, спускалась с покрытых хвойным ковром гор, витала в заряженном ионами патриотизма воздухе, питая. Нечто новое – и в то же время давно жившее – пробудилось в людях. Я назвал это чувство Внутренним Крымом. Оно стало зерном, из которого проросло древо самоидентификации, позволившее не отпасть, не отпочковаться от России, несмотря на 23 года, прожитые в отдалении. Отряд прикрытия государства российского – вот кем были крымчане до 2014 года, но его весной они стали солью русской земли, её надеждой и спасением.

Потому многое тогда воспринималось как сказка. Сакральная русская сказка.

IV

Люди, работавшие 16 марта в избирательных комиссиях, рассказывали мне, что на некоторых севастопольских участках не было тех, кто голосовал против вступления в Россию. И они не знали, что с этим делать. Ведь оппоненты в такое единодушие не поверили бы. Хуже – завыли бы о фальсификациях. Меж тем, нашлись, и немало, те, кто на референдум вообще не ходил. Потому что были за Украину и думали, что всё предрешено. В общем-то, они не ошибались. О заявленных 96%, проголосовавших за воссоединение с Россией, конечно, всерьёз говорить не стоит, но то, что результат был на уровне 75%, это очевидно.

И, безусловно, в Крыму голосовали, зная итог. Из школ, организованных под избирательные участки, неслось цоевское: “Перемен, мы ждем перемен!” К 8 часам утра возле них уже змеились очереди. Казалось, все пенсионеры пришли на референдум. Как на свой последний решающий бой. С верой в чудо. С верой в Россию. 16 марта 2014 года стало для них днём новой битвы, днём освобождения, днём победы. Они вытерпели, дождались. И заслужили свою награду. Даже те, кто в последние годы не выходил за пределы квартиры.

Пожилые люди – одни из главных героев Крымской весны. Их заслуга в том, что Крым стал российским, колоссальна. Они, наши ветераны, в шутку называют себя “недобитыми”, но воли, духа у них хватит на десятерых. И в том, что они стали основной ударной силой крымских митингов и референдума, есть своя логика. Потому что ментально в Украине над ними издевались больше всего. А над победителями издеваться нельзя. Над теми, кто прошёл войну, голод, лагеря и блокады. Над поколением выкованных из стали с пылающими сердцами внутри. В решающий момент они, выражаясь терминологией писателей-баталистов, нанесли сокрушительный ответный удар. Впрочем, может, их потому столь усердно травили – боялись. 16 марта для них настал ещё один День победы.

“Никогда не было столь высокой явки. Ни на парламентских, ни на президентских выборах, – говорила мне пухленькая девушка, член избирательной комиссии. – А главное – настроение у людей отличное. Пришли, как на праздник”. Многие крымчане на участках действительно поздравляли друг друга с праздником. А после, не сворачивая, кидали бюллетени в урны. Чтобы все видели: крестик или галочка стоит в первом квадратике – за вступление в состав Российской Федерации. И эта праздничная, радостная атмосфера радугой победоносной надежды протянулась к эпохальной речи Владимира

Путина, задекларировавшей сакральность полуострова и включение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

А дальше начались суровые будни, к которым многие оказались элементарно не готовы. Или не захотели быть готовыми. Крымскую радость заволокло проблемами, которых отчасти можно и нужно было избежать. Всё отчётливее люди начали понимать, что голосовали они за улучшенную версию Советского Союза (не случайно в народе гуляло воспоминание о хорошей жизни города-героя в советское время), за русскую культуру, за дом родной, а получили нечто сомнамбулическое, изуродованное прозападными реформами и олигархическими щипцами, скальпелями, исполосовавшими чудо-страну. Но понимание это нельзя было озвучивать, потому что любой критиковавший ситуацию в Крыму тут же записывался во враги Отечества, в предатели, у которых на лацкане пиджака засох укроп, а в перспективе предстояло общение с людьми, способными быстро и внятно объяснить, как и для чего родину любить надо. Пусть критиковавший хотел той самой справедливости, что, казалось, согласно русской хилиастической традиции, стала краеугольным камнем нового Крыма, новой России.

Певшие же сладкие оды, говорившие красивые слова приносили и полуострову, и России тот же вред, что и те, кто от мема “Крымнаш” морщился, точно вампир от крещенской купели. Создавая видимость всеобщего процветания, благоденствия, используя аргумент “зато нет войны” – в апреле дьявольской бойней полыхнул Донбасс – как заградительный щит против любых критических стрел, они выпестовали однозначность, вредившую поступательному развитию Крыма. С другой же стороны вовсю, точно беснуясь, злорадовывали “свидомые украинцы”.

Меж тем первые крымские трудности были логичны и ожидаемы. Тысячи беженцев, не согласных быть россиянами, уехали из Крыма. Земельный вопрос получил новый, ещё более беспринципный и беспощадный, виток. Застройка достигла катастрофических показателей. Европейские инвестиции прекратились. Иностранное суда отказались заходить в порты. Рухнула связь, банковская система. Люди, как в худшие времена, начали жить в очередях. Беспросветностью навалилась безработица. И всё это на фоне разговоров о новом прекрасном будущем, ясное дело.

Однако при всём этом негативе сами крымчане к данным тяготам по большей части оказались готовы. Мобилизовались, видимо, самой судьбой обречённые на стоический героизм. К тому же оперативные вопросы (вроде безопасности или связи) удалось решить быстро, достигнув приемлемого уровня.

Далее пришлось заняться вопросами системными, вопросами большего масштаба. И вот тут новый российский Крым забуксовал, став своего рода площадкой, где к прежним украинским бедам добавились новые, общероссийские.

Сквозь большие, добрые надежды Крым виделся площадкой, где, связанные новыми системообразующими смыслами, консолидируются, что называется, лучшие умы России, где та самая новая кровь вольёт недостающее звено в единый российский организм. И произойдёт синтез крымского и общероссийского. Прежде всего, в кадровом вопросе. Или, говоря метафизически, народится новый россиянин.

Однако, наоборот, именно кадровый вопрос стал наиболее болезненным на полуострове. И оскоминное оправдание, используемое крымскими властью имущими: “Мы расхлёбываем тяжёлое украинское наследие, выстраивая всё с нуля” – уже не работало. Те, кто руководит полуостровом, представляя его на самых разных уровнях, похоже, либо не понимают, либо не хотят понимать этого. Вся их риторика свелась к ура-патриотическим манифестам, переходящим в истерики, когда дискуссия затрагивает реальные, а не демагогические области. Там, где должен быть конструктив, где должны рождаться конкретные инициативы и совершаться фактические дела, многим властью имущим нечего сказать по сути, нечем крыть критику, звучащую всё активнее, нечем гордиться, и вот тогда они, согласно старой потрёпанной методичке, поднимают вой о “пятой колонне”, о вредителях, ренегатах, завербованных Украиной и мешающих процветанию российского Крыма.

Но в современном Крыму не Украина виновата в новой кощунственной застройке, наибольших в стране ценах, возросшей коррупции, публичной

грызне, обнищании населения, сокращении выплат бюджетникам, беспределе чиновников. Главная “пятая колонна” есть крохоборно-нечистоплотная часть крымской власти. Под патриотические настроения, под антиукраинские истерики они продолжают грабить и уничтожать Крым, занимаясь тем же: 90% чиновников после весны 2014 года не поменялись – раньше они служили Киеву. Они просто заменили портреты Януковича на портреты Путина, жовто-блакитные прапоры – на российские триколоры и продолжили лгать и растаскивать.

И когда глава Крыма Сергей Аксёнов, к которому крымчане в большинстве своём относятся с уважением, говорит о том, что поставленным задачам не соответствует половина, а может, и большая часть крымских чиновников, то он фактически признаёт бессилие нынешнего руководства полуострова. Бессилие, зачастую переходящее в глупость, компенсирующуюся, как известно, наглостью. И зачастую именно из этого произрастают многие крымские беды.

Власть старая. А вот проблематика новая, и она стала заметно многообразнее. Но лица на агитках – всё те же. Те, кто ещё недавно числился в статусе украинских депутатов, отщёлся от жёлтых и голубых цветов, густо намазавшись красной, белой и синей краской. Те, кто ещё недавно гнул на полуострове линию Киева, теперь стал преданным патриотом Москвы. Ни шагу без российского флага здравниц в адрес правителей (хором, хором!). Но все эти речи звучат нелепо на фоне реальных дел. Потому что у руля непрофессионалы, и оппонируют им другие непрофессионалы. Те, кто не вытягивал в спокойное время, тем более не справится сейчас, когда обстановка сгустилась. Стало труднее, острее, резче; иначе и не бывает в условиях блокады, войны. Ответственность нынче – тройная, и требования к тем, кто занимает руководящие должности, тоже.

Подчас нехватку кадров на полуострове стараются компенсировать людьми, присланными с “материка”. Иногда данная мера имеет успех, однако чаще назначенцы оказываются такими же непрофессионалами, как и местные, но до кучи ещё и не знающими крымской специфики. И это в свою очередь рождает новые системообразующие вопросы. Почему в Крым отправляют людей не просто с сомнительной репутацией, но уже очернивших себя? Тех, например, кто имеет в послужном списке судимости или обвинения. Что это – тотальная нехватка кадров в России? Или сознательное наполнение полуострова отработанным материалом?

Многие при этом просят с “материка” в Крым сами, полагая, видимо, – иногда небезосновательно – что здесь лежит новое российское Эльдorado, которое (ну, как без этого?) скорейшим образом надо освоить. В результате дело предприимчивых Остапов Бендеров цветёт.

Однако кадровый вопрос на полуострове не стоит упрощать, сводить лишь к чиновничьему – в лучших традициях Гоголя или Салтыкова-Щедрина – беспределу. К тому же это ведь не только крымская, но и общероссийская ситуация, где медведи на воеводстве, земляники в больницах и скалозубы в армии. Говоря же непосредственно о Крыме, нужно, как учил один не слишком успешный лидер, смотреть глубже.

Когда мы вспоминаем чудо, произошедшее на полуострове, то, безусловно, подразумеваем рождение новых смыслов, новых идей, устремление всей страны к энергетике больших целей, и та Русская мечта, что пробудилась на берегу Чёрного моря, несомненно, должна нести прежде всего созидание народу и государству. Однако возможно подобное лишь при появлении новых, свежих людей, которые интегрировали бы данные смыслы, идеи в реальную жизнь, во всех сферах – от политической до культурной. Нам нужны государственники, писатели, художники, бизнесмены из Крыма, ставшие бы успешными общероссийскими примерами, ролевыми моделями, образцами.

Но этого, к сожалению, не происходит. Крым подарил надежду новой России, но не воплотил её в реальных людях; Русская мечта не инспирировала их. И это, к сожалению, одна из главных проблем Крыма, от решения которой зависит будущее и полуострова, и, без сомнения, всей страны. Без героев обыденного времени Крымская весна не может считаться реализованной в полной мере. Те же герои, что появились тогда, в 2014 году, в новых реалиях либо не прошли испытания временем и масштабом, либо были сознательно оттеснены, либо ушли сами.

Однако нельзя, как то пытались делать, оправдать все крымские беды сугубо кадровыми вопросами. Или необходимостью окончательно погрузиться в общероссийский контекст. Потому что многие из проблем, которые испытывают крымчане, связаны как раз таки с федеральной повесткой. И речь идёт, прежде всего, о крахе в социальной сфере.

С возвращением в Россию крымчане надеялись на достойный уровень жизни учителей и медиков, чьё благосостояние, да и душевное, моральное состояние тоже, постсоветская действительность расплющила более всего. И поначалу казалось, что это действительно произошло. Врачи, педагоги начали получать достойную зарплату, главным образом – за счёт доплат и надбавок. Однако уже с января 2015 года они были сняты. Учителя и медики вновь оказались нищими. Более того, их вынудили к чудовищной бюрократической деятельности по заполнению сотен и тысяч бессмысленных справок и бумаг. В результате за чуть большие, чем он получал в Украине, деньги в России медик должен работать в 2-3 раза больше, тратя время не на спасение жизней, а на канцелярию.

И такое положение дел, катастрофическое, в медицине и образовании – общероссийская ситуация. Это следствие губительных для страны реформ. Полуостров тут стал лакмусом, свидетельствующим о совершенно бездарном и безраздном положении дел в данных сферах. Однако многие вновь, демагогируя, списали это на сугубо региональную специфику и предложили подтянуть Крым к ситуации по стране в целом. То есть, видимо, приговорить окончательно. Крым фактически продемонстрировал те недостатки, которые терзали Россию всё это время. Недостатки, свидетельствующие: “В этой гавани что-то не так. Она нуждается в инвентаризации, реставрации, модернизации (список –ций можно продолжить)”. Во многом Крым сегодня – та призма, сквозь которую можно рассматривать многие беды России, познающиеся, что называется в сравнении. И к социальным вопросам очень скоро добавятся новые беды – миграционные, например.

При этом существовать люди Крыма, где подчас уже кощунственно выглядит разделение на очень богатых, бедных и нищих, вынуждены в условиях самых больших в России цен. Без какого-либо внятного объяснения тому беспределу, что творится с ценами на полуострове. И дело тут не только в логистике, о которой столько сказано, а в той порочной, коррупционной системе, что действует на полуострове. Местные производители же, мелкие и чуть крупнее, давятся и уничтожаются крупными игроками с “материка”, устанавливающими свои правила. И главный беспредел, конечно, развёрнут в ценовой политике на жильё, всё больше напоминающей московскую. Такой ценовой подход для региона, пребывавшего в стагнации двадцать три года, это очень серьёзный, если не нокаутирующий удар, который всё труднее скрывать за несомненно благодатным и важным возвращением домой.

Безусловно, необходимо говорить и о том, что происходит в Крыму в последнее время в культурной сфере. Ведь именно благодаря русской культуре – русской, в самом широком понимании данного определения – и произошло возвращение полуострова на Родину. Севастопольцы, крымчане, несмотря на все навязчивые и зачастую подлые попытки привития ложной истории, ложных ценностей, всё это неисправное время оставались с Россией, в её ментальном, культурном поле. Причём оставались не благодарю, а вопреки.

Однако по-прежнему уничтожена “Ясная Поляна” в Гаспре. Свеж и до сих пор тлеет костёр скандала в Херсонесе. Литературный Коктебель превращён в зланный рассадник. Рушатся Митридат, крепости в Судаке и Балаклаве. Бардак и самодурство царят в музее Чехова. Этот проблемный список можно продолжать бесконечно. Места, имеющие колоссальное историческое значение, многие из которых неразрывно связаны с выдающимися русскими мыслителями, продолжают оскверняться и уничтожаться. И происходит это мракобесие уже на Родине, куда крымчане устремились, прежде всего чувствуя ментальное, социокультурное и метафизическое единство. Устремились оттуда, где долгое время не слишком трепетно относились к их истории, языку, культуре, где Политика Памяти велась в одностороннем порядке, а вещественные проявления этой Памяти уничтожались.

Собственно, пожалуй, именно беспредел в культурной сфере Крыма и демонстрирует то, что полнота возвращения на Родину не достигнута, что есть

и должны быть исправлены многие недостатки. Потому что культура в государстве первична, а в крымской истории уж так точно. Крым – это, без преувеличения, сокровищница русского искусства. И здесь необходимо произвести тщательнейшую ревизию культурного наследия – ревизию сакрального. Беспредел на данной исторически важной земле должен пресекаться самым категорическим образом, а ключевые объекты, эти места силы, облагорожены и восстановлены. Последние указания Президента и премьер-министра свидетельствуют, что созидательные шаги в данном вопросе сделаны. Дай Бог, чтобы мы не повторяли слова, сказанные Александром Пушкиным о полуострове ещё двести лет назад: “Страна важная, но запущенная”.

V

Наиболее проблематичным, огненным – во всяком случае, в публичной сфере – и, безусловно, ключевым стал конфликт, разыгравшийся в Севастополе, из городского, регионального быстро переросший в федеральный. Город, ставший центром Крымской весны, точкой сборки новой России, превратился в точку разборки, генерирующую в общероссийское пространство отрицательные поводы. Красивая история о воссоединении осталась в прошлом, а на её место пришли дрязги и тяжбы, сотрясшие засечный камень и форпост Русской цивилизации. Если Крым, несмотря на разнородность, массу проблем и обилие скандалов, попытался позиционировать себя единым пространством, то Севастополь предстал зоной мощнейшей внутривнутриполитической борьбы, вышедшей – а точнее сознательно выведенной – сугубо за местные рамки.

Первоначальной причиной тому называли конфликт губернатора Севастополя, вице-адмирала Сергея Меняйло и Председателя Законодательного Собрания, “народного мэра” Алексея Чалого. Искры из скандальной топки летели такие, что подожгли весь город. Хотя ещё недавно казалось, что авторитет Алексея Чалого, заставившего многих – наверное, впервые за последние двадцать лет – поверить в городскую власть, был действительно непререкаем, и думалось, что у Севастополя появился свой, “народный” мэр, потомственный севастополец. Однако Алексей Михайлович решил отчалить. И, возможно, не будь этого решения – его решения, как он сам признал, – новая севастопольская история не оказалась бы столь терниста. Но тогда, в решающий момент, Чалый, понимая всю степень ответственности, весь спектр проблем, которые неизбежно бы ударили по его рейтингу, предпочёл стать “серым кардиналом”. Будучи не системным человеком, не политиком, но блестящим генератором идей, проектов, он захотел оставаться главным, но не нести при этом публичной ответственности. Не получилось. Во многом из-за того, что Меняйло не захотел быть “ручным” губернатором.

Сначала оппонентов мирила Москва, а после не смогла уже и она. Хотя в декабре прошлого года Чалый ушёл со всех должностей, а летом этого года был отправлен из Севастополя на повышение в Сибирь Сергей Меняйло (тем самым у городской оппозиции был выбит главный козырь – критика власти). Однако уход главных действующих лиц конфликта не затушил его. Он разгорелся с новой силой, подчас бурля ещё яростнее, чем прежде. И Дмитрий Овсянников, назначенный временно исполняющим обязанности губернатора, не только не стабилизировал ситуацию, но и сам оказался в центре противоречий. Хуже, пламя перекинулось на весь Крым.

В первую очередь потому, что данный системный конфликт изначально был не только противоборством конкретных личностей, персоналий, но явился противостоянием – и противостоянием куда более серьёзным, бескомпромиссным – концепций, мировоззрений, подходов, а главное, групп влияния. Причём, групп влияния не только на городском уровне, но и на федеральном. За Севастополь развернулась настоящая битва, а вместе с ней и битва за всю Россию. Ту Россию, о которой Президент заявил в своей Мюнхенской речи.

Собственно, данный конфликт во многом и предопределил то, что новый российский Севастополь вместо планомерного развития двигался, если двигался, вперёд рывками, через усилия. Советское наследие, где органично сочеталось и военное направление, и промышленное, и научное, и интеллек-

туальное, не реставрировалось, не модернизировалось, а местами, наоборот, чахло.

В Севастополь, как в боевое место, сегодня бьют намеренно, через него раскачивая ситуацию во всей стране, и в итоге нацеливая удар на Президента. Оттого к местной вечно бурлящей революционной массе добавились проходимцы разных мастей, от либеральных деятелей до “общественников”, что со времён Украины, как политические сомы, рыскают в мутной воде в поисках падали. К местным же силам прилипли и федеральные — из тех, которые обычно принято маркировать либеральными (не в подлинном смысле данного понятия, а в контексте новой неолиберальной диктатуры). Проще говоря, Севастополь стал инструментом в заскорюзлой политической игре. И на него станут давить ещё больше! Ведь отвоевать город-герой значит отвоевать символ, забрать себе очень важное, во всех смыслах знаковое место. А поводы для недовольства всегда найдутся.

Потому столь важно понимать и модерировать глубинную — психологическую, историософскую — подоплёку вхождения Севастополя в единое поле России. Если Крым ментально всегда оставался островом, государством в государстве (*status in statu*) — самоидентификация “мы крымчане” здесь доминантна, то Севастополь вообще представлял “островом в острове” — “Мы севастопольцы”. Тому способствовали как очевидные предпосылки — закрытый город, подчинение центру (Москве, Киеву, Москве), мощная военноморская база, ключевой форпост, героическая история — так и факторы глубинные: крещение Владимира, распространение трудов Кирилла и Мефодия, языческие святыни, инспирация Толстого и Пушкина как двух столпов русской литературы, засечный камень. Но беда заключается в том, что между тем превеликим и славным прошлым и обыденным настоящим, куда более скудным, неприязнательным, наличествуют убийственные разрывы, которые существенным образом отражаются на ментальности севастопольцев, порождая в их сознании определённого рода диссонанс. Удивительно и вместе с тем логично, но город, ставший засечным камнем Русской цивилизации и, по сути, сам являющийся городом-цивилизацией, давно уже не плодоносит, не живородит; земля эта не даёт новых смыслов, новых героев.

Но так было до Крымской весны. После марта 2014 года, казалось, всё переменялось. И город-герой вновь сказал решающее, поворотное слово в русской истории. Данный посыл, коррелируя с источающим свет прошлым, породил новую волну избранничества, уникальности в сознании севастопольцев. Прежде всего, среди их передового отряда, посчитавшего себя кем-то вроде мессий, пришедших спасти грешную Россию, решившего на базе одного города построить свой новый дивный мир, Град образцовый.

И в этом, безусловно, есть своя сила, своя правда. Более того — своя необходимость. Потому что тьмы в Российской Федерации, действительно, хватает, даже если смотреть через гламурного цвета очки. И рассеять её, хотя бы на локальном уровне, давно пора. Севастополь тут может дать положительный, деятельный пример. Он может стать островом, где установится правда и свершится та самая русская справедливость, к которой апеллировал Президент. Собственно, такова новая историческая роль Севастополя — принести ключевые смыслы в Россию, став для её сердца инъекцией патриотического адреналина.

Однако в этом же есть и своя отрицательная прелесть, разрушительная опасность. Особенно если учесть, что на новых лидеров и героев Севастополь и Крым, как выяснилось, оказались не столь щедры. Западная чистка и социально-экономические факторы проредили эту важную землю. Привнесение новых смыслов невозможно в одностороннем порядке, в отрыве от остального мира. Тем более от ближайшего мира, от своего государства. Потому что Россия — страна мультикультурная, мультинациональная. Она тканый ковёр, где перетягивания лоскутов разорвут всё полотно. И если вдруг каждый не только ощутит свою особенность, что, конечно, неплохо, но и превратит её в обособленность, в разрушительное избранничество, тогда это приведёт к негативным последствиям. Уникальность, талант без созидательного упорядочивающего начала в конечном счёте выпестуют гордыню и приведут к бунту, плодами которого воспользуются мерзавцы, чтобы делить, дробить, разрывать остатки.

VI

В истории бескровного воссоединения Севастополя и Крыма с Россией необходимо рассмотреть и ещё один, ключевой, элемент: как сама Россия отреагировала на данное событие. Оказалась ли готова к нему? В должной ли мере оценила и приняла? Получила ли то, что ожидала? Вдохновилась ли, стала сильнее?

Официальная версия гласит, что все россияне единодушно, радостно и вдохновенно поддержали возвращение Крыма в состав Российской Федерации. А не поддержали его лишь те, кто, по обыкновению, занимал антигосударственную позицию, а также калачные и убогие. Я, конечно, утрирую, но лишь отчасти.

Потому что для большинства россиян – или, правильнее говорить, русских людей – возвращение Крыма действительно стало колоссальным событием, надеждой и озарением. Недостающий элемент встал в многообразную российскую мозаику. Так в книгах и фильмах, необходимо отыскать бесценный артефакт, как правило имеющий особую символическую историю, чтобы с ним заработала уже вся система, чтобы получить могучую силу, чтобы спастись. Крым, несомненно, стал таким артефактом. Более того, он, пожалуй, стал главным – и на государственном, и на личностном уровне тоже – связующим страну и идентифицирующим каждого гражданина фактором. Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты. В известном “Крым наш”, безусловно, оказалась скрыта не только радость от обретения сокровища, но и торжество, пиршество духа каждого русского человека, в последние десятилетия замученного, онасекомизированного до примитивных инстинктов и желаний, регламентированных жидкой наличностью в кошельке. С возвращением Крыма у многих россиян вновь появилась вера в Отечество и в самих себя. Внутренний Крым воскресил Внутреннюю Россию.

Казалось, само Отечество впервые в новейшей, постсоветской, истории обратилось к людям. Вспомнило о них. И народ откликнулся. Оттого радугой промелькнула надежда на то, что там, на верхах, наконец-таки зародилось драгоценное понимание: главное богатство, сокровище России – не нефть и не газ, а люди, русские – в ментальном значении слова – люди. Те, кто был истерзан, исполосован феноменальным по своему бесстыдству и алчности распилом обглоданной, осквернённой державы. Возвращением Крыма был дан конкретный ответ на главный вопрос неисправных девяностых: “А где твоя Родина, сынок?” Русские своих не бросили. Вместе с Крымом люди обрели Родину. Крымское чудо трансформировало сознание миллионов, растопило лёд чувств, рассеяло осоловелость мыслей, вдохнуло жизнь и объединило атомизированное общество.

Или нам лишь показалось? Насколько глубоким, внятным было, если было, понимание масштаба коренных перемен, затронувших российское мироустройство после Крыма? Ведь со временем из толщи мутной российской многострадальности выплыло слишком много обломков, угрожающих пронзить крымский линкор, а вместе с ним и всю Россию. Когда эйфория спала и оказалось, что за сказку о воссоединении надо платить, что потерпеть придётся, возможно, даже мучительно и долго. Крымскую историю перевели на сугубо материалистические рельсы. Свет потух, и из тьмы вновь показались слугители Мамоны.

Авторитеты из власть имущих заявили, что мартовское решение по включению Крыма в состав Российской Федерации стало серьёзной, если не роковой ошибкой. И быстро подсчитали убытки от данного шага – 150–200 миллиардов долларов только на ближайшие 4 года. К власти – той её части, что всегда не разменивалась на Родину и народ – добавились орды гуманистов и моралистов, усиливших поднятый ранее вой о бессовестности и аморальности “крымской аннексии”. Со многими же, что называется, простыми людьми, теми, кто ещё недавно столь бурно радовался воссоединению, управиться оказалось ещё легче и от того печальнее – на них в очередной раз надавили бытовыми тяготами. Внешние санкции вкупе с архетипическим разгильдяйством ухудшили жизнь в России. Народу стало труднее жить. В который раз. Объяснение тому, конечно, подбросили сразу, его в принципе готовили загодя: не было бы аннексии, жили бы вы сейчас терпимо, как раньше, но, простите,

страна сделала выбор, так что – извиняйте, а лучше делайте выводы собственно о стране и о том, нужен ли был вам этот злосчастный Крым.

Рискованной в своей вариативности для спекуляций оказалась уже сама формулировка, изначально подкинута сверху: “Россия спасла Крым”. В том числе и из-за неё в случае угроз выходило так, будто родители усыновили ребёнка, не оценив своих сил и возможностей, не оценив последствий, а теперь мучаются, не в силах отдать дитё назад. Разговоры “мы вас спасли” ожидаемо перешли в плоскость “вы нам должны”. Одно из главных достижений внешней политики России в её постсоветской истории постарались назвать ошибкой и даже провалом.

Полуостров представили заржавевшей воронкой, куда Кремль вбухивал гигантские средства, отрывая их, ясное дело, от других российских регионов. Так, что впору было кричать: “Хватит кормить Крым!” Вместе с этим устойчиво прививался и другой миф, будто крымчане – это такие недороссияне, коллаборационисты, которые пришли туда, где посытнее, и при этом имеют наглость жаловаться, хотя на деле они, кланяясь, благодарить должны. Тут достаточно вспомнить молчание федеральных СМИ относительно проблем Крыма во время блокад. В этом было что-то совершенно дикое, то, что казалось если не сметено, то хотя бы подрихтовано чудом воссоединения: сначала голосить об опросе “Дождя” о Ленинградской блокаде, а после не замечать блокады Крыма.

Но только ли украинской была эта блокада? Только ли Запад терзал Крым сдерживающими мерами и санкциями? Ведь крупнейшие российские банки в Крым идти побоялись. Здесь нет и общероссийской сети заправок. Нет даже салонов сотовой связи, а сим-карты, которые ходят на полуострове, белые, чистые, без каких-либо опознавательных знаков. Всё это, как и многое другое, подобное, весьма симптоматично. Коммерческие интересы для крупных российских игроков как всегда оказались важнее всего. Для них Крым – всё ещё не Россия. И, возможно, ей он никогда и не будет. Более того, возможно, что и России для них не существует. Для них она лишь поле, которое, обогащаясь, вычистить, выкачать до критического предела нужно. Да, в век Мамоны новые герои и смыслы проступают с особенной чёткостью.

И такое положение дел наверху – одновременно директива и сигнал для тех, кто стоит ниже в иерархической лестнице, для дельцов и челяди самых разных мастей. Когда не только западные, но и российские (краснодарские, ростовские, московские и другие) фирмы и предприятия, часто – и это одно из объяснений – являющиеся либо филиалами иностранных компаний, либо зависящие от них, отказываются работать с Крымом. То же – и с частными лицами. Оттого ситуация всё больше напоминает трагикомедию, когда приходится объяснять, для чего России нужен Крым, объяснять, отбрасывая громкие словеса о метафизике и оперируя сугубо социально-экономическими понятиями.

Но реальная проблема, как в той зацитированной повести, действительно лежит в душах и головах некоторых россиян. Для них Крым в принципе – чужой. Как чужая для них – и вся Россия, где им, бедненьким, пришлось жить, а потому только доить и доить основательно. Чужим является для них и любое проявление воли, индивидуальности, русскости, потому что они привыкли видеть и трогать лишь то, что приносит моментальные дивиденды, приближая к успеху. По сути, расширяя контекст, в крымской истории сошлись две идеи, две идеологии, две концепции, две цивилизации и, главное, две мечты – Американская (American dream) и Русская.

“Dream” – меж тем в переводе не только мечта, но и сновидение, комфортное, приятное, но осоловелое в своей сытости. Русская же мечта, наоборот, ясна, осознанна и должна приносить понимание того, ради чего ты здесь, на этой земле, рядом с этими людьми, и почему в жилах твоих течёт русская кровь не как идентификатор национальности, но как социокультурный код, объединяющий совершенно разных людей.

Американская мечта индивидуальна: она во многом сказка о новой земле, о новом свете, примкни к которому – и достигнешь личного счастья. Для себя и для тех, кого в узкий круг свой включишь. Русская же мечта всегда соборна; жидущаяся на идее спасения для себя и для других, она не может существовать в отрыве от родной земли, но новые или новые-старые, как в случае с Крымом, земли приходят к ней. Русская мечта собирательна и по

своей идее, и по образу действия. Не только в плане физических, но и метафизических пространств тоже. Она не может заключаться в возвеличении себя за счёт других, в возвышении через запелляционную силу. Не мы, русские, лучшие, но с нами становишься лучше. Именно это чудо соборности, собирания, бескровного воссоединения и произошло с возвращённым полуостровом.

Крым сегодня – это шанс и возможность. Крым – это русский ответ всему тому мракобесию, что смущало, оплёвывало, терзало Россию все эти годы. Это огненный глас двух миллионов людей, преобразивших, согласно русской традиции, реальность мечтой. И в то же время Крым есть индикатор подлинной русскости человека. Он есть ответ на вопрос: “Кто ты на самом деле?” Человек, у которого на паспорте – двуглавый орёл, а в быту – возможность дойти Россию, или носитель русского кода, русской культуры, часть великой державы.

На этот вопрос надо ответить и крымчанам, и россиянам на “материке”. Ведь русский крест – это раскаяние, искупление и спасение. И проблемы интеграции Севастополя и Крыма в Россию, трудности их полного глубинного принятия – это свидетельство раскола, разброда внутри самой страны. Оттого мост в Крым нужен не только физический, но и психологический, тот мост, по которому пройдут магистраль обмена созидательными идеями, смыслами. В Крыму должны сосредоточиться мощные инициативы в области русской словесности, искусства, должна декларироваться и развиваться подлинная история нашего Отечества, и через это историко-культурное сосредоточение и обязательное взаимодействие с “материковой” Россией, с принятием её лучших людей и идей, “важная, но запущенная” земля, принесла новые смыслы, должна окончательно укрепиться в российском и международном пространстве как точка сборки Русской цивилизации.

Иначе и Крым, и Россия могут стать изолированными островами, а в россиянах может умереть, подчас и не родившись, Внутренний Крым, а вместе с ним и Внутренняя Россия. А на их месте останется лишь чёрная отметина наподобие той, что образуется при злокачественном заболевании. Она станет и напоминанием, и диагнозом, и предвестием катастрофы. Так быть не должно. Россия отыскала лекарство, и оно не может, не должно превратиться в разрушительный яд.

VII

Важно сказать ещё и вот о чём. Помимо прочего, бесценного, события февраля-марта 2014 года начали в том числе и серьёзную дискуссию о новой опоре России. После воссоединения Крыма с Россией поиск её интенсифицировался. И здесь, конечно, нельзя опереться на так называемых либералов, открыто заявляющих о своей нетерпимости не только к государству, но и подчас ко всему народу. Да, при случае, в час X, за нужную сумму они готовы будут окончательно несогласных туда, куда захочет того действующая власть. Так уже было. Однако это не долгосрочная, не фундаментальная перспектива.

Казалось бы, в таком случае остаются только их оппоненты – патриоты. Но, как просканировал Крым, и с ними есть серьёзные проблемы. Патриотизм в России необходимо объяснить и даже, что, в общем-то, совершенно дико, оправдывать. На него приходится завоёвывать право, как и на любовь к Родине в целом. Хуже того, “патриот” всё больше воспринимается российским обществом в связке с негативными коннотациями, зачастую в юродствующем ключе, а “любовь к Родине” отдаёт неудобоваримой архаикой, вызывая ёрничанье и ухмылки. Любить Родину становится зазорно и чревато. Да и само “качество” патриотов, что называется, вызывает серьёзные нарекания.

Не случайно столь оскоминно много твердят о “профессиональных патриотах”, людях расчётливых, предприимчивых, знающих, когда и где за Родину покричать нужно. Во многом из-за таких дельцов, превращающих чувство глубинное в предмет торга, в России сегодня и происходила дискредитация патриотической идеи. Она как зримаая, овеществлённая компонента Русской мечты страдает и разрушается от примеси материалистической составляющей. Этот кризис незамутнённости чистоты помыслов, чистоты идей после Крыма проступил особенно ясно.

Меж тем, Крым, пробуждённый Русской мечтой, когда и мы, и страна наконец-то помыслили друг о друге и о себе сами, указал на третью силу. На людей, продемонстрировавших, что значит по-настоящему, вопреки многому, любить Родину. Людей, находившихся в отдалении, потерявших Отчизну за 24 часа, но явивших, несмотря ни на что, подлинное национальное самосознание и колоссальное духовное терпение. Терпение, благодаря которому русский народ во все времена справлялся с многочисленными лишениями, болезнями, испытаниями, обрушивавшимися на него. Совесть научила, побудила этих людей забыть о сугубо личном, обособленном, мелком и стать деятельной частью высшей идеи. И в жизненной конституции этих людей, этих новых героев, безусловно, лежал идеализм. Благодаря ему они смогли преобразить реальность через мечту, совершив исконно русское, неопишное – Подвиг.

Идеалы есть та побудительная сила, что задаёт вектор движения не только в материальном, но и в духовном мире, обрекая на героизм. И третья сила, явленная воссоединением Крыма с Россией, не могла состояться без воли к идеализму. Собственно, новая опора страны должна концентрироваться как раз-таки вокруг этой воли. Без интеграции данной третьей силы в общероссийское поле крымское чудо может захлебнуться.

Русская мечта как побудительная сила, как идеал новой России приоткрылась нам. И пора всерьёз ответить на ключевой вопрос: готовы ли мы идти к ней, вместе с ней дальше, в ещё более переломное, неисправное или, если использовать эсхатологический контекст, судное время, когда ложные идола либо падут в реку забвения, либо окончательно вознесутся на площадях. Время новых свершений, новых побед стучится в наши сердца и призывает к ответу, требуя решительности, искренности, воли к идеализму, требуя соответствовать нашей великой истории, продолженной и в то же время начатой чудом бескровного воссоединения Крыма с Россией.

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ

“НОВЫЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ” КАК БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И тоска ещё бывает такая нестерпимая по воображаемой, возможной литературе...

В. Лихоносов

1

Герои этой статьи – молодые авторы, вошедшие в литературу в недавнее время, – Андрей Антипин, Елена Тулушева, Юрий Лунин, Алёна Белоусенко, Иван Маков и другие. Все они либо младше тридцати, либо немногим старше, и большинство из них публиковались в журнале “Наш современник”. Журнал, разглядевший в своё время в молодом Распутине будущего русского классика, и сегодня верен своему призванию, он ведёт целенаправленный поиск молодых талантов, открывая их произведения для своих читателей.

Надо сказать, что творчество героев статьи не осталось незамеченным – о них говорили на Круглых столах по критике при Союзе писателей России и на Селезнёвской конференции в Краснодаре; о них писали как маститые критики – Александр Казинцев и Алексей Татаринов, так и их ровесники – например, молодой критик Ирина Шейко. На них нападали, их защищали – в течение нескольких месяцев на страницах “Литературной России”, “Нашего современника” и “Дня литературы” шла ожесточённая полемика, начатая Сергеем Морозовым, обвинившим молодых авторов в чрезмерном следовании традиции и в оторванности от жизни.

Впрочем, в данной статье полемики не будет – во-первых, полемика с Сергеем Морозовым исчерпалась в тот момент, когда было убедительно доказано, что вызвана она не желанием критика поговорить о новых именах, а кампанией “Литературной России”, направленной на дискредитацию “На-

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич родился в 1985 году в городе Салавате Республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт имени Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах “Наш современник”, “Новый мир”, “Октябрь”, “Роман-газета” и др. Лауреат премии имени Гончарова в номинации “Ученики Гончарова” (2013 г.), ежегодной премии журнала “Наш современник” (2014 г.), премии “В поисках правды и справедливости” (2015 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

шего современника”. А во-вторых, нам важно будет не защитить этих авторов от каких бы то ни было нападений, но серьёзно осмыслить их творчество.

Новое поколение в литературе — это не всегда радость обретения значительных произведений или авторов, обладающих полноценным художественным мировоззрением, — но всегда надежда. И потому, чтобы рассуждать о новом поколении, недостаточно, на наш взгляд, просто перечислить наиболее талантливых его представителей, проанализировать их достоинства и недостатки, сделать выводы об их сходстве или различии между собой. Важно сказать, на что же мы надеемся, то есть ответить на вопрос, какой именно мы хотим видеть современную литературу, какими качествами она должна была бы обладать, какие задачи ставить, какие вопросы решать — иначе говоря, каким мы представляем себе её идеальный образ. Такой подход вообще характерен для русской критики — например, В. Белинский и Ап. Григорьев, а в последние времена — В. Кожин, М. Лобанов, Ю. Селезнёв, не мыслили себе разговор не только о молодом поколении, но и вообще обо всей современной им литературе без проверки её на соответствие суровому идеалу, который они держали в своём уме и своём сердце.

По этому пути попробуем пойти и мы.

Но для того чтобы говорить об идеале, формировать в своём представлении не абстрактные его характеристики, а реальный, объективно существующий образ, необходимо понять, в какой точке исторического развития отечественной словесности мы находимся в настоящее время — как мы здесь оказались, куда движемся. Нельзя писать о современной литературе, не осмыслив историю её развития, не поняв внутренней логики, по которой это развитие происходит, ведь *“полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперёд”**.

В рамках этой статьи мы, конечно же, не будем покушаться на осмысление тысячелетнего пути русской литературы — лишь укажем на то, что отечественная критика занималась этим напряжённым осмыслением и именно в нём (а не в простом разборе произведений современников) видела своё подлинное назначение. И мы теперь можем следовать по этому проторенному пути, обнаруживая основание духовно-нравственных исканий русской литературы в её древних памятниках, таких, как *“Слово о Законе и Благодати”* и *“Повесть временных лет”*; наблюдая, как русское народное самосознание впервые во всей целостности воплотилось в личности Пушкина; как напряжённо и трагически искала русская литература возможность преодолеть *“пошлость пошлого человека”* в произведениях Гоголя; как пыталась *“при полном реализме найти в человеке человека”* в романах Достоевского; как спускалась на неведомую ещё литературе глубину человеческого характера в диалектике Толстого; как приходила к потрясающей широте народного у Шолохова; как внезапно выражала то советское, что являлось частью подлинно русского, в лице Андрея Платонова и Леонида Леонова; как копила мудрости в военной прозе 60-х и выражала накопленное в *“деревенской прозе”*. Развитие русской литературы — глубокий и сложный, но в то же время внутренне логичный процесс, и мы до сих пор находимся внутри этого процесса, хотя до конца и не отдаём себе в этом отчёта. А значит, и идеальный образ современной литературы не может не быть как бы продолжением этой магистральной линии.

Но для того чтобы продолжать, нужно от чего-то оттолкнуться. Не могло быть Гоголя без Пушкина; Достоевского без Гоголя; Шолохова без Толстого — вот и современная литература не может появиться на пустом месте, не может не быть связанной с последним мощным явлением в русской литературе — *“деревенской прозой”* 60-х–80-х годов. Конечно, здесь под *“деревенской прозой”* мы подразумеваем вовсе не узкотематическую литературу о деревне и крестьянстве, а те наиболее значительные художественные произведения Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, которые, по словам Валентина Распутина, в первую очередь *“занимались нравственным здоровьем человека — и человека настоящего, и человека будущего”*. У деревенского направления

* Герцен А. И. Дилетанты-романтики // Собр. соч. в 8 тт. М.: Правда, 1975. Т. 2. С. 586.

были и другие цели – выражение народного самосознания, развитие и обогащение языка художественной прозы, сохранение памяти об укладе народной крестьянской жизни, решение насущных общественных проблем, но поиск и утверждение нравственного идеала было целью первоочередной. И именно в этом современная литература призвана продолжать традиции своих предшественников.

Однако если в 60-х–80-х годах авторам деревенской прозы идеал виделся ясно и явно: *“добро и зло отличались, имели собственный чёткий образ”**, и лишь угадывалось в людях то, что добро и зло вскоре перемешаются, что *“добро в чистом виде превратится в слабость, зло – в силу”*, то современные писатели получили в наследство от морока 90-х годов не только разрушенную страну, но и повреждённый нравственный облик человека. И это, безусловно, главный вызов, с которым новому поколению придётся столкнуться.

Между “деревенской прозой” и сегодняшним молодым поколением – три десятка лет, вместивших перестроечное брожение, крушение страны, постмодернистский угар и медленное отрезвление – три десятка лет, во время которых у писателей и критиков традиционного направления почти не оставалось сил на осмысление, а хватало только на истощающую борьбу, необходимую для выживания русской литературы. Но задача нового поколения уже не бой во внешнем литературном и общественном процессе – не утверждение реализма над постмодернизмом, а патриотизма над либерализмом, задача нового поколения – поиск и осмысление внутреннего вместо внешнего, и в этом смысле – возвращение и подлинное наследование великим авторам русской литературы. Впрочем, может показаться, что мы считаем последние тридцать лет эдаким чёрным пятном, во время которого не происходило никаких особенных художественных достижений и открытий; это, конечно же, не так. Во-первых, в это время продолжали творить признанные классики “деревенской прозы”; во-вторых, писали свои лучшие произведения те, кого можно было бы назвать “младшими деревенщиками” – Владимир Личутин, Владимир Крупин и духовно близкие им Николай Дорошенко, Пётр Краснов, Вера Галактионова; продолжали это направление в следующем поколении – Михаил Тарковский, Анна и Константин Смородины; а в следующем – ближайшие предшественники героев нашей статьи Ирина Мамаева и Дмитрий Новиков. Все эти авторы так или иначе черпали творческие силы в следовании традиции и пытались осмыслить тяжёлое для страны и народа время, в котором жили; и они так же могут служить примерами для молодых авторов, входящих сегодня в литературу.

И вот теперь, оглянувшись назад и определив в прошлом те маяки, на которые нам необходимо ориентироваться, мы можем двинуться вперёд и попытаться ответить на вопрос, какой же мы видим идеальный образ современной литературы, что ждём от нового поколения, какие надежды (может, чрезмерно смелые) на него возлагаем.

Итак, во-первых, современная литература, на наш взгляд, призвана пытаться проникнуть в глубь человека, осознавая и открывая всю сложность его душевного мира, всю бездну возможного падения и всю пронзительность раскаяния и милосердия. Ведь в центре русской литературы всегда была душа человека и тот нравственный компас, который позволял ему различать добро и зло. И речь идёт не только об исследовании вечной природы человека, но и ответе на вопрос, что нового современная эпоха может открыть внутри нас, как она изменяет нас и как мы сами можем изменяться и двигаться к извечному нравственному идеалу в новых исторических условиях.

Во-вторых, современная литература, на наш взгляд, призвана воплотить в своих произведениях народное самосознание, понять, как русский народ воспринимает современный исторический этап своего развития. Трагедии 90-х годов уже было посвящено несколько серьёзных художественных произведений, например, повесть Валентина Распутина “Дочь Ивана, мать Ивана” или повесть Николая Дорошенко “Запретный художник”, но это был взгляд как бы изнутри, полный горечи и отчаяния, – возможно, более полное осмысление этой трагедии ещё впереди. С другой стороны, в последнее время произошли страшные события на Донбассе, которые, несомненно, ждут своего автора. И может быть, идея русского мира, о которой так много сейчас говорят,

* Валентин Распутин. “Пожар”.

будет восприниматься нашими потомками не просто поверхностным лозунгом, а началом мощного всплеска народного самосознания.

Понять, что нового современная эпоха открывает внутри нас и как русский народ в своей целостности воспринимает текущий этап своего развития – это значит, по большому счёту, осмыслить своё время. Зачастую современная, особенно либеральная, критика представляет отражение своего времени главной задачей литературы, однако понимает это отражение как запечатление сиюминутных тенденций, эдакий фотографический слепок с мгновенной ситуации, и не желает признавать, что тенденции эти потеряют актуальность через несколько лет – а вместе с ними почти наверняка утратят ценность и творчество писателя, который пытается эти тенденции схватить, и размышления критика о таком писателе. Подобный взгляд – поверхностен, он отражает отсутствие целостного мировоззрения. Напротив, понять, что в нравственном устройстве человека и в мироощущении народа есть характерного именно для сегодняшнего исторического момента, – значит разрешить вопрос об отражении своего времени максимально полно и глубоко.

И задача эта даже не узколитературная, но и в полном смысле общественная. Ведь сейчас мы приходим к пониманию того, что экономика, политика, военная мощь – всё это ничто без человека, без антропологического идеала, обрести который невозможно без осознания себя частью своего народа. И задача русской цивилизации сейчас не только и не столько в том, чтобы вернуться к сильному справедливому государству, но, прежде всего, в том, чтобы показать этот идеал поступками, а в конечном счёте – всей жизнью каждого русского человека. Эту задачу невозможно решить в той модели коллективистского государства, где в духе Великого инквизитора распределяются небольшие материальные блага взамен на покорность, которую предлагают сейчас многие, даже искренне желающие России добра и процветания, люди. Воспитание целостного мировоззрения наших соотечественников, обретение в каждом из них глубокой личности – вот что могло бы дать нам шанс. А воспитание целостного мировоззрения невозможно без искусства и в частности без литературы.

И наконец, в-третьих, развал страны в начале 90-х годов прошлого века не только обернулся глубокой трагедией русского народа, не только дал нам небывалый опыт крушения и возрождения, но и высвободил тот мощный религиозный пласт, который находился у наших соотечественников в генах, воздействовал на них опосредованно, через русскую литературу и философию, но не мог быть осознан в полной мере в советское время. И теперь мы можем говорить о том, что у современной литературы есть и ещё одна задача, даже сверхзадача, – это выразить христианское мировоззрение, понять и показать человека, в душе которого с силой властвует христианский Идеал, но сделать это не в форме нравоучительной сентенции, а в форме живой жизни, воплощённой в слове. Это означало бы следующий шаг от предельной человечности русской литературы (и «деревенской прозы» как последнего мощного его воплощения) ко второму тому «Мёртвых душ». И может быть, русской литературе и нужно было сначала заглянуть так глубоко в человека, как она смогла сделать в романах Достоевского и Толстого, а потом в полной мере осознать свою близость к народу, к его корням, в лучших произведениях XX века, чтобы, наконец, пережив очередную трагедию, развалившую страну изнутри, показать всему миру путь человека к христианскому Идеалу.

Допустим это; скажем об этом ясно, но осторожно; поймём умом, что обыкновенный грешный человек не может претендовать на то, чтобы вести кого бы то ни было к Идеалу; осознаем опасность *«говорить о грехе там, где надо говорить об ужасе, или о святости там, где надо говорить о красоте»**. И более не дерзнём рассуждать о том, что не можем вместить в себя – лишь сохраним в сердце этот образ как недостижимый Идеал *«воображаемой, возможной литературы»*, предоставив промыслительной силе определить, в какой мере этот Идеал достижим в реальном мире.

И вот на такой высокой ноте мы и приступим к рассмотрению конкретных произведений молодых прозаиков и попытаемся взглянуть на их творчество сквозь призму того представления об идеальной современной литературе, которое мы выразили выше. И пусть это новое молодое поколение ещё только

* Митрополит Антоний Сурожский. Духовная жизнь. Духовное наследие, 2013.

формируется, пусть оно ещё сыро, пусть оно пока ещё – лишь обещание, надежда. Но, если эта надежда имеет какое-то основание, то что же может быть радостнее для вдумчивого читателя и русского человека?

2

При упоминании имени молодого иркутского прозаика Андрея Антипина обычно говорят о его языке, наследующем Валентину Распутину. Это не лишено смысла. Действительно, именно живой народный язык – это и та среда, в которой молодой писатель чувствует себя как рыба в воде, и предмет его напряженного творческого освоения. И здесь Антипин наследует, на наш взгляд, не только и не столько Валентину Распутину, сколько “младшим деревенщикам”, таким как В. Личутин и А. Байбородин.

Образность языка молодого прозаика несомненна. Вот главный герой повести “Дядька”^{*} заходит в дом, где живут братья с невестками: “Он робеет в присутствии невесток, к которым никак не может привыкнуть, и всякий раз идёт в дом, как в черёмуховый сад, где юно и пьяно качаются сарафанные ветки, а от грубых и нарочно громких замечаний братьев не знает, под какую половицу запасть. Отшучивается полным ртом и до ушей заливается баннным жаром, когда невестки окликают его, как маленького: – Мишенька, тебе ещё окрошки подать?” Вот привычно ссорятся старик со старухой и не могут никак примириться в повести “Плакали чайки”^{**}: “Нет, от венца не было меж них понимания и уж, видно, до гроба не найдут одного слова на двоих, будут таскать его каждый день в свою сторону, как пилу-двухручку, к чёрту изведут совместную жизнь”. Вот в ранней повести Антипина “Капли марта”^{***} мама, находящаяся в больнице на лечении, звонит своему сыну, оставшемуся с бабушкой в деревне: “Мальчик звал маму приехать и, конечно, пускал слезу. На другом конце тоже хлюпало, а потом сыпались короткие гудки: курлы! курлы! Как песня осенних журавлей. Их было так много, что если бы всех собрать в стаю и заставить разом заплакать, то мама с бабушкой ужаснулись бы: сколько мальчик перенёс из-за них горя! Но, кроме него, никто этих брошенных мамой гудочков собрать в себе не мог, и поэтому ни одна душа не ведала о приключившейся с ним беде”.

Как свежи эти сравнения дома, в котором живут молодые жёны братьев, с черёмуховым садом; отношений между пожилыми супругами с двуручной пилой, которую те тянут в разные стороны; гудков в трубке после звонка мамы с курлыканьем журавлей. Язык Антипина наполнен такими примерами.

Образность его поднимается до подлинной поэзии, как, скажем, в зачи-не повести “Дядька”: “Когда они жили-были, небо коптили, горькую пили, а пуще робили, любили горько, пред сильным робели, но врагу не спускали, правды стыдились, над кривдой скорбели, а уж пели от сердца – гармошки рвали, а в сердцах тужили – волосы рвали; так вот и были, лихо хлебали не за полушку, не за получку пахали, на семь ртов подмогу растили; словом, не шибко жили, стариков гневил, кресты топтали, под крестик державу крепил, а себя – забывали... Однажды уходили, меркли, мёрли, мёрзли, таяли, затухали, затихали, падали в могилы, засеивались безвестными костями от Непрядвы до обглоданного рейхстага, да так, что и до сего, уже пожатые, стоят у ворога в горле и не дают хищникам покоя... Но вот вышел срок, и они почти все иссякли, измельели, испелись, испелись на Руси, исчезли в клубящемся прахе и глубинной горечи земли... И, пустив шапку по кругу, изыщем ли нынче верные слова, чтобы поведать о них? что им сказать? да и услышат ли? и надо ли им?... Молчат”.

Язык Антипина, ясный и простой в ранних повестях, становится богатым до медовой густоты в поздних, например, в “Горькой траве” или “Дядьке”, так что редкий гурман сможет проглотить повести целиком в один присест. Эта усложнённость и избыточность языковой ткани – следствие того, что основное внимание Антипин-прозаик, видимо, уделяет именно языковой сфере, а художественное развитие воспринимается им, прежде всего, как обогащение языка. И потому с одной стороны мы видим в антипинской прозе – языковое

* “Наш современник” №9, 2014.

** “Наш современник” №1, 2012.

*** Русский литературный журнал “МолОКО”, 2010.

богатство, чрезвычайно ценное в наше “безъязыкое” время; а с другой стороны – сталкиваемся с неоправданным усложнением текста, вынуждающим буквально “продираться” сквозь него. Кажется, именно своеобразная прочистка языка под проточной водой, его осветление, гармонизация – и есть первоочередная задача прозаика в настоящий момент. Возможно, движение в сторону языковой чистоты и строгости другого представителя “деревенской прозы” – Виктора Лихоносова (наследующего в этом смысле Ивану Бунину) – могло бы быть для него перспективным.

В языке и в его художественной образности – корень и антипинского психологизма, так что подчас герой вырастает перед нами не столько благодаря своим мыслям, чувствам и даже делам, сколько благодаря языковой образности. Вот Дядька в своей обычной стихии, пьёт берёзовый сок после работы на пашне: *“Дядька обеими руками подносит склянку ко рту. Ночь мигнула звездой, а склянка полнэхотка. Сок льётся через край, сверху барахтаются муравьи. И Дядька пьёт этот сок прямо с живыми муравьями, и те муравьи, которые чудом спасаются от раззявившейся воронки, мечутся по стеклянной ободку, но и они не уходят от гибели, и медведь смахивает их языком”*. Таким герой предстаёт в минуты, когда занят делом, осознаёт, зачем и для чего живёт: *“Уж если что-то озарялось в нём и, шаркнув о рёбра, высекало короткую искру, то всё в Дядьке схватывалось единым стихийным порывом, трудно и гулко нарастало и, двигаясь к выходу деятельным добром, мощным зарядом ударяло в руки, как молния в дерево, и жизнь сама собой билась в пульсации некой свьше отворенной жилы, пёрла в руки, словно рыба в крупные сети, а разная мелочь и чепуха существования проплывали насквозь, не задевая Дядькиной души”*. А вот тот же Дядька вдруг вскипает обидой на мир и начинает бегать по селу, искать выпивку: *“И была это уже не дума, а думка – поспешная, некрасивая, жалкая. В этой слабенькой думке, как в обмелевшей реке, зияли рельефно и зримо все камни, все коряги и повороты Дядькиной иссушенной души: где занять, найти, добыть, выпросить, украсть...”* И когда все эти разрозненные куски собираются в одно, то и предстаёт перед нами характер Дядьки – с одной стороны, спокойный и уверенный в себе медведь, с другой – молния, ударившая в дерево, пульсирующая теперь в нём, выходящая деятельным добром; в одни минуты душа полная, как сети с крупной рыбой, а в другие – изворотливая, во время поиска выпивки, как обмелелая река.

Чтобы полнее проникнуть в художественный мир Андрея Антипина и проверить его на соответствие тому образу современной литературы, который мы нарисовали выше, нам необходимо будет несколько абстрагироваться от языковых явлений и проследить динамику развития молодого прозаика в отрыве от них*.

Антипин начинал свой творческий путь с повестей “Капли марта” и “Соболь на счастье”, в которых мир воспринимался глазами маленького мальчика. Это очень гармоничные тексты, с одной стороны – безусловно, воплощающие личный опыт молодого автора, его воспоминания об окружающей его жизни, а с другой стороны – проникнутые стремлением соответствовать классическим образцам русской прозы. Можно сказать, что мировоззрение автора этих повестей в хорошем смысле сказочно, потому что, сколь бы трагичен ни был окружающий героя мир, читатель всё равно ощущает невозможность конечного торжества зла над добром. Выражаясь словами Юрия Селезнёва, *“это не пресловутые “розовые очки”, а сознание того, что трагедия – не последнее слово мира, но лишь одна из сторон Целого”***.

Особенно ясно это видно на примере повести “Соболь на счастье”***. В ней описывается жизнь обычной российской семьи в 90-е годы. Отец и мать постоянно ссорятся, хотя и живут вместе. Отец зарабатывает больше и не разрешает матери брать вкусности, которые покупает на свои деньги. Их сын, главный герой повести, так же не берёт отцовскую еду, потому что ему обидно за мать. Мальчик мечтает когда-нибудь поймать в лесу соболя, чтобы продать его дорогую шкурку и разрешить семейные проблемы. Страна рушится,

* Хотя это, может, и не очень верно с точки зрения полноты восприятия художественного текста.

** Селезнёв Юрий. Избранное. М.: Современник, 1987.

*** “Москва”, № 6, 2011.

денег постоянно не хватает. Хваткая подруга-предпринимательница предлагает матери героя заняться “бизнесом” и перепродавать знакомым то жвачки, то посуду. Мать, никогда не умевшая вести коммерческие дела, не только не получает доход с сомнительного бизнеса, но и “прогорает”. Теперь она должна своей якобы подруге большую сумму денег. Та требует долг и, наконец, приводит в дом бандитов, чтобы они забрали причитающееся ей силой.

Чем бы закончил такой рассказ какой-нибудь типичный современный молодой автор? Наверное, самоубийством матери или чем-то ещё более жестоким. Молодой Антипин не может сделать так. Впрочем, не может он пойти и против достоверности и искусственно выдумать благополучный конец. Рассказ заканчивается пронзительным по напряжению чувства сном мальчика, где он всё-таки ловит соболя и помогает своей матери. В свете этого заключительного эпизода трагедия семьи ощущается читателем даже острее – но в то же время в художественной плоскости происходит торжество светлого гармонизирующего начала, которое не могло победить в жестокой реальной жизни.

В повести “Капли марта” столкновение добра и зла не так очевидно, но и там в концовке мальчик, до того копивший злость на новорождённого братика, который должен лишить его апельсинок, мороженого и, конечно же, любви и внимания, увидев маму, возвращающуюся с ребёнком из роддома, *“уже не долимый никакими бедами-печалями, отнимавшими у него беззаботное детство, воскресший над раздумьями и сомнениями, разом излившийся в своей чистой и неподкупной любви, как пробивший дырку журчливый ручеёк, он сорвался с приставленной к стене табуретки и побежал...”* навстречу матери и брату. И ведь нельзя сказать, что автор не ощущает глубокую трагичность мира (может, ещё не воспринимает её во всей полноте, но ощущает – это несомненно!), однако именно в таком благополучном конце видит выход из трагедии.

Впрочем, по-видимому, подобная гармоничность сковывала Антипина-прозаика, и постепенно он стал отказываться от неё в пользу более широкого изображения жизни. Расширение и усложнение происходит уже в повести “Солнечный Кавказ”, но наиболее заметно это становится в следующих его произведениях, действующими лицами которых становятся старики и старухи, – романе “Житийная история” и повести “Плакали чайки”. Но эти произведения объединяет не только возраст центральных персонажей и стремление к широкому изображению жизни, а ещё и концентрация на ключевой теме, которая по замыслу автора должна была бы сцепить текст в одно целое.

В романе “Житийная история”^{*} такой темой становится приближение смерти. К этой теме так или иначе сходятся все разговоры супругов Коломеевых друг с другом и с соседями и внутренние монологи каждого из них: *“А жизнь она, конечно... Это тебе не коробушку спичек спалить”*; *“Прикрыли заслонку”*; *“Ничего ты, Колымеев, не сделаешь с ней, раз пришла!”* и т. д. И даже сама ткань текста, кажется, пронизана предчувствием смерти: *“роняет кладбищенский лист березняк”*; дальний бетонный столб высоковольтной линии возносится над холмом, *“как могильный крест”*; и даже падает пепел с самокрутки, а Коломеев жалеет его, *“потому что тот уже умер”*.

Смерть в романе повсюду – иногда это воплощается в пронзительных по внутренней трагичности страницах. Например, в сценах поиска бурятом своего утонувшего сына. Или в воспоминаниях старухи Августины о том, как она маленькой девочкой пришла на могилу матери, а на могиле умер червяк, и *“Августина пальцем проковыряла дырочку в земле, схоронила червя и заплакала, потому что у неё теперь было две могилки – материнская и дождевого червя...”* Но иногда непрерывные упоминания о смерти (в основном в разговорах героев между собой) становятся навязчивыми, и тогда кажется, что есть во всём этом какая-то отдалённость автора от своих героев, незнание их до конца – так молодой человек видит жизнь стариков и отчего-то воображает, что они каждый день думают о скорой смерти.

Есть в романе и выходы из смертной тоски, принятие собственной судьбы: *“Не, для смерти у нас должна быть лесная философия. Если, к примеру, я помру, то жалеть не надо, потому что для другого человека место освободил”*, – рассуждает старик Коломеев в сцене блуждания по лесу, по силе и “экзистенциальности” переживаний напоминающей сцену в лесу из беловского

^{*} Антипин Андрей. Житийная история. Иркутск: Сибирская книга, 2012.

“Привычного дела”; в другом месте романа вдруг “удивительный покой” настанёт в душе Коломеева; да и кончается “Житийная история” пронзительным и трогательным эпизодом принятия жизни и смерти: “В будыле ссыскались ржавые баки, в которых старуха настаивала для гряд адово зелье, и, будто подглядев поздний свет в заброшенном доме, старик впервые подумал, что не наступит новое лето. Он принял эту маленькую новость тихо, ни душой не дрогнув и не зашелестев раскурками. И заложил сухую траву в баки. И поджёг от одной спички. И пустил к небу не ведающий тьмы, горя и одиночества лебяжий клуб – как сигнал о своём затянувшемся существовании”. Эти всплески принятия собственной судьбы ценны и художественно сильны, но они хаотично разбросаны по тексту и не объединены единым процессом развития – нет здесь той диалектики чувства, которая позволила бы воспринимать душевную жизнь пожилого человека в предчувствии смерти во всей целостности*.

И наконец, обилие бытовых подробностей жизни стариков, семейных дразг, споров с соседями, застолий – того быта, в котором не “постигается бытие”**, быта самого для себя, иногда переходящего в мелкое хохмачество и скучное перечисление произошедшего – показывало, что автор ещё находится на пути обретения не просто широты охвата жизни, но широты, художественно оправданной и обоснованной.

В повести “Плакали чайки” также есть ключевая тема, вокруг которой сосредоточен текст, – святая Победа и её опошление в наши дни, следующее из общего опошления жизни. И опять, как и в романе “Житийная история”, раскрытие этой темы достигается не просто сюжетно – описанием праздничного дня фронтовика Ивана Матвеевича, последнего дня его жизни, но и характерными деталями: разбитый похмельем Иван Матвеевич “весь прошлый день пожёг в боях с “вражиной”, один за одним оставив все рубежи”; а его старуха Таисия “сбила прицел и лупила куда ни попадя, а больше по своим”.

Современная жизнь в рассказе подчёркнуто отвратительна – не желает поздравлять Ивана Матвеевича с праздником балбес-перевозчик Петюня; откровенно скучают на праздновании школьники; нелепо выглядит представление “с поганой слёзной интонацией, что сиди и плюйся”, и даже музыка из динамиков “не умела выйти наружу широко и вольно” – и вообще, “дети пьют, внуки пьют, пенсию таскают”, так что один выход – застрелиться, что и делает один из героев повести. Вот и Ивану Матвеевичу, “если кумекать внешним счётом – хорошо, а глянуть сердцем – по-га-но...” “Погадно” – ключевое слово рассказа. Сгущение чёрных цветов здесь настолько сильно и нарочито, что напоминает, скорее, мир Романа Сенчина.

По идее, противостоять “современной поганой жизни” должно что-то святое и подлинное, связанное с Великой Отечественной войной и Победой, но воспоминания о “том времени” Ивана Матвеевича либо блёклы (как эпизод празднования 9 Мая в советское время), либо омрачены “невозможностью горькой правды на земле” и ссорами с женой (как первые годы послевоенной жизни). И даже в единственном по-настоящему художественно сильном эпизоде встречи с родными местами по возвращении с войны есть что-то абстрактное, очевидное – то, что можно выдумать, сидя дома за письменным столом. И потому, хоть гибель героя в конце рассказа от рук современных подонков не может не тронуть читателя, за всем этим остаётся ощущение неестественности и нарочитости, подчинённости художественного мира изначально заданной идее.

Этот второй этап творчества Андрея Антипина, связанный с романом “Житийная история” и повестью “Плакали чайки”, не может быть полностью принят нами как удачный, но оставляет надежду на будущее развитие молодого прозаика. И действительно, в дальнейшем Антипин перестанет строить свои произведения на подчинении какой-то единой теме и перейдёт, на первый взгляд, к более простому способу – к рассказам об историях человеческих жизней, героев для которых он находит вокруг себя. Однако именно этот путь окажется для молодого прозаика чрезвычайно плодотворным и приведёт к открытиям гораздо более значительным, чем просто рассказы об отдельных людях, написанные ярким густым языком.

* Что есть, кстати, в произведении другого молодого автора, Ивана Макова, к которому мы обратимся ниже.

** Лобанов Михаил. Ценности народного характера. “Огонёк”, № 30, 1970.

Об этих открытиях — позже. Но сперва третий этап его творчества, этап “человеческих трагедий”, откроется повестью “Горькая трава”^{*} о судьбе “перекати-поля” Сани Золотарёва, бросившего родной дом и скитающегося по свету, до сорока лет так и не поняв, кто он есть, и не найдя себе занятия по душе, — слишком поздно вернувшегося назад, не успев попрощаться с умирающей матерью и не узнав при встрече родного брата.

На фоне мучительного осознания собственной неприкаянности Сани автор показывает нам и других второстепенных персонажей: пастуха Витьку, бросившего в другом городе тётку, заменившую ему мать; дурачка и пьяницу Ёлочку; матершинника с огромными кулаками Борьку — но у всех и во всём есть какое-то общее мироощущение — *“бездомное одиночество на земле, никчёмность всего... а впереди совсем ничего, только мрак, пустота да зияющее открытым сердцем кладбище”*. И кажется читателю, что так везде и что *“всё здесь, на ветровом юру России, устаёт и изнашивается не ко времени: травы, избы, люди”*. Пожалуй, максимум “другого” цвета, который допускает автор в своей повести — это образ счастливого семьянина водителя: Николай с его *“хрупким мотыльковым счастьем”*, которое ни Санька, ни, кажется, сам автор не понимает и не принимает. И тогда создаётся впечатление, что нет в целом мире другой альтернативы: либо неприкаянность, либо мещанская *“тихая радость”*.

Сгущение чёрного цвета в повести “Горькая трава” не кажется таким нарочитым, как в “Плакали чайки”, потому что во всём этом действительно чувствуется какая-то горькая правда, но всё-таки то, как эта правда выражена в повести, не может удовлетворить внимательного читателя целиком. И потому в итоге получается, что для личной трагедии, неудавшейся судьбы одного конкретного человека Сани Золотарёва в “Горькой траве” слишком много однообразия, и нет никакого иного цвета, на фоне которого выделялся бы главный герой, давая возможность читателям глубоко сопереживать ему. Но в то же время общее мироощущение, царящее *“в этой спетой и спитой деревенской России”*, не оправдано в полной мере и не может расширяться здесь до подлинной народной трагедии.

В тот момент для дальнейшего развития прозаика нужно было решить, каким же путём ему стоит пойти — путём сосредоточения на внутреннем мире отдельного человека или путём максимального обобщения. На наш взгляд, первый — путь глубокого проникновения в личность, исследование тонкого психологизма душевного мира героя — не путь Андрея Антипина (или пока, на данном этапе развития, — не его путь). Его сильная черта как раз-таки не подмечать те разные качества и особенности характеров, которые разделяют людей между собой, а наоборот — видеть то, что сливает разных людей в одно, в единую народную стихию. В Антипине, как ни в одном другом молодом (а может, и вообще — ни в одном другом сейчас в России) авторе, есть, на наш взгляд, по-настоящему полноценное восприятие русского народа как единого целого. И это его самое сильное качество (может, после богатства языка) в полной мере воплотилось в следующей его повести — “Дядька”.

В “Дядьке” очередная “человеческая трагедия” мужика Мишки, ведущего бесцельную, пьяную неприкаянную жизнь, без семьи, без детей, без смысла существования, и так же бесцельно и нелепо умирающего, вдруг прорывает границы отдельной судьбы, выливаясь в единое горькое характерное. То, что было лишь слегка намечено в “Плакали чайки” и едва ощущалось в “Горькой траве”, а именно — горе народа, потеревшегося в водовороте крушения великой страны, в “Дядьке” обретает художественную силу и начинает звучать ясно и отчётливо. И оттого и повесть поднимается на невиданный ещё для молодого писателя уровень обобщения; устремляется куда-то ввысь, туда, где великие русские писатели осмыслили народное начало как основу русской жизни.

Без надрыва и без необоснованного сгущения, свойственного, например, повести “Плакали чайки”, противостояние “тогда” и “сейчас” в “Дядьке” становится в фокус художественного мира текста.

“Тогда” — жили на Руси какие-то былинные, легендарные люди, которые *“любили горько, перед сильным робели, но врагу не спускали, правды стыдились, над кривдой скорбели, а уж пели от сердца — гармошки рвали...”* Эта былинная сила когда-то питала и жизнь главного героя Мишки, но всё-таки

^{*} “Наш современник”, № 4, 2013.

в полной мере “тогда” воплотилось в старшем поколении – например, в Мишкином отце: “В молодости он, например, один на своём “Натике” – первом на селе тракторе с зубатыми колёсами, – топившемся берёзовыми чурками, управлялся с колхозными пашнями по эту сторону Лены. По другую на такой же ледащей технике казаковал его друг-товарищ и однофамилец, а пуще всегдашний противник Пётр Григорьевич. Оба парни горячие, до всякой работы хватучие. В полдень съедутся у разных берегов реки – обмыть лицо, крикнет один: “Ну, как, Петро?” “Да так, – ответит Пётр, если слова первого не отнесёт ветром, – мало-мало кручусь”. “Я-то тебя нынешний год в запятках оставлю!” – задерётся первый. Пётр же уточнит: “Это баба с перепоя лягнула, а ты варезку раззявил!” И оба, закипев, скорее за рычаги, от зари до зари – давать план. А это много гектаров промёрзлых земель...” И действительно, будто не люди это, а древние богатыри, только не мечи у них в ножнах, а с зубатыми колёсами трактора. А “сейчас” – эти же русские люди “иссякли, измелели, испепелились, испились, извелись на Руси, исчезли в клубящемся прахе и глубинной горечи земли...” Вот так, в конце концов, уходит в землю и сам Дядька.

Впрочем, конечно же, дело не только в историческом моменте – есть что-то в характере самого Дядьки, что предопределяет его трагедию, какая-то внутренняя неприкаянность и неустроенность. И даже когда он пытается “сцеплять зубы” и не пить, пунктуально ходить на работу, а в свободное время – перестилать полы, пилить и колоть дрова, возиться в огороде, надолго его всё равно не хватает, и в один чёрный день он вырывается, вдруг исчезает, чудит... И это личное, тот надлом, произошедший в его судьбе, “мучительно и полнокровно – по-братски” совпадает с гибелью самой державы. Личное и народное сцепляются в жизни Дядьки в одно, так что и не понять, что следует из чего.

И потому неправ критик Сергей Морозов, когда утверждает, что Антипин “много говорит о непроизводящей, потерявшей свою основу России. Но ничего о личной, человеческой трагедии, которой хлестануть читателя можно основательнее”. Именно личные трагедии – Сани Золотарёва, Дядьки, мужичка по кличке Пузырёк, Толи Подымахина и других – волнуют автора больше всего, так что всякий раз принимается он рассказывать нам о каждом таком несчастном, как о первом и самом главном человеке на земле. Трагедия Мишки по кличке Дядька ударяет нас, читателей, потому, что мы видим конкретного погибшего человека и сопереживаем ему лично. Но так же неправ и другой критик, Алексей Татарин, когда видит в героях Антипина лишь “экзистенциальные переживания”, “тяжелейшую встречу достойного человека с пустотой как проблеме века, как один из моментов борьбы личности за выживание”. Такой взгляд существенно обедняет повесть, потому что воспринимает трагедию главного героя как трагедию личности и не замечает за ней трагедию народа.

Это “братское сцепление” личного и народного определяется тем вековым и исконно родовым, что есть в Дядьке, а именно – упрямым стремлением к высшей правде и невозможностью жить без неё. Наверно, это в той или иной мере свойственно каждому человеку, но русскому – в большей степени, потому что именно русский человек без ощущения правды сразу же впадает в разгул и не может довольствоваться простой мещанской жизнью. И не от тяжести жизни загибаются эти деревенские мужики, не просто от того, что пьют и гуляют, а от отсутствия главного, ради чего можно жить и отдать свою жизнь без остатка. И потому и “погано” наше время, что лишён русский человек своего идеала – в этом, наверно, главный вывод повести.

Сможет ли автор двигаться дальше; сможет ли, вмести в свою душу всю горечь и глубину происходящего, прийти к пониманию того, что “трагедия – не последнее слово жизни”; сможет ли гармонизировать страшный мир, как он делал в своих ранних повестях “Капли марта” или “Соболь на счастье” (на том уровне восприятия трагедии, на котором он находился на тот момент)? И дело, конечно же, не просто в благополучном конце или “поиске примеров каких-то успешных сельских жителей”, как выразился С. Морозов, – речь идёт, скорее, о поиске и утверждении той высшей правды, которую так безуспешно искал Дядька и обретение которой помогло бы нашему народу выйти из кризиса, в котором он сейчас находится.

Антипин старается найти выход. В частности, в ожидании сострадания к другим, как, например, в рассказе “Чем жив человек”*, где рассказчик мучительно пытается ответить на вопрос “чем или кем рано или поздно пробудится русский человек?” и находит предчувствие этого пробуждения в том, что, провожая в последний путь очередного бесцельно прожившего жизнь мужика, Толю Подымахина, его земляки “научились... видеть этот уход, и жить те заповедные несколько минут, что думали об этом уходе, с открытыми глазами, и, стало быть, были почти милосердны, а значит – уже не спали”. Конечно, этот перифраз концовки повести “Дядька”, где земляки после смерти Мишки “не стали хоть чуточку добрее к нищим и пропащим, горьким и заблудшим, не сделали хоть самую малость зрячее к этой пьяной, гулевой, беспутной гольтьбе”, не претендует ещё на сколько-нибудь адекватное движение в сторону гармонизации, но всё-таки показывает направление поиска молодого автора.

Интереснее выглядит в этом смысле рассказ “Смола”** , где рассказчику, который до этого избегал своего односельчанина Пузырька и недолюбливал его за насмешки и враньё, вдруг с новой стороны открывается этот человек, и оказывается, что тот готов “разломить надвое своё, драгоценное и последнее: бери, пользуйся на здоровье! – и ничего не попросить взамен”. В этом эпизоде уже видится упоительная возможность вдруг открыть отблеск нравственного идеала в человеке. И потому-то чувства рассказчика в “Смоле” так пронзительны и сильны: “стоишь, как будто из зимнего ручья попил, и с захлёбывающимся, перебирающим самого себя восторгом постигаешь, что нет и не будет завершения этому народу, который поёт и плачет, и скачет через палочку на краю, но умеет остановиться и опануть такой искренней и нерастраченной красотой, какую ты и не подозревал в русском человеке и какая милосердно дарует тебе веру в его нравственное бессмертие, несмотря на всё, что ждёт его впереди”.

Пока это ещё слова, ещё надежда – полноценное воплощение нравственного идеала у молодого прозаика ещё впереди. Пойдёт Антипин по пути поиска этого идеала – обретёт силу и встанет в ряд с лучшими деревенщиками, а значит, и всей русской литературой. Уйдёт в быт, в язык, в назойливое описание простых человеческих судеб – может и расплескать свой талант. Ведь литература должна не только полно отражать мир, но и пытаться преображать его. И от того, найдёт ли каждый из нас вечный идеал, приблизит ли воплощение его, зависит не только величие современной литературы, но и то, какой будет наша реальная жизнь.

3

В произведениях молодого прозаика из Подмосковья Юрия Лунина также можно найти примеры художественной образности. Например, в рассказе “Через кладбище” герой отмечает, что кладбище постоянно росло и его невозможно было оградить, и потому “всегда существовала подвижная полоса, где кладбищенский лес и лесное кладбище год от года не то боролись, не то сливались в одно”. Но не эти образные удачи являются сильной стороной прозаика. Подобно тому, как Андрей Антипин вольготно чувствует себя в народной языковой среде, Юрий Лунин – прекрасно ориентируется в мире психологических деталей, в тонких движениях души человека. Именно они и составляют предмет его напряжённого изучения и образуют в его произведениях ту едва уловимую художественную среду, в которой собственно и разворачивается главное движение рассказа.

В центре рассказа “Через кладбище” находятся взаимоотношения между отцом и сыном. Сначала отец изображён как сильная личность, он не проявляет сочувствия, когда сын рассказывает ему о том, как его ударил грязной тряпкой самый рослый пацан во дворе: “Ты таких ещё знаешь сколько встретишь – у-у-у...” И сына эти слова, конечно же, не могут обрадовать или подбодрить, но всё-таки немного успокаивают, “словно разговор теперь был не о людской обиде, а о каких-то природных неприятностях: крапиве, укусе насекомого”.

* Русский литературный журнал “МолОКО” № 4, 2016.

** “Наш современник”, № 10, 2015.

Последовательно воспроизводится прозаиком то, как сын во всём старается соревноваться с отцом: *“Когда ходили за грибами – чуть не плакал, если находил меньше отца. Бесился, проигрывая ему в шашки, пропуская от него гол...”* Но в том деле, в котором он принимает превосходство отца спокойно – в рыбалке, – ему хотелось бы, чтобы отец был самым лучшим. И когда тот упускает на рыбалке щуку, да ещё и принимает своё поражение весело, мальчику становится горько. Он начинает злиться на отца, огрызается в ответ на его доброту и даже вспоминает, что отец того хулигана, который ударил его во дворе, ездит рыбачить *“куда-то на Ахтубу”* и всегда возвращается с рыбалки с гигантскими сомами и сазанами, а щуку, которую не смог поймать его *“неудачник”* отец, там и вовсе считают сорной рыбой.

Всё это ещё не сам рассказ, скорее, то, что ему предшествует – своеобразная психологическая экспозиция.

Главная же линия начинается с образа кладбища, по которому отец и сын идут за грибами. Здесь происходит первый эпизод, который изменяет отношение сына к отцу: *“Время было не позднее, но на лес наплыли ненастные, тревожно-тихие сумерки. Сыну стало вдруг очень грустно и одиноко. И первый гриб, который он нашёл – польский, – показался ему большим, напитанным смертью, и сын не стал его срезать. А отец нагнулся и с небольшим довольным кряхтеньем срезал.*

– *Что ж ты не берёшь? Отличный полячок. Смотри-ка, и чистенький! Они сейчас, в основном, все червивые. Что ж, неплохо, неплохо...*

Сын отвернулся, чтобы скрыть надавившую на его сердце жалость к отцу. Отец так по-детски был увлечён этими грибами, что совсем не думал о смерти, которая пролегает неподалёку и следит за ним...

И эта зародившаяся жалость к отцу и страх его будущей смерти постепенно охватывают мальчика всё сильнее. Теперь он уже раскаивается в том, что когда-то ругал отца за упущенную щуку; боится вставать ему на плечи, *“сосредоточенно вникая в поведение всех его мышц – много ли в них ещё осталось силы для жизни”*. Он больше не хочет во всём быть лучше отца, наоборот, хочет во всём видеть *“его силу, его способность жить ещё долго и быть недосыгаемым для смерти”*.

Во всех мелочах автор воспроизводит игру, в которую раньше играл отец с сыном, специально оставляя на его пути самые крупные и ценные грибы, – а теперь вот именно сын видит на пути большой белый и радуется, что сейчас отец найдёт его. Но тот проходит мимо, и мальчик с тревогой смотрит на него: *“Неужели он стал хуже видеть? Неужели стареет? Неужели сын теперь грибник лучше него?”*

Кладбище, по которому идут отец и сын, становится уже не просто местом действия, но – образом того неведомого, болезни ли, старения или смерти, что подстерегает отца и от чего хочет оградить его сын. И даже сама природа, кажется, участвует в этой борьбе: *“В лесу темнело и темнело, как будто небо постепенно смыкало большие глаза”*.

Кончается рассказ внезапным *“катарсисом”*: *“Как-то сразу, без прелюдии первых осторожных капель, пошёл крупный дождь; будто кто-то очень долго молчал и вдруг заговорил, спокойно и тоже надолго”*. После спрессованной *“духоты”* переживаний героя, его волнений и напряжённого самокопания этот дождь приносит свежесть и освобождение. Это сделано не нарочито, без акцента, но действует очень сильно, удивительно готова будущее *“примирение”* отца и сына и победу над кладбищенской грустью. И вот отец и сын стоят под лапами ели, прячась от дождя, и сын вдруг обнимает отца обеими руками. *“Такое было между ними впервые. Они знали друг друга уже десять лет, и лишь сейчас дождь привёл их в место, где можно было поступить только так – обняться и стоять. Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын, и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь”*. А после ещё одно точное психологическое замечание о том, как отец принялся рассказывать сыну о своём детстве, и сын обрадовался этому *“привычному рассказу, потому что минута объятий была для него слишком огромной и важной, чтобы длиться долго”*.

Именно подобный психологизм и характеризует Лунина-прозаика. Там, где Андрей Антипин, например, дал бы один крупный и сочный образ, раскрыва-

ющий взаимоотношения отца и сына, Лунин останавливается и отслеживает их в мельчайших подробностях.

Проработка внутренних движений героев свойственна и другим рассказам Юрия Лунина. Так, например, герой рассказа “Успение”*, чем-то напоминающий героя рассказа “Через кладбище”, маленький мальчик, пытается примирить в душе правду набожной бабушки и правду деда, который советует ему ударить в лицо хулигана, который дразнит его во дворе. И вот, с одной стороны, мальчик с удивлением замечает, что хулиган после его удара начинает относиться к нему лучше и даже зовёт на день рождения, а значит, прав дед. А с другой стороны, по совету священника в церкви, куда его приводит бабушка, пытается полюбить хулигана. Впрочем, кончается рассказ явной “победой” деда: мальчик смотрит на девочку, с которой познакомился после причастия, и ясно ощущает, что она – другая: *“не уличная, не дворовая, а церковная девочка. И, кажется впервые в жизни, я ощутил одиночество, ощутил себя лишним. Мне стало стыдно, что я пробовал полюбить вредного мальчика по совету священника. Я вспомнил о бабушке и захотел поскорее к нему”*. Автор, видимо, не желает приводить своего маленького героя к вере, и в этом проявляется его стремление к реалистическому изображению жизни, нежелание придерживаться какого бы то ни было этического императива.

Напряжённое самокопание героя мы можем наблюдать и в рассказе “Бабочка”***, но здесь оно приобретает даже болезненные черты. И вообще в этом подчас назойливом психологизме Лунина местами начинает ощущаться некоторое однообразие, потому что где-то в глубине его герои похожи друг на друга. Исключение составляют, пожалуй, только герои рассказа “Прудка”, молодые парень и девушка, эдакие представители современной молодёжи, с достаточно “грубым” и примитивным внутренним миром (которые, тем не менее, выписаны молодым прозаиком с любовью и чутким вниманием к их душевным переживаниям).

Но даже у этих “грубых” ребят, у которых все разговоры зачастую не выходят из упрощённого шаблона, есть тонкие движения души, которые подмечает молодой прозаик. Так, девушка Света после первой близости со своим парнем Денисом стоит у реки, видит *“его привычный худой силуэт на фоне воды”* и вспоминает, как вчера днём он наругал ей, а с другой стороны – сейчас он обращался с ней просто, *“по-родному”*. Девушка понимает, что, несмотря на долгое знакомство, она совсем не знает этого человека, но всё-таки делает шаг ему навстречу, *“с неизвестной мольбой”* глядя на него. И мольба эта – о его доброте к ней, о её желании довериться ему, о том, чтобы неизвестное, в которое она вступает, принесло бы счастье, а не боль и разочарование.

Если говорить о наследовании “деревенской прозы”, то Юрий Лунин это, скорее, лихоносовская линия, линия “мягкого и тонкого психологизма”. В целом, путь развития этого прозаика, связанный с обогащением своего художественно-психологического мира, приобретения способности раскрывать до такой же глубины разных героев, обладающих разными характерами – кажется чрезвычайно перспективным.

В иной манере работает прозаик из Москвы Елена Тулушева. Её умение – несколькими резкими штрихами нарисовать психологический портрет.

Часто это делается с помощью интонационно выверенного внутреннего монолога героя. Так, пожилая Марья Васильевна из цикла рассказов “Подъезд”**** вспоминает свою работу в школе: *“А разве можно было быть не принципиальной... История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах – тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути...”* И сразу встаёт перед нами образ героини, этот образ ярок и узнаваем, хотя, конечно же, не претендует на воплощение полноты личности – это пока только характерный тип, но ещё не герой в полном смысле этого слова.

* Русский литературный журнал “МолОКО”, № 8, 2015.

** Русский литературный журнал “МолОКО”, № 11, 2015.

*** Русский литературный журнал “МолОКО”, № 9, 2016.

**** “Наш современник”, № 7, 2016.

Нескольких мыслей героя в критической ситуации хватает нам, чтобы не только увидеть героя, но и начать сопереживать ему. Например, в рассказе “Другая война”^{*} африканский подросток Джама, находясь в благотворительном лагере, где молодая белая девушка проводит с ними занятия по “творчеству” и предлагает детям разрисовать белые футболки разноцветной краской, *“хорошо помнил своё изумление: зачем эта добродушная девушка портит такую замечательную вещь”*. А потом, когда футболки оказываются больших размеров, Джама понимает, что всё пропало, и мать никогда не разрешит ему носить эту футболку, а отдаст старшим братьям, потому что у них в семье восемь детей, и младшие всегда донашивают за старшими. Но вдруг у него появляется надежда, что если он разрисует футболку и напишет на ней своё имя, то, может, мать и оставит футболку ему. *“Он оживился, стараясь успеть наклеить как можно больше картинок и блестяшек. На спине он оставил несколько разноцветных отпечатков своих ладоней и для надёжности вновь написал своё имя”*. Как просто и одновременно характерно!

Подобные психологические замечания у Тулушевой часто внезапны, резки, и в то же время правдивы и обжигающе точны. Так, другой подросток, герой рассказа “В хорошие руки”^{**}, Саша, выросший в неблагополучной семье, вспоминает, как в детстве просил у Деда Мороза полицейскую машину с сиреней, потому что *“хотел запускать её на кухню, когда мать и тётка будут ругаться, надеясь, что звук сирены заставит их замолчать”*. Как мзго такая мысль мальчика говорит нам о его жизни.

Психология героев проявляется не только в фиксации автором его мыслей и чувств и не только во внутренних монологах, но и в характерных жестах. Так, тот же Джама из “Другой войны”, попавший в американскую школу, в совершенно незнакомую ему среду, старается на уроках сидеть неподвижно: *“Спина и ноги его затекли, но он приучил себя не подавать вида и подолгу сохранять одну позу. Так было надёжнее: никто не придерётся, что ему не интересно, что он не хочет слушать”* – и эта деталь характеризует ощущения героя в чужой обстановке гораздо больше, чем какие бы то ни было описания его мыслей или чувств. А вот Саша из рассказа “В хорошие руки”, уже став сиротой, сидит на слушании, посвящённом передаче родительских прав его деду, которого он видит впервые. Дед стоит, засунув руки в карманы, и начинает раскачиваться, и мальчик вдруг пугается, *“что, качнувшись в очередной раз, он пойдёт к выходу”*. В этом психологическом жесте сошлись воедино – и волнение мальчика, и равнодушие деда, и уже не нужно никаких поясняющих ремарок.

Тулушева очень восприимчива к разрывам шаблонов: она часто будто бы играет с читателем, заставляя поверить в одно, а потом превращая эту первую догадку в совершенно противоположное. Так, в том же рассказе “В хорошие руки” мальчик Саша смотрит на молодого психолога, сидящего в зале на слушании по его делу, и относится к нему хуже, чем ко всем остальным. *“Чего ты лыбишься, – разозлился на него Саша, – как будто что смешное говорят! Лезут все не в своё дело!”* А в конце рассказа оказывается, что именно психолог больше всего волнуется о судьбе мальчика, в отличие от чиновников и даже самого деда.

Что-то подобное мы видим и в рассказе “Чудес хочется”^{***}: “деревенская” здоровая женщина, ребёнка которой спасает главный герой врач Игорь Владимирович, в конце концов, отказывается от своего ребёнка; а роженица, с которой врачом изначально было *“всё понятно”* – *“ей с трудом можно было дать шестнадцать. Удивительно, что решила выносить. Хотя Игорь был уверен, что такие просто затягивают до последнего. Сначала не понимают, что беременны, потом боятся сказать кому-то, а потом уже поздно аборт делать”* – оказывается хорошей женой и, по-видимому, будет хорошей матерью. Такие вот столкновения видимого и реального, разрыв первоначально заданного шаблона, с одной стороны, показывают желание автора не идти по пути очевидности. Но, с другой стороны, смена полюсов в чёрно-белой схеме – это во многом тоже чёрно-белая схема. Думается, обретение большей тонкости и восприятия мира во всём его многообразии – это первоочередная задача молодого прозаика.

* “Наш современник”, № 3, 2015.

** “Наш современник”, № 3, 2015.

*** “Наш современник”, № 10, 2015.

Сильными сторонами Елены Тулушевой являются также умение посмотреть с нового ракурса, подметить неожиданную и точную деталь. Например, в концовке маленького рассказа “Надо будет как-нибудь посмотреть”^{*} о жизни слепого массажиста, автор говорит нам о том, что герой каждый день ходит на работу очень рано и потому “слышит ещё спящий город” и очень скучает по “звукам стройки, нетерпеливым сигналам пробок, шелесту метлы дворника”. Тонкое и неожиданное замечание, много говорящее нам о восприятии мира этим человеком.

Часто не только автор, но и его герои подмечают нечто неожиданное, не укладывающееся в рамки известных этических шаблонов. Так, Мария Васильевна из цикла рассказов “Подъезд” вспоминает о жизни в родном Гомеле: “В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестницу или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои – потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили... Но, переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её “добрый день!” Притом та самая громкая молодёжь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде...”

Впрочем, всё яркое, необычное, может, даже слишком пленяет Тулушеву – так, например, родители героя другого рассказа из цикла “Подъезд” страдают специфическим психологическим заболеванием, связанным со сниженным интеллектом, что приводит к целому комплексу проблем. Конечно, это даёт прозаику широчайшие возможности для помещения таких героев и их “нормального” сына в различные сложные психологические ситуации, но в стремлении к необыкновенному есть и определённая опасность. Ведь конечная задача подлинного психологизма – не только показать конкретного человека в конкретной ситуации, но выйти к чему-то универсальному, важному не только для этого человека, но и для нас всех.

Прозаика Тулушеву характеризует также некоторая языковая скупость, но именно в этой скупости и точности её основное языковое достижение. Когда Тулушева скупа, она правдива, и правда эта – задевает читателя**.

Сильной стороной прозаика является также способность перевоплощаться в своих героев, говорить разными интонациями. Например, на одной только интонации держатся и рассказ “Tu me manqué”***, и эссе “Липки”****.

Но и точность психологических и бытовых деталей, и интонационное разнообразие, и стремление увидеть в мире что-то новое, необычное – это пока лишь инструменты, наработкой которых занимается молодой прозаик и которые, будем надеяться, впоследствии помогут ей создать нечто большее, выразить то главное, что ещё зреет в душе.

Впрочем, у Тулушевой есть рассказ, который уже сейчас претендует на то, чтобы навсегда занять место в современной литературе. Это рассказ “Слава”***** о судьбе подростка-скинхеда, напавшего и лишь по случайности не убившего “нерусского” парня. В этом рассказе есть то, что можно назвать “ударом” в литературе – то есть деталью такой художественной силы, в которой бытовое содержание как бы прорывается сгустком концентрированного бытия, подобно тому, как магма вырывается из земной коры при извержении вулкана. По сути “удары” эти есть те же удачно подмеченные психологические детали, но обретающие силу обобщения, характеризующие уже не только состояние отдельно взятого героя, но и что-то важное в устройстве мироздания вообще. Подобные “удары” производят невероятно сильное впечатление.

В рассказе “Слава” есть как минимум два эпизода, которые претендуют на то, чтобы быть настоящими “ударами”.

Первый связан с отношением героя к религиозности своей матери (“Скоро вроде Рождество, наверняка кто-то из её церковных, кто ещё придёт в такую рань, когда у всей страны двухнедельный запой – только эти святоши”)

* “Подъём”, № 11, 2014.

** А. И. Казинцев справедливо отметил “органичную речь” героев Тулушевой: “... Язык столичных украин. Разумеется, он далёк от того упругого, разнообразного, душевного языка, к которому нас приучила деревенская проза. Но на асфальте, заплёванном и стылом, говорят по-другому” (“Наш современник”, № 3, 2014).

*** “Наш современник”, № 3, 2015.

**** “Литературная Россия”, № 51, 2014.

***** “Наш современник”, № 3, 2014.

и той ненавистью к религии, которую матери удалось в нём “воспитать” (“Он возненавидел её Бога и всю её церковь. Возненавидел со всей детской беспощадной ревностью. И с каждым годом, с каждым очередным церковным праздником, с каждой новой книгой, которую она пыталась ему подsunуть, — эта ненависть только росла”). Но вот мать предлагает сыну сходить с ней на службу в церковь “в обмен” на возможность поехать в бойцовский лагерь, и он соглашается: “пара часов скуки за три недели настоящей свободы — небольшая цена”. В церкви ему, конечно же, некомфортно, он скучает, разглядывая прихожан: “Он с тоской разглядывал толстых тёток в платочках (если они все постятся — почему такого размера?) и странных мужиков с блаженными лицами. Неужели мать думает его таким способом изменить? Глупо. Кроме отвращения ничего”.

И в этот момент с ним случается неожиданное. Конечно же, не религиозное откровение (это было бы психологической фальшью), просто Слава иначе начинает смотреть на свою мать. “А потом он увидел её... как-то по-новому увидел. Они никогда не были близки: она постоянно его куда-то сдавала, перепоручала, избегала разговоров, редко обнимала. Но в тот момент она показалась совсем чужой и далёкой, как из другого мира. В этом своём смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу — она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества”. И здесь-то мы и узнаём о глубокой пропасти, отделяющей Славу и его мать друг от друга: “Раньше её слова вызывали боль и обиду. “Славик, больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь обижаться!” — Ну да, конечно, на втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я — первый, я — лидер! — он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, ударила в религию, променяв на неё, — он с горечью повторял это, растравляя душу, — его, Славу, единственного сына”. И в этом душевном, даже духовном разрыве между героем и матерью (поведение которой едва ли можно назвать по-настоящему христианским) и есть, возможно, подлинная причина Славиного скинхедства, его жестокости и, наконец, готовности убить человека.

Вот на что замахивается Елена Тулушева. Этот эпизод очень большой художественной силы открывает нам путь к настоящему углублению в характер подростка Славы, а может, и не только его одного — во что-то важное, что таится в каждом человеке.

Второй “удар” связан с осознанием героем зла, которое он совершил. До сцены с демонстрацией видеозаписи в милиции Слава ощущает свой поступок как бы сквозь внутренние впечатления: “Он помнил это ощущение — раньше не знал, как это — когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая между рёбрами”, или сквозь собственные мысли: “Этот второй не мог знать ни имён, ни адресов. Он и опознать бы их вряд ли смог — темно было, все на одно лицо...” Теперь же Слава видит себя со стороны, ещё даже не осознавая до конца, что это он сам: “Несколько секунд на экране рябили чёрно-серые полосы, ничего не происходило... наконец дверь открылась, и кто-то вошёл. Точнее вбежал. Через секунду показалось застывшее от страха лицо. Вбежавший пытался захлопнуть дверь, что-то кричал. Внезапно дверь снова открылась. Толкаясь, ввалились три фигуры и начали хаотично двигаться перед лестницей. Один оторвался и стал медленно подниматься по ступенькам, потряхивая каким-то предметом в правой руке. Его походка отличалась от метаний того, первого. Он шёл твёрдо, вытянув шею и широко расставив руки... Крупным планом, почти глядя на них с экрана, он занёс свой нож и несколько раз с силой воткнул его в медленно сползающую по стене фигуру. Она сползла как тряпичная кукла. Бугай пнул ногой лежащее тело и развернулся к двум прямо перед самым объективом. С экрана на сидящих в кабинете смотрел Слава...”

И в этом внезапном узнавании себя есть что-то неожиданное, даже мистическое. При всей простоте авторских слов в подчёркнутом отстранённом описании мы ощущаем удивление самого Славы. Возможно, это удивление и может открыть ему путь к раскаянию, но об этом, безусловно, рано (да и невозможно в рамках данного рассказа без повреждения в достоверности) говорить.

Пока же, как мы видим, и Юрий Луний, и Елена Тулушева стараются сохранить максимальную объективность и достоверность. Кажется, в этом и есть их путь к проникновению в глубину человека.

На наш взгляд, эти авторы стоят сейчас на пороге своих главных открытий. Уже видно, что они умеют, какие сильные черты отличают их от других, каков их психологизм, как они пытаются идти в глубь человека — Лунин медленно, слой за слоем вскрывая скрытое в своих героях; Тулушева — резко, одним-двумя точными характерными ударами. Теперь их задача — создать полноценный художественный мир, где столкнется много людей, внутренний мир которых будет так же проработан и раскрыт. И это будет залогом обретения ими подлинной художественной силы.

4

Когда в начале этой статьи мы пытались нарисовать для себя идеальный образ современной литературы, мы говорили не только о выражении народного самосознания и о проникновении в глубь человека, но и всколыхнуть коснулись сверхзадачи “идеальной литературы”, а именно — воплощения в слове христианского мировоззрения, движения в сторону христианского Идеала. Полноценно решить эту задачу не под силу, наверно, никому из существующих прозаиков (да и возможно ли её в принципе решить — мы не знаем). Но можно выделить ряд особенностей, которые характеризовали бы того или иного автора как стоящего на верном пути, например — глубина психологического переживания, глубина проникновения в бытийные законы жизни, языковое целомудрие. Но главное, на наш взгляд, — это органически заложенная в тексте возможность преобразования героя (при этом обязательно оправданного художественно и психологически).

Прозаики, о которых мы будем говорить дальше, ещё очень молоды. По большому счёту, у них есть пока только один-два рассказа, которые можно было бы рассматривать всерьёз. Но именно в их творчестве возможность преобразования героя становится в центр художественного мира, является предметом напряжённого осмысления (в той или иной степени удачного).

Так, рассказ “Куколка” молодого автора из Тверской области Алёны Белоусенко начинается с того, что главный герой Сергей ждёт своего друга Костю, который серьёзно болен, но, не в силах побороть “нетерпение сердца”, заставляющее его всякий раз чувствовать неловкость в присутствии больного, отменяет встречу в последний момент. В последнем же эпизоде рассказа, происходящем через несколько месяцев после первого, Сергей всё-таки дожидается друга, и мы понимаем, что это обусловлено тем, что герой стал внутренне сильнее. Впрочем, сам переход не показан прозаиком полноценно. То, что мы видим в рассказе, это, скорее, психологическая подготовка к изменению, отслеживание постепенного размягчения сердца Сергея, приводящего к первому эмоциональному порыву на пути к изменению. Но всё это происходит в таком нарастании напряжения в художественной ткани рассказа, что мы безошибочно угадываем — изменение героя обязательно произойдёт.

Нечто похожее происходит и в другом рассказе Алёны Белоусенко — “Стакан молока”*, герой которого взрослый тридцатилетний человек, насмехающийся над пошлостью окружающего его мира, но и сам носящий эту пошлость и духовную духоту внутри, чем-то напоминающий героев ранних рассказов Романа Сенчина. Но если Сенчин специально оставляет своих героев в их состоянии “хватать, что ни попадя, захихивать в себя, смеяться, давиться и жрать” — всё равно “все передохнем”***, утверждая невозможность ничего идеального в мире, то молодой прозаик пытается найти в душе даже такого пропащего человека то, что может послужить его “выздоровлению”. Кажется бы, незначительный эпизод из детства, незаслуженное наказание за разбитый стакан молока, превращается в единственную “луковку”, за которую может зацепиться герой, и, в конце концов, оставляет нас в ощущении, что преобразование возможно. И тогда, как из мрака, постепенно начинает проступать то, что ещё есть хорошего в герое, — нежность к дочери; почти сказочные три встречи с будущей женой, произошедшие в один день, которые с теплотой вспоминаются им — и как будто начинает “просыпаться” душа героя. Всё это сделано без какого-то ни было нравоучения, без единого намёка на этическую сентенцию — в тонкости мельчайших эмоциональных переживаний

* “Волга XXI век”, № 5—6, 2016.

** Сенчин Роман. Говорят, что нас там примут. В кн. Московские тени. М.: Эксмо, 2013.

героя. Конечно, здесь перед нами опять же не изменение героя, а первый сильный эмоциональный порыв, который в дальнейшем может привести к изменению. И это, с одной стороны, свидетельствует об адекватности молодого прозаика, который ставит перед собой лишь те задачи, которые может решить, а с другой стороны, означает, что перед нами автор, находящийся лишь в начале своего творческого пути.

Определённый “выход”, стремление к очищающему катарсису есть и в её рассказе “Дочки-матери”*. Но здесь движение “вверх” связано не с изменением героев, а с осознанием того, что все мелкие проблемы и переживания – маленькой девочки; её мамы, безуспешно пытающейся найти себе подходящего мужчину; бабушки, умиротворённо наблюдающей за всеми вокруг, как за “маленькими детьми”, – не просто проблемы и переживания отдельных людей, но часть единой нити, от века связывающей матерей и дочерей в непрерывный процесс. И в этом выходе из бытового описания жизни трёх поколений женщин на уровень бытийного обобщения – главное достоинство рассказа.

Семейные портреты Алёны Белоусенко отличаются трогательным психологизмом. Вот, например, девочка из рассказа “Дочки-матери”, впервые встретившаяся со смертью (у девочки из параллельного класса умер отец), прислушивается теперь к стуку материнского сердца и боится, что оно сейчас остановится. А проснувшись следующим утром, слышит, как шипит на сковородке масло, и эти звуки становятся для неё вестником самого важного: *“Мама не умерла, не сейчас. И не хотелось ни засыпать, ни просыпаться, а только дремать с этой солнечной мыслью”*. Есть у прозаика и образные удачи, более всего, в рассказе “Куколка”, например, в описании отношений между Сергеем и отчимом: *“Но кто виноват, что отношения сшивались тонкими нитками? Не они выбирали пряжу, а сил мягко и сосредоточенно вышивать общую жизнь ни у одного из них не было. Каждый искренне хотел полюбить и принять другого, но если бы хоть кто-то полюбил по-настоящему, обогатилась бы пряжа, и неумелый шов не порвал бы её”*. А есть сцепление психологических и образных находок в одно, как, например, в воспоминаниях Сергея об отце: *“Кроме фотографий и старой коробки с нетронутыми струнами у Сергея осталась теплая и ноющая память о нём. Он точно знал, что они вместе играли в прятки, и до сих пор помнил запах кожаной папиной дублёнки с искусственным мехом, за которой прятался в шкафу. Дверца этого шкафа... до сих пор скрипит, обманывая наивное сердце. Но дублёнки за ней уже давно нет...”*

Кажется, что движение молодого прозаика в сторону обретения умения показать полноценное изменение человека, сделанное в той же психологической тонкости и образности, как в упомянутых выше рассказах, должно быть чрезвычайно перспективным.

Молодой прозаик Иван Маков из Петербурга, автор уже достаточно зрелого рассказа (или, по его определению, поэмы) “Житие последнего человека”**, в центре которого также преображение человека, а точнее – движение от бытовых забот обыкновенного деревенского жителя к смиренному принятию смерти.

На первый взгляд, этот рассказ в чём-то напоминает роман Андрея Антипина “Житийная история”, в котором тоже показана жизнь пожилых людей в преддверии смерти – как и герой Антипина, герой Макова оглядывается вокруг и сначала ищет умиротворение в привычных бытовых делах и в русской природе. Перекликается “Житие последнего человека” отчасти и с антипинской повестью “Дядька”, ведь герой Макова также осознаёт причину вымирания деревни в том, что *“нельзя русского мужика без работы оставлять”*. Но там, где Антипин останавливается, Маков лишь начинает, и потому все тематические вещи у Макова даются как бы вскользь – не старости как таковой и не вымиранию русской деревни посвящён его рассказ. Ожидание смерти и одиночество последнего жителя села показаны автором уже в первой главе рассказа и являются лишь отправной точкой, лишь началом пути старика Лёни к будущей жизни.

Всё, что происходит дальше, это внутренние движения Лёниного сердца. Сначала – холодное безразличие ко всему окружающему и бессильный ропот

* “День и ночь”, № 4, 2016.

** Русский литературный журнал “МолОКО”, № 2, 2016.

на Бога, выливающийся в настойчивые вопросы: “Зачем живу я”. Потом – описание ночи, наполненной “порчей воспоминаний”, во время которой на память Лёне приходит всё злое, что он совершал. Старик впадает в такое уныние, что, кажется, даже сама природа начинает злиться на него: “Силы ветра гнали его – уйди!.. Раздался дождь, а с ним упал и град с горошину, стал дед обступать... он рухнул на колени – рычаньем залилось разгневанное небо. Избил град лежащее восьмидесятилетнее тело...” А затем – умиротворение от собственной слабости, размышления о Сыне Божьем и, наконец, молитва от всего сердца.

Но и не “личное спасение” Лёни становится итогом рассказа, а радость и благодарность Богу за то, что жило когда-то здесь всё его село, и просьба: “Да покарай же ты меня, а не их” за все наши грехи, за то, что часто отводили глаза от Тебя – и в этом движении души оправдание не одной жизни, но жизней всех его односельчан, и даже самых явных грешников, как, например, самоубийцы Михаила. Последний раз идёт Лёня по селу к развалинам старой церкви и там умирает. Старик становится последним (а может, и единственным) молитвенником за своё село. В реальности происходит лишь смерть одного человека, чья душа, наверно, поднимается в рай; но в художественном пространстве происходит оправдание жизни не только Лёни, но и всего села.

Рассказ написан ритмической прозой, присутствует инверсия, предложения часто зарифмованы между собой, например: “руками, с детства безделья не знавшими; с русским носом, широким, как поля, его окружавшие; спиной, от огородов согнувшейся; глазами, от старости потухшими” или “Одно лишь сердце в грудь – било... Да придет царство Твоё! Остановило...”. Это выглядит ещё несколько наивно, впрочем, избыточности и нарочитости в таком построении не чувствуется, так что в какой-то момент читатель просто забывает об этой особенности текста, погружаясь в него целиком. Есть у автора стремление назвать вещь, а не показать её, но преодоление этого у него ещё впереди.

А пока видно, что и Алёна Белоусенко, и Иван Маков стремятся к “гармоничности” своих текстов; если сравнивать их творческий путь с путём Андрея Антипина (в том смысле, в котором вообще можно сравнивать таких разных авторов), то они находятся сейчас как бы на этапе ранних антипинских повестей “Капли марта” и “Соболь на счастье”, тоже отличавшихся гармонией и стремлением к благополучному разрешению конфликта. Смогут ли они двинуться к более полному изображению жизни и в то же время не потерять того бытийного напряжения, которое свойственно сейчас их рассказам, стремления к гармонизации мира без единой ноты морализаторства? Увидим в ближайшем будущем. Пока же кажется, что эти авторы могут пойти по пути раскрытия полноценного душевного (а может, со временем и духовного) мира своих героев. Конечно, их рассказы, которые мы сейчас разобрали, не претендуют на выражение какой бы то ни было полноты христианского мировоззрения, но очень важны для нас как первые ростки того нового, с чем мы связываем главные надежды современной русской литературы.

5

В нынешнем литпроцессе мы часто становимся свидетелями неоправданного превозношения того или иного автора – звучат хвалебные речи, раздаются престижные премии, и практически никто не задаётся вопросом, а литература ли это вообще, можно ли рассматривать данный художественный текст всерьёз. Проходит время, и имя этого автора всё ещё помнится, к нему продолжают относиться как к знаменитому писателю. И оттого создаётся искусственное впечатление, что современная литература живёт полной жизнью и в ней непрерывно появляются значительные художественные произведения. А в то же самое время с другой стороны раздаются прямо противоположные восклицания о том, что русская литература мертва и все её достижения остались в прошлом. Этот обессиливающий лейтмотив связан, чаще всего, с собственным пессимистическим восприятием жизни и литературы, непережитой трагедией распада страны, неумением смотреть вперёд.

Между тем подлинный русский литературный процесс движется медленно, но верно, открывая нам новые имена – без лишней истерики и хлёстких

лозунгов молодое поколение “новых традиционалистов” созревает и обретает силу. И вот мы можем наблюдать, как пытается выразить народное самосознание в современную нам эпоху Андрей Антипин; как стремятся проникнуть в глубину человека Юрий Лунин и Елена Тулушева; как стараются в предельной достоверности и без ненужного морализаторства показать изменение и преобразование человека Алёна Белоусенко и Иван Маков.

Впрочем, авторы, о которых мы говорили сейчас, это лишь некоторые представители талантливого молодого поколения, показавшиеся нам наиболее близкими к тому представлению об идеальном образе новой отечественной литературы, с которого мы начали эту статью. Есть и другие. Это, например, лауреаты молодёжной премии “Нашего современника” 2009 и 2011 годов москвичи Анастасия Чернова и Олег Сочалин и дебютировавший в журнале в прошлом году с повестью “Темнеет рано”^{*} прозаик из города Северодвинска Антон Шущарин. Это автор пронзительной и художественно зрелой повести “Три дня Осоргина”^{**} петербуржец Дмитрий Филиппов и продолжающий шукшинские традиции дивеевский прозаик Антон Лукин. Это Евгения Декина из города Прокопьевск Кемеровской области, чей рассказ “Сын Ваньки Пантелеева”^{***} мог бы служить примером текста, в котором совершается органическое преобразование героя, а повесть “Золотой корень”^{****} свидетельствует о желании охватить жизнь в её широте, проникнув в душу разных героев. С какой-то долей условности к этому же поколению “новых традиционалистов” можно отнести прозаиков Наталью Мелёхину и Ирину Богатырёву, Евгения Москвина и Бориса Пейгина, Кирилла Яблочкина и Константина Куприянова.

Кто из этих авторов станет по-настоящему значительным русским писателем, покажет время. А сейчас мы можем лишь с замиранием сердца ждать — появится ли из куколки та прекрасная бабочка “воображаемой, возможной литературы”, которую мы так жаждем и очертания которой уже сейчас находим в текстах молодых авторов. Обратимся же к их произведениям, испытаем радость открытия талантливого имени, посмотрим на мир их молодыми глазами, устремлёнными в будущее. И поймём, что надежда наша не напрасна.

* “Наш современник”, № 10, 2015.

** “Нева”, № 1, 2014.

*** Русский литературный журнал “МолОКО”, № 2, 2015.

**** “Октябрь”, № 8, 2016.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ВЕЛИКИЙ ЮНУС И ПОРОКИ КАПИТАЛИЗМА

Знакомство с нобелевским лауреатом

С отцом микрокредитования, известным предпринимателем из Бангладеш, экономистом и общественным деятелем, лауреатом Нобелевской премии мира профессором Мухаммадом Юнусом довелось познакомиться летом этого года в Азербайджане. Он был гостем президента Ильхама Алиева, а также выступал с докладом на конференции на тему о социальном бизнесе в Государственном экономическом университете в Баку. Помимо профессорско-преподавательского состава в ней участвовали министры экономического блока правительства, руководители комитетов, официальные лица и видные ученые Республики. Пригласили и несколько иностранных делегаций и представителей, в том числе и с российской стороны.

В завершение дискуссии состоялась торжественная церемония избрания М. Юнуса почётным доктором университета, затем презентовали переведённую на азербайджанский язык его книгу “Банкир для бедных”, объявили об открытии первого в регионе Центра социального бизнеса – детища Юнуса с отделениями по всему миру. В заключение ректор университета собрал в своём кабинете несколько человек, в числе которых оказался и автор этих строк.

Стройный, симпатичный, невысокого роста, М. Юнус приветлив и прост в общении. Одетый в традиционный национальный костюм, сшитый, как выяснилось, на одном из его предприятий, он хорошо говорит по-английски. Накануне одна из московских газет посвятила ему небольшой пассаж. Юнус с интересом услышал об этом и с благодарностью взял газету.

Широкая слава пришла к Мухаммаду Юнусу в 2006 году, когда его удостоили Нобелевской премии мира за “усилия по созданию экономического и социального развития снизу”. Он реализовал поистине новаторскую идею: попирая традиционные каноны банкиров, стал выдавать кредиты бедным и нищим. В 2008 году в рейтинге “100 мировых мыслителей мира”, составленном журналом Foreign Policy, ему было присвоено второе место. Несколько позже другие американские журналы Forbes и Fortune назвали его “одним из величайших предпринимателей нашего времени”. Он один из немногих нобелевских лауреатов, которые к тому же награждены Президентской медалью свободы США и золотой медалью Конгресса США. Мечта Юнуса – создать мир без бедности, или, по его словам, “отправить её в музей”.

Профессор Юнус также лауреат 55 почётных степеней университетов двадцати стран, а в общей сложности имеет свыше ста наград 26 государств.

Его книги переведены на многие языки. Последняя из них на английском – “Сверхсчастье” – с дарственной надписью теперь и у меня.

Как начиналось

Мухаммад Юнус появился на свет 28 июня 1940 году в Бенгалии, тогдашней Британской Индии. В 1947 году этот регион стал частью Восточного Пакистана, а в 1971 году – страной Бангладеш. Его отец торговал золотыми ювелирными украшениями. Учился он блестяще. В 1957 году поступил на экономический факультет университета Дакки, где защитил диплом бакалавра и магистра гуманитарных наук. Рано проявились и его организаторские способности. В двадцать лет он наладил упаковочный бизнес, а после поступления в аспирантуру передал его одному из братьев. В 1964 году подал заявку на стипендию Фулбрайта и поступил в университет Вандербильта в американском штате Теннесси. Спустя пять лет здесь ему была присвоена степень доктора экономических наук, после чего был оставлен там преподавателем.

В 1971 году во время войны за независимость Восточного Пакистана Юнус совместно с другими живущими в США выходцами из этой страны основал гражданский комитет в поддержку освободительного движения и руководил его информационным центром. Вскоре после победы и создания Бангладеш (что означает “бенгальский народ”) он вернулся на родину с желанием помочь строительству нового государства, стал членом правительственной Комиссии по планированию. Однако работа там показалась не столь интересной, и он оставил её, чтобы возглавить экономический факультет университета Читтагонг – провинции на юге Бангладеш, где родился и вырос. Впереди светила академическая карьера. Однако жизнь распорядилась иначе.

Университет находился за городом. По дороге к нему Юнус проезжал через деревню Джобра и видел жалкое существование её обитателей. В 1974–1975 годах вследствие климатических и прочих невзгод в стране разразился страшный экономический кризис. Миллионы людей оказались без крыши над головой, без работы. Начался голод. Не имея даже горстки риса, дети гибли на руках матерей.

В книге “Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма” он вспоминает: “Становилось всё труднее излагать в университетской аудитории рассудительные теории “экономикс” и предполагаемое ими совершенство свободного рынка, в то время как коса смерти истребляла народ Бангладеш. В какой-то момент я почувствовал пустоту этих учений перед лицом беспросветного голода и нищеты. Захотелось без отлагательств что-то сделать для окружающих меня людей, с каждым днём терявших надежду” (Muhammad Yunus. *Creating a World without Poverty. Social Business and the Future of Capitalism.* SUBARNA. Dhaka. Thourth Print., 2013, p. 44–45.).

Первой попыткой облегчить участь сельчан стала его инициатива по эффективной ирригации деревни. В результате сбор урожая с близлежащих полей заметно увеличился, а собственники угодий выгадали. Его отметили правительственной наградой, чему он не сильно обрадовался, так как положение безземельных жителей никак не изменилось. Они перебивались случайными заработками или просто нищенствовали.

Вникнув в их проблемы, Юнус пришёл к выводу, что коренная причина их бедствий кроется в нещадной эксплуатации со стороны ростовщиков. Свет пролило знакомство с одной женщиной, занимающейся в домашних условиях ручным производством мебели. Юнуса поразил контраст между убожеством её жилища и замечательными стульями из бамбука, которые она делала.

Почему кропотливый труд не способен вытащить её из нищеты? Оказалось, что подобно многим другим сельчанам она вынуждена обращаться к местному ростовщику для получения ссуды, требуемой для приобретения сырья. Но тот предоставлял заём лишь при одном условии: она будет отдавать ему всю продукцию по диктуемой им цене. При таком договоре и высокой ставке процента по ссуде ей оставалось лишь 10 центов в день. “Это был не заём в нормальном его понимании, а путь в кабалу” (ibid., p. 46).

Вместе с одним из своих студентов Юнус составил список жителей посёлка, занимающих деньги на таких условиях. В нём оказалось 42 имени. А суммарный заём был всего лишь 27 долларов! Он был потрясён количеством людей, страдающих из-за столь мизерной суммы. “Какой урок для профессора

экономики! Я рассказываю студентам о пятилетнем плане развития страны с его впечатляющими проектами вложения миллиардов долларов для помощи бедным. Разрыв между обещаемыми миллиардами и жалкой суммой, в которой незамедлительно нуждалась группа голодающих людей, казался невероятным” (ibid., p. 48).

Стремясь спасти жертв акул-ростовщиков, Юнус выложил из собственного кармана 27 американских долларов в местной валюте и передал их им. Несчастные были в восторге. Если можно осчастливить столько людей таким небольшим количеством денег, размышлял он, почему бы не продолжить это дело? Пошёл в банк в университетском кампусе, где его хорошо знали, и предложил предоставить бедным кредиты. Управляющий ответил, что такие люди не кредитоспособны, у них нет банковских историй и залогового обеспечения. Кроме того, поскольку они безграмотны, то не смогут даже заполнить требуемые документы. Идея предоставления займов таким слоям противоречила элементарным принципам банковского дела.

Выходило, что деньги даются лишь тем, у кого они уже есть. Но как только Юнус указывал на этот нонсенс, банковские служащие лишь пожимали плечами и вежливо сворачивали беседу. После долгих мытарств Юнус предложил выступить гарантом для займов бедным, согласившись сам подписывать все бумаги, получать деньги и их раздавать. На это пошли. С помощью студентов-волонтеров он приступил к делу. Через некоторое время обнаружилось удивительное: ссужаемые сельчанам средства возвращались. Причём всякий раз вовремя!

Однако предложения Юнуса расширить такие операции не встречали поддержки. Банкиры ворчали: “Ваша деятельность успешна лишь потому, что вы со своими студентами уделяете чересчур много внимания клиентам, нянчитесь с ними. Это не банкинг. И вообще, вы профессор, а не банкир” (ibid). Уверяли, что ему пока просто везёт. Но он повторял эксперимент в других посёлках, и там тоже получалось. Поскольку банки по-прежнему неохотно шли навстречу, он в конце концов решил создать собственный банк – банк для неимущих. Так в 1983 году и возник “Граммин банк”, что по-бенгальски означало “деревенский банк”.

Революция микрокредитования

Банк Юнуса шёл против течения. “Финансовые институты, – вспоминает он, – всегда ставили вопрос “Кредитоспособны ли бедные?” и, конечно же, отвечали, что нет”. В результате бедные слои населения, составляющие половину всего человечества, оставались вне сферы их услуг, как будто их просто не существовало. Я перевернул вопрос: “Имеют ли цену люди для банкиров?” Убедившись, что нет, решил: настало время для создания банка нового типа... В “Граммин” был брошен вызов финансовому апартеиду. Мы осмелились предоставлять кредиты отверженным людям. В том числе лишенным каких-либо средств к существованию женщинам. Мы пошли против правил. На каждом шагу пути раздавались возгласы: “Вы бросаете деньги на ветер! Средства, которые вы даёте в долг, никогда не вернутся. Даже если ваша система работает сейчас, в какой-то момент она рухнет” (ibid., p. 51).

Но этого не произошло. Сегодня “Граммин банк” – крупнейшая финансовая структура Бангладеш с 8,5 миллиона клиентов. Со времени своего открытия банк выдал займов более чем на 12,5 миллиарда долларов. Уровень возврата кредитов близок к 99%. Прибыль “Граммин” целиком инвестирует в расширение и поддержку бизнеса в сельской местности. Миллионам семейств удалось наладить мелкое производство, купить корову или кур, обзавестись швейной машиной или телегой и таким образом улучшить свою жизнь и вырваться из бедности.

В учебниках по экономике пишут, что только небольшая часть людей обладает талантом не упускать представившиеся деловые возможности и способны рисковать имеющимися ресурсами, чтобы реализовать заложенный в них потенциал. “Напротив, – полагает Юнус, – мои наблюдения в беднейшей среде во многих районах мира наводили на мысль (а десятилетия практики “Граммин” подтверждают это), что предпринимательские способности практически универсальны. Почти каждый обладает способностью разглядеть те или иные возможности под рукой. А когда появляются средства для претворения их в жизнь, почти каждый преисполнен желанием сделать это” (ibid.).

Ещё одно из открытий Юнуса состояло в том, что кредитование женщин предпочтительнее, чем работа с мужским полом. «Когда мужчины получают деньги, они расходуют их на себя. Женщины же склоны тратить на всю семью, особенно на детей. Девизом «Грамин» стало – «матери в первую очередь». Сегодня 97% клиентов банка женщины.

Стремление Юнуса решать проблемы беднейшего населения Бангладеш привело «Грамин» к мысли о предоставлении займов под жилищное строительство. Преодолевать чиновничьи барьеры было непросто. Обращения в Центральный банк Бангладеш с просьбой предоставить такие же условия фондирования, какие предоставляются обычным коммерческим банкам при осуществлении соответствующих программ, наталкивались на отказ. Причина? Запрашиваемые на это мизерные суммы (125 долларов) никак не укладывались в принятые правительством шаблоны. Положительное решение состоялось лишь после того, как на должность главы ЦБ был назначен человек, разделявший взгляды Юнуса. Начатая с 1984 года жилищная программа «Грамин» позволила сотням тысяч бедняков перебраться из убогих лачуг в новые строения.

Принципы работы

Высокий уровень возврата ссужаемых средств во многом обуславливался практикуемой Юнусом системой круговой поруки. Заёмщиков объединяли в коллективы из пяти человек. Когда кто-то из пяти брал заём, требовалось одобрение остальных четырёх. Дюжина таких пятёрок еженедельно собиралась в деревне в определённом месте. За ними был закреплён кто-то из сотрудников банка. На встречах регулярно обсуждались вопросы погашения долгов, предоставления новых займов, возможности развития того или иного бизнеса, общие задачи и проблемы. Руководство центров избиралось демократическим способом. Их число в Бангладеш перевалило за 100 тысяч.

Фактор коллективизма и солидарной ответственности дополнительно побуждал заёмщиков оставаться верными своим обязательствам. Когда их опрашивали, почему они так хорошо возвращают долги, многие отвечали: «Потому что ужасно не хотелось бы подводить других членов группы».

Принципиальным отличием «Грамин» от традиционных банков стало отсутствие документов, имеющих юридическую силу. Ведь большинство из клиентов не умеют ни читать, ни писать. Они только ставят свою подпись о получении денег. Но банк никогда не судится с клиентом, если он не возвращает заём. Он старается понять сложности и помочь решить их. Банк не тратит деньги на рекламу. Ведь когда деньги передаются одной жительнице деревни, об этом сразу же узнают все остальные.

Социальная направленность банковской деятельности закреплена в документе под названием «16 решений», обязательном как для сотрудников банка, так и для заёмщиков. В нём содержится и обещание сокращать рождаемость – до недавнего времени женщины Бангладеш рожали в среднем по шесть детей.

Одно из «решений» обязывает клиентов банка отправлять своих детей в школу. Образование для нового поколения деревенской молодёжи – прорыв из бедности. Многие поступают в вузы. Одним «Грамин» предоставлял стипендии, другим выдавал ссуды для завершения учёбы. Выпускники становились врачами, инженерами, докторами наук. «Грамин» превращался в социальный инструмент, выводящий людей из нищеты.

Для развития банку Юнуса была нужна прибыль. Но помогая бедным, требовалось сводить ссудный процент к минимуму. Так он и действовал. Процент, как правило, ограничивался 12–18%. Понятно, что при кредитовании без обеспечения это крайне мало. Займы под жилищное строительство и того меньше – 8%. Студенческие ссуды вообще были бесплатными, а после получения диплома – 5%.

С 2004 года заработала специальная программа выдачи займов нищим (средняя ссуда 15 долларов), полностью освобождённая от уплаты процента. Причём заёмщики по желанию могли выплачивать любую сумму, которую они были готовы вернуть. «Это программа, – объясняет Юнус, – основана на простой идее: если вы ходите от дома к дому, прося милостыню, почему бы вам не взять с собой какой-нибудь товар на продажу? Люди смогут у вас что-то

купить, а не просто давать вам милостыню”. С тех пор значительная доля из 120 тысяч таких клиентов перестали просить милостыню и превратились в лиц, оказывающих те или иные услуги. А большинство из остальных продолжали заниматься попрошайничеством лишь от случая к случаю. Две трети, как ни странно, отдавали долги.

Со временем клиенты банка превращались в его вкладчиков и совладельцев – акционеров. Заёмщики помещали свои небольшие сбережения на сберегательный счёт и имели право купить акции банка, каждая из которых стоила всего лишь полтора доллара. Сегодня миллионы заёмщиков банка являются и его акционерами, что пополняет средства предприятия, обеспечивая ему устойчивый и динамический рост.

Опыт “Грамин” начал распространяться и в других странах. Учреждённый для этих целей в 1989 году “Грамин траст” стал оказывать разностороннюю помощь продвижению практики микрофинансирования по всему миру. Появились тысячи таких организаций. Возник и форум под названием “Саммит по микрокредитованию”. В 1997 году на него съехались 3 тысячи делегатов из 137 стран. Была поставлена цель: к 2005 году охватить микрокредитованием и другими финансовыми услугами 100 миллионов бедных семей. Задача была выполнена. Генеральная Ассамблея ООН объявила 2005 год Международным годом микрокредитования. Программы микрокредитования сегодня действуют не только в Азии, Латинской Америке, Африке, но и в самых развитых странах мира, в том числе в США, Германии и Норвегии.

Наибольшее распространение микрокредитование получило в Индии. Национальный банк сельхозразвития финансирует более 500 банков, выдающих кредиты группам взаимопомощи, состоящим из 10–20 человек. Большинство из них женщины из низших каст и племен. Члены группы каждый месяц вносят по несколько рупий в фонд, из которого каждый участник может занять деньги на свои нужды. Если группа успешно распоряжается своим фондом, она, обратившись за кредитом в банк, получает средства, необходимые для вложений в какой-либо небольшой бизнес или деятельность в аграрной сфере. Кредиты ограничены суммой, не превышающей более чем в четыре раза средства в кассе взаимопомощи. Процент по ним невелик – 11–12% в год. Сейчас такие займы выдаются 1,5 миллиона групп взаимопомощи, включающих 20 миллионов женщин. Схожие программы получили развитие в других странах Юго-Восточной Азии и в Африке.

Социальный бизнес

Погружаясь в проблемы бедных, Юнус начал экспериментировать с бизнес-идеями и в иных сферах. Многие из них оказались успешными. В итоге “Грамин банк” оброс семьёй компаний различного профиля. Одна из них – “Граминфон” – стала крупнейшим оператором сотовой связи в Бангладеш. Благодаря этой фирме сотни тысяч бедных женщин стали “телефонными леди”, обеспечивающими мобильную связь деревенским жителям. “Грамин телеком” установил интернет в самых отдалённых уголках страны. “Грамин энерджи” распространил солнечные батареи, обеспечившие дешёвой возобновляемой энергией сотни тысяч простых деревенских домов. Текстильные предприятия Юнуса создали множество новых рабочих мест и снабдили их подходящей технологией. Возникли и компании, действующие в пищевой отрасли, сельском хозяйстве, области здравоохранения, образования. Всех их объединяет одно общее стремление – улучшить жизнь народа Бангладеш, особенно его беднейших слоёв.

Немалый вклад вносится и в борьбу с безработицей. Займы студентам часто оказывались недостаточными. Выпускники вузов нередко не могли найти работу. Юнус искал выход. “Мы решили перестроить их мышление с традиционного пути поиска работы к созданию рабочих мест для себя и других через предпринимательство. Мы побуждали их говорить себе – мы не ищуте работы, мы работодатели. Мы старались вдохновить их на создание бизнеса с помощью займов “Грамин банк” вместо того, чтобы заниматься поисками работы. Таких мы называли “новыми предпринимателями” (Muhammad Yunus. Super Happiness. SUBARNA, 2015, p. 25).

В 2013 году Юнус организовал Творческую лабораторию, в которой стали встречаться потенциальные инвесторы в социальный бизнес с кандидатами

в “новые предприниматели”. Первые изучали бизнес-планы вторых и в случае интереса принимали решения о финансировании проектов. С тех пор сотни из них уже реализовались и превратились в социальный бизнес.

Двадцать лет назад 80% населения Бангладеш жило ниже уровня бедности. Во многом благодаря усилиям Юнуса к 2015 году уровень бедности сократился вдвое. Кроме того, в стране изменилось положение женщин – началась эмансипация. И экономика Бангладеш растёт высокими темпами – 6-7% в год. Сегодня все дети посещают школу, а молодёжь стремится получить университетское образование.

Связывая с социальным бизнесом большие надежды на искоренение бедности в мире, Юнус сознаёт, что он пока не является достаточно развитым, находится за рамками основных течений делового мышления. По его мнению, положение изменится лишь тогда, когда эти идеи охватят головы руководителей крупнейших глобальных корпораций.

В октябре 2005 года, когда профессор Юнус читал лекции во Франции, с ним пожелал встретиться глава концерна “Данон” Фрэнк Рибу, стремившийся проникнуть на рынок Бангладеш. Они договорились о создании совместного предприятия “Грамин Данон”, действующего на предложенных Юнусом условиях и принципах. Узнав, что планируется вкладывать капитал в проект, не сулящий доходов, акционеры вначале заупрямились, но их удалось успокоить обещанием последующих за этим прибыльных инвестиций в страну. Дело вылилось в строительство нескольких небольших заводов в Бангладеш, производящих специальный йогурт с питательными веществами для страдающих от плохого питания детей. Их продавали по доступным ценам, не получая от этого дивидендов. Впрочем, и убытков тоже.

Теперь счёт транснациональных компаний, привлечённых Юнусом к участию в социальном бизнесе в Бангладеш, пошёл на десятки. К ним относятся французская фирма “Виолия” (Veolia), поставляющая чистую питьевую воду в бедные районы страны, немецкий химический гигант БАСФ (BASF), продающий по низким ценам москитные сетки, защищающие от распространения малярии. Юнус организовал совместный социальный бизнес с известной японской корпорацией Юникло (Uniqlo), американской Интел (Intel). Однако для всех этих корпораций социальный бизнес составляет лишь небольшую долю в их общих оборотах, наводит глянец на их имидж.

Микрокредитование по-русски

Воплощение идей социального бизнеса в других странах далеко не всегда оказывалось под контролем его пионера. Реальность зачастую не только не укладывалась в это понятие, но и прямо противоречила ему. “Во многих случаях, – сетовал Юнус, – микрокредитование используется неверно. Злоупотребляют коренным принципом. Мы создаём его для помощи людям, руководствуясь благими социальными намерениями. Жаль, когда некоторые считают это коммерческим бизнесом, хотят делать деньги для себя. Я говорю, что это превращает их в акул-ростовщиков” (Super Happiness, p. 61).

Именно это произошло и в России. Показателен пример бывшего вице-президента общественной организации малого и среднего предпринимательства “Опора России”, руководителя созданного в 2002 году “Российского микрофинансового центра” (РМЦ) и директора “Комитета гражданских инициатив” Алексея Кудрина в Татарстане Павла Сигала.

По приглашению правительства Москвы и РМЦ М. Юнус впервые посетил Россию весной 2008 года. Чтобы подробнее ознакомиться с опытом социального бизнеса, Юнус предложил Сигалу и его коллегам совершить ответный визит в Бангладеш, что через некоторое время и произошло. Набравшись знаний, Павел Абрамович клялся удесятерить усилия в оказании помощи начинающим предпринимателям и в борьбе с бедностью. Но дело закончилось нашумевшей аферой по обворовыванию бюджетных средств, выделявшихся Пенсионным фондом России для выплат по материнскому капиталу.

Сотни фирм, разбросанных по всей стране, собирали информацию о неблагополучных семьях, женщинах, страдающих зависимостью от наркотиков, алкоголизмом или психическими расстройствами. После чего с ними заключались договоры целевого займа, согласно которым им якобы выдавались денежные суммы на покупку жилья. Как правило, заём оформлялся на сумму,

равную размеру материнского капитала, однако фактически деньги не перечислялись.

Затем члены группы от лица матерей осуществляли сделки по приобретению недвижимости. Как правило, покупались ничтожно малые доли в квартирах, домах ветхого жилого фонда, а также в помещениях, непригодных для проживания. На финальной стадии аферисты гасили сертификат на материнский капитал в счёт кредита на жильё, при этом часть полученной суммы злоумышленники передавали женщинам, с которыми заключили договор, а львиную долю клали себе в карман.

В общей сложности Сигалом и его сообщниками было обналичено 10,5 млрд руб. Осенью 2013 года его арестовали и отправили в “Матросскую тишину”, где он провёл год без малого. В конце концов его выпустили, а дело замяли.

В отличие от “Грамин” многие микрофинансовые организации в России берут с кредиторов заоблачные проценты, а затем выбивают их самыми зверскими способами. Скандалы, связанные с причиняемыми коллекторами увечьями людям, в том числе и детям, хорошо известны. Нередко человек, взявший заём в пять тысяч рублей, по прошествии времени оказывается должен уже сто тысяч и более.

Таково “микрокредитование по-русски”. Вот что писал по этому поводу весьма осведомлённый в этих вопросах глава комитета по финансовым рынкам Торгово-промышленной палаты России экономист Я. М. Миркин: “Область российской экономики, на которую страшно смотреть, – это микрофинансовые организации... Пока это зона ростовщичества, полной непрозрачности, кредитов “до полочки” под 1000%... Это мыльный пузырь, который обязательно лопнет с огромными скандалами” ([tps://ru.wikipedia.org/wiki](https://ru.wikipedia.org/wiki)).

Мыслитель

Воплощение идей социального бизнеса требовало от Юнуса гигантской энергии и заставляло его постоянно осмысливать законы экономической жизни. Имея теоретическую базу, профессор-банкир использовал накопленный опыт и для обобщений в социальной науке, в частности, политэкономии. Больше всего они представлены в упоминавшейся работе – “Сверхсчастье” (Muhammad Yunus. Super Happiness. SUBARNA, 2015).

Она писалась уже после того как её автор получил мировое признание и находился на вершине славы. Юнус не заходил за “красные флажки” в оценках капитализма, предлагая его лишь реформировать. Но теперь он уже позволяет себе подвергать существующий строй весьма резкой критике.

Книга начинается с констатации того, что огромное число молодых людей не только в развивающихся, но и богатейших странах Европы и Америки не могут найти работу. Со временем их охватывает чувство безысходности, и они становятся “потерянным поколением”. “Безработица означает, – рассуждает Юнус, – что полноценную личность бросают в мусорную корзину. Как будто её за что-то наказывают. Человек рождается, чтобы быть активным, созидательным и энергичным – всегда ищущим пути к реализации своего безграничного потенциала. Почему же надо парализовать эти качества, лишить его возможности использовать столь удивительные способности. Кто совершает это? Почему миллиарды людей остаются невостребованными?” (Super Happiness, p. 18).

Ответ ясен: “Проблема создается не самими безработными, а ущербной экономической системой”. Но буржуазные идеологи как будто это не замечают. “Теоретики вдалбливают в сознание людей, что они рождаются для того, чтобы работать на кучку привилегированных лиц, называемых предпринимателями. А поскольку соответственно с господствующими концепциями “бизнесмены, создающие рабочие места”, рулят экономикой, вся политика и институты строятся под них. Если они вас не нанимают, вам конец. Какое ошибочное истолкование человеческого предназначения! Какое оскорбление человеческой личности, обладающей безграничными созидательными возможностями!” (ibid.).

Юнус ставит и более общий вопрос: “Способна ли ныне существующая экономическая система обеспечить приемлемый уровень морали, социальной и материальной гармонии в мире?” (p. 13). И даёт на него однозначный ответ:

“Не думаю, что она на это способна. Капитализм является порочной системой созидания и прогресса – безличной машиной, постоянно выжимающей сок из низов общества и передающей его наверх. Чем выше вы в ней находитесь, тем больше вам достается. Это происходит не потому, что ею управляют плохие люди; просто машина так устроена. Капитализм не предусматривает моральную ответственность и лишен социального смысла. По крайней мере, так происходит на практике. Система превращает всех в денежно-центричных роботов... На вершине жизнь хороша. Но внизу она ужасна. Жаль, что те, кто наверху, не оказывают помощь другим” (р. 9, 13).

Стало быть, эксплуататорский характер капитализма не является для Юнуса тайной за семью печатями. Не упоминая Маркса, он солидарен с ним в этом. Отвечая на вопрос корреспондента газеты *Financial Times* – “Хорош ли капитализм?” – Юнус замечает: “Капитализм стоит на одной ноге, что приводит к его неустойчивости и вызывает массу проблем. Ему необходимо иметь и другую, гуманистическую опору” (*ibid.*, р. 116).

По словам Юнуса, в концептуальную канву экономических теорий глубоко встроено безразличие к человеку и даже антагонизм между людьми. “Максимизация личной выгоды является сутью экономической рациональности. Это поощряет такое отношение одного человека к другому, которое может быть названо словом ещё более жёстким, чем “безразличие” (*ibid.*, р. 15).

Юнус выносит суровый вердикт принятым на Западе концепциям капитализма: “Нам надо пересмотреть нашу теорию и признать безграничные возможности человека, вместо того, чтобы полагаться на “невидимые руки”, способные якобы решать все проблемы. “Невидимые руки” потому невидимы, что их просто не существует” (*ibid.*, 19).

Нелицеприятна и характеристика глобализации капитализма: “В идеале глобализация должна была бы представлять собой процесс создания тесно взаимосвязанной между собой мировой человеческой семьи. Но в действительности всё происходит иначе. Она приводит к конфронтации государств, каждое из которых стремится усилить свои позиции и отстоять свой эгоистический интерес” (*ibid.*).

И всё же, в отличие от Маркса, Юнус не делает вывода о необходимости свержения капитализма. По его мнению, излечить капитализм способен изобретенный им социальный бизнес. Если традиционный бизнес направлен на максимизацию прибыли, то социальный отказывается от этого принципа. Собственник капитала может получить вложенные в дело средства, но не более. Вся получаемая прибыль вкладывается вновь в расширение и улучшение предприятия. Такой бизнес занимает промежуточное место между благотворительностью и традиционным предпринимательством. Его цели благотворительные, а реализуется он на принципах бизнеса, но без обогащения для владельца.

В чём же преимущества социального бизнеса по сравнению с благотворительностью?

“Благотворительность, – поясняет Юнус, – прекрасная идея и известна с незапамятных времён. Однако деньги, потраченные на благотворительность, не возвращаются. К тому же чиновники не очень заботятся о рациональном использовании средств. Деньги же, вложенные в социальный бизнес, проделав работу, не исчезают. Такие средства могут использоваться бесконечно. Это создаёт независимые предприятия, имеющие свою собственную жизнь” (*ibid.*, р. 13, 14).

Юнус оспаривает утвердившийся при капитализме постулат: деньги – единственный источник счастья и чем больше у вас денег, тем вы счастливее. Он полагает, что если деланье денег возможно и приносит счастье, то для него, например, “деланье других людей счастливыми является сверхсчастьем”. Поэтому он ратует за перестройку образования: “Школы бизнеса тренируют молодых людей для того, чтобы они сражались за захват рынков, денег и капиталов. Их не наделяют никакой социальной миссией. Принимая концепцию социального бизнеса, молодежь следует учить становиться борцами за решение социальных проблем” (*ibid.*, р. 14).

Юнус иллюстрирует неспособность капитализма обеспечить справедливость в распределении доходов красноречивыми данными: “Сегодня в мире 85 человек владеет большим богатством чем то, что принадлежит нижней половине всего человечества. Верхняя по имуществу половина человечества владеет 99% всех мировых богатств, оставляя лишь 1% от них нижней части.

И это будет усугубляться, так как все технологии остаются под контролем тех, кто находится наверху” (ibid.).

Одобряя деятельность профсоюзов, Юнус не считает, что рабочий должен всегда оставаться им. Он утверждает, что надо создавать условия для его перехода в предприниматели. Такую возможность, по его мнению, и создаёт социальный бизнес, а финансовые институты должны играть ключевую роль в реализации таких транзитов.

Прочитанную как-то в Англии лекцию об Адаме Смите профессор Юнус начал с упоминания о парадоксальном умозаключении, сделанном Смитом в далёком XVIII веке: преследуя собственную выгоду, каждый человек способствует интересам всего общества. Юнус акцентировал внимание на то, что нынешняя капиталистическая действительность и имеющая широкое хождение формула о всемогуществе “невидимой руки” рынка искажают и сужают мысли гениального политэконома.

Нынешние интерпретаторы его идей апеллируют главным образом к произведению “Богатство народов”, игнорируя не менее важный и также основополагающий труд классика – “Теория нравственных чувств”. В нём Смит делал упор не только на эгоизм, но и на социальное сознание людей, что хорошо видно из приведённого Юнусом отрывка из этой книги: “Как бы своекорыстен человек ни был, в его натуре, очевидно, присутствуют и иные черты, заставляющие его интересоваться судьбой других людей, и относиться с сопереживанием к их проблемам” (ibid., p. 208).

Поэтому неверно сводить мысли Смита к утверждению, что все человеческие особи стремятся лишь к получению выгоды или максимизации прибыли. Более того, понятие разумный эгоизм включает в себя и вклад в социальное благо. Ведь жизнь человека зависит во многом и от процветания того общества, в котором он живёт, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность. Таким образом, Юнус подводил слушателей к выводу: широкое распространение социального бизнеса расставит всё по местам и увяжет разные грани человеческих качеств и стремлений – как к личной выгоде, так и к благу всего общества.

Не утопично ли это утверждение?

Менять машину

Со времен Маркса известно, что капитализм, производит бедность, безработицу и прочие социальные пороки в силу внутренне присущих ему черт и противоречий. Если в лодке пробоина, то, как ни вычерпывай воду с её дна, она всё равно будет вновь туда прибывать. Это прекрасно понимает профессор из Бангладеш, хотя оснований для смены столь ущербной системы так и не находит. В той же лекции им говорилось: “Необходимость внесения изменений в капитализм чувствуется повсюду. Это никогда не ощущалась так сильно, как теперь. Система находится в глубоком кризисе. Тем не менее, никто не призывает отказаться от неё в пользу другой, например, социалистической. Каждый убедился в том, что со всеми своими пороками капиталистическая формация остаётся всё же лучшей в истории человечества” (ibid., p. 202). В одном из других выступлений он утверждал: “Последнее время свидетельствует о достижении капитализмом своего пика. Мы видели, как социалистические экономики пали и быстро устремились к капитализму”.

Последние высказывания весьма спорны. Да, реально существовавший социализм при многих своих достоинствах запутался в противоречиях и обюрократился. Он тормозил инициативу и предприимчивость. Но и капитализм, по Юнусу, обладает нетерпимыми пороками и ставит половину человечества в бедственное положение.

Но есть ведь и третий путь, что подтверждается мировым опытом. На смену прежнего социализма и нынешнего капитализма приходит смешанная система, берущая лучшее из предыдущих формаций и сводящая к минимуму их недостатки. Именно она в последнее время реализуется в Китае и Вьетнаме. В итоге их темпы роста наиболее высокие, а социальные проблемы последовательно решаются. Стоящие у политического руля коммунистические партии в этих государствах научились сочетать плановое и рыночное хозяйство, использовать одновременно и социалистические и капиталистические методы. Новое интегральное набирает силу и во многих других странах.

Социальный же бизнес лишь в миниатюре воспроизводит эту модель на низовом уровне. И это, конечно, хорошо, но недостаточно.

Отдавая дань титаническому вкладу профессора Юнуса в дело борьбы против бедности и нищеты, всё же следует признать: одним лишь культивированием социального бизнеса коренным образом капитализм изменить нельзя. Надо, чтобы и на капитанский мостик корабля взойшли люди, ставящие общенародные интересы на первый план, и умело проводили их. Правда, это уже будет путь в конвергентный, или интегральный строй, включающий и определенные социалистические компоненты. Словом, действовать надо не только “снизу”, но и “сверху”.

Не исключено, что, понимая это, Юнус в конце 2006 года решил включиться и в политическую борьбу. Тогда он уже был национальным героем, а его лик появился на почтовых марках. Совместно с рядом известных общественных деятелей Бангладеш Юнус развернул кампанию за честность и открытость в готовящихся национальных выборах.

В феврале 2007 года он объявил о намерении создать политическую партию под названием “Власть граждан”. Говорили, что его приход в политику поддерживает армия. Однако через несколько месяцев, после встречи с главой правительства Бангладеш, Юнус был вынужден публично отказаться от своих планов.

Демарш ему не забыли. А недоброжелателей у него и без того хватало. Радикальные мусульмане были недовольны тем, что “Грамин” эмансипирует женщин и проповедует ограничение рождаемости. Правоверные марксисты считали, что он отвлекает бедноту от революционной деятельности. Ростовщики видели в нём врага.

В марте 2011 года по указу властей Юнус был уволен с поста главного управляющего “Грамин банк”. По официальной версии причиной отставки было нарушение законодательства: пенсионный возраст наступал в 60 лет, а Юнусу тогда уже перевалило за 70. Но подлинные причины были в его политических амбициях и часто раздававшейся критике в адрес властей Бангладеш, которые он обвинял в коррупции.

Нынешний премьер Бангладеш Шейх Хасина отнюдь не относится к числу его покровителей. На предприятиях группы компаний “Грамин” участились проверки со стороны надзорных органов. И кто знает, какая бы участь постигла Юнуса, если его не защищал бы ореол славы нобелевского лауреата...

* * *

Социальный бизнес способен смягчить болезни капитализма. Сегодня более 200 миллионов человек, в основном женщин, имеют доступ к микрокредитам, что оказывает положительный эффект на их семьи и сообщества, где они проживают. Но одним этим нельзя избавиться от язв капитализма, превратить его в здоровый организм. Доминирующий во всём мире бизнес нацелен на максимизацию прибыли, и никогда не уступит главенствующее место своему антиподу. Он допускает его лишь для наведения румянца на своё с годами становящееся всё более непривлекательным лицо.

Вместе с тем, у капитализма имеется отработанная рыночная и управленческая методика, ряд других неоспоримых преимуществ. Реформируя догматическую модель социализма в Китае, Дэн Сяопин не побоялся соединить, казалось бы, несоединимое. Он включил в неэффективную социалистическую экономику некоторые капиталистические механизмы и вывел страну на траекторию самого быстрого и гармоничного роста. Но он при этом не поступился основными социалистическими принципами и руководствовался интересами всего китайского народа.

Мировая практика подтверждает, что такая интегральная модель, соединяющая преимущества капитализма и социализма и сводящая к минимуму недостатки обеих формаций, является наиболее перспективной с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека. Именно она соответствует нахождению баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека и отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

АНДРЕЙ ФУРСОВ

МИР БУДУЩЕГО

Беседа с историком

1. Куда идет этот мир (т. е. как выглядит картина будущего)?

– Мир стремительно идёт к концу капитализма. От последнего не так много осталось: рынка практически уже нет, есть глобальные монополии; государство отмирает; гражданское общество скукоживается; политика превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, деньги потеряли ряд функций и в значительной степени перестали быть деньгами; европейцы утратили одну из своих основ – трудовую этику, капиталу почти удалось поглотить, сожрать труд, но и сам он от этого перестаёт быть капиталом.

1.1. Кто строит новый мир?

– Одновременно идут два процесса: разрушение старого мира и оформление нового. Старый капиталистический мир ломает капиталистическая же верхушка – он ей больше, по крайней мере в перспективе, не нужен. С середины 1970-х годов идёт демонтаж капитализма. Он как бы “едет” в своё “демократическое прошлое”, в эпоху “железной пяты” и ост-индских компаний, этих предшественниц нынешних транснациональных корпораций, только более крутых, чем эти последние. Свёртывание прогресса и есть способ создания мировой верхушкой **их** нового мира. Для большей части человечества этот “новый мир” обернётся новыми “тёмными веками” – не путать со Средневековьем, стартовавшим в IX в. распадом империи Карла Великого. “Тёмные века” – это время между серединой VI в. (окончательно перестала работать система римских акведуков; 476 г. как конец Римской империи – фальшивая выдумка римских первосвященников, выпячивавших таким образом свою роль) и серединой IX в.

Темновековье – это, действительно, эпоха мрака и крови, в отличие от оболганного деятелями Ренессанса и особенно Просвещения (жуликами типа Вольтера) Средневековья – светлой, вплоть до начала XIV в. эпохи; XIV–XVII вв. – новое темновековье, у которого, впрочем, был столь же зазывный, сколь фальшивый фасад – Ренессанс.

1.2. Есть ли альтернатива западной модели будущего (новым темным векам)?

– На данный момент такая альтернатива просматривается плохо. Сейчас главное не дать реализоваться темновековому проекту, а там будет видно.

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа. Автор 400 научных публикаций, включая 11 монографий.

Альтернатива – сопротивление глобальной повестке, т. е. курсу на варварское сокращение населения планеты, разрушение государства (суверенитета), семьи, науки, образования, здравоохранения, последнее, как заметил М. Мур, превращается в здравоохранение.

1.3. Есть ли возможность вернуться на тот путь развития, по которому планета шла 50–60 лет назад?

– Едва ли. Возвращения и реставрации в истории невозможны. Невозможно повторить уникальную эпоху 1945–1975 гг. – рывок человечества во главе с СССР в будущее, рывок, искусственно прерванный тупой советской номенклатурой и расчётливой верхушкой капиталистического мира. Советская верхушка за этот ситуационный союз расплатилась разрушением СССР.

1.4. Можно ли вернуть людям уверенность в завтрашнем дне, надежду и оптимизм?

– Оптимизм – это состояние души сильных и цельных людей, умеющих не просто менять обстоятельства, но создавать их. Оптимизм – это нелёгкий, но в то же время радостный труд, часто наперекор судьбе. Оптимизм нельзя дать, подарить, вернуть. Он рождается в борьбе. Разумеется, есть биохимическая (генетическая) основа оптимизма, тем не менее, оптимизм – социальная функция здоровых обществ. Достаточно сравнить советское общество середины 1930-х – середины 1960-х годов (“Нам нет преград на суше и на море”, “Туманность Андромеды” И. Ефремова и многое другое) с советским же обществом 1970–1980-х годов – усталым, циничным, саркастическим и безрадостным. И это при том, что жить в 1970-е годы стало комфортнее, легче и сытнее; страх ушёл, а счастье не наступило. 1960-е годы были кратким мигмом надежд, которые не осуществились ни у нас, ни в мире.

1.5. Можно ли поставить прогресс на службу всем людям (или хотя бы большинству)?

– СССР пытался. И лет тридцать у нас это выходило. Значит – можно. Только нужно быть бдительными и помнить сталинское предупреждение о том, что по мере развития социализма классовая борьба обостряется, т. е. налицо угроза перерождения. Так оно и произошло, причём одними из первых переродились определённые сегменты ЦК КПСС и КГБ. Недоработала партийная инквизиция.

1.6. Мечта – черновой набросок будущего. О чем же люди мечтают сегодня?

– Разные люди мечтают о разном. Это зависит от того, на что они ориентированы – на явь, навь или правь. Т. е. либо на мир тёмных и вульгарных страстей (богатство и удовольствие любой ценой для себя лично и в ущерб другим), либо на солидарный труд на основе социальной справедливости и сохранения своей этнокультурной идентичности.

2. Проблема “золотого миллиарда” – самая опасная проблема современности, согласны ли Вы с этим?

– Проблема “золотого миллиарда” в том виде, в каком она формулировалась, не является самой опасной, поскольку миллиард этот размывается. В Европе его размывают арабы, турки, курды, африканцы, и их будет всё больше. Такое впечатление, что европейскую часть “золотого миллиарда” списали и спускают в “унитаз истории”, то ли пытаются селективным путём с помощью выходцев с Юга выработать из европейцев новый тип, который не числом, а умением станет биться за будущее. Правда, пока что молодые образованные европейцы эмигрируют в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, но не в США, где скоро будет тоже горячо. Ведь там социальные проблемы замешаны на расовых: негры, которых теперь принято называть афроамериканцами, испаноязычные (латинос). Расовый и этнокультурный состав Запада меняется. Собственно, Запада в привычном смысле уже и нет. Есть постзападное постхристианское общество, стремительно закатывающееся в “лунку Истории”. Какой-то план у тех, кого Б. Дизраэли называл “хозяевами истории”, а писатель О. Маркеев “хозяевами мировой игры”, есть, но, во-первых, похоже, ситуация выходит из-под контроля. Во-вторых, развёртывается борьба

внутри мировой правящей элиты (она ведь не едина) за будущее. Вот на этих противоречиях нам и надо сыграть, как это сделал Сталин в 1930-е годы.

2.1. Какое место отведено России и русским (в обобщенном смысле этого слова, т. е. жителям России) по этому плану?

– В исходном плане места для русских и многих других незападных народов, думаю, нет. Но, повторю, план, похоже, ломается. Впрочем, несколько линий глобалисты обрабатывают очень жёстко: разрушение государства, семьи, образования, здравоохранения и науки. Это часть их глобальной повестки. Поэтому, несмотря ни на какую риторику и ситуационные громкие акции во внешней политике, я поверю в благие намерения только такой власти у нас, которая остановит погром науки, образования и здравоохранения, т. е. поломаёт глобальную повестку в этих областях. Что это за борьба за суверенитет государства сегодня, если всё идёт так, что завтра некому и нечем (отсутствует здоровых мужиков и мозгов) будет его защищать?

2.2. Какой план можем предложить вместо этого мы?

– Мы – это кто? Народ, олигархи, власть? Чтобы предложить план, нужно иметь стратегию. Чтобы иметь стратегию, нужно иметь идеологию. У нас государство – формально – без- и внеидеологическое, а удел тех, у кого в сегодняшнем мире нет идеологии, а следовательно, своего проекта будущего – пикник на обочине истории в ожидании, что, может быть, хозяева позовут на новый праздник жизни. Не позовут даже служивших им “плохишей”: “Рим предателям не платит”. Цель у России может быть только одна – выжить и победить в XXI в., сохранив идентичность, население и территорию. Это – программа-минимум. Сделать это можно только путём создания социальной системы, основанной на социальной справедливости, тогда Власть и Родина становятся одним и тем же. Люди могут убивать из-за денег, но умирать из-за денег никто не будет. За Родину – будут, Великая Отечественная война это показала. Потому-то мы и победили – за нами была справедливая социальная система, чей коллективистски-антикапиталистический характер соответствовал русским архетипам сознания и подсознания и культурно-историческому коду; как говорил Александр Блок, большевизм “есть свойство русской души, а не фракция в Государственной думе”.

XXI век станет временем жесточайшей борьбы за будущее, когда целые государства, этносы, культуры будут нещадно, без сантиментов стираться Ластиком Истории. Отморозки от власти (имя им легион, один пример – посмотрите на лицо Х. Клинтон) не останутся ни перед чем. В этой борьбе выживут и победят сплочённые социальные системы, спаянные единым ценностным кодом, характеризующиеся минимальной социальной поляризацией и имеющие в себе высокий процент носителей знания, эдакие нации-корпорации. Олигархические системы в этой борьбе не выживут, их участь – стать экономическим удобрением, навозом для сильных; собственно, иного они и не заслуживают. Во второй половине XX в. олигархизировавшиеся структуры власти в СССР дважды блокировали прогресс и жестоко поплатились за это. В середине 1960-х годов СССР готов был совершить научно-технический рывок в будущее, превратившись из системного антикапитализма в реальный посткапитализм, однако это было в интересах как советской номенклатуры, так и верхушки мирового капиталистического класса. Прорыв был жёстко заблокирован, а взлёт цен на нефть и детант внесли в советские верхи чувство успокоенности и глубокого удовлетворения. У нас нередко брежневские времена вспоминают с умилением – стабильность, уверенность в завтрашнем дне. И в краткосрочной перспективе так оно и было, однако в среднесрочной (не говоря уже о долгосрочной перспективе, брежневская эпоха была проеданием будущего, временем упущенных исторических возможностей. “Мешковатые старики... боявшиеся собственных жён” (Э. Неизвестный) профукали будущее системы – она умирала в них и посредством них. И это при том, что в многослойном СССР существовал супермощный научно-технический комплекс, который должен был рвануть в будущее не позже начала 1990-х годов. Однако если порыв 1960-х подсекил детантом и нефтью, то второй – перестройкой и разрушением СССР, в основе которых лежало банальное желание части советской номенклатуры “записаться в буржуинство”. Остаётся надеяться, что состоявшаяся в самом конце 1980-х годов эвакуация режима была

не только финансовой, но и научно-технической. Впрочем, “выстрел из будущего” – это прекрасно, но и самим надо не плошать.

3. Чтобы России (и нам вместе с ней) выжить в сложившейся ситуации, необходимо отбиться от внешней атаки. Известна истина, что, когда собаку бьют палкой, та, чтобы спастись, должна кусать не палку и даже не руку, а горло того, кто держит палку. Для того чтобы найти это горло, нужно очень хорошо представлять себе структуру современного мира, знать силы, действующие в нем и места их обитания.

3.1. Дает ли наука, которую представляете Вы, ответ на эти вопросы?

– Да, даёт. Враг России – глобальные ростовщики и обслуживающие их политики, журналисты, шоу-деятели, причём не только за пределами нашей страны, но и внутри неё. В последнем случае речь идёт о регрессорах, рушащих ценностные, интеллектуальные и технологические основы нашего общества. Но они всего лишь безликие функции глобальной матрицы, чапековские саламандры, о которых писатель говорил: “Они приходят как тысяча масок без лиц”. Иными словами, главный враг – глобальная матрица, эдакая выросшая до планетарных размеров паучиха Шелоб из “Властелина колец”. Кстати, идею глобальной Матрицы (G-Matrix) как структуры и средства, навязывающей мировому населению определённый образ мышления, выдвинули деятели Римского клуба ещё в 1970 г.

3.2. Есть ли механизм, связывающий научные достижения с политической политикой (или дипломатией, или кто там сегодня решает задачи выживания и власти) в нашей стране?

– Задачи выживания и побед в любой стране должно решать прежде всего руководство страны. Вопрос в том, насколько умело и честно оно это делает, насколько отождествляет себя со своей страной. Наконец, насколько развит у него инстинкт самосохранения, насколько он сильнее хватательного инстинкта и страсти к красивой жизни. Если последние перевесят, то рано или поздно явится История в виде Шелоб или собственного народа и скажет с нехорошей ухмылкой: “Ты всё пела? Это дело: так поди же, попляши!” И пляска эта скорее всего будет Dance macabre – пляской смерти.

3.4. Есть ли в России силы, способные привести её к спасению?

– Надеюсь, что есть. Но вообще-то спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Как пелось в “Интернационале”: “Никто не даст нам избавленья: / Ни бог, ни царь и ни герой. / Добьёмся мы освобожденья / Своею собственной рукой”. Мы долго раскачиваемся, но быстро ездим. Так что надежда всегда есть.

3.5. Как их найти и сплотить?

– Лучший способ сплочения – общее дело на основе общих ценностей. Но какое общее дело может быть у богача и бедняка, вора и нищего?

3.6. Какую идеологию должна принять Россия в XXI веке?

– Идеологии не висят в магазине на вешалке, они рождаются в кровавых и жестоких кризисах как ответ на вопрос, какое будущее мы хотим для себя, наших детей и внуков. Великие идеологии современности – марксизм, либерализм (умер в 1910-е годы, не путать с тем, что называют так сейчас на Западе и, тем более, в России) и консерватизм родились в Европе в эпоху революции 1789–1848 г.

3.7. Не пора ли в России создавать военно-духовное сословие?

– Сословия не создаются, они возникают в ходе истории. Думаю, однако, время сословий, как и монархии, прошло – отжили, *vixerunt*, как сказал бы Цицерон. Тем более в истории России сильной сословной системы, как и аристократии, не было.

3.8. На протяжении последних 400 лет в начале каждого века Россия участвовала в войне, грозящей ей уничтожением:

1610-е годы – Великая смута;

1710-е – Северная война;

**1810-е – Отечественная война с Наполеоном;
1910-е – Первая мировая.**

Это случайность или закономерность? Сейчас идут 2010-е.

– Могу привести другой ряд: Ливонская (1558–1583), с Польшей (1654–1667), Семилетняя (1756–1763), Крымская (1853–1856), Великая Отечественная (1941–1945). Их значение не меньше, так что мистики цифр тут нет.

4. “Хозяева истории” строят свои модели общества будущего. В связи с этим возникает ряд вопросов:

4.1. Всякая ли модель, придуманная человеком, сможет функционировать (т. е. быть жизнеспособной)?

– Конечно, не всякая.

4.2. Всякая ли модель будет способна к развитию?

– То же самое.

4.3. Есть ли критерии, позволяющие различать жизнеспособные и нежизнеспособные системы ещё на этапе их моделирования?

– Боюсь, что нет. Мы можем оценивать лишь степень вероятности. Может быть хилая модель, но мир вокруг меняется, и данная модель оказывается наиболее адекватной – это как рецессивная мутация в развитии биосистем. И наоборот: есть сильная, хорошо адаптированная модель, но резко меняется ситуация и условно: динозавры вымирают, а маргинальные “землеройки” захватывают освободившиеся экологические ниши.

4.4. Есть ли методология, позволяющая строить заведомо жизнеспособные системы?

– В стремительно меняющемся мире скорее возможны принципы негативного ряда – т. е. то, чего не следует делать.

4.6. Есть ли своя модель будущего у нас?

– Пока я её не вижу. А вообще модели рождаются в борьбе, в частности – в сопротивлении Злу.

5. Вы неоднократно упоминаете в своих лекциях теорию систем. Но единой для всех теории систем нет, их десятки.

5.1. Какую из них имеете в виду Вы?

– Теория систем – штука универсальная, у неё есть подразделы, например, теория живых (антиэнтропийных) систем, куда входит общество.

5.3. Есть ли сейчас в этой теории систем приложение, описывающее общество?

– Есть различные теории социальных систем, например, теория формаций Маркса, кстати, далеко не худшая. Теории Александра Богданова, Вильфредо Парето.

6. Какова роль авраамических религий в жизни общества?

6.1. Как вы относитесь к работе Л. Н. Толстого “Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении”?

– Толстой зафиксировал очевидные вещи – отличие того, о чём, согласно Евангелиям, учил Иисус, от того, что стало Библейским проектом, у истоков которого стоит Павел, в последнем на самом деле много осталось от Савла. Действительно, там, где у Иисуса – любовь, у Павла и церкви – страх; Иисус конфликтовал с властью, Павел и церковь призвали к подчинению им. В схеме Павла много от Ветхого завета – этого “окна уязвимости” христианства. Не случайно в России в XIX в. Ветхий и Новый завет не печатали под одной обложкой. Что касается различий между мечтой, революци-

онным порывом, с одной стороны, и организацией, этот порыв утилизирующей, то Ф. Достоевский посвятил этому “Легенду о Великом инквизиторе”. Иисус вряд ли додумался бы до инквизиции, иезуитства и догмата о непогрешимости папы.

6.2. Согласны ли Вы с тезисом, что после Христа христианство было переписано фарисеями?

— После Христа христианство было не переписано, а создано; процесс создания длился 150–200 лет (III–IV вв. н. э.), когда был создан корпус литературы и выстроены — по модели Римской империи — иерархия и территориальное устройство. Был разработан Библейский проект, адекватный новой эпохе. Если до этого в зоне Средиземноморья социальный контроль носил внешний характер, главными были “культура стыда” и внешне-силовой контроль — “египетская модель”, нашедшая максимальное воплощение в Римской империи и римском праве, то изменившиеся условия потребовали более тонких и более глубоких, интериоризированных форм уже не просто социального, но социально-психологического контроля — изнутри. Отсюда — “культура совести”. Т. е. мир и человек на рубеже I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. настолько усложнились, что одного насилия оказалось мало. Библейский проект — это и есть комбинация внутреннего и внешнего подчинения с приматом первого, причём часть функций внешнего подчинения взяла на себя христианская церковь, поэтому многие социальные движения принимали форму ересей.

К концу XV в. католическая церковь настолько скомпрометировала себя, а ереси настолько расшатали её положение, что ей был брошен вызов со стороны протестантизма. Будучи ударом по католицизму и противостоя ему (по накалу — вплоть до религиозных войн XVI — первой половины XVII вв., по сравнению с деятелями которых наш Иван Грозный — это пример гуманизма и набожности), протестантизм парадоксальным образом не только ослабил, но временно отчасти укрепил Библейский проект. Во-первых, он создал его более современную (в плане ориентации на деньги, на успех, на селективную избранность — в этом плане протестантизм есть максимально иудайзированная версия христианства), более жестокую и в то же время более простую форму; во-вторых, стал своеобразным клапаном для исхода недовольных из *Rex Catholica*, внеся в последний успокоение. Но ненадолго. Время работало против обеих версий христианства, отколовшихся от ортодоксии (православия). Наступала новая эпоха, для структурного и рефлексивного управления в которой нужно было институционально оформленное рациональное знание — наука. И не случайно в той же Франции развитию такого знания (например, в лице Декарта) способствовали иезуиты.

В XVIII — начале XIX в. Библейский проект, трещавший по швам, пережил ещё одну мутацию: христианская вера была отброшена, и появилась сначала протоидеология в виде проекта британских масонских лож, реализованного главным образом на французской почве, — Просвещение, а затем идеология в трёх её базовых формах: консерватизм, либерализм, марксизм. Это были уже безрелигиозные, т. е. терминальные формы Библейского проекта, выступавшие одновременно и как средства борьбы, и как формы социального контроля над резко усложнившейся общественной средой. Как когда-то христианские священники отодвинули или уничтожили жречество (на территории Руси — ведическое), так в XVIII–XX вв. масоны, идеологи либерализма, марксизма, нацисты обрушились на христианскую церковь. В данном случае весьма уместно вспомнить фразу блаженного Августина о том, что “наказание без вины не бывает”, или: каким судом судите...

Вообще нужно сказать, что исходная сложность христианства, отражающая сложность европейской цивилизации эпохи поздней античности (элементы античности, иудейской и германской традиций), — это одновременно и сила, и слабость. Сложная композиция может быть разобрана на части. Это ислам един — его можно только на куски рубить, а вот христианство чревато неожиданными мутациями. Ведь заметил же Н. А. Бердяев, что христианство чревато католицизмом, католицизм — протестантизмом, а протестантизм — атеизмом (я бы добавил сюда масонство). Это одна линия. Католицизм чреват вырождением в неожреческую иерархию. И разве папа римский после принятия догмата о непогрешимости папы — это не верховный жрец неоязыческого

по сути культа? А непростые отношения христианства и иудаизма, уже провозглашённого римским первосвященником “старшим братом”? И не является ли “старший брат” Большим Братом? Кто-то скажет: откуда язычество? Христианство – монотеистическая религия. Но, во-первых, “язычество” – это негативный ярлык, который представители авраамических религий вешают на всё неавраамическое. Во-вторых, иудаисты и мусульмане ставят под сомнение “твёрдую искренность” христиан в монотеизме – Троица, иконы. Так что не всё так просто с христианством, и то, что способствовало его экспансии, может оказаться серьёзной проблемой. Впрочем, кажется, в том же Ватикане хорошо это понимают.

В настоящее время Библейский проект почти на финише, равно как и феномен идеологии; мировые верхушки срочно ищут замену. И уже сегодня кое о чём можно догадаться. **С одной стороны**, “хозяева мировой игры” лихо крушат образование и науку, уводя первое и вторую в закрытые структуры, стремясь превратить население в вечных подростков, которым культуру заменяют комфорт и чувство глубокого физического удовлетворения. Приведу только два примера – американское кино и телевидение. В своё время журналист Д. Робинсон в газете “Таймс” написал следующее: “1985 год войдёт в историю как самый мрачный период в американском кино. Именно в этом году Голливуд после почти семидесятилетнего господства в кинопромышленности отбросил всякие претензии на то, чтобы служить здоровому интеллекту взрослого человека”. А вот что поведала ведущая довольно примитивной передачи о здоровье “Жить здорово” Е. Малышева. В передаче “На ночь глядя” (от 11.02.2016 г.), взяв за основу повествуя о своём журналистском обучении вместе с другими восточноевропейцами в США в середине 1990-х годов, она сказала, на кого их учили ориентироваться в своих телепередачах: “Вы должны делать телевидение по простоте изложения для одиннадцатилетних недоразвитых подростков”. Судя по передаче, она это и делает. Какой контраст с передачами о здоровье советского времени, которые вела, например, умная, интеллигентная, далёкая от самодовольства и воспитанная Э. Белянчикова!

Превращение взрослых людей в недоразвитых подростков, живущих не интеллектом, а гормонально-инстинктивными программами, попросту говоря, дебилизация (этому служат и всевозможные ток-шоу) преследует простую цель: воспитать абсолютно несамостоятельную личность, которую будет легко подключить к глобальной коммуникационной сети в качестве полностью управляемой “клетки”. Творческого, минимально интеллектуального человека в “клетку” электронного мозга, контролируемого неужрецами и техно-магами, не превратишь.

С другой стороны, всё больше средств вкладывается в исследования NBICS – нано-био-инфо-когно-социо. Речь, по-видимому, идёт об установлении дистанционного контроля живущей на плавучих городах или в недоступных сухопутных анклавах элиты над психосферой массы населения. Что-то подсказывает мне: сегодня в виде и под маской дистанционного образования, максимально примитивизирующего само образование, исключаящего из него личностное начало (учитель) и дебилизирующего объект обучения, на самом деле отрабатываются методы и формы дистанционного психо-социоконтроля “верхов” над “низами”. Думаю, однако, эта схема провалится, прежде всего – в России. Борьба с регрессорами требует одну важную вещь: их ни в коем случае нельзя персонализировать, это не личности, а функции, биороботы Матрицы, внешне цивилизованные и порой благообразные орки. Но орк есть орк, т. е. нечто своей воли не имеющее и подгоняемое чужой злой волей.

6.3. Разве христианство это не религия, созданная рабовладельцами для рабов?

– В конечном счёте, если огрублять, спрямлять и определять нечто по социальной функции, то да, – Иисус, ясно, это о другом. Но ведь и Маркс – это одно, а марксизм – это другое, недаром Маркс говорил, что он не марксист. Интересно, что бы сказал Иисус о творцах системы христианства, не говоря уже о нынешнем состоянии последнего? Думаю, вспомнил бы своё “не мир, но меч...”. Впрочем, “рабовладельцев и рабов” можно поменять на “феодалов” и “крестьян”, “буржуа” и “пролетариев”. Христианская церковь просуществовала в трёх социальных системах – антично-рабовладельческой,

феодалной и капиталистической (и даже в системном антикапитализме – СССР – сохранилась, правда, в модифицированном чекистами виде).

6.4. Согласны ли вы с тезисом, что исповедание чужой (пришедшей от другого народа) религии – это духовное порабощение?

– Конечно, согласен. Это духовная диверсия, когда чуждый имплант интериоризируется, и некая система (этнос, государство) становится почвой для самореализации Чужих. Заёмные боги – это как кредит под очень высокий процент, только отдавать долг приходится не деньгами, а искорёженной исторической судьбой.

6.5. В лекциях Вы говорите: “Ордынский период был самым благоприятным для РПЦ”. Не привело ли принятие Ордой в XIV веке ислама к борьбе на уничтожение?

– Не привело. Православные священники молились в церквях за басурманского царя, благоволившего к ним. А вот как только Орда ушла в небытие, русские властители сразу же взялись за церковь. Первые шаги в этом направлении сделал Иван III, продолжили – круто – Иван IV и – мягко по форме, но жёстко по содержанию – Алексей Михайлович. Ну а Пётр I привёл форму в соответствии с содержанием: патриархия была отменена, вместо этого учредили Синод, де-факто – министерство по делам церкви. Так что действия большевиков по отношению к церкви, если отвлечься от эксцессов Ленина и Троцкого, а также полутроцкиста Хрущёва, вполне в русле и традиции русской власти. В России со времён оболганного Ивана Грозного церковь всегда была при власти, самодержец был главнее церковных иерархов, которым в случае чего быстро указывали их место. Поэтому-то церковь и поддержала в 1917 г. февралистов, предвкусывая свободу от верховной светской власти. Весьма недалёковидно: вскоре большевики им это объяснили. Кстати, в это же время, только намного более зверски (латиноамериканский темперамент), мексиканские революционеры объясняли католическим священникам их историческую неправоту. Беда только, что в обоих случаях – русском и мексиканском – пострадало много ни в чём не повинных простых священников.

6.6. Годится ли нам православие в качестве государственной идеологии?

– Православие не годится в качестве государственной идеологии по нескольким причинам. Во-первых, религия и идеология – принципиально разные формы организации идей; идеология по своей сути есть отрицание религии; совпадение функций в данном случае неважно. Во-вторых, как говорил В. Г. Белинский, русский мужик не религиозен, он суеверен. Кстати, до середины XVII в., до реформы Алексея – Никона на русском православии лежал сильный отпечаток ведической религии. До этого поворота не было формулы “я – раб божий”, вместо этого – “отрок божий”, т. е. потомок бога. Это типичная формула ведической религии славян, в которой боги – предки людей. В-третьих, в России под православием, как и под монархией, черту подвёл 1917 г. – *vixerunt* (отжили). Интересно, что как только после февральского переворота солдатам разрешили не ходить на молебны, более 80% перестали это делать – вот такой “народ-богоносец”. Вообще у нас представление о русском человеке сформировано несколькими писателями, которые русского мужика практически не знали. Это прежде всего Лев Толстой и Фёдор Достоевский, фантазии которых (в одном случае светлые, “дневные”, в другом – больные, “ночные”) мы принимаем за реальность. Читать-то в этом плане надо прежде всего Н. Лескова, отчасти Г. Успенского и А. Чехова, ещё от меньшей части – И. Бунина. Но это к слову. В-четвёртых, Россия – полирелигиозная страна, я уже не говорю о том, что у нас полно атеистов (вот я, например, атеист). А то, что бывшие коммунистические начальники со свечкой в церкви стоят, так это у них просто замена партбилета. Был партбилет, теперь вместо него иконка и свечка. Как говорил Аввакум, “ишо вчера был блядин сын, а топерво батюшко”. В-пятых, время религии во всём мире уходит; нынешний взрыв исламизма – явление политическое, это арьергардные бои.

7.1. Почему в соцлагере повсеместным явлением было недовольство жизнью и правительством?

– Причин несколько. Во-первых, люди не ценили то, что имели. Они видели фотографии или кадры из западных кинофильмов – полные прилавки, 100 сортов колбасы и сыра, модная одежда; они сравнивали зарплаты. При этом они “забывали”, сколько на Западе уходит на уплату налогов (до 50%), “забывали” про платную медицину и образование, кредитное рабство, короткий отпуск. А у себя “забывали” добавить к зарплате те расходы, которые несёт система по обеспечению бесплатной медицины, образования и многого другого. Когда после разрушения они это почувствовали, было поздно. Как говорится в Коране: “Пусть наслаждаются, потом они узнают!” Сегодня ясно: для России и Восточной Европы десятилетия социализма были лучшим и в плане благосостояния, и в плане исторической субъектности временем.

Во-вторых, социализм – значительное более уязвимое для критики общество. Он постулирует социальную справедливость и равенство, а они-то как раз и нарушались в ходе развития социализма и превращения номенклатуры в квазикласс, удовлетворяющий свои материальные потребности в значительной степени на Западе. Это было явным противоречием реальности и прокламируемым идеалам. А вот капитализм (и постсоветская реальность в той же РФ, Чехии, Болгарии и т. д.), тем более, когда после разрушения социализма некого бояться и некого стесняться, как бы заявляет: да, у нас эксплуататорское общество, рынок, конкуренция – выживает сильнейший – это и есть свобода. Многие претензии, которые можно предъявить социализму, не могут быть предъявлены капитализму. Что можно сказать тому, кто постулирует: “Да, вот такое я дерьмо! Это норма!” И что тут скажешь? Иными словами, значительная часть недовольства в соцстранах – это недовольство нарушением принципов социализма и глупая уверенность, что это можно исправить инъекцией капитализма.

Исправили? Стало лучше? Перефразируя Гоголя: “Ну что, сынку, помогли тебе твои пиндосы? Стала твоя родина вторым Пиндостаном?”

В-третьих, почти всех жителей Pax Socialistica в той или иной степени раздражал СССР, раздражали русские – сильные всегда раздражают. Всех – по разным причинам: поляков – потому что мы их били и потому что, как бы они ни кичились, великой культуры не создали, а как были, так и остались (и остаются) задворками Запада, а Россия и великую культуру создала, и империю; многих – потому что легли под Гитлера, а русские не только не легли, но и хребет сломали Третьему рейху; у нас есть Победа – у кого в Европе ещё она есть? Русские – единственный славянский народ имперского типа, создавший успешную империю (сербы тоже имперский народ, но исторически по объективным причинам им трудно было добиться успеха). Это противопоставляет русских почти всем славянам, а также всем неимперским народам, оказавшимся в русской орбите, но так и не выработавшим исторической благодарности за то, что русские всегда защищали их от Запада, прежде всего от немцев, от волчьей тевтонской стаи. Поэтому прав был К. Леонтьев в своём скепсисе по отношению к “славянскому братству”. “Имперское братство” прочнее. Надо помнить об этом, когда к середине XXI в. под натиском миллионов арабов и негров Европа начнёт трещать и народ ломанётся в Россию за защитой. Нам надо будет “вспомнить всё” – без злорадства, но и без эмоций, только с трезвым расчётом. Хватит спасать неблагодарных, которые на второй день после очередного спасения плюют нам в спину и начинают косить “под Запад”. Когда я слышу, как те же поляки говорят “мы – Запад”, мне хочется сказать им: “Расскажите это немцам!”

7.2. Было ли это следствием плохой экономики?

– Экономика – элемент системы; система (внеэкономическое распределение факторов производства, классовый интерес) определяет элемент, а не наоборот. К тому же экономика СССР и соцлагеря в целом не была плохой или слабой. Взглянем на цифры.

До 1985 г., т. е. до перестройки, СССР занимал второе место в мире и первое в Европе по производству промышленной продукции. В 1975 г. удельный вес СССР в мировой промышленной продукции составлял 20% (для сравнения: в 1999 г. США – 20,4%, Евросоюз – 19,8%); советский ВВП был 10% от мирового. В том же 1975 г. национальный доход СССР составлял 60–65% национального дохода США. Израильская разведка давала ещё боль-

шие цифры, согласно подсчётам израильских аналитиков, уровень жизни в СССР, включая платные и бесплатные услуги, а также так называемые неочениваемые гуманитарные факторы (уровень преступности, социальной защищённости), составлял 70–75% от американского и имел тенденцию к сближению с ним. С 1970-го по 1975 г. доля отраслей, в наибольшей степени определяющих эффективность народного хозяйства (машиностроение, электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность), выросла с 31% до 36%; затем началась пробуксовка, но достигнутый к 1975 г. уровень был высоким. При этом за указанный период выпуск продукции машиностроения увеличился в 1,8 раза, в том числе вычислительной техники – в 4 раза (на рубеже 1960–1970-х годов были свёрнуты важнейшие направления в этой сфере, но не все, впрочем, отставание от США по ЭВМ нарастало стремительно), приборов, средств автоматизации и запчастей к ним – в 1,9 раза. В 1975 г. при населении 9,4% от мирового СЭВ давал более 30% мировой промышленной продукции и более 25% мирового дохода; СССР производил 60% промышленной продукции СЭВ. С 1951 по 1975 г. доля социалистических стран в мировой промышленной продукции увеличилась в 1,5 раза (с 20% до 30%), тогда как доля капиталистических стран снизилась с 80% до 50% (а США – с 50% до 22–25%).

К этому следует добавить успехи советского сельского хозяйства 1985–1990 гг. и особенно 1991 г.: рост составил 9,8% по сравнению с 5,8% в предыдущей пятилетке. СССР обеспечил самые низкие цены на продовольствие в Европе. Потребление продовольствия на душу населения в 1990–1991 гг. достигло максимума в нашей истории XX в.: хлеб – 119 кг, мясо – 75 кг, рыба – 20 кг, молоко и молочные продукты – 386 л, яйца – 97 штук. 1990-й и 1991 годы отмечены исключительно большим урожаем и ростом поголовья скота. А полки в магазинах при этом были пустыми – дефицит создавался сознательно, чтобы окончательно озлобить население городов против социализма, спровоцировать беспорядки. У колхозов сознательно не закупалась их продукция, вместо этого сельхозпродукция закупалась у канадских фермеров – в 5–6 раз дороже. Таким образом рушили и колхозы. Всё это делалось ещё и для того, чтобы запугать население угрозой голода, чтобы обосновать повышение цен. Последнее, представлявшее не что иное, как экспроприацию денег у населения, должно было лишить народ финансовых возможностей участвовать в приватизации, которую планировали для своих. Запугивание населения правительством и официальными СМИ осенью 1991 г. было, таким образом, важнейшей подготовительной акцией приватизации.

На самом деле никакой угрозы голода не было, это была ложь, сходу разоблачённая специалистами, позже их правоту подтвердило ЦСУ. Е. Т. Гайдар настаивал на том, что полугодовая потребность страны в хлебе якобы составляет 25 млн тонн, а на конец 1991 г. в стране якобы имеется лишь 10 млн тонн при месячном потреблении 5 млн тонн; отсюда вывод: через два месяца – голод и угроза гражданской войны. Именно на этом держится лживый либеральный миф о “Гайдаре – спасителе страны”. Действительность была совершенно иной. Гайдар сознательно считал хлеб с кормовым зерном, т. е. месячное потребление – 2 млн тонн; к этому надо добавить имевшиеся 2 млн тонн из Госрезерва и 3,5 млн тонн зерна по импорту, которое должно было поступить в декабре 1991 – январе 1992 г., т. е. до нового урожая в конце июля – начале августа 1992 г. этого более чем хватало. Но главная ложь Гайдара была даже не в 5 млн тонн ежемесячного потребления хлеба страной, а в том, что 26 млн тонн – это годовое, а не полугодовое потребление, что и подтвердил статистический отчёт 1992 г. Однако осенью 1991 г. ельцинской команде удалось протолкнуть свою ложь во все СМИ.

7.3. Возможна ли система, похожая на социалистическую, но с хромой экономикой?

– Я уже сказал, что социалистическая экономика не была слабой; более того, она была успешной, особенно в сравнении с капиталистической, как это парадоксально ни прозвучит. У нас, к сожалению, плохо представляют себе реалии экономики США в 1970–1980-е годы. Сейчас у нас не социализм – у нас хорошая экономика? В большей части капиталистического мира – плохая экономика и тяжёлая жизнь. Это признавали даже такие апологеты западнизма-капитализма, как Г. Явлинский и Е. Гайдар. Они фиксировали “жалкое состояние” и “застойную бедность” большинства капиталистических стран.

Правда, рецепт успеха у них был странный: отказ от части суверенитета на пути евроатлантической интеграции, иначе – периферийности и бедности. Трудно сказать, чего здесь больше – заведомой лжи или непроходимой тупости. Ведь именно уступка суверенитета Западу, которая ведёт к диктату ТНК, и является причиной бедности и периферийности большей части капиталистических стран. Мир капитала – это мир бедности, причём растущей: в 2009 г. 1% населения владел 44% мирового богатства; в 2014 г. – 48%; в 2016 г. – 50%. В 2015 г. за чертой бедности (жизнь на менее чем 1,25 долл. в день) в мире жило 830 млн чел. (14% населения); ещё около 40% живут на 2 долл. в день. “Хорошая экономика” – в той части капмира, который грабит слабых (колонии, полуколонии) и штампует долларовые бумажки. Да, лишний раз подивисься, людей с каким уровнем интеллекта выбросила наверх перестройка и постперестройка. Впрочем, возможно, именно таких и подбирали для реализации полукOLONиальной схемы.

7.4. Дефицит и очереди – это неперенный спутник социализма?

– К сожалению, дефицитарность экономики – характерная черта социализма, в том виде, в котором он реально существовал в истории. У неё несколько экономических и политических причин. Это, во-первых, необходимость ускоренного развития военно-промышленного комплекса и поддержания военно-стратегического паритета с Западом при меньшем ВВП, чем у коллективного Запада. При этом надо помнить, что в соцлагере основная военная нагрузка ложилась на СССР, тогда как в НАТО военные расходы распределялись несколько более равномерно. Например, в 1975 г. военные расходы Варшавского договора – 110,3 млрд долл., из них СССР – 99,8 млрд; НАТО – 184,9 млрд, из них США – 101,2 млрд; 1980 г. соответственно 119,5 млрд и 107,3 млрд и 193,9 млрд и 111,2 млрд. Естественно, что такие страны, как промышленно развитые ГДР и Чехословакия, сталкивались со значительно меньшим дефицитом. Что касается Польши, Румынии, Венгрии и Болгарии, то это были исходно очень бедные страны. Сейчас во всех названных странах дефицита нет, а люди живут намного хуже.

В СССР в 1990 г., т. е. накануне краха системы, когда нас убеждали, как всё плохо, и страшали грядущим голодом, потребление мяса и мясопродуктов составило 78 кг на душу населения (импорт – 13%), а спустя 15 лет в РФ – 57 кг (импорт – 35%). Так что не всё нужно мерить дефицитом как изолированным показателем. Во-вторых, конечно же, у дефицита были экономические причины, связанные со спецификой социализма как системы, – неповоротливая административная система, отсутствие совершенствования социалистических методов планирования; так, в СССР плановая экономика де-факто прекратила своё существование в 1972–1973 гг. и на смену ей пришла согласительная экономика, которую пытались “лечить” капиталистическими методами. Долечились. В-третьих, дефицит, плохо совместимый с экономической жизнью системы, был создан в СССР искусственно в 1989–1990 гг. посредством реализации закона о госпредприятии (принят 30 июня 1987 г., для всех предприятий вступил в силу с 1 января 1989 г.). Согласно этому убийственному для экономики СССР закону, большое число предприятий получило право непосредственного выхода на мировой рынок, т. е. была де-факто ликвидирована монополия внешней торговли. Товары этих предприятий реализовывались на мировом рынке за доллары; затем внутри страны доллары обменивались на рубли и возникала огромная рублёвая масса, не обеспеченная товаром. В СССР со времён кредитной реформы 1930–1932 гг. жёстко поддерживалось равновесие между товарной массой и денежной массой, между налом и безналом. Действие закона о госпредприятии уже в 1989 г. сломало эту систему, и население бросилось сметать с полок всё, что было в магазинах. В 1990–1991 гг. иные ретивые “демократы” открыто призывали создавать дефицит для озлобления масс против системы, против социализма, в качестве спасения от которого подсовывалась “рыночная экономика”, т. е. капитализм.

Вообще нужно сказать, что мы до сих пор живём мифами – о себе самих, о Советском Союзе, о дореволюционной России, о наших исторических деятелях. После 1991 г. на щит вдруг встали поднимать совершенных неудачников, делать из них фигур исторического масштаба – Александра II, заложившего фундамент революций 1905 и 1917 гг., П. А. Столыпина, Николая II. Всё это проецируется на сегодняшнюю действительность и, будучи основано на плохом знании истории, чревато негативными практическими результатами.

Пример: создали Столыпинский клуб (которому, кстати, поручали разработку программы экономического развития РФ). Клуб имени Столыпина. Организаторы, по-видимому, исходят из того, что это был успешный государственный деятель, решивший задачи, которые стояли перед страной. Ну как же: вспоминаются слова Петра Аркадьевича о “великой России” и т. п. Однако если бы “столыпиноклубники” лучше знали историю, то, скорее всего, засомневались бы: как яхту назовёшь, так она и поплывёт. Одно дело – “Победа”, другое – “...беда”. По-видимому, клубникам импонирует то, что Столыпин хотел провести массивную приватизацию земли (причём принудительную) и разрушить коллективное хозяйство. Это вполне в духе ельцинщины, схем Гайдара – Чубайса и их заокеанских кураторов. Вот только с результатами столыпинской реформы – облом. Реформа не остановила падение всех показателей на душу населения, напротив, она их ускорила, и община крестьянства центра страны приобрело катастрофический размах.

Первый сельскохозяйственный съезд, состоявшийся в Киеве в 1913 г., зафиксировал: большинству крестьян реформа ничего не дала – провалилась. Временное правительство в 1917 г. признало столыпинскую реформу несостоявшейся. Показательно, что к 1920 г. в ходе Гражданской войны крестьяне вернули 99% земли в общинную собственность – ответ крестьян Столыпину.

Столыпин – типичный реформатор-неудачник, его деятельность – это не победа, а беда, в том числе и для того строя, интересы которого защищал Столыпин и существование которого стремился продлить.

Ещё более плачевными были политические результаты реформы. Стремясь разрушить общину, Столыпин превратил самый массовый слой наивных монархистов-консерваторов, коими были крестьяне, в аграрных революционеров. А о том, что произошло бы с Россией, если бы Столыпин не оказался горе-реформатором, вообще страшно подумать. В этом случае революция в России произошла бы году эдак в 1912-м или 1913-м, поскольку в город оказались бы выброшены 20–30 млн лишившихся земли крестьян, которые не нашли бы в городе никакой работы. Вот тут-то и шарахнуло бы, причём намного круче, чем в 1917 г. Столыпин – против своей воли – и так приблизил революцию, но он мог бы приблизить её ещё больше.

И закрадывается мысль: а может, “столыпиноклубники” всё это знают и тайно симпатизируют революции? Имеют какие-то идеи на этот счёт? Скорее всего – нет. Но тогда – срочно школьный учебник по истории в руки.

Это лишь один пример того, к каким казусам приводит плохое знание собственной истории, а примеров таких много.

8. Геоклиматические катастрофы:

8.1. Это случайность или реакция разумной планеты (а то и Космоса) на разрушение ее человеком?

– Геоклиматические катастрофы происходили и до появления человека. Даже сегодня масштаб деятельности человека ещё настолько невелик, что на глобальную геоклиматическую катастрофу не потянет. Не надо слушать недобросовестных экологов. Но природу охранять надо, в том числе от человека. Что касается термина “разумный”, то вряд ли он применим к планете. Я бы предложил: организованная целостность, ориентированная на поддержание равновесия, т. е. самосохранения, и устраняющая любые элементы, угрожающие целому. Внешне это выглядит как разумное поведение, но это нечто другое – не хуже и не лучше – другое.

8.2. Серьезность отношения к ним западной элиты – это проявление того, что они больше нас знают о том, как функционирует природа?

– Во-первых, больше знают, западные элиты старше нашей. Во-вторых, они лучше организованы, они укоренены в своей истории. Наши “элиты” – допетровская, петербургская, советская – существовали относительно недолгий срок, чтобы стать действительно элитой. К тому же у нас господствующие группы никогда не были самостоятельными, представляя собой функциональные органы власти, а элитарность – это всегда субъектность.

Исследования о возможности геоклиматической катастрофы ведутся на Западе в закрытом режиме последние 50–60 лет. По моей информации, в середине 1980-х годов у западных исследователей возникла уверенность в том, что в Западном полушарии в конце 1990-х годов произойдёт широкомасштабная

катастрофа и что единственной стабильной зоной будет территория СССР. В начале 1990-х годов тревога улеглась, сроки отодвинулись, но сама угроза геоклиматической катастрофы никуда не делась.

8.3. Считаете ли вы возможным мнение, что наша планета сама стирает тупиковые ветви развития, будь то динозавры или бесперспективные цивилизации (“Молот Люцифера”)?

– Вполне возможно. Планета – целостная система.

9. Согласны ли вы с тем, что современное общество похоже на больной раком организм, лишенный вдобавок чувства боли?

– Согласен, но чувство боли есть, оно проявляется уродливо – в кривлянии, например. Эта боль корёжит, даже уродов и социопатов. А что касается вашей метафоры, то мне порой кажется, что есть огромная опухоль, с краю которой примостилось то, что осталось от здорового общества. Тут поневоле вспомнишь о “бритве Оккама”.

9.1. Верхи не испытывают дискомфорта при попадании низов в тяжелое положение.

– Верхи, как правило, вообще бесчувственны по отношению к низам, особенно те верхи, которые вчера вылезли из грязи, которые по своей сути – антиаристократичны, рвань. Достаточно вспомнить недавнюю историю, когда очередная группа “аристократов из помойки” требовала оградить их “Патрики” от “шариковых” из спальных районов Москвы. Люди не понимают, что своим социальным расизмом сами разжигают классовую ненависть, которая потом ударит по ним или по их детям. Им бы Джона Донна почитать: “Не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе”.

9.2. Низы не имеют свободы манёвра для выхода из тяжелого положения.

– Социальный триумф низов – редчайшая вещь в истории. СССР был в течение нескольких десятилетий триумфом простонародья, однако с середины 1950-х годов народный социализм сталинской эпохи начал превращаться в “номенклатурный социализм” столоначальников, которым уже с конца 1960-х годов очень захотелось интегрироваться в мировую капиталистическую систему; то, что они были хозяевами мировой социалистической системы, их не вдохновляло.

Причём мировая капсистема ассоциировалась у многих из этих людей, равно как и у их постперестроечных наследников, со сладкой и красивой жизнью, нередко – в её наиболее вульгарном варианте. Это очень напоминает мне мечты бандита Джона Колорадо из фильма “Золото Маккены”, бережно хранящего пожухлую газету “Парижская жизнь”, в которой изображены канканирующие девицы, богатые кабаки и их завсегдатаи. “Парижская жизнь” – доминанта его поведения.

Те, кто разменял мировую соцсистему, альтернативную капитализму, обижаются, что им не зарезервировали место в центре капсистемы. Болезные, раньше вы были хозяевами Большой Системы; согласившись же на “запись в буржуинство”, т. е. на включение в другую Большую Систему в качестве её элемента, вы согласились на положение хозяйчиков малой системки, превратив в неё Большую. Целое определяет элемент, а не наоборот. Хозяйчик не может сидеть рядом с хозяином, для которого он лишь приказчик. Это с хозяином Большой Системы СССР хозяева Запада были на равных, а теперь – excuses nous (извините нас). Вышло по Тимуре Кибирову: “Мы сами заблевали тамбур. / И вот нас гонят, нас выводят”. Даже со впадающим в маразм Брежневым ни один западный лидер не позволил бы себе разговаривать так, как с поздним Горбачёвым или Ельциным.

10. Современный капитализм – это мельница по перемалыванию ресурсов и спускация их в помойку. Многие из этих ресурсов невозполнимы.

– Нынешний капитализм и есть помойка. Один из его символов – это инсталляция с фекалиями, драными джинсами и ажурным женским бельём.

10.1. Возможна ли плановая бескризисная экономика, ориентированная на удовлетворение человеческих потребностей?

– Едва ли. Неравновесность и нелинейность – имманентные качества живой природы; “вечный покой сердце вряд ли обрадует, вечный покой для седых пирамид”. А если говорить о наступившем столетии, то это вообще будет глобальный “бунташный век”, нестабильность и кризисы – его норма.

10.2. Возможна ли ресурсоориентированная экономика, где финансы займут положенное им подчиненное место?

– Конечно, возможна. Взбесившиеся финансы – это признак смертельной болезни капитализма, его “поцелуй смерти”. Ни в одной социальной системе, кроме капитализма, причём только на его поздней, летальной фазе, мы не видели настолько всеохватывающей власти – даже не денег, а чего-то странного, ведь деньги по сути отмерли. Если ты можешь напечатать сколько угодно ничем не подкреплённых бумажек, то это значит, что ни одной из пяти базовых функций денег у этих бумажек нет. Это нечто вроде очага, нарицательного на холсте.

10.3. Что помешало Леонтьеву создать теорию такой экономики?

– Не знаю. Может, время не пришло; может, интересы были в другом; может, США – не лучшее место для разработки такой теории.

11. Любая наука ценна базирующимися на ней предсказаниями. Какие предсказания может предложить историческая наука сегодня?

– Историческая наука ничего предложить не может. Предлагают люди, т. е. историки, а они, как правило, занимаются прошлым, причём чаще всего описывают его мелкие кусочки. Научную историю – историологию – ещё только предстоит создать.

Прогноз на ближайшее будущее прост: капитализм умрёт, он едва ли доживёт до середины XXI века и уж точно не доживёт до начала XXII века. Умирать он будет некрасиво и кроваво. Значительная часть планеты варваризируется. Белых людей на ней станет заметно меньше, и им предстоит сражаться насмерть, чтобы остаться в истории, но – сами виноваты, что допустили такую ситуацию. Уже сейчас детей, прежде всего мальчиков (из них вырастут мужчины), нужно воспитывать для жизни в условиях военного времени: “Хочешь мира – готовься к войне”. И воспитывать нужно на примере не педерастов и проституток, а на героических примерах. Обратите внимание: с экранов исчезла героика, из школьных кабинетов исчезли портреты пионеров-героев.

Идеология и религия останутся в прошлом, их место, скорее всего, займёт магия, тесно связанная с высокими технологиями, прежде всего когнитивными. Уровень культуры общества в целом будет падать. Семейные библиотеки станут роскошью, но волевой интеллект и знания в футуроархаическом мире будут цениться весьма высоко. Совет родителям: всерьёз занимайтесь образованием детей, не позволяйте ЕГЭзированной школе превращать их в космополитичных дебилов.

Если не произойдёт катастрофы, то на рубеже XXI–XXII вв. ситуация стабилизируется и возникнет новая социальная система, весьма далёкая от той, что описали великий Иван Ефремов в “Туманности Андромеды” и ранние Струцкие в книге “Возвращение. Полдень, XXII век”. Какая конкретно система – это зависит от того, кто и как в XXI в. победит в борьбе за будущее. Вывод: растить надо победителей. Впрочем, всё может изменить геоклиматическая катастрофа или, например, огромный астероид, как это произошло 65–70 тыс. лет назад, когда от человечества осталось несколько тысяч, если не сотен людей, проскочивших сквозь “бутылочное горлышко” Истории. Мы – их потомки. Не исключено, что (условно) внукам наших внуков придётся пережить катастрофу такого рода. Это не значит, что нужно быть пессимистами, наоборот. Как учил великий марксист XX в. Антонио Грамши: “пессимизм разума, но оптимизм воли”. Или как говорил герой рассказа Д. Олдриджа “Последний дюйм”: “Человек может всё, если только не надорвёт пупок”. Чтобы смочь, надо иметь силу; чтобы не надорвать пупок – ум. Вкупе с пониманием тенденций мирового развития – это мощнейшая триада, необходимая для Победы. Вперёд, к Победе!

Беседу вёл О. Морозов

В канун 60-летнего юбилея журнала наши читатели продолжают радовать своими искренними и тёплыми письмами. Читая эти очень добрые послания, невольно осознаешь, что журнал стал для всех наших друзей как бы родным домом, куда приходят не как в библиотеку, чтобы ознакомиться с последними литературными новинками, а как к родным и близким людям, чтобы поделиться с ними всеми своими радостями и тревогами. Люди пишут нам по самым разным поводам, но всегда с полным доверием и откровенностью. Вспоминают прожитую жизнь, военное лихолетье, рассказывают о своих ушедших родных, выражают озабоченность сегодняшним состоянием дел в стране. И получается, что “Наш современник” — это не только журнал, это особая планета, планета добрых людей, которая вот уже более полувека ярко светит над Россией. “Я просто для себя открыла новую планету под именем “Наш современник”, — пишет наша читательница из Сибири. И от нас от всех зависит, чтобы наша планета никогда не уходила за горизонт.

ПЛАНЕТА ПОД ИМЕНЕМ “НАШ СОВРЕМЕННОК”

ПОИСТИНЕ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Кажется, совсем недавно – в 1969 году – преподаватель русской литературы Волковской средней школы (Слобожанская часть Украины), талантливый поэт и публицист Иосиф Михайлович Дудка на одном из заседаний литкружка для девятиклассников принёс стопку “толстых” литературных журналов для внеклассного чтения. Запомнилось бурное обсуждение, наши подростковые высказывания о прочитанных произведениях. Затем, под впечатлением обсуждений, были написаны рефераты, лучшие из которых наш учитель поместил в школьную стенгазету под рубрикой “Творчество юных литераторов”.

Точно помню, что среди принесенных И. М. Дудкой журналов был и ежемесячник “Наш современник”. С того времени прошло 47 лет! Уже и не вспомнишь обсуждаемые на том литкружке названия опубликованных произведений советских писателей. Но с той школьной поры “Наш современник” мне приглянулся. И где бы мне ни приходилось после этого бывать, на каких бы производствах я ни трудился, среди литературных изданий всегда отдавал предпочтение журналу, на страницах которого публиковались лучшие произведения отечественных писателей, ставших гордостью русской литературы. И как тут не вспомнить выдающиеся романы Леонида Леонова, Бориса Можаева, Владимира Личутина, Александра Проханова, Василия Белова, Евгения Носова и других классиков советской эпохи. А как зачитывались мы замечательными повестями Гавриила Троепольского, Валентина Распутина, Василия Шукшина, Леонида Бородина, Владимира Крупина, Гария Немченко, Веры Галактионовой, Вячеслава Дёгтева; лучшими публицистическими размышлениями Игоря Шафаревича, Льва Гумилева, Вадима Кожинова, Александра Казинцева, Александра Зиновьева, Сергея Глазьева, Валерия Ганичева, Сергея Бабурина, Николая Рыжкова!.. Да разве всех перечислишь?!

Известно, что А. С. Пушкин еще в 1836 году задумал издавать первый русский национальный литературный журнал под названием “Современник”.

Нелегкой была его судьба. Не удалось из-за трагической гибели гения воплотить задуманное. И только в 1956 году, после 120-летнего перерыва, удалось реализовать эту идею с обновленным названием – “Наш современник”!

Теперь 2016 год можно по праву назвать Годом “Нашего современника” – ему исполняется 60! Из них 27 лет бессменным его редактором являетесь Вы, Станислав Юрьевич. Какие это были годы и для страны, и для журнала – все мы прекрасно знаем и, думаю, не забудем до конца наших дней!

Уверен, что пройдут десятилетия, и наши потомки будут удивляться, как это, мол, в таких условиях развала великого Советского Союза мы смогли не только сами выжить, но и спасти нашу культуру, не дать ей умереть, продолжить издательскую деятельность, заниматься творчеством.

1989 год для Вас как главного редактора и для горняков Кузбасса стал особенным. Вы, Станислав Юрьевич, возглавили “Наш современник”, а мы, кузбасские шахтеры, недовольные политической болтологией о так называемой перестройке, а на самом деле – бездумным разрушением нашей страны недалёковидным политиком М. С. Горбачевым, выступили с забастовочными протестами на площадях горняцких городов.

Было тяжелейшее время! Закрывались шахты – градообразующие предприятия рабочих поселков. Безработица. А если и продолжали работать где-то угледобывающие предприятия, то месяцами не выплачивалась горнякам зарплата. Процветал заграничный бартер. В обмен на уголь “из-за бугра” на предприятия приходил разного рода ширпотреб в виде дешёвой электроники, корейских шмоток и консервов для животных, которым шахтёрам выдавали, как ежедневный рацион.

Но мы выжили! В это тяжелейшее время Кемеровскую областную администрацию возглавил поистине народный губернатор А. Г. Тулеев. Он сделал всё возможное, чтобы прекратилось хищническое отношение к богатствам Кузбасса. На Амана Гумировича планировалось покушение, но это не испугало политика. И в это время возглавляемый Вами журнал обратил внимание на происходящие в нашем регионе события. И до сих пор Вы и члены редколлегии часто бываете в Кузбассе, интересуетесь текущими событиями, знакомитесь с культурной жизнью. Помню, даже присутствовали как почётный гость на открытии областного Дома литераторов. В результате двадцатилетнего общения редколлегии с творческой интеллигенцией Кузбасса возник творческий замысел: выпустить несколько специальных номеров “Нашего современника” с произведениями писателей Земли Кузнецкой.

Я благодарен редколлегии, что дважды в разные годы на страницах любимого журнала были опубликованы мои шахтёрские рассказы.

Вот, например, вспоминается зима 1998 года. Звонит наш прославленный земляк Гарий Немченко и радостно сообщает, что редколлегией “Нашего современника” принято решение выпустить августовский ежемесячник с публикациями наших авторов, который будет посвящен профессиональному празднику шахтеров.

– До выхода очередного номера осталось не так уж и много времени, – сказал Гарий Леонтьевич. – Надо поторопиться и побыстрее отправить свою рукопись в отдел прозы Андрею Воронцову.

В течение недели мой рассказ “Ворьё” был уже в редакции журнала. А в августе, когда мы собрались ехать в деревню Марьевка на Фёдоровские чтения, председатель нашей писательской организации Борис Бурмистров вынес из Дома литераторов увесистую стопку “Нашего современника” и торжественно вручил по экземпляру каждому присутствующему автору.

Не передать словами нахлынувшую радость! Несколько раз в дороге перечитал рассказ, кажется, выучил каждую страницу, как стихотворение. Не осталось в этом номере без внимания интервью нашего губернатора А. Г. Тулеева, в котором он размышляет о России, о том, “как нам, людям, населяющим это огромное пространство, стоящим на распутье, выбрать такую дорогу, чтобы и голова осталась цела, и добра не ubyло, а умножилось?” И не на словах, а на деле Аман Гумирович доказал это тем, кто интересуется нашим краем, приезжает к нам за опытом, – такое на самом деле возможно. А поучиться у нас есть чему. Поэтому и неудивительно, что за последнее время в Новокузнецке проходило уже два выездных заседания Правительства РФ, где федеральные министры, губернаторы регионов познакомились

с тулеевскими методами работы в кризисных ситуациях, где социально значимые программы не замораживаются, а, наоборот, ещё глубже развиваются, внедряются новые проекты.

Порадовался за прекрасный рассказ моего опытного литературного наставника Гария Немченко “Своя земля и в горести спасёт”. Также обратил внимание на рассказы Владимира Мазаева, Владимира Иванова, публицистику и литературно-критические материалы Геннадия Юрова, Валентина Махалова, Николая Колмогорова.

В своё время Виктор Астафьев отметил, что в Кузбассе высокая поэтическая школа, на которую надо равняться. Все одиннадцать представленных в праздничном номере поэтов (Виктор Баянов, Александр Курицын, Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Иосиф Куралов и др.) продемонстрировали высокий уровень своего профессионального мастерства, подтвердив этим слова классика.

К сожалению, из девятнадцати напечатанных в праздничном номере авторов десять уже ушли из жизни... Но сейчас, перелистывая пожелтевшие страницы этого журнала почти 20-летней давности, я понимаю, что краски их произведений не потускнели, что они были и остаются талантливыми и яркими нашими современниками.

3 марта этого года, во Всемирный день писателя, в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Новокузнецке состоялась очередная презентация “Нашего современника” (№ 2, 2016) с произведениями кузбасских писателей. В мероприятии приняли участие представители Новокузнецкого филиала Союза писателей России, Дома творческих союзов, городских литературных объединений. Заместитель директора по научной работе Елена Трухан поздравила всех присутствующих с профессиональным праздником, со знаменательным событием – выходом стихов и прозы кузбасских авторов в одном из ведущих литературных журналов страны. Участники встречи познакомились с творчеством писателей, опубликованных в этом выпуске, высказали свои мнения, прочитали свои любимые произведения.

Я хочу сказать большое спасибо редколлегии журнала, что наряду с прозой и поэзией Дмитрия Хоботнева, Виталия Крекова, Владимира Иванова, Веры Лавриной, Бориса Бурмистрова, Анатолия Иленко, Александра Каткова и др., был опубликован и мой рассказ “Куст черемши, или Серёга Золотой Нос”.

Неоднократно говорилось (это признают и оппоненты), что “Нашему современнику” повезло с главным редактором. Вы, Станислав Юрьевич, делаете всё возможное, чтобы издание оставалось народным журналом, пользовалось огромным уважением среди читателей. По последним данным подписной кампании 2016 года на “толстые” литературные журналы известно, что “Наш современник” обогнал “Звезду”, “Дружбу народов”, “Москву”, “Молодую гвардию”, “Октябрь”. Их общий тираж не превысил количества экземпляров Вашего журнала. Это говорит как о Вашей популярности, так и о Вашем авторитете умелого организатора, крупного общественного деятеля, талантливого поэта и публициста. Об этом я могу утверждать с уверенностью, т. к. прочитал многие Ваши книги: “Поэзия. Судьба. Россия”, “Шляхта и мы”, “Возвращенцы”, “Жрецы и жертвы Холокоста”, “И бездны мрачной на краю”...

Пользуясь возможностью, хочу пожелать “Нашему современнику” долголетия, новых авторов с интересными произведениями, процветания и преданных благодарных читателей!

Пусть и в других уголках России относятся к Вам так же уважительно, как в Кузбассе, пусть ценят Ваш труд и вклад в сохранение культурных традиций многонациональной страны! В заключение хочу отметить, что в нашем крае, одном из немногих регионов, в течение многих лет это уже реализуется не на словах, а на деле: администрация области находит возможность поддерживать литературные издания, в том числе – “Наш современник”. Организована бесплатная подписка на Ваш журнал для тех, кто принимает активное участие в культурной жизни.

С уважением
Николай Ничик, член СП России
г. Новокузнецк Кемеровской обл.

В САРАТОВЕ ЗНАЮТ И ЛЮБЯТ НАШ ЖУРНАЛ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Поздравляю Вас с 60-летием
замечательного журнала “Наш современник”!

Саратовский Рубцовский центр провёл мероприятие, посвящённое этой юбилейной дате, на которое собрались неравнодушные люди. За “круглым столом” выступали участники, которые имеют отношение к журналу. Это саратовский писатель Михаил Муллин – автор публикаций в “Нашем современнике”, отметивший в своём выступлении отличие этого журнала от других “толстых” журналов, которые в “перестроечные” годы резко сменили свою ориентацию в угоду новой власти. А “Наш современник” был и остаётся носителем информации, служащей не сиюминутной ситуации. Это он в те тяжёлые времена печатал на своих страницах Василия Белова и Валентина Распутина. А его редактор С. Ю. Куняев, который, несмотря на трудные времена, сохранил журнал патриотического направления, удержал его от перегибов и изменений, является сильным публицистом и одновременно прекрасным поэтом. Были прочитаны стихи “Добро должно быть с кулаками”, “Если жизнь начать сначала” и многие другие. Рассказал Муллин и о своих публикациях в “Нашем современнике”: рецензиях на книгу А. И. Баженовой о А. К. Передреееве и на книгу стихов Ю. Кузнецова.

Главный редактор саратовского журнала “Волга – XXI век” Елизавета Мартынова поделилась воспоминаниями о пребывании на форуме молодых писателей в Подмосковье, где присутствовали представители многих “толстых” журналов, и ей повезло в том плане, что она попала в семинар “Нашего современника”, где познакомилась с “потрясающим эрудитом” А. И. Казинцевым и много помогающим молодым и начинающим поэтам Сергеем Куняевым, который, читая их стихи, тут же выявлял неудачные строки и предлагал альтернативную замену. Рассказала она и том, что именно Куняев и Казинцев дали ей рекомендации в Союз писателей, и она вступила в него в Москве.

В своей речи писатель Иван Корнилов озвучил, что был первым из саратовцев, опубликовавшимся на страницах журнала. Первая его повесть увидела свет в 1975 году, вторая – в 1989-м.

Журналист Владимир Андреев рассказал, что впервые познакомился с журналом 25 лет назад. Когда началась “перестройка”, а затем и последующий беспредел в нашей стране, он читал и уважал за честность три издания: газету “Завтра”, журналы “Русский вестник” и “Наш современник”, которые на своих страницах смело писали о развале нашей страны. Накануне разгрома СССР он поехал в Москву, чтобы поддержать ГКЧП. Заходил в редакции и вышеперечисленных изданий. Он также вспомнил большого друга журнала Александру Ивановну Баженову, которая проводила вечер, посвящённый 50-летию журнала.

Писатель-краевед Владимир Вардугин сказал, что журнал “Наш современник” является одним из его любимых, он много лет с удовольствием читает его “от корки до корки”, и посетовал на то, что в Саратове, к сожалению, журнал можно почитать лишь в единственном месте – в Центральной городской библиотеке на улице имени Зарубина. На миллионный город один журнал – это очень мало. Надо бы обратиться в местное управление культуры, чтобы выделили средства и другим библиотекам города на подписку на замечательный журнал.

Поделилась скромной информацией о своей причастности к журналу “Наш современник” и я, рассказав собравшимся о том, что дважды на страницах журнала были опубликованы мои письма к С. Ю. Куняеву – свои впечатления о прочитанных книгах.

В программе мероприятия, проходившего в дружественной обстановке, прозвучали стихи и песни на стихи поэтов, регулярно публиковавшихся в “Нашем современнике”: Н. Рубцова (к 80-летию со дня рождения которого, только в этом году, Саратовский Рубцовский центр провёл 4 литературно-музыкальных вечера на разных площадках города), Ю. Кузнецова, наших земляков А. Передрееева (4 вечера) и Г. Касмынина (в прошлом заведомом поэзии журнала “Наш современник”) и других в исполнении активистов Рубцовского

центра – И. Роганиной, В. Швякова, Г. Рязановой, Л. Белецкой, С. Шуткова, С. Иокша.

Саратовский Рубцовский центр, поддерживая русскую культуру, проводит литературно-музыкальные вечера классиков (Державин, Пушкин, Лермонтов, Есенин и др.), пропагандирует саратовских авторов, а также откликается на общественно-политические события. Один из вечеров был посвящён 90-летию со дня рождения Фиделя Кастро.

Станислав Юрьевич, ещё раз поздравляю Вас и журнал с юбилеем. Желаю журналу дальнейшего успешного процветания на благо русских людей, которые любят журнал и его главного редактора за правду, честность, мужество и справедливость. Доброго Вам здоровья, воплощения творческих идей, сил и желаний радовать нас, своих читателей, новыми публикациями.

Любовь Чиркова,
руководитель Саратовского Рубцовского центра
г. Саратов

“БЫТЬ АВТОРОМ “НАШЕГО СОВРЕМЕННОКА” – БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ И БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Села писать письмо с единственной мыслью – поблагодарить Вас за подборку моих стихотворений, опубликованную в четвертом номере “Наше­го современника” за этот год. Для меня поддержка журнала и каждая публикация в нём – огромная радость, а что уж говорить о публикации в пасхальном номере, где, кроме моих стихов, опубликована статья Екатерины Козыревой с добрыми и высокими словами о моей книге! Для меня быть автором “Наше­го современника” – большая радость и большая честь. Не только как поэт, но и как многолетний читатель журнала, я неизбежно и часто задумываюсь о том, чем же является “Наш современник” не только для русской жизни и литературы, но и для русской поэзии?

Все те годы, которые Вы возглавляете это издание, журнал был шумящим, цветущим, поющим на разные голоса древом русской поэзии – в некотором смысле осенённым Божественным поэтическим духом Мамврийским дубом – вечным Русским дубом поэтов. Его огромная крона привлекала щелбечущих ямбами и хорейми, дактилями и амфибрахиями птах, а поэзия, приходящая к читателю, отличалась яркостью, разнообразием и дарованной самой жизнью “цветущей сложностью” (К. Леонтьев). Среди авторов журнала – несомненные классики – могучий богатырь русской поэзии Юрий Кузнецов, легко ворочающий мирами в своём пророческом сне и играющий на классической лире: “Играй, играй сама с собой, рыдай, Классическая Лири!..”; и “певец во стане русских воинов”, последний хранитель уходящего самоцветного крестьянского слова Николай Тряпкин, эпическим поэтическим строкам которого позавидовал бы, пожалуй, и вещей Боян: “Улетаешь ты, Русь, через восемь небес – до Господнего стога...” Это и большие русские поэты – Виктор Лапшин, и Евгений Курдаков, и Борис Сиротин, Геннадий Ступин, Глеб Горбовский, Надежда Мирошниченко. Да разве всех перечислишь!..

Все, наблюдающие за жизнью русской поэзии, запомнили мощный поэтический взрыв 90-х в “Нашем современнике”, взрыв, совпавший с крушением державы и Вашим приходом на пост главного редактора журнала. Русская поэзия, до этого многие десятилетия существовавшая под спудом, вырвалась тогда на свободу и потрясла всех своей яркостью и ясностью, глубиной и красотой.

На мой взгляд, всех бесконечно разных поэтов, собравшихся под обложкой “Наше­го современника”, объединяют два пушкинских завета, два общих “мерила” творчества и бытия. Первое – любовь к отечеству и понимание своего дара как данного для служения народу.

Сейчас Вы всё больше и больше поворачиваете свой корабль к христианству. Тема эта для журнала все годы была главной. Первым вектор развития русской поэзии, как всегда, указал чуткий и умный Кузнецов – поэт, завершивший поэтическое тысячелетие. Вместе с тысячелетием, волею судьбы,

он прошёл те же ступени духовных поисков, которые прошла Россия, – к христианству от язычества.

Несмотря на всё цветущее многообразие публикующихся в журнале авторов, есть общие качества первостепенной важности, объединяющие всех. Это любовь к Отечеству, обращение к “классической лире”, к традиции Золотого века русской поэзии (во многом минуя традицию Серебряного века и более поздние разрушительные течения), постоянное обращение к русской народной поэтической традиции и, конечно же, обращение к христианству. А если учесть, что происходит всё это в тяжелейших условиях разрушения страны, нравственности, устоев, самого человека, постоянного постмодернистского разрушения глубинных основ русской поэзии – это охранительное, противостоящее энтропийным процессам творческое течение, при всей своей традиционности и обращённости к корням, на поверку оказывается принципиально новым и очень важным словом в литературе. На мой взгляд, все эти качества позволяют говорить об особом, уникальном, блистательном поэтическом феномене, возникшем на страницах журнала, о ярком и мощном явлении русской литературы, требующем особого критического разговора и особой оценки. Название этого явления – “поэзия “Нашего современника””.

Прежде всего, Станислав Юрьевич, это Ваше кровное детище, и Вам за него огромная благодарность и поклон до земли. Но назову и других людей, много сил приложивших к рождению этого яркого поэтического явления, – это, безусловно, Вадим Кожинов и Александр Казинцев, поэты Геннадий Касмынин и Юрий Кузнецов, сегодняшний заводелом поэзии и критики Сергей Куняев, а также все сотрудники Вашей замечательной редакции.

Думаю, что не за горой времена, когда о поэтическом древе “Нашего современника”, корнями своими уходящем к былинам и “Слову о полку Игореве”, а ветвями стремящемся к вечной радуге “Слова о Законе и Благодати”, заговорят с пониманием и любовью.

Наталья Егорова
г. Смоленск

“МОЙ ОТЕЦ ПОГИБ НА УКРАИНЕ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам письмо Валя Карецкая-Захарова. Я фельдшер. Отработала в больнице 52 года. Сейчас мне идёт 78-й год, а родилась я в Харьковской области, Волчанский район, село 2-е Красноармейское. В Сибирь приехали весной 1941 года. Со слов мамы: сильно я плакала, а мой тато сказал: уберём осенью огород и уедем домой. Но летом 41-го началась война, осенью было письмо от отца – гоним немцев с Украины, а потом пришла похоронка... Мой отец погиб на Украине 17.8.1943 г. в деревне Диконькое. В Москве его имя есть в Мемориале. До перестройки, когда ещё был жив супруг, он свозил меня на мою Родину. Тогда я ещё не знала, где погиб отец. Были мы у родных в Новом Салтове, где около колодезя стоит огромный памятник с именами детей, убитых здесь, лежат цветы и игрушки. Фашисты согнали сюда молодых мам с детьми, выхватывали детей из их рук, поднимали на штык и бросали в открытый люк колодца... Многие сходили с ума. Неужели это возможно забыть?..

В 1977 году я с группой из нашего посёлка побывала в Одессе. Помню памятник Ришелье, Потёмкинскую лестницу, Морвокзал, где продавались прекрасные украинские вина, которые я покупала в подарок друзьям, также поездку в Очаков, музей О. Шмидта, были и в Нерубаевских катакомбах.

“Помните! Через века, через года... Не плачьте! В горле сдержите стоны, горькие стоны. Памяти павших будьте достойны!”

Мы плакали... Нам сказали купить по гвоздике, и когда мы выходили из катакомб, то вручили эти цветы старому человеку – участнику партизанского отряда Молодцова-Бадаева.

Станислав Юрьевич! Как мне хочется поблагодарить Вас за Ваш журнал. Я просто для себя открыла новую планету под именем “Наш современник”. “Распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой

столетия”, – сказал В. Путин в Послании Федеральному собранию. Вопрос: а зачем тогда Ельцину, да ещё на Новодевичьем кладбище, отгрохали такой памятник? И ещё: может, я плохо знаю историю, или, может быть, предателя Власова уже реабилитировали, если флаг наш нынешний – это его флаг, что-то тут я не понимаю...

Станислав Юрьевич! Разрешите мне Вас и в Вашем лице весь коллектив “Нашего современника” поздравить с юбилеем! Всем здоровья, семейного благополучия, полных кошельков!

С уважением
Валентина Захарова
пос. Краснобродский Кемеровской области

ОДЕССА ЖДЁТ...

Добрый день, Станислав Юрьевич!

Несмотря на произошедшую 2 мая 2014 года в Доме профсоюзов в Одессе леденящую душу трагедию, народом названную “Одесской Хатынью”, которая в сознании потомков навсегда останется чёрным пятном в истории Одессы, усилиями наших “народных избранников” на сессии городского совета 45 голосами из 63 присутствующих Россия была признана “страной-агрессором”! Как будто они живут в городе, основанном не императрицей российской Екатериной Великой, а, к примеру, шведским королём Карлом XII, истинным агрессором. Может, потому власти и согласились с утверждением “свидомых фахивцив”, лютых ненавистников “клятой Катерины”, чтобы умалить значение России в освоении пустынного края и доказать, что на месте современной Одессы уже 600 лет тому назад (!), то есть во времена татаро-монгольского ига, существовало казацкое поселение Коцюбей (или Качибей). А день города надо исчислять не с 1794 года, когда и была основана Одесса на землях, отвоеванных Россией у Османской империи, а с 1414-го! Как пишет рупор городского совета газета “Одесский вестник”, основанная ещё 5 января 1827 года: “600-летие со времени первого письменного упоминания о порте Качибей, где практически располагалась турецкая крепость Эни-Дунья, на месте которой был выстроен город в 1795 году, названный Одесса”. Такие вот дела.

Депутаты “осудили” Российскую Федерацию “за аннексию Крыма” и ситуацию на Донбассе. И в то же время за два истекших года никак не отреагировали на зловещий акт в своём родном городе. Городской голова Геннадий Труханов объяснил, что решение об “агрессии” призвано... “подкрепить боевой дух солдат”! “Мы с вами должны крепить обороноспособность страны. Мы делаем это для того, чтобы наши защитники чувствовали себя уверенно”, – заявил он. Интересно, партия Труханова, с интригующим названием “Доверять делам”, на всех перекрёстках убеждает одесситов, что их дела во благо города, мол, с нами не пропадёте! Но никто не спросил одесситов об их отношении к России. Тот же голова не поинтересовался, чувствуют ли себя уверенно коренные одесситы после ужасных событий в городе 2 мая 2014 года. Город сегодня живёт в страхе, народ запуган. Совсем небольшое количество истинных одесситов собирается на Куликовом поле, где совершилось зверство, по воскресеньям и второго числа каждого месяца, чтобы почтить память жертв – невинно убиенных и заживо сожжённых земляков. Но, к сожалению, эти скорбные, молитвенно-поминальные сборы проходят на фоне непрошенных “гостей”, штатных активистов евромайда, приехавших помешать поминанию. Всё это проходит с воплями “Слава Украине!”, пением гимна и ором заранее заготовленных речёвок. Можно было бы похвалить проявление патриотизма, но на месте, где совершилось зло – истребление мирных людей, это воспринимается, как глумление над человеческой памятью. Как будто здесь есть повод гордиться содеянным! И не случайна такая картина: пассивность большинства горожан и маниакальность отряда жаждающих крови. Размноженная в своё время по городу страшилка сработала, действуя на психику граждан и, видимо, депутатов. Одну из таких страшилок приведу дословно. На пересечении улиц Пушкинской и Жуковского (недалеко от Одесской

Думы) располагается огромный щит (билборд) с таким текстом на русском, причём, языке:

БЫТОВОЙ “СЕПАРАТИСТ” ОСКВЕРНЯЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ, ЖДЁТ ПРИХОДА “РУССКОГО МИРА”!

Наказание: 7–12 лет лишения свободы (ст. 110 УК Украины).

Увидел, услышал – звони – 0800501482 – горячая линия СБУ.

Ну что тут скажешь... Я выписываю журнал писателей России более 30 лет и тоже, очевидно, подпадаю под угрожающую статью... О моей симпатии к русскому журналу, приход которого я ожидаю с нетерпением каждый месяц, знает почта. Так что серьёзная угроза нависла надо мной за тяготение к русскому журналу, а значит – и миру. Но если раньше я мог только предполагать развитие событий, то на сегодняшний день в дело включились могучие силы, которые располагают огромными возможностями.

Попытавшись осуществить очередную помесечную подписку на журнал на второе полугодие 2015 года на почте, я столкнулся с заявлением почтовых работников, что данного издания в каталогах нет. Я в недоумении. Полистал “талмуд” украинского каталога и не нашёл там журнал писателей России “Наш современник”. Он таинственным образом исчез. Я к начальнику Главпочтамта. Там долго выясняли и установили, что данное издание **изъято из каталога без объяснения причин!** Но сохранено в электронном варианте. О, радость! Но стоимость – 177 гривен в месяц! Я в ужасе. Энтузиазм пропал. Вспомнилось – 25 копеек в советское время... Но пришлось смириться с грабительской ценой, куда денешься, не прерывать же рекордный стаж подписчика и главное – не лишаться доступа к Светочу, каким является “Наш современник”. Когда же пришёл черёд подписки на 2016 год, то меня чуть до инфаркта не довели, заявив, что и электронный вариант с нового 2016 года запрещён. Я написал заявление, чтобы мне объяснили причину столь негуманной акции, но до сих пор жду ответа... И вот теперь, после почти половины жизни, когда я общался с интереснейшим журналом “Наш современник”, я, по воле нехороших дядей, лишён этого общения. Получил со скрипом спустя два месяца № 12 журнала за прошлый год и заново оценил его достоинства, и понял, почему он негоден тем, кто боится ПРАВДЫ. Разве они смогут спокойно спать, если люди прочитают, к примеру, статью Дмитрия Нечаченко “Украинец – это русский, убивший в себе русскость”, где приводятся слова погибшего украинского журналиста Олеса Бузины: “Рано или поздно украинцы вернуться в лоно триединого русского народа”.

Для меня, как для музыканта, очень печально будет, если я не смогу продолжить знакомиться с неизвестными страницами жизни русского гения Георгия Свиридова, после прочтения искромётной статьи о нём Валерия Гаврилина “Высокое и чистое звучание” (№ 12 за 2015 год). Я даже не знаю, что мне дальше делать, как обойти эту “демократическую” блокаду. Не должно же быть такое, чтобы силы зла взяли вверх над силами Добра... Конечно, сейчас есть интернет, но я им не пользуюсь, да и привык к журналу, пахнущему свежей типографской краской. Это доставляет мне больше радости. Где же свобода слова и информации в стране, которая на всех парах рвётся в “цивилизованную Европу”? 21 февраля на Куликовом поле в Одессе зачитывалось переданное мной стихотворение Ольги Хмары из города Воркуты “Одесская Хатынь”. Присутствующие с замиранием сердца слушали это трогательное стихотворение. Если можно, порауйте меня статьями о Георгии Свиридове.

С уважением
Стреляев А. Д.
г. Одесса, Украина

И НА ВОЙНЕ НУЖНЫ СТИХИ

Дорогой Станислав Юрьевич!

Только сейчас узнал о страшной для Вас и Вашего сына потере – кончине Вашего внука... Примите глубокие соболезнования из географически да-

лёкой, но духовно близкой Луганщины. Сил Вам больших, чтобы пережить это горе, пусть земля будет пухом Вашему внуку!

А здесь у нас война. Я оказался на территории, занятой украинскими военными. Как только это произошло, сразу начались доносы, допросы... На меня раза четыре писали в СБУ местные бандеровские "активисты". Не скажу, что было так уж страшно, но пришлось несколько дней прожить по чужим квартирам на нелегальном положении, как партизану-подпольщику. Я не знал, что будет, потерял работу. Сейчас укрываюсь в сельской местности, занимаюсь огородом, пишу стихи. Помогаю маме, ей уже 93-й год. Жизнь подпольщика тем хороша, что есть время для чтения книг. Повторно перечитал в серии ЖЗЛ Вашего "Сергея Есенина". Скажу откровенно – Вы совершили подвиг перед Россией и Русью, и низкий поклон Вам и Вашему сыну Сергею за это величайшее дело. Пройдут десятилетия и столетия, а книга будет жить и набирать популярность. Величайший поэт, увековечивший себя стихами, увековечен и Вашей ценнейшей работой, которая достойна десятка нобелевских и буковских премий, в которых Вы, впрочем, вряд ли нуждаетесь, ведь главная премия – благодарность всего славянского народа.

Искренне желаю Вам, Сергею и "Нашему современнику" добра и процветания.

С уважением из сражающегося Донбасса
Сергей Кривонос

"НАШ СОВРЕМЕННОК И "ВЕРТИКАЛЬ"

Добрый день, уважаемый и любезнейший Станислав Юрьевич!

Получила Вашу бандероль – 2 книги и письмо, премного благодарна. На чёрном фоне жизни какой-то просвет – это Ваш подарок, такой праздник для души! Я подумала: видя мой необычного формата конверт, Вы решите, что опять рукопись, и бросите его в мусорное ведро, пожалев Ваше зрение. Но Вы прочли! Я до этого прочла книгу Вашу и Сергея "Сергей Есенин". Написано очень хорошо. Вы жизнь Есенина, его взгляды дали на фоне политической и литературной жизни страны. А я до этого прочла Вашу книгу "Свободная стихия" и всю Вашу поэзию читала. Сколько радости я получила и поняла, что Вы не работаете в рамках какого-либо литературного течения, не привыкли сетовать на цензуру. Вы умеете изложить любую мысль проникновенно, документированно в разумных рамках, соблюдая дистанцию внутренней цензуры и деликатности.

Вы писали, что черпаете из души. А для читателя нужны впечатления, так что не откладывайте Ваши труды, отдыхайте и творите. Мне ещё нравится журнал "Вертикаль" из Нижнего Новгорода, гл. редактор Сдобняков. Как-то в рамках спонсорской помощи наш клуб "Надежда" получил этот журнал. Очень хорошие были там поэты, да и журнал близок к Вашему. Существуют (а может быть, и не существуют) спонсорские средства, а как их достать...

Какое счастье, что есть такие замечательные люди, как Вы, сотрудники Вашей редакции, как Ваш сын Сергей, как Сдобняков В. В. И как вам всем трудно, и как вы стоите, какие вы патриоты!

Долгой Вам жизни, творческой деятельности в "свободной стихии"!
Ваша благодарная читательница

Тамара Константиновна Капорцева
пос. Петровский Ростовского района Ярославской области

ПОМОЩЬ ИЗ ВЛАДИВОСТОКА

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Не так давно получил уведомление о получении моих стихов редакцией. Не буду Вас утомлять, скажу только, что у меня есть почти все Ваши книги. Я брожу по книжным магазинам и ищу ещё. И вот на днях в одном из супер-

маркетов нашёл, слава Господу, книгу из серии ЖЗЛ “Сергей Есенин”, написанную Вами в соавторстве с Вашим сыном Сергеем Куняевым. Скажу просто — это потрясающая книга! Читал её две ночи подряд, спасибо Вам огромное! Теперь о своих стихах. Посылал Вам в прошлом два стихотворения: “Чухлома” и “Глебу Горбовскому”. Мои стихи были опубликованы в журнале “Наш современник” в № 5 в 2011 году. Теперь о финансах. Надо помогать журналу “Наш современник”, который я выписываю вот уже десять лет. Спасибо за подборку Людмилы Щипахиной. На днях пошлю деньги в помощь журналу. Буду помогать и дальше, хотя у меня было уже два инсульта. Вот такие дела...

Низко кланяюсь Вам
Виктор Семёнович Антонов
г. Владивосток

ЖУРНАЛ – ВЕРНЫЙ ТОВАРИЦ

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Когда получил первый номер журнала “Наш современник” за этот год, то сразу же с удовлетворением и радостью прочитал Ваше обращение к читателям: “Поздравляю вас с нашей общей победой — подписка на журнал в 2016 году у нас не сократилась”.

По моим неприятительным размышлениям, пик обольванивания российского народа для его уничтожения, и прежде всего духовного, прошёл. Дай-то Бог! Но это не потому, что давление на него партии власти и “карманных” СМИ ослабло — вовсе нет! Люди уже почти за тридцать лет предательства Отечества устали от вранья, лживых посулов и вульгарного цинизма с призывом — “Больше пошлости!”. Когда шарить рукой в пустом кармане в поисках мелочи на покупку хлеба, то уже этой власти не веришь, а начинаешь прозревать.

И это касается порядка 80% обездоленных россиян. И на мой взгляд — надо наращивать бескомпромиссное, боевое наступление всех светлых и порядочных умов России ради спасания народа от духовной деградации! Из моего опыта общения с молодёжью мне стало ясно, что молодёжь хочет знать правду, но не знает, где её взять. И здесь очень важно, чтобы в журнале публиковалось как можно больше молодых авторов. Думаю, что это было бы очень продуктивно, ибо молодёжь более склонна доверять своим ровесникам. И убеждённым подписчикам журнала “НС” надо привлечь к подписке хотя бы одного своего соратника, ибо “НС” — это верный товарищ и “дорожная карта” в хаосе сегодняшних переплетений лжи, домыслов и извращений истории нашего Отечества.

Вот взять хотя бы публикацию Андрея Фурсова “Русофобия — психоисторическое оружие Запада”. Здесь почти каждую строку хочется подчеркнуть, запомнить и взять на вооружение, как компас в сегодняшнем хаосе. И эта сила правды, высказанная в этой статье и во многих других аналогичных публикациях, останется на века, ибо: “Не в силе Бог, а в правде”.

С уважением и добрыми пожеланиями Ваш
Виктор Долбёжкин
с. Яжелбицы Валдайского района Новгородской области

Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ!

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Позвольте мне в своём письме акцентировать насущнейший, как мне кажется, вопрос — вопрос о русском языке. Сегодня, по прошествии двух десятилетий после распада великого государства, явственно наблюдается тенденция к сближению по многим азимутам государств, недавно входивших в единую великую страну, бывшую важнейшим структурным и идеологическим элементом

мирового сообщества и игравшую в нем важнейшую роль. Не анализируя негативные аспекты периода разъединения и последующего за этим распада, я отмечу то положительное, что позволяет увидеть новые горизонты и вершины восхождения к новому сближению наших стран, в основе которого лежит уважение к целостности и самобытности каждого государства.

За два десятилетия во всех республиках, входивших в состав СССР и ставших самостоятельными, наблюдается заметное развитие национальных культур, самоидентификации, осознание своего нового места в мировом социуме. Этих явлений нельзя не видеть. Одновременно с этими, несомненно, положительными явлениями ширится понимание нашей общности, обусловленной вековой географической близостью и взаимовлиянием культур и духовности. Нарастает процесс осознания нашего общего культурного наследия. Объединительные процессы, развивающиеся сегодня и за которыми самое ближайшее будущее, требуют сохранения единой языковой базы, бывшей у нас совсем недавно и требующей развития.

Я думаю, что именно единая и общая языковая среда, не отрицающая развитие национальных языков и культур, станет основой и фундаментом на новом витке объединения равноправных самостоятельных государств, входящих в Восточно-Европейскую цивилизацию.

В современном мире, в котором идёт “война всех против всех”, отчётливо наблюдается языковое противостояние. Особенно следует отметить расширение применения английского языка в неанглоязычных странах, хотя это происходит, прежде всего, за счёт стремительной информатизации мира.

Соединенные Штаты Америки всегда понимали важность языковой идентичности, поэтому уже в советский период в их вузах одновременно проходили обучение 250 тысяч представителей всех стран мира. К слову сказать, у СССР возможности были скромнее, поэтому в советских учебных и военных заведениях ежегодно обучалось 25 тысяч иностранных студентов. Со многими странами, в которых выпускники советских вузов занимают ключевые посты в руководстве, у нас традиционно хорошие отношения.

В этой связи важным является работа по расширению сферы распространения и модернизация русского языка. “Великий и могучий” русский язык, давший миру шедевры, обогатившие сокровищницу мировой культуры, является необыкновенно гибким и живым.

А к чему приводит “борьба”, так сказать, с русским языком в некоторых странах ближнего зарубежья? Она ведёт к значительным потерям в экономике этих стран, создаёт большие трудности в межгосударственных контактах и контактах граждан, связанных зачастую родственными узами, отторгает от великой культуры, созданной, кстати, представителями многих языков. Их творения, благодаря переводу на русский язык, в своё время стали общим достоянием народов, входивших в состав СССР, получили мировую известность.

Отказ от русского языка, от его изучения в учебных заведениях означает сужение до минимума культурных знаний мирового уровня. Как же можно не знать корифеев русской культуры, внесших неоценимый вклад в мировую культуру, в которой они до сих пор определяют гуманистическое понимание развития мира. Правительства стран, борющихся с русским языком и русской культурой, обкрадывают свои народы, прежде всего, свою молодёжь.

Не знать всю плеяду русских гениев XIX и XX веков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Некрасова, Тургенева, Тютчева, Фета, Маяковского, Есенина, Пастернака, Мандельштама, Ахматову, Цветаеву, Чехова, Горького и многих других, создавших великую русскую культуру, — значит остаться обделённым навсегда.

Не знать ещё совсем недавнюю общую нашу историю, историю Великой войны и общих жертв, принесённых нашими народами на алтарь победы, значительных и масштабных свершений нашей общей науки, общих достижений в технике, в космонавтике, которые вошли в крупнейшие достижения XX века и которые неотделимы от крупнейших и эпохальных мировых научных свершений, значит не знать свою собственную историю.

За последние 20 лет, в постсоветский период, большинство молодых россиян или попросту ничего не знают об этом, или убеждены, что все великие открытия и свершения XX века сделаны в Америке или Западной Европе.

Патриотизм, для формирования которого, к сожалению, так мало делается, обязательно требует знаний о своей малой и большой Родине, правдивой

исторической памяти, гордости за то, что свершили наши предшественники, бережного и уважительного отношения к тому, что ими сделано. Ведь мы продолжаем великую эстафету, передаваемую из поколения в поколение.

На примере недавних и всё ещё развивающихся проблем в российско-украинских отношениях отчётливо видна роль языка. Правительство Януковича пришло к власти при поддержке Юго-Востока Украины, которому было обещано введение русского языка как второго государственного. Янукович не сдержал обещаний и лишился поддержки русскоговорящих регионов Украины и в итоге потерял всё.

Если в начале развития конфликта на Юго-Востоке Украины виделось, что введение русского языка в качестве второго государственного на всей территории Украины сможет существенно снизить уровень напряжённости на Юго-Востоке, перевести в конструктивное русло переговоры по экономическим вопросам, в том числе по цене российского газа, то дальнейшее развитие конфликта создало практически непреодолимые барьеры для этого.

В современном динамичном мире на наших глазах быстро рождаются новые международные экономические и оборонительные объединения. Деятельность Союзного государства развивает созданный Таможенный союз, в самое ближайшее время появится Единое экономическое пространство, планомерно развивается военное объединение Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). **Эффективное функционирование созданных структур возможно только на единой языковой базе, опираясь на русский язык.**

Не рассматривая всесторонне достоинства применения создаваемыми структурами единого языка, отмечу некоторые объективные возможности в развитии этого процесса:

– упрощение взаимных контактов граждан разных стран, дальнейшее сближение государств на основе “народной дипломатии”. Это особенно важно для молодёжи, которая должна продолжить этот процесс, в том числе за счёт новых возможностей получения образования в учебных заведениях разных стран;

– разработка нормативной документации, обслуживающей различные стороны межгосударственного взаимодействия;

– эффективное управление создаваемыми войсковыми соединениями, использование и обслуживание стандартизированной военной техники возможно только на едином языке;

– расширение изучения русского языка в других государствах позволит привлекать для работы в народно-хозяйственном комплексе России рабочую силу из разных государств. Недаром в странах Прибалтики нарастает интерес у молодёжи к изучению русского языка, потому что знание языка помогает найти престижную работу в компаниях, развивающих сотрудничество с Россией.

Центральную роль в расширении международной сферы применения русского языка должно играть государство, прежде всего предоставляя различного рода предпочтения во всех сферах тем странам, где русский язык является вторым государственным. Это объективное требование, определяющее тактическую и стратегическую перспективу не только для России, но и для стран ближнего зарубежья, которое, безусловно, окупится сторицей. Я в этом уверен.

Михаил Иванович Лапшин
г. Москва

Здравствуйте, дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

Каждый раз, когда беру в руки “Наш современник” и читаю, я всегда испытываю его благотворное влияние и радуюсь тому, что многое сохранилось на страницах журнала от той литературы, которая влекла за собой, воспитывала, прививала любовь к честности, совестливости, патриотизму и помогала понимать жизнь. Не знаю, где можно ещё отыскать ту литературу, которую не так давно читали и радовались, обсуждали и делились. Только в “Нашем современнике”, только здесь сохранилась литература, любовь к Отечеству, к русскому слову, духу, патриотизму!

Там, на страницах журнала, говоря языком великого А. С. Пушкина: **“...русский дух... там Русью пахнет!”** И я радуюсь, и вспоминаю прекрасные слова известного писателя К. Г. Паустовского, который сказал, обращаясь к своим современникам, и к нам в том числе: **“Нам дан во владение самый богатый, меткий, могучий и поистине волшебный русский язык”**. Мы должны и обязаны всегда помнить это и беречь то, что мы получили в наследство, весь тот прекрасный литературный запас, боясь кануть в лету безвестности! Это долг перед потомками — сохранность того, что мы имеем и чем сейчас располагаем! И Вы, многоуважаемый Станислав Юрьевич, и Ваши соратники прилагаете много усилий, для сохранения **“богатства, меткости, могучести и волшебности русского языка”** на страницах “Нашего современника”!

Примечательна разнообразность тематики на страницах каждого номера журнала. Значит, Вами правильно отработана и тактика, и стратегия, чтобы журнал был читаем и востребован! Мне кажется, что каждый читатель, обнаружив для себя наиболее интересную тему, затем прочитывает весь журнал. А по прочтении оказывается — всё интересно, а интересное отвлекает от мирской суеты, от неурядиц, от навалившихся жизненных забот и изворотливого обмана. И есть ещё одна немаловажная деталь, — это связь журнала с читателями, публикация отзывов, писем, пожеланий, просьб.

А как прекрасно сочетаются публикации о прошлом с настоящим, как бы в ненавязчивом сравнении прошлого с настоящим. Как будто предлагается сравнить, чем мы располагали в прошлом, что мы имеем теперь и заставляет думать, какое можно ожидать грядущее. А ведь без хорошего прошлого не дождаться хорошего будущего.

Что может быть лучшего, когда читатели, люди разного возраста, разной национальности, прочитывая как Ваши книги, так и публикации “Нашего современника”, находят сердечные отклики в своих сердцах, в своих душах. Сколько слов благодарности я услышал в Ваш адрес от своих коллег Алимбаева Б. М. и Ципенюка В. Л. за переданную им Вашу книгу **“Жрецы и жертвы холокоста”** и за прочитанные страницы журнала.

Я уверен, что сегодня журнал “Наш современник” является национальной гордостью русской литературы!

Говоря словами А. К. Передреева, в “Нашем современнике” звучит **“...божественный глагол, В своём величье непреложный...”** и подает надежду всем, что и Пушкин, и Есенин, и Клюев будут перечитываться; он светит, он помогает, он позволяет устоять, он вселяет надежду... Как будто каждый выпуск журнала говорит своим читателям словами Александра Сергеевича **“...неподкупный голос мой... эхо русского народа”** для образования нравственно здорового, духовно полноценного, трудоспособного созидающего человека, способного противостоять разрушительным идеям человеческой жизни.

О самом журнале и людях, которые приложили силы, щедрость души, упорную писательскую мудрость, можно много писать, много говорить — “Наш современник” заслуживает это! И пожелаю “Нашему современнику”, словами протоиерея Дмитрия Дудко, чтобы Бог дал достаточно силы **“...нести слово истины, пробуждая свои и другие души”**.

*В завершение скажу: мой любимый журнал,
Твоя славная песнь ещё не пропета,
И желаю тебе, как и раньше желал, —
Многая всем, многая, многая, лета.*

С уважением к Вам и сердечной благодарностью

А. О. Шерник,
Казахстан

О НЕИЗВЕСТНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ЕСЕНИНА

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

После прочтения статьи “Вставай, страна огромная”, опубликованной в Вашем журнале “Наш современник”, в моей тревожной душе стало спокойнее и теплее. Вспомнилась юность и всё хорошее в те, теперь уже далёкие для одной человеческой жизни, советские годы.

Спасибо Вам за Ваш вдохновенный труд! Ваша статья помогла мне избавиться от некоторых сомнений, и я решил отправить к Вам несколько своих работ. Станислав Юрьевич, я знаю, насколько плотно расписан Ваш творческий день, но всё же я прошу Вас выделить несколько минут, чтобы ознакомиться с моими работами. Эта просьба сформировалась у меня после прочтения журнала “Наш современник” за 2015 год. Читая отзывы различных людей о Вашей деятельности, я почувствовал глубокое уважение к Вам и доверие к Вашему журналу. Поэтому мне очень важно знать именно Ваше мнение о моём творчестве.

Я очень трепетно отношусь к жизни и творчеству Сергея Есенина. Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, насколько глубоко принимала его чуткая, доверчивая душа окружающий мир и как ранима она была... У меня есть несколько сборников стихов Есенина и полное собрание сочинений в одном томе, но моя мечта – приобрести Вашу книгу о жизни и судьбе поэта.

Ни в одном из сборников, которые у меня есть, я не нашёл стихотворения Есенина, опубликованного в своё время в журнале “Звезда Востока”, которое я читал, помнится, ещё будучи курсантом Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского. Интересно, что в этом стихотворении Есенин вступает за Христа, поднимая свой голос против откровенного богохульства такого “придворного” поэта, как Демьян Бедный (он же Ефим Алексеевич Придворов). Привожу его целиком.

*Я часто думаю, за что Его казнили?
За что Он жертвовал Своею головой?
За то ль, что, враг суббот, Он против всякой гнили
Отважно поднял голос Свой?*

*За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом кесаря полны и свет и тень,
Он с кучкой рыбаков из бедных деревень
За кесарем признал лишь силу злата?*

*За то ли, что, Себя на части разделя,
Он к горю каждого был милосерд и чуток
И всех благословлял, мучительно любя,
И стариков, и жён, и крохотных малюток?*

*Демьян, в “Евангелии” твоём
Я не нашёл правдивого ответа.
В нём много бойких слов, ох как их много в нём,
Но слова нет, достойного поэта.*

*Я не из тех, кто признаёт попов,
Кто безотчётно верит в Бога,
Кто лоб свой расшибить готов,
Молясь у каждого церковного порога.*

*Я не люблю религию раба,
Покорного от века и до века,
И вера у меня в чудесные слова —
Я верю в знание и силу Человека.*

*Я знаю, что, стремясь по нужному пути,
Здесь на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь другой ведь должен же дойти
К воистину божественным пределам.*

*И всё-таки, когда я в “Правде” прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна —
Мне стало стыдно, будто я попал
В блевотину, извергнутую спьяну.*

*Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос
Далёкий миф — мы это понимаем, —
Но всё-таки нельзя ж, как годовалый пёс,
На всё и всех захлёбываться лаем.*

*Христос — Сын плотника — когда-то был казнён...
Пусть это миф, но всё ж, когда прохожий
Спросил Его: “Кто ты?” — ему ответил Он:
“Сын человеческий”, но не сказал: “Сын Божий”.*

*Пусть миф Христос, как мифом был Сократ,
И может быть, из вымысла всё взято —
Так что ж теперь со злобою подряд
Плевать на всё, что в человеке свято?*

*Ты испытал, Демьян, всего один арест —
И то скулишь: “Ах, крест мне выпал лютый”.
А что б, когда тебе Голгофский выпал крест
Иль чаша с едкою цикутой?*

*Хватило б у тебя величья до конца
В последний час, по их примеру тоже,
Весь мир благословлять под тернием венца,
Бессмертию уча на смертном ложе?*

*Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Своим пером ты не задел Его нимало —
Разбойник был, Иуда был —
Тебя лишь только не хватало!*

*Ты сгусток крови у креста
Копнул ноздрей, как толстый боров,
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов!*

*Ты совершил двойной тяжёлый грех
Своим дешёвым балаганным вздором,
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И малый свой талант покрыл большим позором.*

*Ведь там за рубежом, прочтя твои стихи,
Небось, злорадствуют российские кликуши:
“Ещё тарелочку демьяновой ухи,
Соседушка, мой свет, откушай”.*

*А русский мужичок, читая “Бедноту”,
Где “образцовый” труд печатался дуплетом,
Ещё сильнее потянется к Христу,
А коммунизму мат пошлёт при этом.*

Апрель-май 1925 г.

Станислав Юрьевич, может быть, в вашей книге о поэте я найду что-либо об этом загадочном стихотворении? С нетерпением жду Вашу книгу, она будет для меня большим подарком.

С уважением
Охрименко И. Ф.
г. Екатеринбург

Комментарий главного редактора:

Полных доказательств того, что это стихотворение принадлежит Сергею Есенину, — не существует.

Ст. Куняев

УЛИЦА ПОЭТА ЕГОРА ИСАЕВА

Уважаемая редакция журнала писателей России!

Обращаюсь к вам по поводу события, которое, к сожалению, прошло незамеченным в нашей литературной среде. 90 лет со дня рождения известного русского советского поэта Егора Исаева, уроженца воронежской земли. Он родился и вырос на Первомайской улице в селе Коршево. Именно здесь и должна была бы быть увековечена его память, названа улица в честь известного поэта. Я сверил свои мысли с коршевским краеведом, учителем местной школы Александром Ивановичем Ляпиным, и тот, загоревшись идеей, воскликнул:

— Конечно! А то какая-то тишина... словно и юбилея никакого...

Я понимал, что дело это сложное, — при переименовании нужно будет внести изменения в документы у каждого жителя улицы. И этим обеспокоился. На что Ляпин заметил:

— Если что понадобится, какие бумаги переделать, учителя помогут, — сказал и вспомнил: — А 2 мая 2011 года открывали Суворинскую школу, и хотели в ней разместить музей Исаева. Но не получилось...

— Ведь в Коршевской средней школе есть экспозиция Исаеву...

— Ну и что. В Суворинской важнее...

Теперь я сам загорелся. Надо, надо увековечить память поэта, который столько писал о памяти, а его поэмы “Суд памяти” и “Даль памяти” были у меня на слуху. И произвольно зазвучали слова из “Суда памяти”:

...И ходит по земле

Босая память — маленькая женщина.

Она идёт, переступая рвы,

Не требуя ни визы, ни прописки...

Понимая, что самому решить вопрос не под силу, посчитал нужным подключить “тяжёлую” артиллерию. Съездил в Москву, встретился с кинорежиссером Василием Степановичем Паниным, который был очень близок с Егором Исаевым. Поэт участвовал в съёмках фильмов кинорежиссера. Они часто вместе приезжали в Воронеж, где я их заставал в санатории имени Дзержинского. Панин сразу согласился. Внимательно прочитал проект письма, где было написано:

“В Коршево на улице Первомайской стоит дом, где Егор Исаев родился, провёл детство и юность, куда приезжал в зрелом возрасте и писал свои знаменитые поэмы.

Думается, достойным подарком воронежцев к 90-летию поэта явилось бы открытие на его малой Родине в бывшей Суворинской школе музея поэта и переименование улицы Первомайской в селе Коршево (Бобровский район) в улицу имени Егора Исаева”.

Панин одобрительно похлопал меня по плечу и подписал письмо.

Сразу согласился помочь и бывший Генеральный прокурор СССР, действительный государственный советник юстиции Александр Яковлевич Сухарев. В его письме написано:

“Считаю своим долгом просить Вас обратить внимание властей Бобровского района на то, что не пришла ли пора этот затянувшийся вопрос с открытие музея Исаеву разрешить и открыть его в день 90-летия поэта 2 мая 2016 года. Было бы хорошо, чтобы и улицу, на которой поэт вырос, переименовали в его имя”.

Эти письма 14 марта 2016 года были сданы в приёмную губернатора Воронежской области А. В. Гордеева.

Я допускал, что их спустят “на исполнение” в Бобровский район и, упреждая неожиданность их получения, позвонил туда заместителю главы Бобровского района Александру Ивановичу Шашкину и рассказал об обращениях Панина и Сухарева, на что он ответил: понял, в чём вопрос, и на душевном подъёме добавил:

— Я же сам этот домишко на Первомайской красил...

Я был уверен, что теперь непременно к 90-летию Исаева и улице переименуют, и музей в Суворинской школе разместят, и, конечно же, на юбилей

пригласят инициаторов благих дел Василия Степановича Панина и Александра Яковлевича Сухарева. Времени было предостаточно: полтора месяца.

Я периодически созванивался с Ляпиным и вскоре узнавал, что письма пришли в район, и в Коршево и Боброве зашевелились. У меня тепло стало на душе: вспомнили про Егора Александровича! И теперь отсчитывал дни, когда меня обрадуют радостным сообщением. Но из разговоров с Паниным ничего утешительного не узнавал. Не было никаких сообщений и к Сухареву. Молчание я относил к тому, что двум заслуженным людям готовится подарок. А подарки вручаются неожиданно. Что им пришлют телеграмму: “Приезжайте на юбилей... Мы Вас встретим...” Друзья Исаева приедут на торжества, там и обрадуют их долгожданной новостью.

13 апреля на всякий случай решил прояснить ситуацию и позвонил Шашкину и спросил, что же делается по письмам. Теперь замглавы оказался предельно сух:

– Готовим ответ. Там подробно всё укажем, и насчёт переноса музея, и переименования улицы... Ведь мы понимаем, что это такое: всем зелёнки переменить, адреса, всё это денежки стоит!.. Но лучше бы с уровня Москвы подключились: чтобы программу запустили... Чтобы Москва вложилась... А то всё на нас, и мы, как виноватые...

– У Панина и Сухарева просить денег?! – у меня перехватило дыхание. Хотел спросить: какую программу они запустят. Один кинорежиссёр, а другой советник Генерального прокурора.

Шашкин:

– Они Алексею Васильевичу (губернатору Гордееву) напишут, а он снова спустит на нас. Я повторяю, мы помним юбилей Егора Александровича. И всё готовим...

“Но как?” – теперь не мог понять я.

И вот 22 апреля 2016 года мне прислали письмо, которое просили передать Сухареву. Его подписал чиновник Департамента культуры области Мазур. Вместо того чтобы сразу ответить на вопросы Панина и Сухарева, чиновник из департамента сначала написал про бюст Егора Исаева, библиотеку его имени, что ежегодно читаются на конкурсе стихи поэта, даже на скачках вручается приз имени Егора Исаева! Да ещё две доски хотят открыть!

Я не мог понять, зачем Сухареву (Панину пришло такое же письмо) это сообщать, когда просят о другом. Переименовании улицы! На худой конец, пусть сначала будет двойное название: Первомайская – имени Егора Исаева.

Далее в письме писали о планах провести 4 мая митинг, концерт, вручить премии. И только в конце я прочитал то, что волновало Сухарева и Панина:

“Переименование ул. Первомайской на ул. Имени Е. А. Исаева требует изменений прописки и адреса в юридических значимых документах физических и юридических лиц: удостоверяющих личность, учредительных документах, договорах, соглашениях, включая кредитные, и финансовых”.

О, боже! Но ведь всё это осуществимо! Взять домовые книги и в них изменить адреса, а паспорта, учредительные – это работа органов государственной регистрации. Всё можно без труда сделать. А в договорах зачем менять адреса? Надо просто сообщить контрагенту новый адрес. И дальше прочитал, как приговор: “В этой связи, переименование улицы в настоящее время не представляется возможным...” И следом: “В здании Коршевской средней школы имеется музей с экспозицией, посвященной Е. А. Исаеву”.

У меня не было слов! К 90-летию – невозможно. А к 100-летию тоже отпишется. По надуманным причинам, которые несоразмерны с тем вкладом, который внёс Егор Исаев в Воронежский край. А про обещанный еще в 2011 году музей в Суворинской школе вообще забыли. Мне вспомнилось стихотворение Егора Исаева:

*Кто это сотворил — ищи теперь виновных.
Такой уж, видно, нам достался век:
Во власть поставлен господин чиновник,
И отстранен от дела человек.
А здравый смысл? Он выставлен за дверь.
Скажи, Создатель, как нам жить теперь?*

Воронежские и бобровские чиновники показали себя! Я ещё думал: ладно, пусть не могут, но обязательно пригласят близких друзей Исаева на тот же митинг, концерт, открытие доски, и ждал, когда Панин скажет: “Прислали телеграмму. Пригласили... Еду на родину Исаева”.

Такое же ждал от Сухарева, дескать: “Звонили. Просят приехать...”

Но ни Панин, ни Сухарев такой радостью со мной так и не смогли поделиться. Чиновник и тут проявил себя: вздумали заставить улицу переименовать! Вот вам кукиш с юбилеем!

И не провели малую Родину друга заслуженные люди Воронежской земли: кинорежиссёр, снявший фильм об Алексее Кольцове “На заре туманной юности”, о Митрофане Пятницком “Певучая Россия” Василий Степанович Панин; бывший Генеральный прокурор СССР, защищавший страну на полях Великой Отечественной войны, в мирное время Александр Яковлевич Сухарев... Я не буду передавать ту горечь, какую испытали эти защитники страны от равнодушной чинуш. У них не существует ни “Дали памяти”, ни даже – “Суда памяти”.

Но народ-то всё видит и помнит.

6 мая 2016 года мне позвонил Ляпин и с восторгом рассказывал о митинге в честь Исаева, концерте, вручении премии, открытии досок, а мне с каждым его словом становилось горше: как обошлись с близкими друзьями поэта и с самой памятью о нём. К сожалению, но память об Исаеве оказалась “босой памятью”.

Михаил Иванович Фёдоров,
адвокат, писатель
г. Воронеж

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ КОНЧИЛСЯ?

Дорогой Станислав Юрьевич, здравствуйте!

От всей души поздравляю с юбилеем журнала в нынешнем 2016 году Вас, Вашу очаровательную супругу, представленную на фотографии в Вашей книге, сына, внуков, Ваших друзей, всех работников редакции. Дай Вам Бог здоровья крепкого, счастья настоящего, долголетия активного и оптимизма искромётного. Я уже много лет искренне преклоняюсь перед Вами – сначала высоко оценивая Вашу поэзию, потом восхищаясь Вашей смелой, сочной и аргументированной публицистикой, теперь – неугомонной жизнедеятельностью при Вашей воистину адской служебной перегруженности. Поразительно, когда Вы при этом ещё успеваете продуктивно работать над выдающимися книгами публицистики!..

Несомненный талант главного редактора писательского журнала многонациональной страны – это особая тема! Откровенно говоря, лично я не вижу среди наших современников человека, равного Вам по масштабу дарования. Когда-то в молодости, проводя семинар “Основы управления производства” на своём предприятии, я убеждала слушателей: “Если очень постараться, то плохонького инженеришку можно подготовить даже из барана. Но даже из умного, грамотного инженера не всегда получается даже плохонький организатор, если это не заложено от природы”. Всевышний щедро наделил Вас разнообразными талантами и, кроме того, благословил на самоотверженное служение людям, беспредельную доброту и человечность. У меня нет слов, чтобы выразить Вам чувство благодарности, которое испытала я, неожиданно получив Ваш очередной бесценный подарок – книгу “Нет на свете печальней измены”. Прекрасный формат. Многозначительное оформление. Интереснейшие иллюстрации. Вы правы, трагедия Украины – это наша общая боль! Вы, Станислав Юрьевич, как никто другой, умеете, казалось бы, даже в незначительных частных письмах узреть сжатую пружину мысли и волевым усилием передать её напряжение окружающим. Вы – не многословны, но чрезвычайно убедительны всегда и во всём, независимо от того, касается это еврейского или польско-украинского вопросов, Андрусовского мира 1667 года или криминально-демократической революции, беловежского расчленения страны или боевиков ОУН-УПА. И дело не только, и не столько

в Ваших энциклопедических знаниях и умении работать с первоисточниками, сколько в мастерском владении словом и Вашем гражданском неравнодушии. Все Ваши книги я неизменно обсуждаю не только с близкими мне по духу коллегами, но и использую в полемике с читателями. К сожалению, случается это не часто. Даже объявленный “Год литературы” у нас в крае прошёл безлико. На звание “Человек года” не был номинирован ни один писатель.

Двадцать второго декабря в театре Ставрополя провели заключительное мероприятие Года литературы. Награждали общественников и работников библиотек. Для них администрация нашего города выделила микроавтобус. Писатели добирались пешком. В этот день было очень холодно, шёл сильный дождь, но организаторы праздника даже о горячем чае для писателей не позаботились...

Мы все благодарны библиотекарям за достойно подготовленную выставку наших новинок. Двенадцатого декабря исполнилось 80 лет поэту, прозаику, журналисту, заслуженному работнику культуры Мосиенко А. А., два рассказа которого были опубликованы в “Нашем современнике”. Министерство культуры края и Библиотека им. Лермонтова выпустили альманах “Ставропольский хронограф 2015”. Дежурившая у стендов заведующая отдела библиотеки Кравцова Тамара Юрьевна тепло поздравила этого, одного из старейших, писателей с юбилеем и показала ему две статьи о его творчестве – мою, опубликованную в хронографе, и ректора ПГЛУ – из “Пятигорской правды”. Свободных мест в зале театра не было. Поздравив всех, чиновники наградили грамотами и медалями некоторых присутствующих. 88-летнему прозаику Тимофею Семёновичу Шелухину вручили букет. Сидящего рядом со мной юбиляра Мосиенко не вспомнили. Выступали некоторые поэты края со своими стихами и песнями. На сцене – на большом экране за спиной выступавших – шли фотокадры писательской жизни. На этом всё было завершено, и ведущий объявил: “К нам в гости приехали писатели. Они сидят в зале. Встаньте, писатели, – мы вручим вам цветы”. Никто не встал, в том числе и я. Многим этот формализм показался плевком в душу. Оставшиеся цветы безымянно вручили сидящим в первом ряду. С видимым облегчением ведущий сообщил: “Год литературы кончился! Следующий год кино и мы по этому поводу пригласили к нам Дмитрия Харатьяна”. Часа два киноартист добросовестно “отрабатывал” выплаченные ему деньги, на которые, мне кажется, правильнее было бы организовать чаепитие и **общение** для приехавших из всех уголков края членов Союза писателей России. Но про них забыли...

Мне безразличен Харатьян, но, если бы я могла свистеть, освистала бы и его **неуместный концерт**, и горе-организаторов этого оскорбительного для писателей действия!

Станислав Юрьевич, укатили сивку крутые горки, утомилась подвижница истории и русского слова. Сейчас я уже не слепну от звёзд и не немею от званий. Мосинцев благословил меня на литературную критику. Вот и донкихотствую. Нажила врагов. Графоманы ненавидят, только крыть им меня нечем. Палкостят по мелочам. Не дружу с лицемерами. Не стыжусь того, что написала. Признана российскими учёными-курортологами и краеведами. Душу отвожу в своём родном коллективе, хотя по специальности не работаю уже 20 лет. Сменилось руководство, изменились технологии, уходят в мир иной мои соратники. Но по-прежнему в СК АГП – мои ориентиры. Именно там обрела я широкий кругозор, добротпорядочность, несгибаемый стержень и ответственность за свои деяния. Друзей в литературе у меня мало, зато они – настоящие! Среди них есть черкес, чеченец и лачка. Теперь я точно знаю, что украинские фамилии, оканчивающиеся на “ко”, адыгского происхождения; на “ук, юк” – тюркского; на “ский, цкий” – польско-еврейского. Мне очень по нраву Ваше разоблачение порошковских “укров”! Вы, Станислав Юрьевич, мой немеркнувший Маяк в публицистике. Желаю Вам светить долго и неумолимо!

Мой любимый ставропольский поэт Яковлев Владимир Яковлевич сейчас серьёзно погружён в тему происходящего на Украине. И, естественно, при кратковременной встрече с ним на “торжествах” в Ставрополе я познакомилась с Вашей книгой. В краевом центре писатели живут более активно, чем в нашем ставшем заштатным городишке, хотя и называется Пятигорск центром Южного федерального округа.

Прислал читатель в городскую газету к моему юбилею отклик о понравившейся ему книге “Веяние времени”. Не опубликовали! Читатель из Ессентуков,

по профессии строитель, оказался настырным и настоял на своём. Спустя месяц опубликовали его письмо под рубрикой “Клуб интересных встреч”, хотя по клубам я не шляюсь. В этом году академическую статью в газетном формате о моём сборнике “Достанем радугу с небес” прислал в редакцию известный поэт и прозаик из Черкесска. Главный редактор запросил у меня один экземпляр книги. Отвезла. Он пообещал опубликовать статью на ближайшей литературной странице, где они ежемесячно публикуют стихи любителей поэзии из литобъединения при газете. Чёрт меня дёрнул за язык: “А нельзя ли этот материал поместить не среди любителей? Всё-таки автор – Заслуженный работник культуры РФ и КЧР”. В ответ я услышала такую грубую отповедь, что уже не жду никакой публикации. А в общем, я – счастливый человек, потому что свободна и независима в суждениях; и в моей судьбе немаловажна роль тех, на кого хочется равняться. Вы – один из них!

Спасибо Вам за всё!

Галина Шевченко

г. Пятигорск Ставропольского края

РАЗГОВОР С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Добрый день, Станислав Юрьевич!

Каждый разговор с Вами побуждает к продолжению. Вы обратили моё внимание на сталинский выпуск “НС” №3 за 2013 г. Я, конечно же, прочитала его. Тут же достала журнал, перелистала и вспомнила. В отличие от А. Зиновьева я не пережила крайностей в восприятии Сталина, а просто стараюсь сложить для себя объективный, насколько возможно, образ. И это видно из моего письма, Вами опубликованного.

Сегодня я хочу коснуться коллективизации – задела меня эта тема. Начну с того, что большевики взяли на себя небывалую задачу: переделать человека. Капитализм и социализм в чистом виде – это абсолютно противоположные системы: капитализм – движение к себе, социализм – от себя, во имя общего блага. Природа человека содержит оба начала, у кого-то преобладает первое, у кого-то второе. Построение чистого социализма, причём в короткий срок, означало выкорчевывание капитализма, а именно такой путь был выбран. По сути, утверждалась новая религия, взявшая из старой идеи равенства и справедливости, но без поклонения высшему началу и без учёта человеческой природы.

И Ленин, и Сталин считали крестьянина капиталистическим элементом. Он подлежал упразднению, но без хлеба жить нельзя. Значит, крестьян надо было разделить – одних, кто согласен работать по-новому, оставить, других, кто не согласен, убрать с дороги.

Когда я смотрю, как мой муж, во всех отношениях уравновешенный и разумный человек, работает на дачном участке, я всегда говорю: ты бы ни за что не вступил в колхоз! Он болеет за каждое растение, переживает, сам всё решает и контролирует. Я тоже люблю покопаться на грядках, но не до такой же степени!

И я поняла: есть люди, которые не терпят никакого вмешательства в их отношения с землёй. Это и есть религиозный подход к земле. И вот таким людям объявили коллективизацию. Коснись до меня – я бы как раз предпочла колхоз. Оно и верно: сообща работать легче, особенно маломощной семье, удобнее использовать технику, да и вообще интереснее. Но представим: истовому, самостоятельному крестьянину было велено объединиться в одну компанию с батраком, часто лодырем, пьяницей и вместе владеть землёй. Конечно, кто-то попадал в эту категорию по несчастью и при первой возможности поднимался на ноги, бывший батрак мог стать хозяином. Но ведь есть люди, и их немало, которые хотят быть свободными от всякой социальной ответственности. Быть бичами, в других странах – сезонными рабочими. Сплошная коллективизация в деревне – по-моему, это когда именно целили в капиталиста-эксплуататора, а попали в крестьянина-труженика.

Очень быстро в коллективных хозяйствах завелись такие беды: выяснилось, что о своём приусадебном хозяйстве колхозник радеет больше, чем об

общем, что наиболее сообразительные из неумех, демонстрируя преданность новой власти, пробираются в начальство и, не зная, не любя дела, начинают руководить. Что из этого выходило, расписывать не надо. А для власти в этот переломный момент (да и позже) нужнее были именно покорные, а не знающие! Кулак, естественно, сопротивлялся – ему было что терять. Известны крестьянские бунты той поры, и если бы деревня не ослабела после гражданской войны, ещё бы неизвестно, чем кончилось. Достаточно привести в пример Антоновское восстание.

Тут надо вспомнить и Троцкого, у которого можно прочесть: трудовая масса должна быть управляема, легко перебрасываема в нужное место и т. д. То есть ставилась задача не только пролетаризации, но даже военизации трудовых масс. А как ещё можно, было строить социализм, не имея никакого практического опыта?..

Эксперимент и есть эксперимент – и Ленин, и Троцкий, и Сталин начинали его вместе, потом разошлись. Ленин предпочёл ввести нэп. Но это выглядело тогда диким капитализмом, и страну могли растащить по концессиям. Сталин решил доказать, что социализм в отдельной стране построить можно. И он был построен, и люди пошли на лишения, чтобы противостоять всему миру. Но крестьянская жила в крестьянской стране была подорвана.

Видимо, большевики считали, что крестьян слишком много, и можно немалую часть переформатировать и пустить на подъём индустрии. Читала признание Сталина: мы в большом долгу перед крестьянством, но мы вернём этот долг. Не вернули, потому что это невозможно.

Есть мнение: в войну колхозы были спасением. В тех чрезвычайных условиях – да. Но мы не знаем, как бы мы жили, если бы единичное сочетание с коллективным, и исконное крестьянство не было разорено.

Я до 17 лет жила в деревне и не помню, чтобы там работали с радостью и подъёмом. “Общее” не стало “моим” для большинства. И позже, часто бывая у родителей мужа в селе, доводилось вникать в нескончаемые проблемы их жизни. У нас в области было несколько хозяйств (меньше десятка), которые, что называется, гремели, фамилии их руководителей были у всех на слуху. Таковых можно назвать советскими кулаками (в их числе и мой свёкор), сумевшими приспособиться к путаной, порой глупой политике по отношению к селу. Как правило, хозяйства держались, пока их возглавляли эти руководители. А когда они уходили – всё рушилось. И все годы люди покидали и покидали деревню, не желая быть вторым сортом по сравнению с заводскими рабочими, с условиями их жизни и работы.

Сталин, конечно, менялся со временем. И продлись его дни, может, он бы и поправил курс, не распуская вожжей. Но – это из области предположений. Семена, заброшенные в 20–30-е, прорастали ещё долго, и даже после смерти вождя Хрущёв нанёс сельскому хозяйству новый удар.

Зиновьев пишет, что не будь такого перелома в деревне в 30-е годы, не выучились бы дети их большой семьи. Да, такое бывает, по принципу – нет худа без добра. Но ведь и до революции выходили из низов выдающиеся люди. Умные крестьянские дети рождались от умных родителей, которые своих “головастых” отпрысков отпускали учиться или те уходили из семьи сами. Из колхозов-то ведь тоже непросто было вырваться – паспортов на руках не было. Но в моё время тех, кто поступал учиться, отпускали.

Нет для меня удивительного и в том, что мать Зиновьева хранила портрет Сталина. Она была религиозной, а религиозный человек – человек благодарный. В храмах всегда молятся за власть, и она, должно быть, молилась за царя, пока он был. Почему ей не молиться за правителя Сталина? А если её семья, дети выжили в смутное время – это конкретное благо, и она будет благодарна именно этому человеку. Сам-то Зиновьев, когда был антисталинистом, наверняка осуждал свою маму, а когда переменял убеждения, то увидел в случае с портретом подтверждение своим новым взглядам.

Мне удивительно другое. Почему мы так рухнули в 90-е годы? Даже враги не ожидали. Ведь мы все не сомневались в незыблемости советского строя, все работали на социализм. В моём окружении, в родне не было фарцовщиков. Когда-то я возразила Л. Бородину, который рассказывал, что их организация считала невозможным улучшить социализм в советском варианте – его можно только разрушить. А я считаю, мы все улучшали социализм. Работали честно, выступали на собраниях, боролись за качество, пробивали

полезные для производства решения, радовались, если что-то удавалось. Да ведь и в самом деле страна достигла высоких результатов, жаль, что не сколько однобоких. И вдруг всё рушится на глазах! И никакого протеста! Мы пытались отстоять наше Восточно-Сибирское издательство, но руководители почему-то легко кинулись в кооперативы, создаваемые на теле издательства, завели двойную бухгалтерию, коллектив раскололся, несогласные ушли и т. д. Всё остановилось, у меня статья на эту тему в “Сибири”. Но мы – маленькое предприятие. А что наш доблестный рабочий класс? Почему он не встал стеной за свои заводы и фабрики? Как нам говорили югославы в годы натовской бомбёжки: вышел бы на улицы Москвы один миллион человек в знак протеста, и бомбёжки бы прекратились. Не вышел, и за себя не вышли, а могли бы выйти десятки миллионов. За социализм, давшийся такой дорогой ценой!

Я не согласна с Зиновьевым, что СССР был разрушен исключительно извне. Да, Запад не дремал, против нас работали целые институты, наша верхушка соблазнилась, предала страну – всё так. Что же, выходит, враги всё рассчитали и нас победили интеллектуально? А мы – как доверчивые дети? .

Так, но не совсем: всё разваливалось постепенно, на наших глазах. Взять хотя бы производительность труда, которая падала, но доводилась до нужного показателя всякими правдами и неправдами. И многое, многое другое, о чём кричали умные аналитики. Но в ключевой момент сработала всё та же человеческая природа. Причём речь идёт не о природе хищника и хапуги – речь идёт о природе советского человека, воспитанного в бедности и не мечтавшего ни о яхтах, ни о виллах, ни о собственных заводах.

Средний советский класс, а он был уже многочисленным, мечтал о небольшом приработке, добавке к зарплате – всего лишь. Чтобы можно было скопить на кооперативную квартиру для взрослых детей, без напряжения купить машину – для езды на дачный огород! Мебель заменить, не гробя свой отпуск на авральной стройке в “дикой” бригаде, наконец, чтобы не расставаться с любимой, но низкооплачиваемой работой.

Советский человек попался на ваучер, который и должен был осуществить эти чаянья: вложил в предприятие, получил акции, покапали денёжки. И никому в голову не пришло, что прежде надо было, напротив, сброситься всем коллективом, дабы это предприятие сделать реально прибыльным и конкурентоспособным, а потом уже ждать от него дохода. Не было привычки трезво оценивать положение. Ну а дальше за дело взялись дельцы-махинаторы, в руки пошли большие деньги и, как точно выразился народ, у многих снесло крышу. Соблазнились, переродились и иные из числа бывших скромных тружеников. Вспомним, как в розовской пьесе “В поисках радости” юный Табаков рубит мещанскую мебель, а после спектакля говорит о близости к своему герою: “Всё, что ненавистно ему, неприемлемо и для меня” (цитирую по одной из книг о театре), и как теперь Табаков прекрасно вписался в новую рыночную жизнь.

Значит, не обязательно “дело прочно, когда под ним струится кровь”? Великое напряжение сменилось великим откатом назад, и не в 90-е, а куда-то в 20-е. Новый, социалистический, человек не получился. Видимо, новым человеком может быть только робот!

Упование на Сталина – от отчаянья. Родственные выражения: “Дали бы мне в руки автомат – перестрелял бы воров!” и “Сталина поднять – навёл бы порядок!”

Но большевистский метод ампутации всего нецелесообразного для социализма не оправдал себя. Слишком большие людские потери. Мы как-то забываем ещё и о том, сколько качественного народа из старорежимного среднего класса ушло в эмиграцию. Они были бы ой как нелишни! Многие ведь смирились и были готовы принять новую власть. Так, после войны русских харбинцев позвали в Союз – “на целину”, и многие, особенно молодые, поехали напрямик в лагерь. Но те, кто не пропал, стали надёжными работниками в стране Советов – достаточно грамотные, непьющие, они вышли в начальники цехов, мастера, преподаватели и т. д., принесли немалую пользу. Мне иногда звонит бывшая харбинка из Австралии Галина Кучина (урожд. Волегова, дочь белого офицера невысокого чина, из уральского Миасса, происхождение – крестьянское), ей 85 лет. Как она предана русской культуре (много лет вела литературно-театральное общество им. В. Солоухина в Мельбурне),

как негодует на ненавистников России! Говорила, что их русская община радуется возвращению Крыма, переживает за Донбасс. Она больше патриотка, чем иные мои земляки – будто не на другом континенте живёт, а в соседнем доме. Кстати, А. Шахматов, тоже русский австралиец, принёс из зарубежья на нашу землю “Сияние России”, найдя взаимопонимание у Распутина. Вдумайтесь только – это опыт выживания русской культуры в чуждом пространстве! Что, мы уже “проснулись не в своей стране”?

Ампутация – не лечение, а крайняя мера. Сколько проживёт спасённый – неизвестно, сможет ли работать – тоже. Государство, как и человек, – живой организм. Да, большевики пытались нарастить новое тело страны, но... Обрыв, в том числе и на генетическом уровне, долго о себе будет напоминать. Да и времени всегда нет – враждебное окружение не собирается ждать “отдельно взятую страну”, пока она окрепнет.

Но если мы вновь окажемся у роковой черты, и возникнет идея пожертвовать одной частью народа, чтобы сохранить другую, и появится человек, который возьмёт на себя такую ответственность, – значит, Сталин бессмертен. Только это будет продолжением окончания Государства Российского. Ампутировать уже нечего на великих наших пространствах.

А теперь всего несколько слов о Ю. Кузнецове и Вашем труде о нём. Очень и очень сочувствую. После того как Вы по косточкам, по полочкам разобрали-разложили Серебряный век (чем произвели на меня большое впечатление), судьба вывела Вас на защиту, безусловно, большого поэта, но по своему духу близкого именно Серебряному веку. Ведь Вы пишете: поэзия была для него всем. Это верно, и отсюда много чего следует.

Станислав Юрьевич, а не кажется ли Вам, что мы живём в эпоху модерна, начиная с предоктябрьских времён? И что Серебряный век – охватывает не только литературу, искусство, но и другие сферы – политику, например? Вместе с Лениным, Сталиным и т. д. Они – носители экстравагантных идей, а мы, люди консервативного уклада, пытаемся постигнуть непостижимое для нас: дисгармонию, причудливость, извращённость? Вот отчего мы спорим – кого-то защищаем, кого-то нет. Но ведь всё изживает себя, всё кончается, минет и это, а что придёт на смену, мы пока не знаем.

Простите за длинное письмо, за доморощенную философию, поверьте: хотела быть краткой.

С большим уважением, глубоким сочувствием к Вашим трудам и пожеланием встретить юбилей журнала с бодростью и верой в лучшее будущее.

В. А. Семёнова
г. Иркутск

“ЖИВА РУССКАЯ ДУША!”

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

Хочу поделиться с Вами одним своим воспоминанием. В 1971 году покупаю в книжном магазине на улице Кирова в Москве тоненькую книжку в твёрдом голубом переплётё, а страницы серые, явно не офсетные. Николай Рубцов “Зелёные цветы”...

Это было подлинным счастьем! До этого я только в 1968 году в ежегоднике “День поэзии” видел стихи Николая Рубцова. И каково же было моё удивление, когда в конце этого альманаха, в анкете, которую редакция предложила ведущим критикам, самым ярким современным поэтом почти все они назвали Рубцова! Предисловие к “Зелёным цветам” написал Сергей Викулов. Он написал о необыкновенной духовной ранимости поэта, о высокой его духовной организации. Я тогда не знал, что Викулов руководит “Нашим современником”, да и про журнал мало знал. Но я уже прекрасно понимал, что он свой, русский, близкий, настоящий. И я уверен, что “Зелёные цветы” с предисловием Викулова – это лучшая книга поэта, которую он не увидел. За полгода до её выхода поэта убили... Валентин Ермаков, который её составил, действительно отобрал лучшие стихи поэта. А журнал “Наш современник” – это поэтический вдох русского сознания, мышления, символ отеческого мировоззрения и глубокой веры в нашу землю! Я уверен, что “Наш современник” –

прямое продолжение пушкинского “Современника”, в котором наш великий поэт собрал всё лучшее в литературе своего времени, что родила русская земля. Там впервые был напечатан Тютчев, как в “Нашем современнике” впервые был напечатан незабвенный Василий Шукшин. А про Вас, Станислав Юрьевич, я могу сказать, что Вы – мой учитель. Вы написали предисловие к моей первой книге, вышедшей в издательстве “Молодая гвардия” в 1977 году и с тех пор постоянно благожелательно следите за моими духовными исканиями.

Конечно же, ни один значительный русский писатель и поэт не прошёл мимо журнала, более того, многие из них ставят публикацию в журнале выше издания отдельных книг, в этом я много раз убеждался. Журнал Куняева лидирует в отечественной литературе, и пример этому – то, что в его редколлегии вошли такие известные ныне и талантливые писатели, как Сергей Шаргунов и Захар Прилепин, пришедшие на смену нашим незабвенным Василию Белову и Валентину Распутину. Жива русская душа! “Наш современник” продолжает размышлять о России и о русском человеке. Многая ему лета!

Олег Кочетков
г. Москва

СЕРГЕЙ КОРОТКОВ

* * *

Дерзкий прорыв в невозможное.
И горизонт, и причал
Вадим Валерьянович Кожинов,
Хранитель исконных начал.
Была в нём высокая ясность,
Как будто смотришь с горы.
Он сердцем чуял опасность:
Дары разменять на пиры.
Не зря приключилось это
На сборище в ЦДЛ,
Возвысил он слово поэта,
В небесный поставил предел.
Взбесилась враждебная сила,
Заклокотал весь зал,
Ракетю речь его взмыла,
Как русскому духу сигнал.
А рядом, к плечу привычно,
Друг прислонил плечо,
Там за стеной кирпичной
Ахнули: “Горячо!”
Куняеву Станиславу
По праву принадлежит
Журнала бойцовская слава,
И меч на обложке, и щит.
Он выполнит неба задание
И отольются в металл
Куняевские рыдания,
Куняевский идеал.
Телегу таща редакции,
Он сам, как крылатый Пегас.
Защитник великой нации,
В её короне алмаз.
И как тут не вспомнить Белова,
Писателя светлых сил.
Его богатырское слово
Куняев, как знамя, носил.

Тимонихи огонёчки
Крушили словесную мглу.
Беловские ладные строчки
Лампадою в красном углу.
Предстал он пред небом чистым,
Свои предъявляя тома.
И чувства свои, и мысли
В Христовы сложил закрома.
Содружество сих в эпохе
Оставило яркий след...
А нынче болотные блохи
Кусают зубами газет.
Чужие клеветуют – порядок!
Свои-то чего бузят?
Из-за переделкинских грядок
Кликушами голосят.
Оставьте, оставьте раздоры,
Довольно пустой бузы...
Или не слышите хора
Ангельского призыв?
Осталось совсем немного
До наших священных побед.
От грозного русского Бога
Всегда адекватен ответ.
Тогда мы медаль отчеканит
И будем носить на груди.
Кожинов и Куняев,
И надпись: “Всё впереди!”

ИГОРЬ ЯНИН

НЕУДОБНО БЕЗ ПОРТОВ

По беспортью войско оголело.
(В. И. Даль)

Когда “шоковые терапевты” взялись лечить Союз республик от застоя, их старания едва не закончились по дедушке Крылову: “врачам его искусным поручили, а те его...” К счастью, до смерти залечить не успели, но оставили Россию без портов, – как в смысле переносном, так и в самом прямом – в инфраструктурном.

Отвалились порты балтийские – Рига, Вентспилс, Таллин; ушли каспийские – Баку, Красноводск, Актау. Прости-прощай, Одесса-мама. Прощай, Ильичёвский порт, открытый для захода судов круглый год. Порт с причалами, способными принять крупнотоннажные суда – паромы и контейнеровозы неограниченной длины, хоть типа “RoRo” (ролкер, судно-паром с горизонтальным способом погрузки-разгрузки автомобилей, вагонов и других грузов на колёсной базе), хоть “RoLo” (судно смешанного способа погрузки – горизонтального и вертикального, т. е. с помощью крана) с осадкой солидной – до 13 метров, грузоподъемностью до 100 тысяч тонн.

От наших роскошных ганзейских выходов к балтийским волнам осталось “окно”, прорубленное еще Петром Великим. Притих Калининградский порт, сделавшийся по сути островным, зависимым от железнодорожной линии, проходящей через Литву. Осталось кое-что на Каспии, на Азовском море, где под килем отнюдь не желанные семь футов, а всего-то с гулькин нос.

Характерно, что именно в эти уплывшие объекты СССР вкладывал средства, что называется, по потребности. Тот же Рижский порт. Чтобы создать такой же “с чистого листа”, потребовалось бы вложить четыре ВВП Латвии. Что же до Севера и Дальнего Востока, там напрягались рывками, накатами, – не системно, хотя призывов, планов, инициатив и постановлений насчёт прирастания могущества российского Сибирью было много. Но как-то всё откладывалось. Понять можно: холодновато, далековато. Есть же рядом благословенные места...

На Черноморском побережье в единственную оставленную России более или менее удобную бухту Цемесскую (Новороссийскую) корабли набивались, как сельди в бочку. Приходилось срочно углублять судовые подходы, вкладывать огромные средства в сооружение новых грузовых пристаней и терминалов в местах, слабо защищённых от стихии.

Продолжение. Начало в №8 и №9 за 2016 год.

Политические деятели “незалежной” постоянно искали повода, чтобы ущемить Севастопольских “арендаторов”, и выжидали подходящего момента для “окончательного решения вопроса”. Поэтому в Цемесской бухте на всякий случай планировали приютить ещё и базу Черноморского флота. А больше-то и негде.

Новороссийск – место важное, героическое и... неудобное. Частые штормы, внезапно налетающий резкий ветер, – скатывающийся с гор свирепая бора, вынуждающая корабли выходить в открытое море, чтобы там вступать в единоборство с волнами и обледенением. Вся территория Новороссийского порта давно поделена между частными судоходными компаниями, и тяжбы разворачивались скандальные, многотрудные, дорогостоящие. Там же размещён огромный нефтяной терминал. Хорошенькое соседство: гражданские суда, танкеры с нефтью и боевые корабли, обладающие современной огневой мощью, и, естественно, боеприпасами.

А грузы напирали – экспорт-импорт, транзит. Хочешь – не хочешь, вези в чужие порты, плати за перевалку. Стивидорные услуги повсюду не дешевы; портовый бизнес – настоящее золотое дно. И правила там очень жёсткие, особенно в отношении транзитных контейнерных перевозок.

В Российском правительстве с особым вниманием заслушивали доклады и сообщения министра транспорта, постоянно обсуждали проблему развития морского торгового флота и перспективы снижения чересчур накладной зависимости от государств-соседей. С досадой констатировали, что за последние годы Россия вынуждена была перенаправлять большую часть своего экспорта в иностранные порты и попала в зависимость, причём не только транзитную, но и политическую – от стран, где элита настроена в отношении России неприязненно, а то и откровенно враждебно.

Часто бывало, что, скажем, за хранение некоторых грузов соседи брали с наших предприятий по 10 долларов США с тонны при средней рыночной цене 6. Умножая в уме разницу на миллионы тонн, наши перевозчики глотали горькую обиду, но платили. Особенно остро Россия нуждалась в специальных портовых мощностях.

– Следует наверстать наше отставание в перевалке контейнеров, – эти слова звучали едва ли не на каждом заседании кабинета министров. Глава транспортного ведомства Игорь Левитин настаивал на необходимости стимулировать отправку грузов в родные порты, которые способны организовать обработку до двух третей экспортно-импортных грузов, обеспечить экспорт, импорт и пропуск транзитных грузов.

“Это не значит, что надо заставлять предприятия возить свою продукцию только в наши порты, – пояснял министр. – Однако государство должно иметь собственную транспортную политику”.

Не лишне заметить, что, например, в Англии лет 200 действовал усиленный протекционизм, начало которому было положено Навигационным актом, установленным Оливером Кромвелем в 1651 году. Все товары из колоний и в колонии должны были сначала идти в английские гавани и быть перевезены только на британских судах. Это касалось и товаров из России: лес, сало, лён, хлеб и др. могли быть ввозимы только на английских судах. Адам Смит называл Навигационный акт мудрейшим правительственным актом, ввиду того, что он способствовал развитию английской морской торговли в ту эпоху, когда торговля и флот Англии находились в зачаточном состоянии и требовали покровительственных мер.

С достижением первенства в торговле и промышленности, Англия перестала нуждаться в таких мерах. И, как только она сумела превзойти другие страны в промышленно-торговом развитии, выросшем на почве протекционизма, так немедленно объявила чуть ли не вселенским злом попытки других государств защитить интересы своих национальных экономик.

“Это не нормально, когда большинство российских грузов идут через зарубежные порты, – заявил Владимир Путин в Мурманске на выездном заседании Президиума Госсовета. – Наши учреждения, наши порты, наши предприятия пока не отвечают современным требованиям и не соответствуют потребностям экономики. Надо помогать нашим портовикам и судостроителям и рублём, и преференциями”.

Что означало слово “помогать”, присутствующим было ясно. Первый заместитель председателя Правительства РФ Сергей Иванов привел в пример

условия работы заграничных портов. Так, в эстонском порту Силламяэ льготы весьма существенные: НДС – 0, налогообложение – 0, налог на прибыль – 0, таможенные пошлины – 0. А в нашей Усть-Луге НДС – 18%, налог на имущество – 2,2%, налог на прибыль – 24%, таможенные пошлины – 6,5%. О какой конкуренции можно говорить?

Глава Минтранса тут же предложил меру конкретную: временно установить “ноль” налога на имущество для нашей портовой инфраструктуры, чтобы дать возможность портовикам подняться, стать конкурентоспособными. Однако его предложение встретило со стороны Минэкономразвития категорические возражения, которые сводились к одному: мы не готовы.

Тем не менее, в итоге выездного заседания Президиума Госсовета правительству был дан ряд конкретных поручений, направленных на сосредоточение наших финансовых и административных усилий, а также на разработку концепции развития морского транспорта России до 2015-го, а лучше, как было сказано, – до 2020 года.

Кроме того, Владимир Путин предложил создать национальный Арктический совет и потребовал немедленно проработать комплекс мер по развитию наших северных портов.

Мимо проплывают поезда

В связи с вооруженным конфликтом в Абхазии надолго прервалось железнодорожное сообщение России с Грузией, Арменией, Турцией. Разрыв образовался ещё в 1992 году, и по всему было видно, что замиряться там пока не думают. Грузия категорически запретила железнодорожный транзит через Абхазию. А грузы везти надо.

Глава транспортного ведомства России отправился в Тбилиси. Приехал он с пакетом предложений, тщательно проработанных и внятно сформулированных. И вскоре – 10 января 2005 года – газеты наполнились бодрыми сообщениями: премьер-министр Грузии Зураб Жвания и министр транспорта России Игорь Левитин подписали документы об организации прямого паромного железнодорожного сообщения Поти – “Кавказ” (Таманский полуостров).

Достигнутое соглашение устраивало многих. В нормальном транспортном сообщении нуждались не только Грузия и Россия, но и Армения, Азербайджан и страны Центральной Азии, куда поезда проходили через станцию Карс. Премьер-министр Жвания отметил, что существующая дорога функционирует со многими проблемами и препятствиями. Паромная же переправа при её последующем усилении позволит удвоить товарооборот с Россией. Коллеги-транспортники из Армении и Азербайджана также высказали заинтересованность в надёжном транзите своих грузов. И отметили, что сделан верный шаг в направлении интеграции стран.

Однако не прошло и месяца, как в Тбилиси началась полоса загадочных смертей. 6 февраля 2005 года хоронили Зураба Жвания, погибшего, как было объявлено, от “отравления угарным газом”. Звучало нелепо: будто оплошала древняя старушка. За сутки до похорон премьера застрелился из охотничьего ружья сотрудник аппарата президента Грузии Георгий Хелашвили. Глава американской делегации сенатор Ричард Лугар высказался о покойном пышно и загадочно: “Он всегда предпочитал зажечь свечу, нежели произнести проклятье”.

Не стало Жвания; но паромное сообщение было налажено, и уже никто не решился его остановить. Действительно, российские грузы всё успешнее преодолевали и политические, и экономические препоны. Грузовое железнодорожное сообщение между Россией и Грузией возобновилось: поезда поплыли в обход Абхазии. 27 марта 2005 года в грузинский порт Поти прибыл “Анненков” – первый железнодорожный паром из России. На его борту находились 14 вагонов, ибо в первый рейс всегда выходят с ограниченной загрузкой. Всего же “Анненков” вмещает 25 вагонов.

Возникали, правда, и эпизоды, которые поначалу воспринимались настороженно. Так, в порту Поти за “загрязнение моря нефтепродуктами” грузинские пограничники задержали российский сухогруз “Сормовский 116”. Загрязненный пшеницей, он прибыл в Поти 14 ноября 2006 года. “Сегодня представители СБО и службы по охране окружающей среды зафиксировали факт загрязнения сухогрузом моря нефтепродуктами. На сухогрузе 14 членов

экипажа – все граждане России. Владельцам судна (порт приписки – Таганрог) предстоит выплатить штраф в 65 тыс. лари (около 38 тыс. долларов), предусмотренный законами Грузии за подобное нарушение”, – объявили в потийском управлении СБО.

Акция вызвала споры. Но время показало: за три с половиной года грузинские пограничники за нарушения морской границы, правил судоходства, незаконный лов рыбы, загрязнение моря задержали около 60 судов – в основном турецких, украинских и греческих. Так что российских моряков здесь никто особо не выделял.

Наконец, из Тбилиси вышел последний эшелон с техникой и имуществом располагавшегося там гарнизона Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ). Оборудование, по словам заместителя командующего ГРВЗ Владимира Купарадзе, было направлено на 102-ю российскую военную базу в армянском городе Гюмри. Всего, отметил Купарадзе, из тбилисского гарнизона вывезено 387 военнослужащих, около 100 единиц бронетехники, 350 тонн имущества и боеприпасов. Казармы Грузии заполнялись военными инструкторами США.

Между тем, потоки грузов продолжали следовать своими маршрутами. И когда Минтранс России предложил план расширения системы железнодорожно-паромных перевозок на Черном море, никаких возражений не последовало. Для сообщения между Варной (Болгария) и портом “Кавказ” построили первое судно-паром, рассчитанное на 50 железнодорожных вагонов и 70 автомобилей. Была достигнута договорённость с Турцией, Болгарией и Украиной о формировании единой логистической системы для круговых маршрутов.

Основной экспорт нефтепродуктов шёл именно через черноморские порты: Новороссийск (более 40% морского экспорта российской нефти), Туапсе, порт Кавказ. По данным агентства Portnews, по Черному морю осуществлялся экспорт 23% всего российского “черного золота”, 74% казахстанского и 65% нефтяного экспорта Азербайджана.

Развод по-чухонски

На встречу министров транспорта России, Литвы, Польши и Германии Игорь Левитин отправлялся без особого удовольствия. Упрямство прибалтийских коллег, с огромным трудом воспринимавших предложения, в том числе весьма выгодные для них, порой ставило в тупик. В деловых кругах демонстрация “бескорыстного отказа от прибыли” вообще вызывает нехорошие подозрения. Запашок заокеанской политической “кухни” ощущался всё более отчётливо, хотя до раздачи майданных пирожков тогда еще не доходило. Тем более надо было торопиться прочищать транспортные артерии на побережье Балтики; надо было договариваться.

Встреча министров транспорта состоялось 18 февраля 2005 года в уютном курортном городе Светлогорске Калининградской области. Но, видно, недавно этот город задолго до Второй мировой войны носил название Раушен, от немецкого глагола *gauschen* “шуметь, шуршать, рокотать”. Министры искали решения калининградского транзита. Давление на Калининград продолжалось. Накануне совещания Литва собралась опять повесить тарифы на провоз российских грузов. Поговаривали и о том, что затевается какой-то большой и неизвестно какой длительности ремонт литовского участка магистрали.

Отдельные российско-литовские переговоры проходили уже в литовском городе Тракае, известном своим неприступным замком, возведённым на острове посреди озера. Споры кружили вокруг двух вопросов. Россия предлагала скоростной проезд пассажиров (“под ключ”) без остановки на литовском участке пути, а перманентное повышение платы за провоз грузов в порты ей не нравилось. Вильнюс же, напротив, был не заинтересован в упрощении порядка железнодорожного сообщения между Калининградской областью и основной территорией России.

В конце концов, министр транспорта России и глава МИД Литвы Антанас Валионис договорились “о приоритетном развитии сотрудничества морских портов – Калининградского и Клайпедского”. Левитину также удалось доказать резонность отсрочки очередного повышения тарифов. Но транзит получался с каким-то затаённым политическим душком.

“Нет смысла к транспорту подмешивать политику, – по-дружески убеждал литовских партнёров российский министр, – груз всё равно где-нибудь да пройдёт”. Те вежливо улыбаясь и стояли на своём. Казалось, они так и остались в своем Тракайском замке, который, оказавшись вдали от главных торговых путей, потерял сначала военное, экономическое, потом и политическое значение.

Пытаться отсидеться в глухой обороне – худшее, что можно было придумать. Это потеря инициативы. Увы, прибалтийские коллеги-транспортники не желали поверить в то, что занятая ими политика ведёт к тому, что скоро им останется только любоваться с берега проплывающими мимо огромными паромными с поездами на борту.

В конце мая 2005 года из Москвы прибыла мощная поддержка. Литву с визитом посетил министр иностранных дел России Сергей Лавров. Одной из главных тем переговоров был опять-таки калининградский транзит и, в частности, упрощение процедур, с ним связанных.

Говорят, что самая эффективная дипломатия – правдивая; та, что не противоречит здравому смыслу. К сожалению, любая дипломатия бессильна, если партнер не самостоятелен в принятии решений. На границе проводился стопроцентный контроль грузов, и поезда стояли по 10 часов. Правда, сотрудники Таможенного департамента Литвы пообещали, что проверки станут общепринятыми – выборочными. Но нельзя было предугадать, какие директивы они получат завтра. Тем не менее, удалось заключить соглашение о совместном развитии двух морских портов, Калининграда и Клайпеды; принято решение о проводке совместного контейнерного поезда с Клайпеды и с Калининграда, пока на Москву, а затем и на Дальний Восток. Договор о равномерном распределении грузопотоков через российский и литовский порты так и называли – “2К”.

Рано или поздно жизненные интересы берут верх, энергетические потоки неумержимы. “Груз найдёт, где ему пройти”, – повторял Левитин. Но коллеги чуть не на каждом шагу оставались непреклонны, хотя не могли не понимать, что сами вынуждают русских форсировать строительство железнодорожно-паромной переправы Усть-Луга-Калининградская область-Германия.

В январе 2006 года накануне заседания Высшего государственного совета России и Белоруссии Владимир Путин решил лично ознакомиться с тем, как продвигается стройка в Усть-Луге, организованная на основе государственно-частного партнерства. С ним отправились министр транспорта, губернатор Ленинградской области, гости, желавшие посмотреть на строительство в Лужской губе Финского залива – единственный российский порт на Балтике, способный принимать сухогрузы грузоподъемностью до 75 тыс. тонн и обрабатывать нефтеналивные суда грузоподъемностью до 120 тыс. тонн. Там же разместились перерабатывающие и обрабатывающие заводы, девять терминалов, паромный комплекс “Балтийский паром”: Усть-Луга-Балтийск-Германия.

Вторая очередь угольного терминала в морском торговом порту Усть-Луга была введена в эксплуатацию 24 января 2006 года. Фактически порт начал работу месяцем раньше – 23 декабря 2005 года. Мощность комплекса возросла до 4 млн тонн угля в год. Всего же порт Усть-Луга рассчитывали на обработку 35 миллионов тонн грузов в год.

Путин остался доволен увиденным. Но заметил, что мало построить порт, нужно еще и суметь заманить в него перевозчиков. Пока около трети грузов проходило через порты российских соседей, и следовало идти по пути создания наиболее благоприятных условий для работы комплекса в Усть-Луге. “Мы не будем силой загонять сюда грузоперевозчиков”, – предупредил президент.

В августе 2006 года начала действовать паромная железнодорожная система в Усть-Луге. Она связала Калининградскую область с “Большой землёй” – Россией и обеспечивала устойчивое сообщение. Из Усть-Луги паром “Балтийск” доставил 50 вагонов с различными грузами, в том числе новенькие автомобили для моряков Балтийского флота. Трёхбалльный шторм не помешал грузовому парому ошвартоваться в назначенное время. Хотя процедура выгрузки проходила с некоторой задержкой. Специалисты придирчиво проверяли стыковочные механизмы: судно новое, да и причал тоже новый. В Калининграде уже были приготовлены для отправки на “Большую землю” в ремонт военные машины, поскольку через территорию Литвы не всё разрешалось провозить; например, ракеты, боеприпасы, ракетное топливо. Паром

позволил осуществлять грузовые перевозки, минуя границы сопредельных государств – членов НАТО.

Применяемый внутренний российский тариф удешевил перевозки. Паром вмещает около 100 вагонов. Он способен совершать заходы и в литовский порт Клайпеду, а также работать на порты Германии. Судно было приобретено одним из структурных подразделений Минтранса РФ, которое намерено увеличивать число паромов с ростом грузоперевозок.

Ввод линии пришелся на период обострения отношений между Россией и Литвой, которое могло привести к приостановке железнодорожного сообщения. Теперь, даже если бы это и произошло, жизнеспособность региона была полностью обеспечена.

Владимир Путин пожелал успехов новой переправе, подчеркнув, что “речь идет не только об обеспечении национальной безопасности, транспортной безопасности, по крайней мере, но и о новых возможностях, которые возникают в сотрудничестве с соседями, партнерами – Литвой, Германией, Белоруссией. Она создает возможности для развития экономики Калининградской области, устраняет её изоляцию от “Большой России”.

Балтийск–Мукран

18 октября 2006 года была открыта паромная линия Балтийск – Мукран, очень важная для развития транспортных систем России и Германии. Участники церемонии встречали паром, доставивший в Мукран грузы из России, ознакомились с возможностями паромного комплекса, являющегося конечной точкой железнодорожно-паромной переправы стоимостью около 2 млрд долларов. Путешествие в 521 километр паром совершает меньше чем за сутки.

А 5 декабря того же года впервые товарный поезд из Германии в Россию изменил свой привычный маршрут: вместо транзита через Польшу состав отправился из немецкого порта Засниц на железнодорожном пароме по Балтийскому морю в Балтийск Калининградской области.

Этот специализированный паром в состоянии перевезти до 130 железнодорожных вагонов. В перспективе на линии паромов будет семь. На три грузовые палубы вагоны заезжают по колее 1520 мм, что намного сокращает время доставки, так как отпадает необходимость перестановки колесных тележек и прохождения таможенных процедур на территории Польши.

Один из немецких железнодорожников, представитель компании “Дойче Бан Логистик” Ханс-Дитер Штрандт на встрече с руководством Калининградской железной дороги подчеркнул, что идущий через Польшу поезд из Берлина преодолевает расстояние до Москвы за шесть дней, а до Санкт-Петербурга – за семь. Паром же от немецкого до российского берега дойдет за 36 часов. По его мнению, организация “Польские государственные железные дороги”, с которой приходится иметь дело, слишком нерасторопна и забюрократизирована, а вдобавок много времени теряется на таможенных процедурах.

В Польше известие о “новом железнодорожном сообщении соседей” было воспринято, как снег на голову. Варшавская пресса высказывалась даже, что решение о перевозке грузов железнодорожным паромом носит злонамеренный политический характер. Представители РЖД, со своей стороны, заявили, что удивлены такой оценкой. Первый рейс парома из Засниц к берегам России, напротив, следует считать очередным звеном в развитии европейской железнодорожной инфраструктуры.

Собственно, ничего неожиданного и не произошло. Ведь еще “железный рейхсканцлер” Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен предупреждал: “Не надейтесь, что, единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть”.

В течение двух десятилетий только за счет своего транзитного положения “на дороге”, кстати, построенной “советскими оккупантами”, Литва, Латвия и Эстония получали до 30% их ВВП. Это не мешало им “плывать в колодеце”: глумиться над Россией, провоцировать конфликты между Россией и США – ЕС; унижать и всячески изводить русскоязычное население своих стран, предполагая, что им за это никогда не придется отвечать.

Позднее ганзейских железнодорожников и стивидоров несколько утешила возможность заработать на перевозке и разгрузке натовских танков. Может, ещё и назад повезут? А что: металлолом – тоже платный груз.

Находясь в Риге, Игорь Левитин в интервью латвийским журналистам 25 июля 2007 года откровенно предупредил, что Россия намерена прекратить экспорт энергоносителей через зарубежные морские порты. Поток пойдёт, прежде всего, через порты Усть-Луга, Приморск, Высоцк, Калининград, Мурманск. А то, что общий объём потерь сопредельных государств от прекращения российского транзита нефтепродуктов может достигнуть 200 млн долларов в год, так Россия предупреждала, что будет вынуждена переориентировать свои грузопотоки в обход Прибалтики. Цель понятна – максимально снизить свою транзитную зависимость от соседей по постсоветскому пространству.

В порту Усть-Луга под Санкт-Петербургом строятся акватории пусковых перегрузочных комплексов – универсального, удобнейшего, наливных грузов и части угольного терминала, а также автомобильно-железнодорожный паромный комплекс. Этот порт пережил самый стремительный взлёт: по итогам 2013 года он стал вдвое крупнее любого прибалтийского и почти втрое больше порта Одессы, которая в советское время вместе с Новороссийском и Вентспилсом была лидером по грузообороту. То есть, удалось перетянуть примерно 70% постсоветского западного транзита на внутренние порты России. Хотя весьма солидный объём транзита, особенно наливного, у прибалтов ещё остался.

Последствия были предопределены, и они наступали неотвратимо. Так, 6 августа 2007 года правление Эстонской железной дороги (ЭЖД) решило сократить 200 рабочих мест в связи с уменьшением транзитного грузопотока со стороны России. Падение объёмов перевозок в Эстонии произошло даже раньше, чем ожидали. Это связывают с вызывающими, поистине безобразными событиями в Таллине, кощунственным шашаком вокруг Бронзового солдата – памятника погибшим воинам-освободителям.

К сожалению, рассчитывать за “подвиги” правящей элиты приходится простым людям. Первыми под сокращение на ЭЖД попали машинисты локомотивов, их помощники, другие специалисты, связанные с обслуживанием и движением поездов. Но и это лишь одна сторона дела. Проблема затронула не только железнодорожников и портовиков; она охватывает всю экономическую среду Эстонии. От того, что поезда больше не идут, предприятия не могут импортировать или экспортировать товары, не смогут получать сырьё. Малодеятельные линии заведомо убыточны, и если объёмы перевозок снижаются, цены на единицу груза взлетают, и предприятия теряют свою конкурентоспособность.

По словам президента Союза транспортников России Виталия Ефимова, эстонские железные дороги и порты вообще не нужны, поскольку теперь у России есть свои терминалы в Усть-Луге, Приморске, Высоцке. С каждой тонны груза доход транспортников составляет от 5 до 10, а то и до 20 долларов. И если это умножить на 5 млн тонн – неужели нам самим не нужны эти деньги и их стоит отдавать стране, которая высокомерно и столь недружественно себя ведёт по отношению к России? Это была естественная реакция российских бизнесменов на осложнение межгосударственных отношений между нашими странами, ответ на вызывающие эсэсовские парады, на оскорбительную русофобскую пропаганду. Срабатывает тот самый “человеческий фактор”: кому же захочется идти туда, где дорога и гадко?..

14 ноября 2008 года паром доставил из Германии в порт Балтийск первый высокоскоростной электропоезд “Сапсан”. Как сообщил на пресс-конференции и. о. начальника паромного комплекса Калининградского филиала ФГУП “Росморпорт” Руслан Гоголь, паром пересёк Балтийское море менее чем за сутки.

После прохождения таможенных процедур поезд продолжил свой путь на морском пароме “Балтийск” в порт Усть-Луга, чтобы затем уже своим ходом отправиться к месту будущей работы. Чуть позже по этому маршруту прибыли ещё семь высокоскоростных поездов, изготовленных компанией “Сименс” для ОАО “РЖД”. “Сапсаны” выведены на маршруты Москва–Санкт-Петербург и Москва–Нижний Новгород.

Аналогичным образом Россию вынудили вести себя и на юге, – переориентировать потоки грузов с украинских портов на отечественные. После завершения строительства новых терминалов на Тамани туда перейдут российские

грузы (контейнерные и угольные), следовавшие до того через Одессу, Ильичёвск и Николаев. Проектная мощность терминалов – до 100 млн тонн в год.

Из-за Каспия

Совсем по-иному складывались отношения с транспортниками Казахстана. 10 ноября 2006 года из казахстанского порта Актау в российскую Махачкалу отправился в первый рейс железнодорожный паром “Махачкала-1”. Он принял на борт 52 вагона, – зерно и реф-грузы. Время кругового рейса паррома с учетом накатки и выкатки вагонов – 48 часов. Планируемый грузооборот 2 млн тонн в год.

Судно было построено на судостроительной верфи Хорватии. На акваторию Каспия “Махачкалу” проводили путём не близким, но хорошо освоенным – через Средиземное море, Ла-Манш, Балтийское море. Затем махину водоизмещением 5 тысяч тонн, длиной 154 метра и осадкой 5 метров провели по каналу Волго-Балт и далее вниз по матушке, по Волге. Налегке, конечно, и со строгим учетом навигационной обстановки. Строительство этого корабля обошлось порту в 20 миллионов долларов.

В торжественном открытии паромного сообщения приняли участие министр транспорта РФ Игорь Левитин и министр транспорта и коммуникаций Республики Казахстан Серик Ахметов. Главы ведомств подписали Положение о Совете по совместной эксплуатации железнодорожно-паромной переправы, правила перевозок грузов в прямом международном железнодорожно-паромном сообщении, правила эксплуатации, пономерного учета и расчетов за пользование грузовыми вагонами и контейнерами.

Документы серьёзные, событие значительное. Переправа позволила подключить российскую транспортную инфраструктуру к международному транспортному коридору “ТРАСЕКА”, вовлечь порты Каспийского бассейна, более активно использовать железнодорожную сеть Прикаспийских государств, разгрузить автодороги России.

Глава российских транспортников при этом подчеркнул: “Государство создало условия для работы бизнеса, и теперь уже бизнес должен искать возможности для развития и успешной работы этой паромной линии”.

Закон морской, портовый

В январе 2007 года президент России Владимир Путин на очередной встрече с министром транспорта вновь высказал свою озабоченность состоянием портов в России.

“Мы, к сожалению, всё ещё проигрываем в конкуренции в этом секторе экономики, – сказал президент. – Мы должны создать условия лучше, чем у наших конкурентов”.

Игорь Левитин доложил о сдвигах в этой сфере и отметил, что сдерживает развитие не только низкая пропускная способность отечественных портов. Мешает несовершенство законодательства по управлению морскими портами. Не установлен статус и порядок взаимодействия со структурами Ространснадзора. В одном заливе порты торговый, рыбный, – у каждого свои капитаны, свои лоцманы и каждый тянет одеяло на себя.

Особый режим хозяйствования в отдельных портах на важнейших направлениях перевозок позволил бы увеличить грузооборот и поступления в бюджет налогов. Развитию портов долгое время не уделялось достаточно внимания. И там накопился ворох проблем. Так, 78 российских морских портов работают преимущественно на экспорт. А импорт для России и транзит предпочитают разгружать конкуренты из сопредельных стран, в том числе из Латвии, Финляндии.

Отечественные порты отталкивают перевозчиков своей отсталой инфраструктурой, а также затяжными таможенными процедурами. Срок обработки грузов достигает двух недель, тогда как у соседей он составляет 48 часов. Пугают бизнесменов также “серый” бизнес и криминал. По мнению Левитина, целесообразней всего создать особые экономические зоны в портах Новороссийск, Находка и Усть-Луга, а также внедрить режим “свободных” портов, как у зарубежных конкурентов.

Необходимо также урегулировать вопросы земельные, налоговые. В иностранных портах, в отличие от российских, отсутствуют налоги на имущество, в некоторых случаях и НДС на некоторые услуги. Нужны законы предельно понятные. В принципе механизм налоговых и таможенных вопросов согласован, но задержка в оформлении приносит убытки.

Владимиру Путину была уже известна позиция министра транспорта, но он ещё раз внимательно его выслушал.

“Я поговорю с министром юстиции, чтобы они ускорили этот процесс”, – коротко заключил президент.

И сдержал обещание. 20 марта 2007 года Правительство России утвердило законопроект “О морских портах” по докладу И. Е. Левитина. Можно было надеяться, что и в Госдуме проект не залежится. И, действительно, принятый базовый “Закон о морских портах” ввел в правовое русло и многие вопросы аренды федерального имущества в морских портах. Российский портовый комплекс переживал бурный рост, средства в который в основном вкладывал частный бизнес. Пресса с удовлетворением отметила заметный рост объёмов перевалки грузов в морских портах России.

“Морской Фасад”

Небывалое событие отмечено в хронике Санкт-Петербурга: 10 сентября 2008 года к причалу нового пассажирского порта “Морской Фасад” пришвартовался грандиозный итальянский лайнер *Costa Mediterranea* – 17 палуб, 300 метров в длину, 60 метров в высоту. Океанский круизный корабль доставил две тысячи туристов. До этого дня ни один городской причал не принимал, да и не мог принять подобного гиганта. И сдержанные питерцы во весь голос кричали: как жаль, что не может Пётр Великий лично встретить гостей. Морской пассажирский терминал станет одним из крупнейших в мире специализированных морских портов.

“Шагнув в море, мы выполнили нереализованные мечты Петра Первого”, – сказала губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко. По ее словам, морской пассажирский порт Петербурга сможет принимать около 2 миллионов круизных пассажиров в год, принося городу до четверти миллиарда евро.

Для строительства пассажирского порта пришлось намыть в Финском заливе около Васильевского острова новую сушу площадью свыше ста гектаров. Так что амбициозный проект “Морской Фасад” начался с создания новой земной “тверди”. И это, кстати, был первый осуществлённый в Санкт-Петербурге по-настоящему крупный проект государственно-частного партнёрства.

Официальная церемония открытия новых морских ворот Санкт-Петербурга состоялась 27 мая 2011 года, в день 308-летия рождения “северной столицы”. Подарок дорогой и поистине бесценный. Береговая структура порта включает сразу несколько терминалов – круизных и паромных. “Фасад” включён в транспортную инфраструктуру города.

Забегая вперед, отметим, что расчёты вполне оправдались. Только по итогам навигационного сезона 2015 года пассажиропоток городского порта “Морской Фасад” составил почти полмиллиона – 491,8 тысячи человек. Всего порт успел принять уже сотни круизных и паромных судов, многие из них впервые зашли в порт Петербурга.

К тому же “Морской Фасад” сменил статус с пассажирского на грузопассажирский порт. Новый статус позволил принимать грузы с паромов, пояснил президент порта Серик Жусупов. А поскольку там нет тяжелых причалов, на которые можно было бы взгромоздить грузовые краны, “Фасад” принимает только накатные грузы с ролкеров (автомобили, фуры).

Причальные линии “Морского Фасада” способны принять одновременно семь судов. По словам С. Жусупова, в пиковые дни количество операций по обслуживанию пассажиров на вход и выход достигало 55 тысяч. “В отдельные дни количество пассажироопераций порта превышало максимальные показатели аэропорта Пулково, – отметил президент порта. – А Пулково обслуживает до 40–45 тысяч пассажиров в сутки”.

Итак, с осени 2008 года порт “Морской Фасад” начал зарабатывать неплохие деньги и уже подумывает о том, чтобы начать выплачивать дивиденды. А под новый 2009-й год Правительство РФ распорядилось открыть для захода иностранных судов арктический порт Дудинка, находящийся в низовье

Енисей. Морской и одновременно речной порт Дудинка имеет огромное значение как для Красноярского края, так и для судоходства на трассе Северного морского пути.

Наша широкая общественность с некоторым удивлением восприняла тот факт, что Россия опередила СССР по суммарному грузообороту морских портов. Владимир Путин, выступая на Всероссийской конференции транспортников в Новосибирске 8 ноября 2011 года, напомнил, что в советское время максимальная перевалка грузов во всех портах страны составляла 403 млн тонн в год. А в 2010 году грузооборот портов собственно России достиг 526 миллионов тонн.

“Мы фактически отстроили эту инфраструктуру заново, – сказал Владимир Путин. – Заново сделали очень много – на Северо-Западе, на Дальнем Востоке, на Черном море и на Каспии”.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО ФЛОТА

Совещание в сочинской резиденции Бочаров Ручей, состоявшееся 17 декабря 2005 года, пожалуй, можно было бы считать поворотным моментом в решении одной из больших проблем российского морского торгового флота.

В тот день Президент России Владимир Путин встречался с министром транспорта Игорем Левитиным. Разговор шёл о сложившейся совершенно противоестественной ситуации. Сотни российских судов бороздили моря и океаны под иностранными флагами, а когда владельцы этих вольных судов прогорали в бизнесе, или экипажи попадали в ещё какую-нибудь беду, оказывалось, что все они являются гражданами России и выручать их должны российские власти. За державу обидно вдвойне: ни дохода, ни престижа, одни только неприятности. Что же заставило этих парней морячих отказаться от флага отечественного и поднять над кормой экзотическую тряпицу? И к чему ведёт поиск личного счастья в “твёрдой” валюте?

Чтобы понять, как наш торговый флот дошёл до жизни такой, необходимо углубиться в предысторию вопроса. Она относительно недавняя; и в ней густо переплетены как политика, так и экономика.

Но вначале в двух словах о флаге. Многие исследователи не без основания утверждают, что российский государственный флаг – триколор – рождён был именно на корабельной мачте. Можно сказать, из пены морской вышли и флаги ряда других стран, подчас задолго до образования централизованного государства.

В общественном сознании роль основателя российской морской державы и первого судостроителя отведена Петру Великому. Это вполне справедливо как оценка заслуг последнего царя всея Руси и первого Императора Всероссийского (с 1721 года), но хронологически некорректно. В предисловии первого российского Морского устава, написанного лично Петром, говорится: “...у нас намеренное и начатое корабельное строение от Царя Алексия... но Сыну Его Величества Петру Первому... быти автором сего дела. И хотя намерение отеческое не получило конца своего, однакож достойное оно есть вечного прославления; понеже и довольно нам являет, какового духа был оной Монарх, и от начинания того, аки от доброго семени произошло нынешнее дело морское”. То есть сам Петр Великий подчеркивал, что он является не начинателем, но лишь продолжателем дела созидания флота, истинное начало которому положил его отец – Алексей Михайлович Романов.

Действительно, строительство первых морских кораблей в России началось за пять лет до рождения царевича Петра Алексеевича. К 1669 году на реке Оке была построена небольшая эскадра с флагманом – трехмачтовым 22-пушечным фрегатом – “Орлом”. Отряду было предписано охранять от пиратских нападений купеческие караваны, идущие по Каспию и Нижней Волге.

Кораблям понадобились знаки различия – флаги. Они нужны для демонстрации принадлежности и намерений, для оперативного управления, для организации взаимодействия, короче, для обмена самой важной информацией. Сохранился документ от 9 апреля 1668 года, где говорится об отпуске для

строящихся судов значительного количества полотна белого, синего и красного цветов. Первый государственный флаг России был изготовлен из трёх горизонтальных полос с нашитым поверх белой двойной ширины полосы двуглавым орлом, дабы не путали с голландским. Местом его рождения является село Дединово под Коломной, где находилась верфь. Учрежденный же Петром 11 декабря 1699 года флаг Андреевский стал символом чести и доблести Российской военно-морской флоту.

Поскольку пути сообщения с Дальним Востоком через всю Сибирь, Якутию, Приморье были чрезвычайно трудны, дороги и длительны, русским военным флотом предпринимались дальние и сверхдальние экспедиции. Только кругосветных плаваний (под парусами!) за период 1803–1849 гг. было совершено 36. Некоторые командиры прославились тем, что успешно провели по две, даже по три кругосветки.

Русские моряки исследовали многие ранее неизвестные уголки планеты, давали названия открытым новым землям и устанавливали знак принадлежности – российский флаг. В особых случаях сразу два флага: Андреевский, если открытие совершено военными моряками, и трёхцветный государственный, утверждавший, что отныне новая земля принадлежит России. Но подобный шаг сопровождался особой ответственностью. Так, отважный мореплаватель, капитан 2-го ранга Геннадий Невельской, открывший пролив между материком и Сахалином, едва не был разжалован в матросы с лишением всех прав состояния за то, что, “противу инструкций”, основал в устье Амура Николаевский пост (ныне город Николаевск-на-Амуре) и поднял над ним российский флаг.

Канцлер Российской империи, известный англоман граф Карл Нессельроде расценил эти действия как “самовольные и преступные”. Он опасался вызвать неудовольствие Европы, прежде всего Англии, и предлагал признать амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда. Однако император Николай I, выслушав доклад генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева, назвал поступок Невельского “молодецким, благородным и патриотическим”, наградив капитана орденом Св. Владимира. На обвинительном докладе Особого Комитета, в котором предлагалось Николаевский пост закрыть, а виновника подвергнуть суровой каре, самодержец наложил резолюцию, ставшую знаменитой: “Где поднят русский флаг, там он спускаться не должен”.

В развитии военно-морских сил России, а в последующем и всей морской деятельности, большую роль должен был сыграть “Закон о флоте”, утвержденный императором Николаем II в феврале 1912 года. Закон был направлен на преодоление сугубо континентальных взглядов, мешавших развитию морской деятельности. Была утверждена обширная судостроительная программа вплоть до 1930 года. Характерно положение, содержащееся в преамбуле этого закона, – оно прямо-таки дышит жаром неостывшей полемики: “Желание заменить флот чем-нибудь более дешевым есть хроническое явление у всех сухопутно-настроенных народов... Оно происходит, главным образом, от недопонимания огромной важности морской силы”.

Революционные потрясения 1917 года изменили весь жизненный уклад, и вместе с ним государственную символику. Если Андреевский флаг еще появлялся в кинофильмах, посвященных подвигам русских моряков, то изображения триколора можно было увидеть только в музеях.

И ещё в городе Красноярске. Там у здания Енисейского речного пароходства застыл на вечной стоянке “Святитель Николай”, грузопассажирское судно, на котором весной 1897 года В. Ульянов (Ленин), Г. Кржижановский и В. Старков ехали в ссылку. А несколько раньше, чем ссыльные, 1 июля 1891 года на этом самом пароходе от села Берёзовского вниз по Енисею в Красноярск проследовал цесаревич Николай Александрович (будущий император России), возвращавшийся из путешествия на Восток. Это был самый комфортабельный и быстроходный на Енисее пароход, построенный, кстати, в 1886 году на отечественной верфи – в Тюмени. Принадлежал “Св. Николай” золотопромышленнику и знаменитому исследователю Севера Александру Сибирякову.

До наших времен пароход сохранился каким-то чудом. В 1920 году он был переименован в “Красноармейца”, в 1921-м назывался “Фридрих Энгельс”. В 1927-м с него сняли надстройку и приспособили под баржу с именем “Туба”, наконец, числили просто под заштатным номером – “318”. В 1960 году

изношенный до предела корпус парохода речники отвели в Подтесовский затон, на кладбище кораблей. Но на металлолом не разрезали. Енисейские речные волки помнили, что это тот самый “Св. Николай”.

К столетию вождя пролетариата пароход вернули с кладбища кораблей, восстановили всё, что могли, и создали корабль-музей под первоначальным именем. С 1970 года у него на корме развеялся на ветру державный триколор, привлекая внимание публики необычной расцветкой и своей яркой красотой. Всё-таки недаром моряки-бодряки говорят: корма важнее носа. Эскурсоводы, словно оправдываясь, называли флаг “коммерческим”. Надо сказать, этот флаг спас ценнейший натуральный исторический экспонат и при очередной эпидемии вандализма, охватившей Россию уже в начале 90-х. Есть забава на Руси – уничтожать памятники, низвергать идолов, перед которыми еще вчера отбивали поклоны, лба своего не щадя. “Св. Николай” остался чуть не единственным сохранившимся в России пароходом из XIX века.

В нашем, в XXI веке звание морского государства определяют два критерия: наличие портов с высокой пропускной способностью и мощный флот. Звание почетное, и его надо заслужить. По данным отдела статистики и экономического анализа Морской администрации США, мировой морской торговый флот насчитывает 269 тысяч судов общим дедвейтом 720 млн тонн (дедвейт – разность между полным водоизмещением судна и водоизмещением порожним). По подсчётам же авторитетной Lloyd’s Marine Intelligence, 75% мировой торговли осуществляется морским путем, в то время как на долю железной дороги приходится 16%, на трубопроводные системы – 9% и воздушные перевозки – 0,3%. Себестоимость грузоперевозок водным транспортом на 10–15% ниже по сравнению с железнодорожными и на 40% дешевле автомобильного транспорта.

Россия приплыла к новейшему времени в удручающем состоянии. В СССР в 1990 году было около 1800 крупных морских грузовых судов общим дедвейтом 22,4 млн тонн. Советский морской флот считался одним из самых современных; во всяком случае, он успешно конкурировал с флотами развитых государств. При разводе и разделе имущества между союзными республиками Российская Федерация не жадничала – взяла на себя все долги “братских республик” и только 44% судов морского флота суммарным дедвейтом 10,8 млн тонн.

Легко догадаться, что воспарившие духом национальные лидеры первым делом взялись за переименования. Хотя моряки, авиаторы, вообще профессионалы-перевозчики всегда призывали отнестись к отечественной истории, к национальным традициям если не уважительней, то хотя бы аккуратней. По давнему поверью, судно, сменившее название, преследуют неудачи. Как правило, дело тут не ограничивается весьма чувствительными затратами; неизбежно возникает путаница, чреватая грубыми ошибками. А со стихией шутки плохи.

Впрочем, в ходе увлекательного процесса “самоочищения” возникали ситуации не только драматические, но и комические. Так, в советские времена к Рижскому порту было приписано учебное судно с романтическим названием “Призвание”. Судно проекта Атлантик 764, построенное на верфи Штральзунда (ГДР). Вполне удачный кораблик – в нём 80 мест для курсантов, учебный класс; есть всё, что надо для освоения на практике судовождения, рыболовства и обработки продукции.

С обретением независимости латыши доставшиеся им суда переименовали на свой лад. Был “Есенин” стал “Есенинс”. “Призвание” перевели на латышский как “Айцинаюмс”. Казалось, русскоязычному матросу это словечко ни за что не выговорить. Курсанты, однако, мгновенно приспособились, и название судна “Айцинаюмс” вылетало у них без малейшей запинки. Глазом не моргнув, произносили бодрой скороговоркой: “Яйцананос”.

А в России и судоходство, и судостроение вскоре сделались крайне непривлекательными сферами, где если и происходили перемены, то почти сплошь негативные. Никто вроде бы и не кричал: “Сарынь на кичку!”. Только куда-то вдруг исчезло добро, нажитое трудами многих поколений. Уже к 2000 году от флота осталось мало что осталось. Протяженность судоходных путей сократилась почти в полтора раза, внутренний водный транспорт снизил грузооборот вчетверо, а пассажирооборот в 6 раз. 70% морского транспортного флота, контролируемого россиянами, перешло под иностранные флаги. Флот уплывал, с ним уплывали и доходы государства.

Справедливости ради надо отметить, что эта довольно циничная практика широко применялась в Европе, приобретая глобальный характер, и наши реформаторы тут не придумали ничего нового. На рынке морских транспортных услуг, где работали российские суда, значительная часть мирового флота регистрировалась под “удобными” флагами – в Панаме, Либерии, на Багамах, на Мальте, где только можно. В любой стране наличие собственного флота означает большую экономию расходов валюты на фрахт, так как при экспорте сырья транспортные издержки повышают на 20–40% цену товара, а средняя их доля 10–15%. Не случайно собственным морским флотом обзавелись даже сугубо “континентальные” страны, такие как Австрия, Швейцария, Венгрия и др.

Догадалась создать свой судовой регистр и Монголия; быстро нарастив число судов под своим флагом. Великий государственный хурал (парламент) в 2007 году принял закон о морских перевозках, объявив Улан-Батор официальным портом приписки судов. Вначале моряки таращили глаза на такие географические новости, потом привыкли. В последнее время утвердилось понятие “сухой порт”, но это уже из области логистики, и к фиговым “либерийским” листкам отношения не имеет.

Владельцы таких судов вместо многочисленных налогов обычно платят лишь заловый сбор за регистрацию (в зависимости от вместимости судна) и ежегодные сборы за подтверждение регистрации. Наши нефтяные олигархи предпочитали фрахтовать самые дешевые суда под “либерийским” флагом. А либеральная пресса подбадривала, что-де “иного не дано”, что это и есть передовая мировая практика. Запретить уход судов под “удобный” флаг оказалось невозможно.

На 18 октября 2004 года, по данным Минтранса, из 1000 принадлежащих российским компаниям судов под отечественным флагом внешнеторговые перевозки осуществляли около 200. Причём под российским флагом оставались не самые лучшие корабли, и осуществляли они всего-навсего около 6% грузооборота.

Объяснялось это просто. Чтобы плавать под российским флагом, нужно было заплатить бешеные деньги. Такая поражающая своей нерасчётливостью “фискальная” политика Минфина РФ вела к тому, что теряло всякий смысл как строительство судов на отечественных верфях, так и покупка готовых за рубежом. При регистрации в России судов, приобретенных за рубежом, судоходные компании вынуждены были одновременно оплачивать налоговые и таможенные сборы, которые достигали 24,5% от стоимости судна. В итоге из 211 судов, построенных для российских судовладельцев в 1992–2004 годах, более 90% подняли иностранный флаг панамской компании Columbus Holding & Enterprises One S. Монетаристская доктрина практически выталкивала отечественный торговый флот за ворота. Россия вплотную приблизилась к критическому рубежу утраты своего традиционного статуса морской державы.

Ходить под иностранным флагом – непатриотично, зато относительно дешево и, что немаловажно, избавляло от необходимости иметь дело с нашими чиновниками, с глубоко бюрократизированной системой. Зарегистрировать судно в российском реестре было делом не только накладным, но и крайне изнурительным.

В странах, торговавших “удобным” флагом, – Либерии, Панаме, Белизе, Вьетнаме и др. максимальное время, которое нужно было потратить при регистрации, составляло не более 5–6 рабочих дней. В России владелец судна должен был его растаможить и заплатить пошлину в размере 24 процентов от стоимости корабля. И чуть не на каждом этапе надо было “смазывать” скрипучий механизм: у всякого чина возникала своя причина. По итогам, например, 25–30-дневных проверок ГРЧЦ (Главный радиочастотный центр) выдавал уникальный радиопозывной судна, что в большинстве стран является рутинной процедурой, не занимающей более одного дня. После этого судовладелец должен внести свой корабль в Российский морской регистр судоходства, и это тоже занимало еще около 25–30 дней.

Но за дешевизну флага расплачиваться приходилось подчас еще дороже. Суда и моряки лишались поддержки со стороны родного государства. Конечно, всем терпящим бедствие на воде помощь оказывается без разбора – таков морской закон. Но тонут люди и на суше. По международным законам оказать помощь попавшему в неприятность судну под иностранным флагом

Россия не может. Максимум – это консульская или гуманитарная помощь экипажу. Экономические споры тут должен решать арендатор судна или его владелец. В итоге каждый год в портах мира подвергались аресту десятки российских судов, плававших под экзотическими флагами. Экипажи оказывались брошенными в чужой иноязычной стране, вдали от родины, зачастую без средств к существованию. Не раз только личное вмешательство высших лиц государства выручало наших соотечественников и от суммы, и от тюрьмы. А это означало, что официальным лицам в той или иной форме приходится просить у чужих властей “войти в положение, сделать одолжение” и т.п. А долг, как известно, платежом красен.

Между тем, ситуация в мире менялась. В конце 90-х, в начале “нулевых” годов стала проявляться иная тенденция. Ведущие мировые державы предпринимали попытки вернуть торговый флот под свою юрисдикцию. Основной причиной считается одна – если вернуть суда под флаги тех стран, чьими гражданами являются владельцы этих судов, судоходство станет безопаснее, как в плане надёжности мореплавания, так и безопасности от террористов и преступности.

Промышленно развитые страны стали искать пути борьбы с возрастающими рисками, и, чтобы сохранять флот под национальными флагами, создавали параллельно с обычными реестрами специальные международные реестры, обеспечивающие судовладельцам налоговые, юридические, организационные и иные преференции. Международные судовые реестры – так называемые “вторые” (параллельные) реестры – были призваны помочь судовладельцам сократить затраты, повысить конкурентоспособность на мировом фрахтовом рынке и соответственно противодействовать утечке национального тоннажа под “удобные” флаги.

В результате доли национального флота, зарегистрированного в своих международных реестрах, возрастали, и только убеждённый либерал премьер-министр Михаил Касьянов упорно, как заклинания, повторял соросовские сказки про всепобеждающий глобализм, “невидимую руку рынка” и о пользе невмешательства государства (имея в виду российское) в экономику.

Президент Владимир Путин подверг резкой критике политику правительства в области морского транспорта. Был принят ряд административных мер, и, по сравнению с провальными 90-ми годами, перевалка грузов в портах России возросла, удалось реально устранить угрозу транспортной зависимости страны. Впрочем, выяснилось, что для “улучшения” статистической картины чиновники вносили в морские списки и десятки речных судов. В конце концов Михаил Касьянов был отправлен в отставку. Но Россия – страна огромная и, подобно суперлайнеру, на изменение курса реагирует не сразу. Движение по линии “невмешательства государства” продолжалось по инерции ещё какое-то время. Тем более что разумные “правила игры” еще не были отработаны. Несовершенство системы налогообложения, сборов, обслуживания, таможенного контроля сказывалось на каждом шагу.

С целью преодоления негативных тенденций в развитии морского транспорта был принят ряд программных документов, в частности Федеральная целевая программа “Мировой океан”, “Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года”, новый Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации, Федеральная целевая программа “Модернизация транспортной системы России” и другие. Существовала, однако, опасность, что эти документы могут остаться чисто декларативными.

Назначенный на пост главы транспортного ведомства в кабинете министров правительства Михаила Фрадкова Игорь Левитин, полагал, что ключом к решению проблемы может послужить создание в России своего национального международного реестра судов. И уже в начале ноября 2004 года в правительство был направлен законопроект о реестре, – проект поправок к Налоговому кодексу для создания Российского международного реестра.

Законопроект предусматривал для компаний, которые регистрируют внешнеторговые суда в России, ряд существенных льгот, в том числе налоговых. Такой манёвр должен был вернуть под российский флаг до 750 судов. И дело тут не только и не столько в “демонстрации флага” ради престижа. По расчетам Минтранса, ежегодные поступления в казну должны были повыситься почти в 5 раз.

Однако Минфин (главой ведомства в 2000–2011 гг. был Алексей Кудрин) занял резко отрицательную позицию по этому вопросу. Министр транспорта назвал эту позицию ошибочной и даже странной. Ведь обстоятельства складывались таким образом, что Россия, в конце концов, могла вовсе лишиться своего торгового флота.

В декабре 2004 года была, наконец, достигнута договоренность между Минтрансом и Минфином, и спорный законопроект направили в Госдуму. Судовладельцы внимательно следили за ходом дискуссии и прохождением законопроекта в Государственной Думе в надежде, что, когда закон вступит в силу, их суда смогут без ущерба для своего бизнеса вернуться под российский флаг.

Как раз во время обсуждения этого вопроса в резиденции Бочаров Ручей Владимир Путин и пообещал морякам поддержку.

“Мы должны создавать все условия для перехода судов под российский флаг”, – заключил президент. Действительно, если мы сами не станем защищать свое достояние, тогда кто же о нас позаботится?

И дело сдвинулось с мертвой точки. Закон был принят, хотя и в сильно урезанном виде, можно даже сказать, в варианте, изученном оговорками. И все же это был шаг в направлении обеспечения льготного налогового режима при регистрации судов под российским флагом, к разумному протекционизму и созданию благоприятных экономических условий для выхода отечественного торгового флота из кризисного состояния.

27 октября 2006 года первое российское судно зарегистрировалось в международном отечественном реестре. Это оказался сухогруз “Елена Б” (балкер, построенный в Болгарии в 1978 г.), дедвейтом 24,2 тысячи тонн. Судовладелец “болгарки” российско-германская компания Svemir Shipping. Её генеральный директор Юрий Мусиенко подтвердил в печати, что балкер вошел в Российский международный морской реестр под номером 1. Балкер (англ. bulker, bulk – навалочный груз), – судно для перевозки грузов насыпью, обычно сухих, таких как, зерно, руда, уголь, цемент и др.

Весть о первенце реестра – “Елене Б” у питерских портовиков вызвало ухмылку: знаем, знаем... Известность этого балкера была связана с неловкостью. Вечером 24 сентября 2003 года в процессе откачки балластных вод “Елена Б” как-то произвольно напустила в акваторию тонны полторы мазута. Были и скандал, и очистка “зеркала” Морского порта Санкт-Петербурга. Тогдашний судовладелец – компания государства Сент-Винсент, что на Карибах, выплатил крупный штраф. Хотя, возможно, пройдет время, конфузия позабудется, и подъем триколора на этой “болгарке” будет отмечаться как поворотная дата в истории российского морского бизнеса.

Ну, а море, как поётся в песнях, останется морем. И, “как ни шути, волнений больше – ведь ты уже не на земле”. Несмотря на технический прогресс, на то, что появились крепкие суда, довольно точные гидрометеорологические прогнозы, действует космическая навигация, морские странствия связаны с повышенным риском.

Моряки, “родные братья морской волны”, склонны равно и к юмору, и к суеверию. Дурными знаками у них считаются, например, такие: аист сел на мачту, рында “сама” звякнула и т.п. Про то, что появление женщины на корабле не приветствуется, известно всем. Но если на борту женщина беременная или ребенок – это, напротив, – к удаче. А уж если во время плавания родится младенец – это самое счастливое знамение на всю дальнейшую судьбу корабля и его экипажа.

Труд моряков мало сказать напряженный; он требует изрядного мужества, осмотрительности круглые сутки и столь же постоянной бодрости духа. И русские моряки с давних времён пользуются заслуженным авторитетом среди морского братства, под каким бы флагом они ни ходили.

Вот только несколько эпизодов беспокойной и крайне пёстрой жизни российского торгового флота.

4 марта 2006 года министру транспорта России сообщили: теплоход “Барселона” выброшен на мель внезапно налетевшим ураганным ветром. – Чьё судно? – Под флагом Мальты. – Какие меры приняты? – “Барселону” (судно водоизмещением 6000 тонн и длиной 116 метров) будем тащить в Цемесскую бухту. Там уже сидит на камнях еще один теплоход – “Ибрагим-Р” (под флагом Камбоджи). На обоих экипажи – граждане Турции. Благодаря

четкой работе российских спасателей и водолазов всех выручили, никто не пострадал.

24 января 2007 года в Восточно-Китайском море года затонул “Нобель” (под флагом Камбоджи). Сухогруз шел с партией леса из порта Ванино Хабаровского края в китайский порт Нимбо. Экипаж “Нобеля” принят на борт китайского судна. Все 19 членов экипажа, в том числе две женщины – граждане России. Утром “Нобель” затонул. Кто теперь должен о людях позаботиться? Камбоджа, Пномпень? Нет, потерпевшие неудачу пойдут туда, где развевается триколор, означающий консульство России: помогите, братцы. . .

Давно прошли времена, когда иной разгулявшийся буян в ответ на упрёки, увещевания мог и покуражиться: “А ты, консул, меня р-р-родиной не пугай!..” Ныне скромно себя ведут, потому что на дерзость можно услышать: “Свободен!”. В смысле – освободи помещение, иди, куда хочешь. А хочется – то домой. Значит, веди себя, как приличествует сыну Отечества.

Осенью 2007 года на Азовском и Черном морях разразился 6-7-балльный шторм. Оттуда в Минтранс прилетали вести, напоминающие фронтовые сводки. Волны ломали одно за другим суда типа “река-море”, бросали их на мели, топили. За один день затонули четыре судна, еще шесть сели на мели. Получили повреждения два танкера, одна баржа находилась в дрейфе. У мыса Желтый Рог шторм переломил пополам танкер “Волгофть-139”. Команда закрылась в кормовой надстройке, которая начала дрейфовать по воле волн, в то время как носовая часть танкера осталась на якоре. Пошли ко дну сухогрузы “Вольногорск-Балкер”, “Нахичевань” и “Коваль”, груженные серой. Просто Цусима какая-то.

Из Новороссийска сообщили: там сели на мель сразу два корабля – один под флагом греческим, другой – под турецким. Ночью вблизи Севастополя затонуло российское судно “Измаил” с грузом металла на борту. Близ Судак на берег выброшен еще один российский сухогруз – “Вера Волошина”. К вечеру сухогруз “Ковель” напоролся на затонувший ранее “Вольногорск” и, получив пробоину, сам пошел ко дну. Экипаж удалось эвакуировать. 20 января 2008 года не вышел на связь грузовой теплоход “Капитан Усков” (под флагом Камбоджи), с российским экипажем из семнадцати человек. Шел он из Находки в Гонконг. К поискам были привлечены теплоходы “Владивосток”, “Капитан Любченко” и “Треjder”.

19 декабря 2009 года в районе Сочи во время шторма на пляж выброшено судно “Арас-1” (под флагом Молдовы), на котором экипаж 13 человек: девять граждан Украины и четыре россиянина. Вся команда спасена. Но судно восстановлению не подлежит; оно переломилось пополам. 11 октября 2010 года в районе Керченского полуострова возле мыса Кыз-Аул затонуло судно “Василий” (под флагом Монголии).

12 декабря 2010 года проведена эвакуация российских моряков с теплохода “Любовь Орлова” (под флагом Островов Кука). Лайнер был арестован за долги на сумму \$251,4 тысячи. Экипаж обратился к посольству России в Канаде с просьбой содействовать возвращению на Родину. Судно было продано с молотка торговцу металлоломом. Во время буксировки трос оборвался, и “Любовь Орлова” потерялась в волнах. 22 февраля 2013 года Агентство геопрограммной разведки США (NGA) обнаружило в двух тысячах километрах от западного побережья Ирландии пропавшую “Орлову”. Оказалось, что она превратилась в “Летучею голландца” и дрейфовала по Атлантике сама по себе – без экипажа и оповестительных огней.

Сомнения в выгоде хождения под “удобным” флагом возросли и в связи с неожиданно возродившимся самым чёрным морским промыслом – пиратством. Особенно часто пираты стали совершать нападения на суда торгового флота в зонах Сомали и Гонконга. В 2007 году бандитами были похищены 18 судов, в заложниках у них побывали 292 моряка.

1 февраля 2008 года в Аденском заливе был захвачен морскими разбойниками буксир ледового класса “Свицер Корсаков” (под флагом Сент-Винсент и Гренадины), когда следовал из Петербурга в порт Корсаков (остров Сахалин). На его борту два англичанина и четыре россиянина. 18 марта 2008 года пираты освободили буксир с россиянами на борту за выкуп в \$700 тысяч. Дошло до того, что 21 февраля 2008 года Совет Безопасности ООН призвал государства защитить суда от нападения пиратов в территориальных водах Сомали.

21 января 2009 года Государственное научно-производственное предприятие “Базальт” получило первую зарубежную заявку на оснащение специальным вооружением гражданских судов для борьбы с морскими пиратами. Оставив разговоры о толерантности и прочих европейских ценностях, судовладельцы пожелали приобрести более убедительные защитные средства – от гидравлических и акустических пушек до “калашей” и гранатомётов. В том числе морские противодиверсионные гранатомёты типа “Непрядвы”, у которых при выстреле из стволов не вырывается реактивная струя, поэтому огонь можно вести хоть из каюты через иллюминатор.

30 ноября 2009 года в нигерийском порту Лагос пираты напали на теплоход “Силверетта” (под флагом Швейцарии – тоже, как известно, “морская держава”), с российско-украинским экипажем на борту. Бандиты ограбили судно, избивли членов экипажа. В результате девять моряков получили серьезные ранения, был опустошен сейф капитана, украдены личные вещи моряков, на навигационном мостике уничтожены все средства связи.

5 мая 2010 года сомалийские пираты захватили танкер “Московский университет” в 350 километрах от побережья Сомали в Аденском заливе. На борту судна находились 23 моряка, а также груз – 86 тысяч тонн нефти. На помощь либерийскому флагу поспешил флаг Андреевский – боевой корабль “Маршал Шапошников”. С его борта был направлен вертолёт, который бандиты встретили огнём. Ответ был жёсткий. Танкер освобожден, из экипажа никто не пострадал.

Итак, чтобы вернуть отечественный торговый флот под российскую юрисдикцию, были снижены налоги для судоходных компаний. Судовладельцы, которые регистрировали суда в Российском морском регистре судоходства (РМСР), перестали платить сразу пять налогов: на имущество и прибыль от эксплуатации судна, транспортный налог, НДС при ввозе судна в Россию, его создании или покупке здесь (при условии постановки на учет в РМСР). Формально налоговая нагрузка была снижена в два раза, что должно было сократить затраты на эксплуатацию судов.

Однако фискальная завеса оставалась. В законе было расставлено много ловушек, так называемых “юридических крючков”, оговорок, исключаящих эти самые налоговые льготы. И в большинстве своём судовладельцы не клюнули на приманку. Негативная тенденция ухода флота под иностранные флаги продолжалась. Из 24 построенных в России морских судов в 2009 году лишь три получили российский флаг.

В 2011 году был принят еще один закон, в котором хитрые ограничения были устранены. И в итоге создание Российского международного реестра судов (РМРС) явилось, наконец, действенной мерой привлечения в национальную юрисдикцию судов, принадлежащих отечественным судовладельцам. Что весьма обнадеживает.

Важную роль в развитии водных сообщений сыграли и договоренности, достигнутые в ходе саммитов прикаспийских государств – Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана. В частности, удалось выйти на четкие формулировки о разграничении водных пространств, дна и недр, о режиме судоходства и рыболовства этого уникального “средиземного” моря-озера.

“Весьма значимым является положение о том, что большая часть акватории Каспия останется в общем пользовании сторон”, – заявил президент России. По его словам, благодаря этому, исключаются “недоразумения” и напряженность в межгосударственных отношениях, которые раньше могли появляться по причине разного толкования режима каспийских вод.

После тщательной проработки проблем была подписана декларация, в которой согласованы общие подходы к выработке Конвенции о правовом статусе Каспия. В декларации заявлено, что в Каспийском море могут плавать суда исключительно под флагами прикаспийских стран.

Был закреплен один из основополагающих принципов для обеспечения стабильности и безопасности. Право пребывания на Каспийском море вооруженных сил исключительно прибрежных стран остается неизменным. “Такой режим сложился здесь исторически. И мы не собираемся его менять”, – сказал Путин.

Постепенно морской транспорт России начинает выходить из кризисного состояния. Стрелка “погодника” – морского экономического барометра России – сдвинулась, наконец, в сторону “Ясно”.

ДАЛЬНИЙ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Тот, кому доводилось в предрассветный час встречать гостей в аэропорту, скажет с уверенностью: в такую пору настроение бодрым не бывает. И ошибётся. 29 января 2007 года на военном аэродроме “Кневичи” региональные лидеры Дальнего Востока ожидали прибытия самолета Президента России, и ни у кого не было сна ни в одном глазу. Владимир Путин летел к ним во Владивосток из тропической Индии, сделав крюк в 14 тысяч километров по пути в Москву. Совещание он назначил на 6.30 утра по местному времени. За одну неделю непрерывных поездок президент и сопровождающие его лица провели в небе до 40 летных часов, преодолев 26 тысяч километров. И мысль о том, что неспроста предпринят столь изнурительный марафон, укрепляла уверенность: назревают решения, которые коренным образом повлияют на жизнь города и всего региона. И, естественно, они отразятся на судьбе тех, кому предстоит осуществлять эти замыслы.

В жизни человека бывают моменты, которые психологи называют моментом объективации, проще говоря, минуты просветления. Это когда вдруг случается отрешиться от суетности бытия, вынырнуть из потока неотложных забот, и возникает желание глубже осознать реальность происходящего; в конце концов, спросить самого себя: “Куда вас, сударь, к черту занесло?..”

И как вообще матушка-Россия оказалась вдали от родных осин, в тесном соседстве с Кореей – “страной утренней свежести” и непостижимо великим Китаем? Каким ветром её сюда пригнало? Здесь другой климат, другая земля, другая флора-фауна. Геология, геоморфология, климат – всё по-другому на границе Тихого океана и самого крупного из континентов. Хоть похоже на Россию, только вовсе не Россия. Здесь лианы обвивают ели, и березы на выбор: белая, чёрная, желтая, железная, которая по твёрдости не уступает самшиту. Здесь тигр охотится на оленя, прячась среди растений редких пород – ореха маньчжурского, бархата амурского, папоротников, элеутерококка, женьшеня...

И климат странный. Владивосток расположен южнее Сочи; по количеству солнечного тепла Приморье не уступает Черноморскому побережью. А вот холодно, – по среднемесячной температуре января Владивосток числится наравне с Москвой. Правда, в Приморье не бывает сильных и затяжных морозов. Здесь дыхание Великого океана не даёт сосредоточиться Восточносибирскому антициклону, лютующему в глубине континента. Летние и осенние муссоны с тайфунами, способными не только разрушить дома, мосты и дороги, но изменять сам ландшафт. И во время этих наводнений первое, чем надо помогать потерпевшим – питьевой водой, а потом уже едой и одеждой.

По времени поясному разница с Москвой – плюс 7 часов. Некоторые встречавшие президентский самолет, из числа недавно прибывших москвичей, поглядывали на циферблат и прикидывали: в Москве и в Питере, наверное, уже уgomонились, и понемногу укладываются спать. Слыша разговор об этом, приморцы взялись уточнять в своих, в штурманских терминах. Сумерки, говорят, бывают разные. В Европе, сказали они, уже миновали сумерки гражданские – это когда солнце ушло за горизонт, но еще достаточно светло, чтобы работать вне помещения без искусственного освещения. Сейчас там у вас идут к концу сумерки навигационные – в это время на воде всё еще заметна линия горизонта. После чего наступят сумерки астрономические, когда Солнце полностью прекращает быть источником света и становятся всё виднее малые (ночные) звёзды. А здесь, у нас близится утро нового дня.

И совсем уж не европейские мысли напрашивались людям, оказавшимся в час рассвета на краю родной земли. Например, о том, что, как это ни покажется странным, обретению Россией Владивостока – главной точки опоры на Дальнем Востоке, способствовала Крымская война. Да, та самая “Восточная война”, которая по утверждению многих (не всех!) историков была “позорно Россией проиграна”. Между тем, она вызвала череду событий, приведших к совсем уж парадоксальному эффекту, который у русских называется: “Нас бьют, а мы крепчаем”.

Выездные чаепития

Отсчёты можно начать и с “выездных чаепитий”, с церемоний, сопровождавших подписания Нерчинского, Айгунского, Тяньцзиньского, Пекинского

и последующих договоров, трактатов, соглашений о мире, дружбе и добрососедстве. Это был процесс естественный, относительно мирный и неостановимый.

В своем стремлении “встречь солнцу”, русские промышленники, казаки и другие служилые перебирались из одних речных бассейнов в другие, переваливали через хребты. Как шли? По большим и малым рекам и разделявшим их волокам они попали с Оби на Енисей, с Енисея по Нижней Тунгуске на Вилюй, а оттуда на великую реку Лену, на Зею и, наконец, вышли на Амур, единственную в России водную магистраль широтной ориентации “восток-запад”. Пока Европа искала на океанских просторах новые острова и континенты, Россия устремилась за Урал – в Сибирь, на Дальний Восток и далее, основав на побережье Америки русские колонии.

Стремительно и широко происходило заселение русскими берегов Тихого океана. Вся его северо-западная часть стала к концу XVIII века внутренним русским морем. Мореплавание, сделало возможным заселение русскими грандиозных окраин северо-востока Азии и северо-запада Америки – от Петропавловска-Камчатского до Ситхи. Всеми этими приобретениями наша родина обязана простым русским людям – землепроходцам и мореходам.

Как южные районы Дальнего Востока (Приамурье, Приморье), так и все северные его окраины (Охотско-Колымский край, Камчатка, Чукотка) были российскими владениями. Деятельность Российско-американской компании распространялась на морских побережьях и внутри материка. Дошли до Калифорнии, где в 1812 году на побережье небольшой бухты около залива графа Румянцева и реки Славянка возникло самое южное в Америке русское поселение – Форт Росс.

Необычайно быстро землепроходцы преодолели огромные пространства от Урала до Тихого океана, зачастую они становились первыми поселенцами в этих местах. С их приходом началось проникновение русской народной культуры на совершенно дикие, лежавшие далеко в стороне от цивилизованных стран тихоокеанские окраины. Русские завозили туда лошадей и рогатый скот, стали развивать земледелие, промышленность, торговлю. Хотя многие порты и поселения оставались фактически островами. В глухие, чрезвычайно отсталые места проникали новые формы производства, развивались разделение труда и обмен, создавались более высокие типы хозяйства и быта. Первобытные, в большинстве своем не вышедшие еще из стадии родового строя, охотничьи племена получили от русских новые средства производства, заимствовали новые отрасли труда, узнали более совершенное жилище и домашнюю утварь, пищу и одежду, школу и больницу... Такое прогрессивное влияние охватило и Приамурье, и Курильские острова, и Камчатку – все дальневосточные окраины.

Современники отмечали замечательные образцы гуманного отношения к отсталым племенам, населявшим берега и острова Тихого океана, которые показали русские военные моряки – Крузенштерн, Головин, Литке и другие. Неудивительно, что и к себе они встречали со стороны этих племен доброжелательное отношение. В русских видели защитников и признавали себя подданными России. Присоединение дальневосточных окраин к России не имело для коренных жителей тех губительных последствий (зачастую полного вымирания), которые постигли колониальное население других территорий.

Но не будем впадать в самолюбование, не станем идеализировать русских первопроходцев, доказывая, что они лучше, “толерантней”, скажем, китайцев, японцев, англичан или американцев. Человек по природе добр, – учил Пелагий. Только позднее Жан-Жак Руссо уточнил, что человек по природе добр, но его чудовищно испортила цивилизация. Конечно, интересно порассуждать о менталитете, об особенностях религиозного мировосприятия и прочих тонких материях. Попробуем, однако, взглянуть на процесс прагматически. Думается, на Дальнем Востоке всё обстояло проще.

Дело в том, что люди, ютившиеся на тихоокеанском побережье, десятилетиями оставались беззащитными. Маньчжурское правительство не проявляло власти ни в Приморье, ни в Приамурье. Более того, известно, что еще до появления там русских многие из тамошних племен были переселены во внутренние районы страны. Оставались только охотники и рыбаки. К ним по собственной инициативе наведывались купцы и прочие добытчики. Не было никакой уверенности в том, что завтра в бухту не нагрянет корабль, отнюдь не с “альми

парусами”, а с вооруженными людьми, и не начнется безудержный грабеж. Кто успевал, убежали с женами и детьми в дебри, унося с собой всё ценное, что только можно унести, а когда незваные гости уходили, хозяева возвращались к своим испоганенным очагам. Ни Китай, ни Япония, с головой погруженные во внутренние проблемы, не имели возможности их защитить. А людям, в сущности, было безразлично, кто там — микадо или богдыхан, король или президент, защитит от грабежа, насилия и установит стабильный порядок.

Вот пришли какие-то русские, поселились явно надолго, промышляли в основном охотой и рыболовством, торговали, были терпимы к туземным обычаям. Флаги свои вывесили, пушки на берегу выставили. Ну, царь, так царь. Главное, что жить можно, а места всем хватит. Отчего и не подружиться? Недаром в Крымскую (Восточную) войну местные жители камчадалы, алеуты, орочи, нанайцы, нивхи — активно участвовали в обороне Петропавловска-Камчатского и береговых русских постов от пиратов, носителей зла — шли добровольцами, не наёмниками. Притом воевали не только как меткие стрелки, но поднимались и в рукопашные схватки.

Русские военные корабли начиная с 1822 года стали регулярно крейсировать на Тихом океане, так сказать, “вахтовым методом”. Службу свою они несли исправно. Но чтобы в назначенный срок явиться к назначенному месту для охраны морских рубежей, парусникам требовалось совершить без малого кругосветное путешествие. Они шли сквозь изнуряющие жары и штормы “конские тридцатые” и грозные “ревущие сороковые”: через Атлантику и Тихий океан, огибая Южную Америку, либо вокруг Африки и через Индийский океан. Порты, которые наши корабли охраняли, являлись фактически островами, оторванными от Большой земли.

Во время кругосветных плаваний было совершено множество важных географических открытий, уточнены координаты, заполнены “белые пятна” на старых картах, опровергнуты многочисленные псевдооткрытия, найдены удобные морские пути из Приморья и бассейна Амура на Камчатку и Чукотку, в Америку (с запада) и Японию (с севера), в Китай, на Сандвичевы острова.

С русских кораблей, крейсировавших в Тихом океане, постоянно сообщали в Петербург о дерзких налетах на русские владения. Агрессивность иностранных держав возрастала. Сотни промысловых судов под флагами всех наций вели хищническую добычу китов и ценных пушных животных — морских бобров и котиков. Пираты массами истребляли промысловых зверей, высаживались на берега, устраивали предприятия для вытопки жира, вырубали леса, грабили население, разоряли селения, насиловали и увозили женщин.

Следует отметить, что в царствование Александра I российский флот, — к вящей радости англичан, — начал приходить в упадок. Новых кораблей почти не строили, старые выбывали по ветхости, личный состав разлагался в бездействии. Николай I быстро восстановил положение: мобилизовал оставшиеся кадры личного состава, привлёк мастеров корабельного дела. Для России, богатой лесами и пенькой, тут затруднений не возникло. Сноровка и отвага матросов, а также заложенная Петром Первым система подготовки навигаторов были на высоте требований парусной эпохи. Уже в 30-х годах XIX века флот достиг крупной величины, хотя переход на паровые двигатели оказался запоздалым.

Между тем на Тихом океане средства обороны российского побережья были совершенно ничтожны. Она осуществлялась малочисленными постами с командами по 10-30 человек. Так называемая “сибирская флотилия”, действовавшая главным образом в охотско-камчатских водах, состояла в 1850 году из двух транспортов (“Иртыш” и “Байкал”) и двух ботов (“Кадьяк” и “Камчадал”). Суда эти служили для доставки продовольствия и всего необходимого снабжения в немногие, расположенные в этих водах пункты: Аян, Охотск, Тигиль, Большерецк, Петропавловск, а равно для исполнения административных поручений. Наиболее защищенным был лишь Петропавловский порт в Авачинской губе, имевший в системе своей обороны шесть береговых батарей. Единственное преимущество состояло в более глубоком знании навигационной обстановки. В поддержку были высланы фрегаты, в том числе “Паллада”, “Аврора”, “Диана” и корвет “Оливуца”, построенный в Севастополе.

Англия, к тому времени утратившая в Америке большинство своих колоний, стремилась выдавить Россию с Тихого океана. Британские мореплаватели призывали свое правительство пока не поздно захватить тихоокеанские

земли, обжитые Россией; английские государственные деятели и коммерсанты горячо обсуждали возможности полного вытеснения России из Китая и колонизации освоенных русскими Курильских островов. Амбиции Англии на Тихом океане резко возросли в 1842 году, в связи с победой в “Первой опиумной” войне, когда силой оружия было утверждено “высокоморальное” право беспрепятственно распространять в Китае наркотики. Надвигалась война новая.

Первая информационная

Крымская война (1853–1856) стала и первой в истории масштабной информационной войной, прообразом дальнейших “холодных войн” между Западом и Россией. В либеральном общественном мнении Запада в этот период формировался крайне негативный образ России и ее политического режима. К сожалению, эта первая “холодная война” совершенно сознательно разогрела обстановку до “горячей” фазы.

Прессу и публицистику наводнили памфлеты о России, в которых одну из главных ролей играла тема “самодержавного кнута”. За николаевской Россией укреплялось звание “жандарма Европы”, подвхваченное впоследствии советской историографией. Собственно, единственной акцией, когда Россия выступила в такой роли, можно было бы назвать только подавление венгерского восстания, — акцией, кстати, одобряемой Европой и профинансированной британским банкирами.

Проявив “профессиональную забывчивость”, пресса постаралась стереть в памяти и то, как весной 1849 года австрийский генерал спешно прибыл в Варшаву (столицу Царства Польского) умолять князя И. Ф. Паскевича–Эриванского о помощи против венгерской революции. В отчаянии он даже стал на колени пред русским фельдмаршалом. “Когда у нас беда над головой...” В помощь деморализованной военными неудачами австрийской армии, насчитывавшей под Веной в своих рядах не более 40 тысяч человек, была отправлена русская армия силой в 190 тысяч.

Главкомандующего Ивана Паскевича на Западе тогда нередко упрекали в нерешительности, в медлительности. Русская армия, действительно, действовала осторожно, практически не ввязывалась в крупные сражения, давая возможность местным австрийским войскам громить восставших. В итоге с наименьшим кровопролитием с обеих сторон удалось добиться капитуляции повстанцев. Австрийская империя была спасена от распада и гибели. Так полагают не только сам Николай I и его канцлер Нессельроде, но и Франц-Иосиф, и австрийский канцлер Шварценберг, да и вся Европа. Для Николая, помимо упрочения Габсбургской монархии, — эта победа казалась обеспечением дружественного союза с Австрийской империей. И русского императора совершенно потрясла предательская позиция Австрии, проявленная уже вскоре, в ходе Крымской войны.

Накануне войны русофобия в Англии достигла своего апогея. Одна только лондонская “Таймс” высказывалась более объективно, по поводу чего К. Маркс, в статье от 14 июня 1853 г., возмущался: “Как могло случиться, что бедная “Таймс” поверила в “честные намерения” России в отношении Турции и ее “неприязнь” ко всяким территориальным расширениям? Добрая воля России по отношению к Турции! Петр I планировал восстать на руинах Турции”.

Европа вдруг прониклась к Порте сердечным сочувствием, которого доныне никогда не водилось. Применялись совершенно бесстыдные приемы манипуляции сознанием читателей. Так, вдруг пригодились “воспоминания” барона фон Тотта, пользовавшегося щедрым гостеприимством Османской империи. Вот одно из описаний последствий очередного похода степняков за “живым товаром”. “...Головки детей выглядывают из мешка, подвешенного к луке седла; молодая девушка сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать — на крупе лошади, отец — на одной из запасных лошадей, сын — на другой; овцы и коровы — впереди, и все это движется и не разбегается под бдительным взором пастыря... самому идти пешком, чтобы облегчить своих рабов...” Ну, просто плакать хочется от умиления — такие милые, заботливые люди: владелец сам пешком идет, а своих рабов на лошадях везёт. Понятно: товар бережет.

А эти русские... В ноябре 1853 года адмирал Нахимов разгромил турецкий флот в Синопском сражении. Этот морской бой был охарактеризован

западноевропейскими газетами как “резня”. Были нарисованы описания сражения, картины жестокости во всю мощь разыгравшейся фантазии. Су-рово осудив “зверское побоище”, устроенное Нахимовым, газеты выступали с призывами выступить в защиту от русских варваров “богатой, хотя и не-сколько своеобразной турецкой культуры”. Наполеон III призвал к крестово-му походу против православной ереси. Печать Франции старалась придать предстоящей войне характер религиозного и культурного крестового похода против русских “еретиков” и “варваров”: “Для Европы предпочтительнее слабая и безобидная Турция, чем всемогущая и деспотическая Россия. Россия в Кон-стантинополе – это смерть для католицизма, смерть западной цивилизации”.

Западничество, как одно из направлений русской общественной мысли, также сложилось как раз в 40-е годы XIX века. Оно объединяло различных по своим убеждениям общественных деятелей того времени. Расхождения выра-жались особенно в различной трактовке социально-политических проблем, стоявших перед Россией; Белинский, Герцен, Огарев хотели строить на разва-линах самодержавия социализм, западники мечтали о создании царства “пра-вового порядка”.

С целью познакомить западноевропейскую общественность с положени-ем дел в России западники направляли свои работы в Лондон А.И.Герцену для напечатания их в Вольной русской типографии, любезно и очень своевре-менно разрешенной английским правительством. “Великий барон” Джеймс Ротшильд помог “стабилизировать финансовые дела” Герцена, помог и в де-ле распространения печатной продукции. За несколько месяцев при помощи польских эмигрантов было найдено всё необходимое для типографии: станок, помещение, русский шрифт, краска. Наборщиками новой типографии были также польские эмигранты, что стало причиной жалоб читателей на большое количество досадных опечаток. Зато поляки активно использовали свои кана-лы для нелегальной доставки изданий на территорию Российской империи.

Материалы публиковались в отдельных сборниках под общим названием “Голоса из России”. Печатались и антироссийские прокламации. Следует от-метить, что многие либеральные друзья Герцена отказались участвовать в этом шабаше, сочтя неуместной критику России в условиях начавшейся вой-ны с Турцией, и пытались уговорить самого Герцена воздержаться от печата-ния революционных воззваний. Но тщетно, – он продолжал требовать немед-ленных реформ, угрожая призвать народ “к топору”.

Накалу страстей очень способствовал изобретенный Сэмюелем Морзе электромеханический телеграф, ознаменовавший собой начало новой эры в журналистике. Появилась возможность передавать информацию достаточно быстро для того, чтобы успеть оказать соответствующее влияние на оператив-ное принятие политических решений. Отныне краткие сообщения в течение считанных минут передавались в издательства ведущих газет и печатались в особых колонках под заголовками: “Последние новости по телеграфу”, “Морзеографика”, “Молния”. Помимо невиданной скорости передачи данных телеграфная связь характеризовалась надёжностью и скрытностью.

Европейская пресса возложила всю ответственность за Крымскую войну на Россию: сильное агрессивное государство напало на слабую Турцию. Пи-сали о “предательском” нападении Нахимова на турок, о “бойне”, учиненной им, и о нарушении международного права русским адмиралом. Если пригля-деться ко многим современным публикациям, легко обнаружить, что их смысл зачастую сводится к тому же самому: “Россия – дикая варварская страна, ко-торая угрожает цивилизованному миру”, “русский народ нуждается в приви-тии западной культуры”.

Ловили вороны сокола

К 1854 году англичане и французы сосредоточили на Тихом океане мощ-ную эскадру, во много раз превосходившую силы русских. России предстоя-ло весьма ограниченными морскими силами оборонять от англо-французско-го флота громадные пространства, начиная от Сахалина, Татарского пролива и Амурского лимана и кончая Камчаткой.

Противник рассчитывал прежде всего атаковать и уничтожить русские ко-рабли в портах их базирования. По мнению союзных адмиралов, главным пунктом был Петропавловск с его великолепной Авачинской губой. Устье Амура

считалось непроходимым, как и доступ в Татарский пролив с Охотского моря. Русские моряки понимали, что удар будет нанесен именно по Петропавловску. Но был у них козырь — открытый капитаном Геннадием Невельским вход в Амур. Эти сведения хранились в тайне. Впрочем, и у многих наших моряков оставались сомнения в возможности прохода крупных судов через коварный Амурский лиман.

Первые вести о вероятном разрыве Англии и Франции с Россией пришли в Петропавловск с зимней почтой в конце февраля 1854 года. А в середине марта прибывшее из Гонолулу американское китобойное судно доставило письмо короля Сандвичевых островов Камегамеа III. Дружественно относившийся к России Камегамеа предупреждал камчатские власти, что в Петропавловск летом нагрянет англо-французская армада. Вскоре был доставлен приказ укрепить порт и защищать его до последней возможности. Наконец, 17 июля американский купеческий бриг “Нобль” передал официальное уведомление генерального консула России в США о том, что война объявлена.

С марта 1854 года началась энергичная подготовка к обороне. Гарнизон Петропавловска насчитывал всего 125 человек и состоял из команды флотского экипажа, камчатских казаков, писарей, денщиков, давно отвыкших от военного дела. Иркутский генерал-губернатор генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев весной 1854 года организовал и лично возглавил первый сплав крупных воинских сил по реке Амур. В нём участвовало 76 судов, главным образом баржи и баркасы. Своими силами даже был построен речной пароход “Аргунь”. По великой реке плыли забайкальские казаки, солдаты сибирских батальонов — всего 900 человек пехоты, две конных казачьих батареи. Это была только первая часть сил, предназначенных для занятия Россией новооткрытых земель в низовьях Амура и для укрепления Камчатки. Ещё два русских корабля должны были прибыть на Камчатку: 22-пушечный корвет “Оливуца” и 44-пушечный фрегат “Аврора”.

Постройкой “Авроры” руководил подполковник Корпуса корабельных инженеров Иван Амосов. 21 августа 1853 года под командованием капитан-лейтенанта Ивана Изыльметьева фрегат вышел из Кронштадта на Дальний Восток для усиления эскадры вице-адмирала Е. В. Путятина.

Погода не благоприятствовала, и с 3 октября по 25 ноября 1853 года в Портсмуте фрегату пришлось исправлять повреждения, нанесенные штормом. Отношение к русским здесь было откровенно недоброжелательное. Не задерживаясь в Англии, корабль взял курс к берегам Южной Америки, навстречу бурям коварного мыса Горн, в самое опасное для плавания парусников время.

Совершив этот тяжелейший переход, изрядно потрёпанный фрегат пришел в порт Кальяо. Это рядом со столицей Перу, городом Лима. Здесь Изыльметьев намеревался за две недели произвести ремонт, а затем отправиться дальше. Но в гавани оказалась англо-французская эскадра. Официальное объявление войны еще не было получено, но слухи о разрыве союзников с Россией уже достигли капитанов.

Зная о том, что со дня на день известие может дойти до Кальяо, Изыльметьев ускорил ремонт “Авроры”. Скрытно заготовили провиант. Лима известна как город вечного тумана, который образуется от близости экватора и холодного Перуанского течения (течение Гумбольдта — до 1 км/час). Туман здесь плотный, похожий на мелкий дождь — почти 100% влажности. Этим туманом капитан и решил воспользоваться. В ночь на 14 апреля 1854 года с “Авроры” были спущены на воду шлюпки. В полной тишине выбрали якорь, и на веслах матросы потянули канатами фрегат (водоизмещением 2000 т) в открытое море. Там “Аврора” развернулась, подняла паруса и исчезла в океанском просторе прежде, чем неприятель мог послать за ней погоню.

Шли напрямую к Камчатке, без захода на Гавайи, где путешественники обычно останавливаются, чтобы освежить команду, запастись провизией и потом уже идти далее. Опасались, что там фрегат могут перехватить. На переходе из Кальяо в Петропавловск протяженностью в 9000 морских миль, умерло 13 человек. Заболел и сам Изыльметьев, и с 12 июля 1854 года командовал фрегатом старший офицер. При огромном океанском волнении фрегат часто черпал бортами. Провизия, взятая в Кальяо, истощалась, запас воды оставался самый ограниченный. 19 июня, наконец, бросили якорь в обширной Авачинской губе, проведя, таким образом, в море, без захода в порт, 66 дней.

В Петропавловске прибытия “Авроры” ожидали, как спасения. Сохранилось описание очевидца. Фрегат входил в бухту в самом жалком виде: паруса убирались очень медленно и по очереди, так как не хватало людей. . . Оказалось, что на корабле практически не было ни одного здорового человека. Фрегат втянули в гавань, а больных свезли на берег и поместили в палатках. Вскоре подошёл и военный транспорт “Двина”. Оба корабля развернули левыми бортами к входу в бухту, а с правых бортов пушки сняли и перетасили на берег, организовав из них батареи. Однако общего количества сухопутных войск (475 человек) было недостаточно для всех нужд обороны. Поэтому был сформирован особый отряд из добровольцев-камчадалов.

Союзная эскадра под командованием английского контр-адмирала Девида Прайса и французского контр-адмирала Феврье де Пуанта двинулись на Камчатку от Сандвичевых островов 25 июля. В её составе было 6 кораблей. На борту 214 орудий, 2500 человек экипажей и морской пехоты. В 10 часов утра 17 августа с Дальнего маяка в Петропавловск был передан сигнал: “В море вижу неизвестную эскадру из шести судов”. В порту объявили тревогу, и все защитники заняли назначенные им места. Из экипажа “Авроры” оставались больными к этому времени еще 60 человек. Но по первому сигналу все они также явились на места, назначенные по боевому расписанию.

Немногочисленные жители Петропавловска-Камчатского жёстко отбились от соединённой англо-французской эскадры. После сражения с вражеским десантом они собрали брошенные на берегу ружья, офицерские сабли, нашли план уничтожения их города и знамя Гибралтарского пехотного полка. Сейчас знамя находится в экспозиции трофейных знамён в Государственном Эрмитаже. Адмирал Прайс застрелился после первой же неудачной атаки.

Английская газета “Таймс” сообщила, что более половины офицерского состава выбыло из строя, погибли все командиры десантных партий. Общие потери союзников в Петропавловске достигали 450 человек. Впечатление от камчатских событий в Англии и Франции было оглушающим. Военные круги были потрясены разгромом своих сил и расценивали это “как исключительное оскорбление своих флагов”. Раздалось требование отправить на Камчатку в следующем, 1855 году новую соединенную эскадру, чтобы “отомстить за позорное поражение уничтожением Петропавловского порта и всего русского флота на Тихом океане”. Английский журнал “Юнайтед сервис мэгэзин” писал весной 1855 года: “Но как намерены поступить с Петропавловском? Хотят ли спокойно примириться с позором прошлого поражения?.. Борт одного только русского фрегата и несколько батарей оказались непобедимыми перед соединенною морскою силою Англии и Франции, и две величайшие державы земного шара были осилены и разбиты ничтожным русским местечком!”

В ноябре 1854 года в Иркутске были получены сообщения, что союзники снаряжают для действий в Тихом океане новую эскадру из 26 судов, в числе которых специально посланный из Европы 84-пушечный пароход-фрегат “Монарх”. Губернатор Муравьев полностью разделял мнение камчатского командования о необходимости дальнейшей защиты Петропавловска и усиления его обороны. Однако правительство решило оставить порт.

Получив приказ, Муравьев принял срочные меры к полной эвакуации Петропавловска до предполагаемого прихода неприятельской эскадры в камчатские воды. Расчет был на то, что зимовавшему в Петропавловске немногочисленному русскому флоту удастся перехитрить неприятеля, уйти из порта до его прихода и добраться до Амурского лимана как самого надежного места укрытия.

3 марта 1855 года в Петропавловск прибыл адъютант генерал-губернатора Муравьева есаул Мартынов. Он добирался, следуя через Якутск и оттуда на собаках в Охотск, далее по дикому побережью, переезжая по льду широкие заливы, завершив свой путь от Иркутска длиной 8000 вёрст (8500 км) в три месяца. Мартынов застал порт в самый разгар подготовки к обороне. Он привез награды защитникам Петропавловска и распоряжение снять порт и все укрепления, вооружить зимовавшие суда и при первой возможности вывезти все казенные учреждения и имущество, гарнизон и гражданских служащих с семьями.

Место назначения держалось в строжайшем секрете. Из опасения, что сведения могут дойти до противника, по Петропавловску распространялись самые разнообразные слухи о предстоящем плавании. По одним версиям,

русская эскадра должна отправиться в Батавию (остров Ява) или Сан-Франциско, как в нейтральное место, и там переждать войну; по другим – порт было решено перенести в устье реки Анадырь.

Но еще нужно было проложить во льду залива от Ковша до Сигнального мыса проход для кораблей. Круглые сутки, стоя в воде, люди ломали и пилили лед. 5 апреля камчатская флотилия в составе флагманского корвета “Оливуца”, фрегата “Аврора”, транспортных судов “Двина”, “Иртыш”, “Байкал” и бота № 1 вышла в открытое море.

В день ухода флотилии из порта противник находился в 10 милях от Шипунского мыса. Англо-французская эскадра крейсировала в этом месте в ожидании подхода подкреплений, не рискуя приблизиться к Петропавловску. Сгустившийся над морем туман скрыл русские корабли, выходящие из Авачинской губы. Англо-французы, как и год назад, неприятельскую флотилию проворонили. Вскоре к союзникам прибыло подкрепление из Гонолулу – французский корвет “Евридика” и английский пароход-фрегат “Монарх”. Но и теперь англо-французский флот не осмеливался войти в памятную для него губу. Затем к эскадре присоединились еще три английских корабля: флагманский фрегат “Президент”, на борту которого находился адмирал Брюс, фрегат “Пайк” и пароход “Дидо”.

В своем донесении английскому адмиралтейству Брюс подробно описал посещение им Петропавловска. “Я нашел его совершенно покинутым, – общал он, – там не осталось ни одного человека, ни одного судна, ни одной пушки; виднелись только пустые амбразуры батарей и оставленные дома”.

Полная неизвестность относительно того, куда девалась русская эскадра, и где надо искать ее, окончательно сбила с толку. Эта новая неудача союзников, вызванная загадочным исчезновением русских кораблей, послужила поводом для злых насмешек в иностранной печати. Союзная англо-французская эскадра отправилась ловить русских. Часть кораблей отправили в американскую Ситху. Часть судов адмирал Брюс послал в южные воды Охотского моря для усиления английской эскадры адмирала Стерлинга. Тот разослал английские и французские корабли по разным направлениям. Обшарили все уголки Татарского пролива, в том числе и некоторые бухты западного Сахалина. Три английских и два французских корабля были посланы для поисков в пролив Лаперуза, а оттуда в Аян и Охотск, но и там они не обнаружили русской эскадры.

30 мая 1855 года в устье Амура прибыл Иркутский генерал-губернатор Н. Муравьев. На военно-морском совете решили ввести все суда в Амур под прикрытием батарей Николаевского поста. Теперь здесь сосредоточились главные русские силы на Тихом океане. К середине июля был закончен ввод кораблей в Амур.

Озадаченные союзники снова остались ни с чем. Английская, французская и американская печать выступала с самыми нелепыми догадками. Так, одна из французских газет писала: “Мы теряемся в предположениях, что стало с русскими и их судами?.. Русских не разгадаешь! Не сожгли ли они свои суда и не удалились ли в какую-нибудь крепость в верховьях Амура или в самую Сибирь?” Розыски русского флота происходили до поздней осени. Эллиот с английскими судами шарил в водах Татарского пролива, а сам Стерлинг с группой английских и французских кораблей – вдоль берегов Кореи.

Все достижения союзников в эту кампанию на Дальнем Востоке ограничились тем, что они сожгли китобойное судно “Аян” и рыбный сарай в Петропавловске, захватили безоружный коммерческий корабль “Ситха” и бременский бриг “Грета”, плашкоут в Петропавловске и ещё шлюпку судна “Охотск”, принадлежавшего Российско-американской компании. Ни одного из русских военных судов, даже ни одного военного транспорта или шлюпа, захватить не удалось. В досаде английский фрегат “Пик” и французский фрегат “Сибилла” “овладели” незащищенным островом Уруп из Курильской гряды. Там они разорили и ограбили мирное селение Российско-американской компании, забрали в складах компании около 300 шкур ценной пушнины и запас продовольствия, предназначавшийся для промышленников, и разыграли настоящую комедию, назначив одного из айнов губернатором острова с вручением ему диплома на это звание от имени французского императора и английского короля.

В 1856 году, уже после заключения перемирия, английские суда вошли в Императорскую гавань и, не найдя затопленного там старого фрегата “Паллада”, сожгли здания Константиновского поста, а самую гавань назвали заливом

Барракута. Остальные “трофеи” заключались главным образом в незаконном захвате частного имущества населения.

Общественное мнение Англии было до крайности раздражено известиями об исчезновении русской эскадры. Неудачи послужили предметом оживленных прений в английском и французском парламентах. Еще бы: два года гонять по Тихому океану целую армаду кораблей. Это какие деньги!.. Наиболее резким нападкам подверглось поведение адмирала Стерлинга и командора Эллиота, “не удостоверившегося в действительных силах русской эскадры и не сумевшего отличить корвет от транспорта”.

И еще одна замечательная “охотничья” история, связанная с приключениями паро-винтовой шхуны “Восток”, которую в 1852 году купил вице-адмирал Путятин, “для рассылки и описи малоизвестных берегов”. Шхуна эта имела водоизмещение до 300 т, две мачты для парусов, огнетрубный котёл с паровой машиной в 40 л.с., один гребной винт фиксированного шага, высокую и тонкую дымовую трубу, экипаж до 40 человек, а для обороны “единорог” – гладкоствольную мортиру, позднее заменённую четырьмя пушчками малого калибра.

Путятин часто использовал судно для посыльной службы. Когда англичане устроили охоту на русские корабли, более всех рисковал “Восток”, вынужденный мотаться между портом Нагасаки, единственной гаванью, открытой японским правительством для иноземных кораблей, и портами Китая, в которых находились русские дипломатические представительства. И однажды “Восток” попался: у выхода из порта Нагасаки на якоря встал английский военный фрегат, на котором подняли сигналы, предлагая русским сдаться. Атаковать шхуну на рейде японского порта британцы не могли – это ставило под угрозу хорошие отношения с местными властями.

Выскочить из мышеловки помогла смекалка. Все моряки знали, что в Нагасаки не найти ни куска угля. И когда из трубы шхуны повалил дым, это могло означать, что “Восток” поднимает пары и готовится к прорыву. Британцы тоже разогрели свои могучие котлы. Назавтра та же история. А хитрость заключалась в том, что в топках шхуны три дня жгли мокрую рисовую солому. Дым выходило много, а калорий ничтожно мало, но издали казалось, что котлы вот-вот разорвутся от давления. Лишь когда англичане прекратили топить свои, капитан Воин Римский-Корсаков приказал поднимать пары по-настоящему, углем. И шхуна выскользнула.

“Восток” служил России на Дальнем Востоке в общей сложности двадцать восемь лет, участвуя в исследовании Японского, Охотского, Берингова морей, десятки раз садился на мель, исследуя Амурский лиман. На этом корабле плавали многие достойные моряки, чьи имена увековечены в многочисленных географических названиях дальневосточных земель, проливов и побережий. В честь самой шхуны назван большой залив, расположенный в восточной части залива Петра Великого. В 1883 г. шхуна, к тому времени старейшее русское гидрографическое судно, отправилась в своё последнее плавание – в сильный шторм она напоролась на камни возле одного из островов вблизи берегов Японии.

В тихоокеанских водах англо-французский флот потерпел в Крымскую войну полное фиаско, несмотря на то, что располагал там громадными по тому времени силами. Ни одна из задач, поставленных перед союзными эскадрами, не была решена. Россия сохранило свой флот, её положение на Тихом океане укрепилось.

Поиск точки опоры

В течение продолжительного времени российское правительство искало опорный пункт на Дальнем Востоке. Эту роль поочерёдно выполняли Охотск, Аян, Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре. Но уроки Крымской войны подтвердили, что ни один из этих портов не отвечает необходимому требованию: иметь удобную и защищённую гавань, рядом с надёжными сухопутными торговыми путями. К середине XIX века поиски форпоста зашли в тупик.

В 1859 году Н. Н. Муравьёв-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил внимание на хорошо укрытую бухту. Генерал-губернатор предложил назвать её Золотым Рогом и приказал основать на берегах бухты военный пост, который он же, Н. Н. Муравьёв-Амурский, назвал Владивостоком.

До русских тут никто не жил. Ютились по берегам несколько убогих китайских фанз, да по сезонам наведывались ловцы трепанга. 20 июня 1860 года в бухту Золотой Рог прибыл транспорт “Маньчжур”. На берег высадился отряд из 40 человек во главе с прапорщиком Н. В. Комаровым. В тот же день на месте высадки был поднят государственный флаг Российской империи. На берегах Японского моря возник новый военный пост России Владивосток. Существует местная притча, будто бы в первый год существования поста Владивосток “полосатые кошки” съели всех собак, привезенных на берег Золотого Рога из Николаевска-на-Амуре. Но, думается, это просто поклеп завистников на близких родственников “царя зверей”.

В 1862 году пост переименовали в порт. Росло его население. 27 сентября 1863 года во Владивостоке появился на свет первый собственный гражданин, точнее гражданка. У Евдокии Матвеевны Горелко родилась дочь, которую нарекли Надеждой. 10 февраля 1871 года правительство решает перевести из Николаевска-на-Амуре во Владивосток порт с морскими учреждениями, резиденцию военного губернатора и главную базу Сибирской военной флотилии. С этого момента Владивосток растёт стремительно. Развитию города способствовал также режим беспошлинной торговли. 10 мая 1880 года Владивосток с 7 300 жителями официально был объявлен городом и выделен как самостоятельная административная единица. В его территорию вошли полуостров Муравьев-Амурский и остров Русский.

В мае 1891 года во Владивосток после полугодового кругосветного морского путешествия прибыл крейсер “Память Азова”. На его борту находился великий князь, наследник престола, будущий последний император России Николай II. Прибыв во Владивосток, он участвовал в закладках восточного участка Транссибирской магистрали, железнодорожного вокзала, сухого дока для ремонта судов Тихоокеанской эскадры, а также памятника адмиралу Г. И. Невельскому. К началу XX века крохотный военно-морской пост превратился в крупнейший порт и военно-морскую базу России на Дальнем Востоке.

В конце XIX века и начале XX-го Россия напряглась и проложила через весь континент Транссиб. Спешили, как только могли, укладывая в среднем по 815 километров пути в год. Усилить магистраль не успели – Япония упредила. Но с потерей арендованного Порт-Артура Владивосток снова стал главной базой российского флота на Тихом океане. Город начал интенсивно укрепляться.

Само имя этого города-порта – Владивосток – рождено словосочетанием державным: “владеть востоком” – по аналогии с Владикавказом. Впрочем, глагол несовершенного вида “владеть” имеет немало значений и ещё больше толкований. Одни понимают его как “осваивать”, “созидать”; другие – “перехватить и употребить”. Скажем, оседлый житель с божьей помощью хлеб свой насущный выращивает, а кочевник его “находит”. И как тут не припомнить мудрое замечание красноармейца товарища Сухова: “Восток – дело тонкое”. Не углубляясь в излишние умствования, моряки и местные жители называют свой город по-домашнему ласково – Владиком.

Советские лидеры государства не так часто бывали в регионах Дальнего Востока. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев побывал во Владивостоке дважды – в 1954 и 1959 годах. Генсек Леонид Брежнев посещал Дальний Восток трижды. Михаил Горбачев и Борис Ельцин заглянули сюда по одному разу.

О первой поездке Хрущева остались не самые приятные воспоминания. Никита Сергеевич прибыл во Владивосток 17 октября 1954 года. Посмотрев на золотую приморскую осень, Хрущев воскликнул: “Да у вас здесь климат лучше, чем в Сочи!” Лето и осень 1954 года на юге Дальнего Востока выпали жаркими и засушливыми. Для сельского хозяйства в целом это плохо, зато арбузы уродились на славу. И кто только додумался угостить высоких гостей диковинными для здешних мест пузато-полосатыми ягодами?! Хотели удивить, и это удалось.

Удалось настолько, что все только руками развели. Хрущев сказал: “Дай бог, чтобы в Москве была такая погода... замечательная, солнце светит ярко, растительность очень богатая... Что еще надо? Я считаю, что мы не совсем правильно с правительством установили льготы. Мы этим самым укрепляем в сознании людей, что Дальний Восток, Хабаровск, Сахалин – каторжные места”. Был брошен лозунг: “Не длинным рублем надо привлекать, а хорошими условиями жизни!” А для начала укоротили рубль: в скором времени была отменена 20-процентная надбавка к заработной плате, принятая правительством еще в 1936 году.

Надбавки эта были не у всех, а только у занятых в производственной сфере. Но прямо или косвенно ущемление коснулось многих, а люди и без того жили небогато. Народ побежал, и впереди всех – новоселы. Произошло резкое сокращение численности населения – на десятки тысяч человек, грянул настоящий кадровый голод.

Хрущёв собрал в Хабаровске совещание руководителей обкомов и горкомов партии, устроил им разнос, затем показал фильм, снятый по его заказу к совещанию по развитию животноводства. Завершив совещание, Никита Сергеевич выехал поездом на Читу. В окно он увидел необозримые просторы, покрытые буйными травами. В Биробиджане на вокзале он выразил руководителям Еврейской автономной области своё резкое неудовольствие: “Ведь здесь можно откармливать до полумиллиона голов скота!” В то время в области численность поголовья скота не превышала несколько десятков тысяч. Местные руководители не успели объяснить первому секретарю КПСС, что он видел из окна вагона обширную болотистую марь, покрытую несъедобной растительностью. Но, пока формулировали оправдание, поезд улетел в сиреневую даль...

К счастью, хрущёвские предложения по развитию животноводства и снабжению населения дешёвыми кормами местные руководители всячески тормозили, воспринимая как минутную блажь далёкого от реальности начальства. Но значительную часть посевных площадей всё же пришлось отдать под кукурузу, и возникли перебои с хлебом. На том же острове Русском и в порту Находка в магазинах не стало ни овощей, ни картофеля.

В сентябре-октябре 1959 года Хрущёв совершал поездки в США и Китай. После этого он прибыл во Владивосток. Второй его визит был более позитивным. Насмотревшись на американские красоты, Хрущёв пообещал превратить Владивосток во второй Сан-Франциско. Достичь этой цели не удалось, но город начал активно развиваться, в нем появились новые кварталы, жилые микрорайоны, а в центре – новые здания общественно-гражданского назначения.

В 1974 году Владивосток с официальным визитом посетил 38-й президент США Джеральд Форд, прибывший для встречи с генсеком Леонидом Брежневым. На встрече были подписаны протокол к Договору об ограничении систем ПРО и Договор об ограничении подземных ядерных испытаний, которые помогали сдерживать гонку вооружений.

С развитием железнодорожной сети, в том числе со строительством БАМа, перед городом-портом, обладающим удобными бухтами, причалами, являющимся связующим звеном между железнодорожной сетью России, Кореи и Китая и тихоокеанскими морскими путями, открывались возможности превратиться в уникальный международный транспортный узел – грузовой и пассажирский. Но после развала СССР экономика города начала погружаться в плачевное состояние. В 1990-е годы Владивосток сделался центром нелегального рыболовства, контрабанды древесины и японских машин. Из-за снижения уровня жизни упала рождаемость и вновь началась утечка населения в центральные регионы страны.

О том, какие из проектов президент России Владимир Путин предложит считать приоритетными, на какие ресурсы для их реализации можно будет рассчитывать, должно было решить совещание, назначенное на такую рань 27 января 2007 года.

Ждать оставалось недолго. Встречающие разглядывали здание нового аэровокзала, сданного строителями чуть не накануне – в декабре 2006 года и еще сохранявшего запах краски.

По аэродрому

У главного аэропорта столицы Приморья своя история, и тоже непростоя. Поначалу воздушное сообщение здесь было водоплавающим – базировавшееся при акваториях бухт, рек и озер. 2 сентября 1932 года гидросамолет доставил из Хабаровска на Вторую Речку первых четырех пассажиров. С 1934 года гидропорт на Второй речке (теперь это густо застроенный микрорайон Владивостока) перенесли на сушу; были устроены также аэродромы “Иман” и “Озерные Ключи” в соседнем городе Артём. Летчики организовали санитарную авиацию, помогали в разведке рыбы, обслуживали геологов и лесные патрули.

В это трудно поверить, но сохранились фотографии, раскрывающие, к примеру, технологию запуска двигателя в жестокий мороз. На лопасть пропеллера надевали валенок и по команде: “Контакт. — Есть контакт!” дружно тянули его за веревку. Винт проворачивался, валенок слетал, и вся процедура повторялась — до достижения положительного результата.

В военные годы на лёгких бипланах По-2 вывозили с рудников свинцово-оловянный концентрат: срочно, для нужд фронта. Сеть посадочных площадок Приморского края расширялась. Незаменимыми на местных авиалиниях стали самолеты Ан-2, Ил-12. В мае 1958 года был выполнен пробный беспосадочный полет на Ту-114Д (модификация на основе бомбардировщика Ту-95) из Москвы во Владивосток. Начались регулярные полеты самолетов Ту-104, Ил-18, Ан-10. В феврале 1961 года построили первое кирпичное здание аэровокзала с пропускной способностью аж 200 пассажиров.

Особенность воздушных ворот Владивостока состояла не только в том, что аэропорт под названием “Кневичи” принадлежал военным, то есть считался объектом режимным. Сам город тоже был закрытым, и, чтобы посетить его, требовалось оформить специальный пропуск. Только 20 сентября 1991 года президентом РСФСР Б.Ельциным был подписан указ “Об открытии г. Владивостока для посещения иностранцами гражданами”. Ну, а раз иностранцам можно, то уж своим-то гражданам само собой.

Так или иначе, военно-гражданский (совместного базирования) аэропорт рос и развивался. В конце 1976 года построили аэровокзал попросторней. Началось регулярное (с промежуточными посадками для дозаправки) воздушное сообщение между Владивостоком и Москвой. 4 марта 1999 года был сдан в эксплуатацию терминал аэропорта “Владивосток”, хоть и скромный, но удостоенный статуса международного.

На Дальний Восток Владимир Путин навещался часто. Но в этот раз прибыл всего на несколько часов. Никаких церемоний; всё по делу. Свой блиц-визит он предпринял, чтобы по настрою людей почувствовать ситуацию в Приморье и поставить конкретную задачу.

Путин собрал всех, от кого зависело будущее Дальнего Востока, и сразу дал понять: регион развивается не так энергично, как требует время. Очевидно, президент окончательно укрепился в своём решении проводить очередной саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) не в столице России, и не в Санкт-Петербурге, а на Дальнем Востоке, скорей всего, во Владивостоке.

Работа с чистого листа

Подготовку к саммиту обсуждали в том же Домике переговоров, где в свое время побывали американский президент Джеральд Форд и северо-корейский лидер Ким Чен Ир. Губернатор Приморья представил краткий доклад об остановке, а также согласованные с Минтрансом проекты развития мощностей транспортного узла Находка — порт Восточный.

Однако на прямой вопрос президента, обращенный к заместителю министра экономического развития и торговли Виталию Савельеву, каково мнение экспертной группы министерства о готовности города Владивостока к саммиту Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, ответы последовали неопределённые.

Стало понятно, что готовность нулевая, и начинать придётся с чистого листа, то есть с подступов, с дорог. Дело в том, что инвестиционная привлекательность региона зависит, прежде всего, от уровня развития коммуникаций. Нет смысла проводить такое важное совещание — саммит АТЭС — на фоне обветшалой инфраструктуры Владивостока с его разбитыми дорогами, запущенным коммунальным хозяйством, ветхим жилым фондом.

Владимир Путин обратился к Игорю Левитину:

— Из инфраструктуры что предстоит?..
— Предстоит серьезная реконструкция взлётно-посадочной полосы и рулёжных дорожек местного аэропорта для проведения в 2012 году саммита, — доложил министр транспорта. — По нормам здесь не могут садиться гражданские самолёты типа Ил-96 и выше.

— Реконструкция аэропорта — это что значит: и полосы, и оборудование, и новый аэровокзальный комплекс? — спросил президент, очевидно, прикидывая сумму затрат.

– Да. Только аэровокзальный комплекс мы предлагаем акционировать, – ответил Игорь Левитин, – чтобы частный инвестор участвовал именно в терминальном оборудовании.

– После этого дороги?

– После этого дороги, – подтвердил министр. И уточнил: – Необходимо построить практически новую дорогу из аэропорта, – дублёр существующей, и отладить дороги в городе, если гости захотят поехать на экскурсию. Плюс два моста. По срокам проблемы инфраструктуры решаемы, если...

Игорь Левитин перечислил минимум необходимого.

Путин внимательно его выслушал и неожиданно резко усложнил задачу. Сказал, что саммит должен состояться не в самом городе, а на острове Русский, а выделенные для саммита территории надо отдать Владивостоку для строительства жилья и объектов культуры. Город-порт, стеснённый на берегу, должен расправить плечи, почувствовать свою силу, своё значение для России, для всего тихоокеанского сообщества.

Президент рассудил, что в ближайшие три-четыре года город будет перекопан вдоль и поперёк; и жители должны получить такую весомую компенсацию, которая заставила бы забыть и хлопоты, и неизбежные временные неудобства.

Глава государства особо подчеркнул, что готовящийся саммит АТЭС Владивосток-2012 – “не статусное мероприятие, а важный проект по развитию Дальнего Востока России и Приморского края”.

Пожалуй, это был достойный ответ на тот вопрос, которым замечательный русский поэт Леонид Мартынов, мечтавший о “Воздушных фрегатах”, тревожил совесть своих современников:

*... Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?*

Начинали, естественно, с инфраструктуры, – с дорог, мостов, с аэропорта, систем энергоснабжения и водоснабжения, очистных сооружений. Воспрянули духом местные экологи, видя, как вступают в строй первые мощные современные очистные системы. Соседи по Азиатско-Тихоокеанскому региону неоднократно пеняли на то, что Владивосток является главным загрязнителем Японского моря. Ежедневно в Амурский залив сливали более 300 тысяч кубометров неочищенных стоков.

Потребовалось изменение канализационной сети на всей территории, прокладка сотен километров новых труб. Почти четыре года Владивосток представлял собой сплошную стройплощадку. Всё было перерыто, и от местных остряков город получил прозвище Разрытогорск.

Были запущены первые в истории города очистные сооружения, в которых применены самые современные технологии очистки и обеззараживания вод: механическая, биологическая, химическая, воздействие ультрафиолетом и т.д. Ликвидирован старый полигон твердых бытовых отходов. Вместо него создан комплекс, оснащенный мусороперерабатывающим заводом мощностью в 150 тысяч тонн в год.

Периодически город страдал от засух. В 2003-2004 годах назревала катастрофа: большинство жителей осенью и зимой получали воду два-три часа в сутки, горячее водоснабжение прекращалось полностью. Теперь вода подаётся по новым трубопроводам из скважин, расположенных в 50-100 километрах от города.

Две самые болезненные проблемы Владивостока – экология и водоснабжение – были в основном решены. Что ещё? ТЭЦ, поставляющая городу более 80 процентов электроэнергии и тепла, перевели с угля на газ. Воздух сразу стал чище, небо над заливом заголубело.

26 августа 2009 года дан был торжественный старт строительству нового аэровокзала. В церемонии закладки мемориальной капсулы приняли участие

первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов, министр транспорта Игорь Левитин, губернатор Приморского края, руководители аэропортов Шереметьево и Владивостока.

Среди пусковых объектов аэропорт Владивостока одним из первых завершил выполнение программы обслуживания воздушных судов саммита АТЭС. Программа включала прием, хэндлинговое (комплексное, по высшему разряду) обслуживание и отправление правительственных и транспортных бортов в период саммита. Параллельно в аэропорту выполнялась программа обслуживания регулярных внутренних и международных пассажирских рейсов.

Реконструированный аэропорт Владивосток (те самые “Кневичи”) получился просто супер. На зависть хабаровчанам, гордившимся тем, что к ним мог летать даже Ту-144. Это чудо техники – первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет, – оказался, к сожалению, слишком прожорливым по части горючего. Заметим, однако, что Хабаровский (Новый) аэропорт прочно удерживает лидирующее место в странах СНГ. После реконструкции он отнесен к классу А; по нормам ICAO сертифицирован к категории II. Это дает право принимать самолеты в сложных метеорологических условиях на любую из двух взлетно-посадочных полос, позволяет транзитным самолетам из Европы, Азии и Америки производить, в случае необходимости, вынужденную посадку.

Новый аэровокзальный комплекс Владивостока построен чуть в стороне от старого. Была удлинена взлетно-посадочная полоса, что позволило принимать любые типы ныне существующих воздушных судов и на хорошем уровне обслуживать пассажиропоток более чем вдвое больший, – до 3,5 млн человек в год. Фактически получился восточный – воздушный – парадный подъезд России. Высокие гости – люди занятые. Впрочем, если кто-то захотел бы прибыть на яхте или по железной дороге – по-соседски запросто, в любимых броневатонах – тоже нет проблем, – достойная встреча гарантирована.

Но, конечно же, гости в основном предпочли авиацию. За период саммита – с 22 августа по 10 сентября 2012 года аэропорт обеспечил 894 взлетно-посадочные операции. Среднесуточное число операций увеличилось с 35 до 59. Коллектив безупречно справился с поставленной задачей, обрета опыт одновременного обслуживания сразу нескольких воздушных судов государственных делегаций. Скажем больше: к чести авиаторов, приём делегаций не повлиял на качество обслуживания пассажиров – всех, кто прилетал или улетал из Владивостока в эти дни.

Еще более успешно Международный аэропорт Владивосток (АО “МАН”) завершил выполнение программы обслуживания воздушных судов Восточного экономического форума (ВЭФ) в период с 31 августа по 05 сентября 2016 года. Общий пассажиропоток аэропорта Владивосток с 31 августа по 5 сентября 2016 года составил 42 633 человек. Ежедневно аэропорт обслуживал в среднем 7,1 тыс. пассажиров.

Теперь о дороге, особо упомянутой на совещании зимой 2007 года. Раньше для въезда и выезда был только один путь – участок федеральной трассы М-60 “Уссури” (Хабаровск – Владивосток, 752 км). И укрепилась невеселая традиция – выезжать в аэропорт минимум за два часа до регистрации. Малейшая авария, и всё движение на этом участке магистрали М-60 вставало намертво.

Для полноты картины надо пояснить, что, по статистике, наибольшее в России число автомобилей на душу населения приходится именно на Владивосток. Рядом Япония, Корея, Китай. Либеральные таможенные правила позволяли жителям города задешево покупать автомобили. В итоге, почти в каждой семье есть машина, а то и несколько, пусть не новые, пусть даже праворульные. Машин много – дорог мало. Улицы города проектировались в позапрошлом веке, они узкие и не приспособлены под такое количество транспорта. Поэтому пробки в 7-9 баллов – обычное явление.

Благодаря тому, что дорогу расширили до шести, а местами до восьми полос, сейчас в аэропорт можно добраться довольно быстро. Кроме того, от города проложили железнодорожную ветку для “Аэроэкспресса”. Так Владивосток стал третьим городом в России, где город и аэропорт связали экспрессы. До этого они были лишь в Москве и Сочи. Поезда добегают из Владивостока до аэропорта за 47 минут; в сутки они совершают 15 рейсов. Обошлось это удовольствие казне в 6,5 млрд рублей, и ещё 1,5 млрд вложили частные владельцы “Аэроэкспресса” – акционеры “Трансмашхолдинга”.

Для работы на маршруте Владивосток – аэропорт “Кневичи” холдинг отправил дальневосточным железнодорожникам 6-вагонный электропоезд переменного тока ЭД9М, изготовленный на Демиховском заводе. Среди основных преимуществ интермодального экспресса – сдвижные двери с выходом на высокие и низкие платформы. Вагоны оборудованы аппаратами для посадки-высадки инвалидов-колясочников и площадками для крепления инвалидного кресла непосредственно в салоне. Ход поезда плавный, переходы из вагона в вагон герметизированные. Установлена система микроклимата. В вагонах телевизоры, камеры видеоконтроля для отслеживания ситуации в режиме реального времени.

ТОР – три цвета времени

Но вопрос, почему всё-таки В. В. Путин решил провести саммит на острове Русский, где отсутствовала инфраструктура, где надо было строить мосты, сооружать на пустом месте объекты энергетики, гостиницы, университетские корпуса и прочее, все предшествующие саммиту годы не сходил со страниц прессы. Почему саммит обошелся почти в пять раз дороже, чем, например, Олимпиада в Ванкувере? Может быть, целесообразнее проводить его в столице или в Северной Пальмире, где для совещаний высокого статуса всё необходимое уже имеется? В самом деле, Владивосток – портовый город, рожденный для торговли и защиты восточных рубежей, а вовсе не для того, чтобы главы десятков государств съезжались сюда решать, как дальше жить миру.

Критика была вызвана и высокой стоимостью возводимых объектов. Только на строительство двух мостов на остров Русский через пролив Босфор и через бухту Золотой Рог потребовалось более \$2 млрд. При сооружении этих мостов необходимо было учитывать климатические условия: ветровые нагрузки на высоте 70 м до 51 м/сек, сейсмическая активность до 8,1 балла по шкале MSK-64, сложная геология, низкие температуры до -31°C , толщина льда до 80 см, возможное воздействие на опоры нагрузок от навала судов водоизмещением до 66 000 тонн. Монтажники каску на голове обязательно крепили ремешком, чтобы не сорвало ветром. В стоимость моста на о. Русский также входит прокладка водовода и мощного электрического кабеля, что также является дорогостоящей и сложной инженерной задачей.

Эти два моста сразу стали знаменитыми и получили свои официальные названия. Мост через пролив Босфор назван Русским, а через бухту Золотой Рог – Золотым. Предварительно проводили широкий опрос-конкурс. Жители и гости Владивостока предложили около 350 наименований. В финал вышли 30, получившие наибольшее число голосов. Как отметили присутствующие на заседании жюри, за мостом как бы само уже закрепилось среди горожан имя – Русский. Оставалось лишь оформить название специальным постановлением главы города.

Русский вантовый мост с его высоченными – 320 метров – пилонами виден практически с любой точки города и стал его настоящей визитной карточкой, достопримечательностью, подобно Эйфелевой башне в Париже. Что касается мостового перехода через бухту Золотой Рог – то мечту о нем художники изображали еще на дореволюционных открытках. Третий мост, уже не вантовый, а низководный, связал полуостров Де-Фриз через участок Амурского залива со станцией Седанка. И эта тройца вместе с автомагистралью стала основой инфраструктуры города-порта.

Панорама открывалась красивейшая, и хотелось, чтобы всем тихоокеанским кораблям, входящим в бухту, был издали виден российский флаг. Министр транспорта Игорь Левитин поделился со строителями своими соображениями на этот счёт. Мостовики отнеслись к предложению серьёзно, но предупредили, что ветровые нагрузки наверху бывают так сильны, что никакая свободно развевающаяся материя там долго не выдержит, ветры ее истреплют. Они предложили водрузить металлическую конструкцию. Однако это требовало времени для прохождения тщательной технической экспертизы. Тогда Левитин предложил выкрасить ваны мостов в цвета флага Российской Федерации. Так и сделали; и когда первые заморские гости посетили бухту, они были просто в шоке от этой идеи.

В 2008-м, когда всё только начиналось, скептиков было море. Одни вообще считали, что саммит перенесут в Санкт-Петербург. Другие утверждали, что при любом раскладе завершить начатые стройки вовремя не удастся. Построить

мост на остров Русский, где, собственно, и должен был пройти саммит, в обозначенные сроки казалось нереальным с технологической точки зрения.

Первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов, отвечавший за подготовку форума, в ответ на поступающую в адрес организаторов саммита критику заявил, что ни одного объекта “потемкинской деревни” в Приморье построено не будет. Показуха – это когда за внешним фасадом нет ничего, сказал он. Всё, что сделано во Владивостоке, – не обман зрения – всё можно прийти и пощупать. Это объекты, возведенные по самым современным технологиям... Да, общий объем вложений в строительство объектов составил 690 млрд руб., из них 239 млрд – бюджетные инвестиции, остальные средства – из внебюджетных источников. Но в целом специфические затраты на проведение непосредственно саммита АТЭС Владивосток-2012 оцениваются примерно около 5 процентов от общей суммы инвестиций. Всё остальное – на пользу людям, на развитие региона и всей экономики страны.

Здания, построенные на острове Русском для участников саммита, после встречи достались Дальневосточному федеральному университету. Корпуса кампуса ДВФУ используются не только для учебы, но и для проведения различных спортивных, культурных, оздоровительных мероприятий, в том числе как выставочные площадки. Университет получает десятки заявок.

Новые здания университета произвели сильное впечатление. Апартаменты для профессоров – классический пентхаус. Студенческие комнаты напоминают стандартный номер в добротном отеле. Море – в ста метрах. Набережная ДВФУ – шедевр парковой архитектуры и ландшафтного дизайна. Настоящий курорт по сравнению с теми условиями, в которых прежде жили студенты.

Даже г-жа Клинтон, посетив университет на острове Русском, заявила, что здесь построен один из лучших кампусов мира из тех, что она посещала. До этого в России такого проекта не было. Новой инфраструктурой нужно воспользоваться для развития связей между образовательными учреждениями России и Америки.

Представители крупнейших экономик Азиатско-Тихоокеанского региона убедились в серьезности намерении России развивать азиатский вектор и на примере Владивостока увидели, что мы можем на самом деле в очень сжатые сроки реализовать большие проекты. Вложения в инфраструктуру показывают, что Россия хочет и готова вести обстоятельный разговор с иностранными инвесторами.

Завершившийся во Владивостоке саммит организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) “удивил результативностью и оказался для России неожиданно удачным”, отмечалось в прессе. По итогам форума в мире заговорили о “восточном развороте” экономики РФ.

Город Владивосток получил возможность решить – в основном за счет федерального бюджета – свои застарелые проблемы. Бурная четырехлетка подготовки к саммиту изменила до неузнаваемости не только город, но и менталитет горожан. Если в начальный период немало высказывалось сомнений, скептических реплик, то по мере разворота работ настроение горожан менялось.

Теперь в ответ на упреки оппозиционеров, что-де ради гостей саммита произведены безумные траты на “потёмкинские деревни” – 690 млрд на 7 дней, можно было услышать не менее едкие отповеди, типа: “Ну, да, конечно, – поезд ушёл и рельсы увёз... Гости уедут и увезут с собой мосты, дороги, аэропорт, океанариум... Увезут и водопровод вместе с канализацией и прочей “бу-тафорией”.

Только на создание очистных сооружений во Владивостоке и соседнем Артеме было потрачено до десяти миллиардов рублей, из них две трети – федеральные деньги. Правда, как уверяют специалисты, чтобы пригородное побережье очистилось, потребуются годы, но местные жители заметили, что рыба уже появляется в местах, где раньше ее не было. При желании можно, конечно, посчитать излишеством одетые в гранит по программе “Морской фасад” набережные со стилизованными под старину фонарями, отремонтированные почти 900 городских зданий.

“Дальше мы сами!”

За счет мегапроекта Владивосток значительно активизировал свое развитие. Крупный бизнес также надеется, что АТЭС поспособствует расцвету Владивостока, превращению его из окраинного евразийского города в крупный

торговый и культурный центр России. К слову заметить, – саммит АТЭС собрал тысячи состоятельных гостей, и каждый гость оставил в городе как минимум по 10 тысяч долларов.

“Спасибо за саммит! Дальше мы сами”, – такие плакаты появились на улицах города, лишь только завершился форум АТЭС. Призыв активнее участвовать в социальных и политических процессах актуален, тем более что ряд заявленных программ еще предстояло завершить.

“При сдаче объектов инспекторы придирались даже к тому, как вкручены лампочки”, – жаловался сотрудник нового терминала аэропорта Владивостока.

Но столь масштабная строительная эпопея стала и суровым испытанием, и соблазном, устоять перед которым сумели не все. Если в ходе строительства контрольные органы не лезли под горячую руку с проверками, не “кошмарили” чиновников и предпринимателей, “не замечали” допущенных в спешке “волевых” решений, то после саммита прошли неизбежные разборки. Счетная палата РФ обнаружила ряд мошенничеств и прямых хищений в Дальневосточной дирекции Минрегионразвития.

Как бы того ни хотелось, город-порт Владивосток не мог в одночасье превратиться в Нью-Гонконг. Он получил реальный шанс стать тихоокеанский столицей России, международной площадкой для интеграции страны в Азиатско-Тихоокеанский регион. Один из возможных вариантов – создание зоны свободной экономической торговли и предпринимательства, что повысит финансовую привлекательность и создаст условия для мягкого интегрирования России в глобальный рынок.

Необходимость ускоренного развития Дальнего Востока диктуется и усиливающейся конкуренцией между странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Один из факторов риска – высокие темпы развития экономики и урбанизации в Китае. Очевидно, что быстрое строительство городов в соседнем Китае заставляет проводить модернизацию Владивостока и других городов Приморья в сжатые сроки и на высоком уровне. Заложена основа для дальнейшего развития, создана площадка, которая при правильном использовании может приносить хороший доход Владивостоку.

Окнами на Восток

Как оказалось, динамика процесса была Владимиром Путиным глубоко продумана. Скажем больше: в полной мере значение смелого замысла стало очевидным только позднее. Почему-то раньше не замечали или не хотели замечать, что наша дальневосточная “окраина” оказалась в эпицентре бурно развивающейся экономической и политической жизни. Только в двух приграничных провинциях Китая проживают 65 миллионов человек, рядом, в Южной Корее – 51 миллион, поблизости, в Японии – ещё 127 миллионов. Проявит, в конце концов, экономический интерес и Северная Корея. В радиусе всего лишь 1000 км от Владивостока проживают 420 миллионов человек. Плотность экономики, хозяйственной жизни здесь выше, чем в Европе. Это огромный экономический и геополитический потенциал.

Здесь производится валовой продукт на семь триллионов долларов – это половина ВВП Европейского союза. Юго-Восточная Азия развивается стремительно. Это главный мировой процесс следующих десятилетий. Наша задача – заработать, развить свои восточные регионы. Сделать там жизнь привлекательной, чтобы люди не уезжали, а приезжали туда за интересной работой, за перспективой роста, за достатком. Наш Дальний Восток – это и Амурская область, и Магаданская, Еврейская автономная область, Камчатка, Сахалин, Хабаровский край, Чукотка, Якутия – активно включаются в глобального масштаба экономический процесс.

А Европа? Можно ли назвать нынешнюю европейскую политику дальневосточной? Можно ли назвать экономические санкции разумными? Вряд ли. Во-первых, стена получается дырявая, изоляция из словесной паутины не выдерживает нагрузки. Своими и политическими, и экономическими “уколами” Европа стимулирует Россию к форсированию собственных производительных сил, к поиску новых зарубежных контактов, нередко гораздо более эффективных. Между прочим, исходно стимул (лат. stimulus) – острый металлический наконечник на шесте, которым погоняли буйвола запряженного в повозку, а ныне – сильный побудительный момент; внутренний или внешний фактор.

Повторяется история с навязанной царской России Крымской войной, с блокадой Страны Советов, с послевоенным “железным занавесом”.

Поначалу саммит АТЭС многими рассматривался всего лишь как шанс. Шанс дать восточным регионам страны мощный толчок в развитии. И кто мог тогда, в 2007 году, предвидеть, что благопристойная старушка-Европа в XXI веке, в эпоху коммуникаций начнёт, что называется, солому с крыши рвать и себе в ущерб огораживаться от России, воздвигать нелепую “китайскую” стену? Какое-то проявление сумеречного, выморочного сознания.

Лишь с течением времени все отчётливей появлялось понимание того, что укрепление потенциала Владивостока – это еще и важнейшая геополитическая задача. А сейчас можно с полной уверенностью сказать: Дальний Восток в целом и Приморский край в частности становится одним из ключевых элементов международной политики. И уже с опорой на своевременно реализованные инфраструктурные проекты.

Для развития самой удаленной от центра страны части России было создано Министерство развития Дальнего Востока, призванное стимулировать развитие региона. Среди крупнейших инициатив: строительство газопровода “Сила Сибири” и Восточного нефтехимического комплекса, модернизация и расширение БАМа и Транссиба, возведение Большого морского порта Зарубино и т. д.

13 июля 2015 года Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон “О свободном порте Владивосток”, который предусматривает особые режимы таможенного, налогового и инвестиционного регулирования. Проекты первых резидентов СПВ связаны с портовой деятельностью: строительством логистических терминалов, перерабатывающих, складских площадей, холодильников для рыбы.

Резко возросла нагрузка на аэропорт. Ежедневно из Владивостока стали отправляться в среднем шесть регулярных рейсов по иностранным направлениям, ключевыми из которых являлись Сеул, Пусан, Яньян, Пекин, Гонконг, Харбин, Чанчунь, Далянь, Муданьцзян, Яньцзи. К ним прибавились прямые рейсы в Бангкок, Пхукет, Камрань, Токио, Ниигату, Ташкент. Регулярные международные перевозки из Владивостока осуществляли авиакомпании “Аврора”, S7 Airlines, “Якутия”, Azur Air, Pegas Fly, Korean Air, Asiana Airlines, Air Koryo, Uzbekiston Airways, China Southern Airlines.

Спустя три года после исторического саммита АТЭС на острове Русский состоялся Первый Восточный экономический форум (ВЭФ). На нём были представлены инвестиционные возможности и проекты обширного Дальневосточного региона. К этому моменту здесь была подтверждена реальность многих перспективных проектов.

Среди основных задач ВЭФ – укрепление связей международного инвестиционного сообщества, российских предпринимателей, федеральных, региональных и местных органов власти, всесторонняя экспертная оценка экономического потенциала Дальнего Востока, презентация новых условий для инвестирования и ведения бизнеса в регионе. Широкое участие отечественных и зарубежных деловых кругов – свидетельствовало о большом интересе, который вызывает Дальний Восток.

Спрос на активное участие в форуме оказался больше, чем возможности выслушать всех желающих. Это естественно: интерес большой, поскольку и возможности здесь огромные.

Ключевым событием форума стало выступление Президента РФ Владимира Путина, в котором он указал, что политика развития Дальнего Востока как одного из центров развития страны – это исторически преемственный курс. Он отметил, что движение России к тихоокеанским рубежам – результат великих трудов, мужества многих поколений наших предков. С освоением Дальнего Востока связаны имена выдающихся сынов России: первопроходцев, промышленников, государственных деятелей. И даже несмотря на смену эпох, политического строя, этот вектор развития остаётся неизменным.

“Сегодня мы видим будущее Дальнего Востока как одного из ключевых центров социально-экономического развития всей страны, который должен быть эффективно интегрирован в развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион в целом. При этом подъём экономики и инфраструктуры, формирование здесь новых производств и рабочих мест – это главная цель, для достижения которой мы работаем”, – сказал Президент.

Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Но автор уже довольно утомил читателя цитатами, терминами и отглагольными формами. А ведь всё, в сущности, просто. Эти политэкономические “санкции” напоминают грубую, примитивную деревенскую затею – усесться на печную трубу соседа, чтобы досадить ему. Удовольствия хозяину дома это, понятно, не доставляет: из-за плохой тяги в печи дым идёт в комнату, а не в дымоход. Можно, конечно, ответить шутнику, запустив в трубу какую-нибудь “шутиху”, но это негуманно, лучше открыть окна пошире и подождать, пока озорнику не надоест прожигать свои фирменные американские джинсы “Levi’s”. И они уже начинают линять.

Новые восточные окна помогут нам не только проветрить помещение, но и поднять тягу в социально-экономическом двигателе. У китайцев есть чему поучиться, в том числе мудрости китайской “науки побеждать”. В частности, приёму, который с глубокой древности у стратегов-конфуцианцев называется “заманить неприятеля на крышу и убрать лестницу”.

Мы никого не заманивали на свою крышу. У нас заботы более серьёзные – о внутреннем развитии, в частности, о транзите “восток”–“запад”. В последние годы в России проложены мощные широтные магистрали. Но за состоянием коммуникаций надо внимательно следить. Скажем так: каждый, у кого есть печь, знает, как быстро в трубе заводится так называемая “печная нежить”, накапливается жирная сажа – тяга падает, труба крошится, возникает даже опасность возгорания. Но об этом в следующий раз.

(Продолжение следует)